ГЮНТЕР ХОФЕ

КРАС-НЫЙ СНЕГ

☆
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
СССР

GÜNTER HOFÉ

ROTER SCHNEE

ROMAN

VERLAG
DER
NATION
BERLIN
1963

ГЮНТЕР ХОФЕ

РОМАН

КРАСНЫЙ СНЕГ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

МОСКВА · 1965

И (нем.)
Х85

Г. Хофе

КРАСНЫЙ СНЕГ

Роман

(Сокращенный перевод с немецкого А. Артемова, А. Авербаха, Ю. Яхонтова)

Роман «Красный снег», принадлежащий перу современного немецкого писателя ГДР Гюнтера Хофе,— крупное произведение зарубежной литературы, посвященное событиям второй мировой войны.

В центре романа — судьба гитлеровского офицера, который постепенно прозревает и, навсегда порвав с гитлеровским вермахтом, вместе с группой солдат своей батареи переходит на сторону Советской Армии.

С любовью и теплотой пишет Хофе о членах подпольной группы движения Сопротивления, под воздействием которой герой романа встает на правильный путь.

Хофе показывает звериное лицо фашизма, рисует потрясающие сцены жестокости гитлеровских солдат, дикого разгула и распущенности эсэсовцев.

Роман проникнут гуманизмом, горячей любовью к людям, ненавистью к фашизму.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

„Мессершмитты» с пронзительным воем кружились над развалинами домов, ведя огонь из пушек и пулеметов, на бреющем полете атаковали русскую пехоту. Затем снова взвивались ввысь, делали разворот и стремительно пикировали на новые цели. Одновременно вдоль линии фронта — ее с трудом можно было различить на глубоком снегу — на большой высоте пролетели восемь истребителей «фокке-вульф» и скрылись за горизонтом.

Утром восьмого февраля тысяча девятьсот сорок третьего года на участке примерно в ста километрах юго-восточнее Орла ничего примечательного не произошло. Не умолкали лишь автоматы и пулеметы да изредка в небе появлялись, кружась, словно в танце, небольшие облачка от взрывов зенитных снарядов.

Внезапно со стороны русских появились три отливающих сталью штурмовика. Они спикировали на батальонные минометы, ведя огонь из пушек по складам боеприпасов и технике. Во второй заход штурмовики атаковали орудия, стоявшие на огневой позиции у МТС.

Но тут неожиданно появились «мессершмитты».

Артиллеристы шестой гаубичной батареи, расположенной на восточной окраине деревушки, с замиранием сердца следили за охотой «мессеров» на русских штурмовиков. Обер-лейтенант Хельгерт, двадцативосьмилетний командир батареи, наблюдал за воздушным боем в большой бинокль. Рядом с ним на корточках сидел у рации ефрейтор Эбергард Баум.

— Наши атакуют «илы»! — воскликнул Хельгерт.

Радист снял ларингофон и неторопливо встал.

Два советских штурмовика моментально оценили обстановку и, оглашая воздух гулом своих моторов, стали уходить в сторону линии фронта, прижимаясь к земле и чуть ли не касаясь высоких изгородей и верхушек деревьев. Вслед им беспорядочно затрещали ружейные выстрелы. Вскоре оба штурмовика уже были под надежным прикрытием своих зенитных батарей. Третий «ил», уменьшив скорость, тоже прижался к земле, и казалось, что он вот-вот уйдет из-под обстрела.

Но «мессершмитт», который пристроился ему в хвост, открыл огонь из всех стволов. Русский пилот пытался вывести самолет из зоны огня. На его крыльях огненным багрянцем в лучах скупого зимнего солнца сверкнули звезды.

Через несколько мгновений еще два «мессера» открыли огонь по русскому. От «ила» кверху медленно пополз черный столб дыма. Через секунду из мотора вырвался огненный шар. Машина резко клюнула носом раз, другой... От нее отделились два человека. Один из них камнем упал на землю, так и не раскрыв парашют, а у другого он раскрылся прямо над снегом.

Вдали за развесистыми тополями раздался взрыв и показалось грибовидное облако черного дыма: взорвался «ил». Все это произошло на глазах у Хельгерта, метрах в пятистах от огневой позиции батареи. Было хорошо видно, как русский летчик барахтался на снегу, пытаясь освободиться от парашюта.

Баум шумно выдохнул:

— Повезло!

Обер-лейтенант быстрым движением повесил бинокль на щит орудия.

— Пошли, ребята, возьмем его! — И первым побежал к месту, где только что опустился русский летчик.

Солдаты и унтер-офицеры, вооруженные кто карабином, кто автоматом, ринулись за командиром. Отбежав всего несколько шагов от огневой позиции, все по пояс провалились в рыхлый снег. Идти было трудно. Дышали тяжело. Несмотря на тридцатиградусный мороз, пот лил с них градом. Напрягая силы, Баум упорно разгребал перед собой снег и наконец преодолел те несколько десятков метров, которые отделяли его от Хельгерта.

Всех охватило нетерпение... До летчика оставалось метров четыреста, не больше.

Уже виднелся белый шелк парашюта и рядом с ним человек в защитной форме. Глухо прозвучал пистолетный выстрел.

Солдаты залегли в снег и зарядили карабины. Русский шевелился, пытаясь подняться на ноги. Затем все стихло. Все осторожно подняли головы, приподнялись и медленно поползли вперед. До русского оставалось метров сто. Вдруг из-под белого купола парашюта снова прогремел выстрел. В ответ раздался частый лай беспорядочной ружейной стрельбы.

— Прикончить, собаку! — закричал кто-то истерическим голосом.

Грянул пистолетный выстрел. В тот же момент радист медленно опустился на землю, схватившись рукой за плечо.

Хельгерт бросился к нему:

— Эбергард!

Он смотрел в искаженное болью лицо Баума, видел, как на плече проступала кровь.

— Санитар!

Несколько автоматных очередей прошили покрытый белым шелком клочок земли. Один из солдат медленно подполз к русскому летчику. Он был без сознания. Его потащили на огневую позицию.

Санитар обер-ефрейтор Гейцер—на Восточном фронте он находился с двадцать второго июня сорок первого года — бесцеремонно, но довольно ловко стянул с радиста маскировочный халат, френч, шерстяной жилет, темно-серую рубашку и приложил к ране марлевый тампон. Баум громко застонал.

— Не притворяйся. Легкое плечевое ранение навылет, — пробормотал Гейцер. — Удобный случай получить отпуск. Такой герой, как ты, должен...

И он пробормотал что-то, продолжая перевязывать раненому плечо и грудь. Затем подошел к русскому летчику.

В санитарный блиндаж влетел, громко топая, артиллерист и, едва переведя дыхание, доложил:

— Герр обер-лейтенант, у русского обнаружена кодированная карта.

— Сейчас иду! — бросил Хельгерт. И, обернувшись к солдатам, которые принесли Баума, приказал: — Быстро сложите его пожитки! Я скоро вернусь. — Он дружески кивнул Бауму и, слегка согнувшись, вышел из блиндажа.

Фриц Хельгерт был видный мужчина: среднего роста, стройный, широкоплечий (результат занятий легкой атлетикой и гимнастикой). Квадратный подбородок и высокий лоб, обрамленный шапкой темно-русых волос, делали лицо крупным. Густые брови над большими карими глазами разделяла лишь небольшая вертикальная складка. Скулы были туго обтянуты кожей и чуть-чуть выступали.

В тысяча девятьсот тридцать пятом году он окончил гимназию и надеялся приобрести какую-нибудь профессию. Попасть в создававшиеся тогда ВВС ему не удалось, хотя он и был беспредельно предан национал-социалистскому движению и обладал неугасаемым нацистским энтузиазмом. Дело в том, что Герман Геринг установил исключительно строгие правила отбора будущих летчиков. Незначительные отклонения в состоянии здоровья превратились для Хельгерта в непреодолимое препятствие.

Когда в тридцать шестом году он попал на два года в одну из бранденбургских казарм для отбытия воинской повинности, его как-то спросили, не хочет ли он стать кадровым военным. Хельгерт сразу же согласился. В тридцать девятом году он уже получил офицерский чин.

В служебных характеристиках Хельгерта, которыми жаловали его начальники, неизменно указывалось: «Офицер выше средних способностей. Волевой командир. Беспокойный подчиненный. Целесообразнее использовать в войсках». Подобные характеристики сказались на его карьере. Хельгерта ни разу не назначали в штабы. Его начальство, не желая причинять себе лишних неприятностей, предпочитало ему резервистов...

Артиллеристы перенесли русского летчика в блиндаж телефонистов и положили на нары, подложив под него плащ-палатку. Гейцер осторожно расстегнул молнию на меховом комбинезоне русского. В этот момент в блиндаж вошел Хельгерт и стал пристально рассматривать пленного. Четыре пальца левой руки безжизнен-

но висели на сухожилиях. Когда с летчика сняли комбинезон, все увидели, что это был капитан. В его груди зияла большая рваная рана, из которой шла кровь. Но Хельгерт даже глазом не моргнул. Еще ужаснее выглядела голова летчика. Видимо, его обожгло пламенем горящего мотора. В отдельных местах кожа на лице, казалось, обгорела до самых костей. Невредимыми остались только глаза, защищенные толстыми стеклами очков.

Гейцер работал быстро и уверенно. Руку русского он уже перевязал. Тампон на груди летчика через несколько минут стал темно-красным.

Хельгерту передали карту. Масштаб 1 : 50 000. Совершенно новая военная карта. Перед районом действий их дивизии — четыре значка, обозначающие четыре полевых аэродрома. Красным карандашом обозначен передний край своих войск и войск противника. Ценные сведения! Хельгерт обернулся.

— Сани! Его надо немедленно отправить в штаб дивизии. Баум поедет вместе с ним.

Русский капитан не издал до сих пор ни единого звука. Пока Гейцер присыпал лицо капитана обезболивающим порошком, он закрыл глаза. Правой рукой Гейцер нащупал в кармане комбинезона какие-то бумаги и вынул их. Там была фотография: молодая женщина и две маленькие девочки. Гейцер долго смотрел на фотографию.

Состояние русского было тяжелое. «Такое ранение, а он хоть бы пикнул или попросил что-нибудь! В глазах — ни тени страха, — размышлял про себя командир батареи. — Вот они какие, эти коммунисты, которых мы должны во что бы то ни стало уничтожить, чтобы и следа их на земле не осталось. Такие будут сопротивляться до последнего... Германской армии предстоит адская работа. Каждый из нас должен выполнять свой долг, не щадя сил, иначе... Иначе?.. А что же иначе? Иначе нельзя быть уверенным, что нам удастся выиграть эту войну».

В блиндаж вошел Баум. Лицо бледное. Тонкие губы крепко сжаты. Левая рука на перевязи.

Гейцер встал. Больше в его искусстве здесь пока никто не нуждался. Увидев Баума, он проворчал:

— Ну что ты за идиот, не мог подождать меня в лазарете?! — И протянул ему портсигар.

Баум взял сигарету. Вспыхнула зажигалка. Он затянулся и медленно подошел к русскому летчику:

— Товарищ...

Пилот открыл глаза. Увидев в руках ефрейтора сигарету, которую тот протягивал ему, раненый попытался улыбнуться, но улыбки не получилось. Лицо исказила гримаса боли. Все замолчали. Русский спокойным движением взял сигарету.

Обер-лейтенант Хельгерт резко отвернулся. «Расчувствовался, как барышня! Не был бы Эбергард моим другом, сказал бы я ему пару ласковых», — мелькнуло у него в голове.

В блиндаж ввалился ездовой и бодро доложил:

— Сани готовы!

Хельгерт кивнул.

Пилот медленно, с трудом опустил ноги на пол и, держась за стену, встал.

— Пошли. — Голос Хельгерта звучал тихо, но твердо.

Медленно переставляя ноги, русский самостоятельно пошел к двери.

В крестьянских санях, стоявших в нескольких шагах от землянки, лежали две охапки соломы: одна для ездового, другая для обоих раненых.

— Эбергард, дружище... — Хельгерт явно волновался и потому сделал паузу. — Выздоравливай быстрей. Мне будет нехватать тебя. Без тебя мне будет очень трудно.

— Постараюсь. Наверняка меня отправят не дальше Орла. Ведь герои нужны на передовой, — попытался шутить Баум.

И тут Хельгерт не удержался от едкого замечания:

— Что у тебя за идиотская симпатия к русским? На кой черт понадобился тебе этот русский?!

Баум добродушно посмотрел на друга:

— Может быть, нам еще придется побывать у них в плену. Вот тогда-то они и вспомнят мою симпатию.

Хельгерт с трудом сдержал себя. «Сейчас не время для нотаций. Но при удобном случае я все же прочту тебе, мой друг, лекцию», — подумал он и сделал вид, что уже забыл о случившемся.

— Если попадешь домой, передай от меня привет своей невесте.

Лошади нетерпеливо били копытами. Баум лег ря-

дом с русским капитаном на охапку соломы и еще раз заверил Хельгерта, что передаст карту и пленного в разведотдел штаба дивизии. Друзья пожали друг другу руки, и гнедые тронулись.

После отъезда Баума обер-лейтенант носился по огневой позиции, не находя себе места. Давал какие-то указания и был явно недоволен, обнаружив там и сям недостатки.

Событие, происшедшее сегодня утром, никак не выходило у него из головы. «Вот так русский! Интересно, много ли у них таких? Он, видимо, из тех, которые мечтают об одном — о мировой революции». Губы обер-лейтенанта скривились в презрительной гримасе.

Хельгерта сильно расстроило ранение Эбергарда, с которым он дружил еще со школьной скамьи.

«Надо полагать, ранение не опасное и все кончится благополучно», — думал он.

Хельгерт предоставил Бауму краткосрочный отпуск, чтобы тот немножко отдохнул. «Пусть проведет несколько дней со своей Клавдией. Замечательная девушка!»

В блиндаже у Хельгерта хранилось их фото, где они были сняты весной сорокового года. Тогда Баума только что послали под Вену на курсы, а Хельгерт, получив погоны лейтенанта, ждал перевода в действующую армию.

Как-то в воскресенье всех офицеров послали строить зимние оборонительные сооружения. После работы их накормили гороховой похлебкой и в довершение всего организовали танцы.

Там друзья впервые увидели Клавдию. Она была в обществе новоиспеченного лейтенанта-зенитчика Курта Дернберга. Познакомившись, разговорились, а вечером все вместе пошли в соседний кабачок. Однако хорошей вечеринки не получилось: все чувствовали себя как-то стесненно. Разговорились о новой технике, и тут же, казалось, совершенно безобидный разговор превратился в резкий спор. Разошлись рано.

По дороге в казарму Хельгерт взглянул на своего друга и не узнал его.

Эбергард, всегда такой сдержанный и тактичный, вдруг остановился и заявил:

— Можешь считать меня сумасшедшим, Фриц. Но

отныне для меня не существует ни одной женщины, кроме Клавдии Занден.

Хельгерт расхохотался.

— А ты и вправду сумасшедший! Разве ты не заметил, что она любит этого зенитчика?!

Баум покачал головой.

— Любит, не любит — мне все равно. Она будет моей! Навсегда! Во что бы то ни стало!

Больше друзья никогда не говорили на эту тему.

Позже Баум как-то писал другу о своей жизни и о том, что ему часто приходится сидеть в доте только из-за того, что начальство его не любит; что он дважды ранен на Восточном фронте (за это ему прикрепили на грудь Железный крест второго класса). И как бы мимоходом Баум упомянул, что благодаря счастливому случаю ему удалось наладить дружеские отношения с Клавдией и он теперь переписывается с ней. Девушка в то время работала уже не в ателье мод, а чертежницей на военном заводе. Правда, Клавдия все еще встречалась с тем ослом зенитчиком, произведенным к тому времени в обер-лейтенанты.

Хельгерт до сих пор никак не мог забыть высокомерного лица офицера-зенитчика. На следующий день после вечеринки Хельгерт встретил Дернберга в Вене у арсенала. Тот прошел мимо и даже задел его, но сделал вид, что не узнал, и устремил свой взгляд куда-то вдаль.

Хельгерта это не столько оскорбило, сколько удивило. Зачем так бурно растрачивать свои чувства? Поспорили из-за пустяков. Но зачем же дуться?!

В конце концов Эбергард все же добился своей цели — летом сорок второго года обручился с Клавдией. В ближайший отпуск они решили пожениться.

«Теперь он немного отдохнет, — подумал Хельгерт.— Клавдия, наверное, сначала испугается, но, надо надеяться, все обойдется без осложнений».

Чертыхаясь на чем свет стоит, Хельгерт стал стягивать намокшие сапоги. Пошла вторая русская зима! Правда, в этом году она была не такая суровая, как ужасная зима сорок первого — сорок второго года. Но все же это не Европа. Поражение под Сталинградом произвело на Хельгерта сильное впечатление. А зимнее наступление русских, о котором солдаты говорили боль-

ше шепотом! То и дело слышалось слово «отступление». «Вперед, друзья! Мы должны отойти!» — говорили солдаты без тени иронии.

«Важно не потерять голову! — думал Хельгерт. — Мировая история видела и не такое. Нам еще удастся выправить положение, и мы снова будем наступать. И чего это я расфилософствовался? Не лучше ли поспать часок-другой?»

Хельгерт растянулся на нарах и через несколько минут спал крепким сном.

Ночью на батарею прибыл лейтенант Альтдерфер из штаба полка и вручил Хельгерту совершенно секретный пакет. Они сидели на наблюдательном пункте. Альтдерфер предложил закурить сигареты «Аттика». Видимо, на полковом КП их еще можно было достать. Денщик Хельгерта налил два стакана польской водки. Обер-лейтенант с силой смахнул со стола деревянную пробку. Альтдерфера так и передернуло, но он сделал вид, что не заметил нервозности командира батареи, и, приложившись к стакану, осушил его до дна.

Хельгерт углубился в чтение приказа: «Сменить огневые позиции батареи в ночь на 10 февраля. О готовности к открытию огня доложить в 7 часов». Он сморщил лоб. «Людям и лошадям придется помучиться: тащиться по снегу в такой холод».

Альтдерфер неожиданно рассмеялся. Смех его чем-то напоминал блеяние овцы.

— Нам нужно побыстрее выпрямить линию фронта. Если бы наши растяпы, те, что стояли у Сталинграда, действовали поэнергичнее, нам не пришлось бы здесь снова залезать в землю. Будем надеяться, что в будущем нас не в чем будет упрекнуть. Фюрер знает, какие у него здесь войска, — нравоучительным тоном выпалил Альтдерфер.

К тщеславному и заносчивому Альтдерферу Хельгерт никогда не питал особой симпатии. Альтдерфер исполнял в штабе полка обязанности офицера для поручений и даже сумел стать для полковника Круземарка незаменимым человеком. Родом он был из Кельна, но несколько лет жил в Вене. Занимался юриспруденцией. Еще до тридцать третьего года вступил в нацистскую партию. Дела небольшой адвокатской конторы, которую оборудовал для сына в центре Вены, на Кэрнт-

нер Ринг, Альтдерфер-отец, после захвата Австрии пошли лучше, чем когда-либо.

В штабе полка Альтдерфер слыл политиком. Хорошая память и умение красиво говорить, чему он был обязан своей прежней профессии, позволяли ему при каждом удобном случае хвастаться вычитанными из книжек нацистскими изречениями. Нацистская мораль сразу же пришлась ему по вкусу, поскольку она полностью соответствовала его личным честолюбивым планам. Альтдерфер был непревзойденный мастер плести интриги. Сейчас он ждал (и это знали все офицеры вплоть до командиров батарей) предстоящего производства в обер-лейтенанты. Он мечтал вытеснить с должности полкового адъютанта капитана Герхарда. Несколько месяцев назад, когда полковник Круземарк был в отпуске, Альтдерфер посоветовал капитану провести несколько рискованных операций на участке полка. Все они оказались неудачными и привели к большим потерям в людях и технике.

Полковник Круземарк, естественно, не мог не заметить действий, компрометирующих его безупречный прусский полк. А поскольку виновником позорных операций оказался Герхард, он тотчас же попал в опалу. Альтдерферу же не терпелось поскорее стать полковым адъютантом, чтобы тем самым подготовить почву для своего перевода в генеральный штаб. Его считали заядлым нацистом, и он не сомневался, что в самое ближайшее время добьется своей цели.

Хельгерт не хотел иметь с Альтдерфером никаких дел. Не потому, что ему не нравились нацисты. Просто этот малый был ему не по душе.

Однако Хельгерт не мог удержаться от того, чтобы не поспорить с тем, кто вызывал в нем неудержимое желание спорить. А этот Альтдерфер оказался как раз таким человеком.

На сей раз темой для разговора могла стать катастрофа на Волге и другие фронтовые события.

— Говорят, вся шестая армия причислена к лику святых. Наши герои сражались до последнего патрона, — произнес Хельгерт и вызывающе посмотрел на Альтдерфера.

У офицера для поручений не было ни малейшего желания высказывать свои взгляды по поводу сложивше-

гося на фронте положения, хотя он знал, что Хельгерт был преданным офицером и с ним можно было бы пооткровенничать. Альтдерфер ничего не ответил и стал сравнивать полосы заградительного огня, помеченные на карте Хельгерта, с нанесенными на его схему.

Хельгерт искоса рассматривал Альтдерфера: чересчур продолговатое лицо с мясистыми щеками, редкие ресницы над водянистыми голубыми глазами, самоуверенный рот. В нем не было ничего привлекательного. Скорее, что-то отталкивающее. Очки в никелированной оправе только усиливали это впечатление.

Обер-лейтенант перевел взгляд на лежавшую перед ним карту. Он старался проанализировать положение, сложившееся на Восточном фронте. После окружения армии генерал-фельдмаршала Паулюса советские войска предприняли наступление на широком участке фронта — в районах Воронежа, Курска и Харькова. Если верить московскому радио, русские уничтожили около двадцати шести немецких и венгерских дивизий. Фронт немецких войск был прорван (или, по крайней мере, в значительной степени дезорганизован) на участке в пятьсот километров.

У города на Волге, где решилась судьба исторической битвы, постепенно перемалывались окруженные войска Паулюса. Начали сдаваться в плен. Германские войска неудержимо откатывались на запад.

Хельгерт заскрежетал зубами и устремил задумчивый взгляд куда-то вдаль.

На участке их дивизии противнику пока не удалось вклиниться в линию. «А что, если вся эта тщательно возведенная глубоко эшелонированная система укреплений не устоит перед натиском русских? Что будет тогда?» — спрашивал он себя. Совсем иное положение складывалось на участке соседней дивизии, расположенной южнее, которой придавали батарею Хельгерта. Стыки были весьма непрочными. Никто точно не знал, как далеко удалось русским продвинуться на запад. «В высших штабах это обычно называют подвижным ведением боевых действий, — подумал Хельгерт. — Однако солдаты с передовой называют это не иначе как новым зимним наступлением красных.

В этом году, несмотря на разгром шестой армии, военное счастье должно-таки улыбнуться нам. Произведя

мощный удар, мы должны снова захватить территорию, которую были вынуждены оставить за Доном и у Волги. У нас все впереди. Там еще будут жить наши военные поселенцы. Откровенно говоря, я не представляю себе другой профессии, кроме военной. Да и вторую звездочку на погоны осталось недолго ждать. Скоро получу дивизион».

— У господина обер-лейтенанта есть еще вопросы?

Очнувшись от размышлений, Хельгерт вздрогнул.

Ехидно улыбаясь, Альтдерфер встал и начал застегивать тяжелый тулуп, предназначенный, видимо, для часовых.

У Хельгерта не было больше вопросов.

— Передайте привет офицерам штаба.

Альтдерфер слегка поклонился:

— Покорно благодарю.

Он уже хотел приложить руку к козырьку фуражки, но в этот момент, видимо, что-то вспомнил.

— Быть может, об этом не стоило бы говорить, но я позволю себе обратить внимание господина обер-лейтенанта на то, что в создании зоны «выжженной земли» по мере возможности должны принять участие и подразделения нашего полка.

«Выжженная земля»! — Хельгерт слегка кивнул.

Было еще не поздно, но уже темнело. Начался снежный буран. Хельгерт смотрел вслед удалявшимся саням.

Он медленно шел за орудием, машинально опираясь на буковую палку. За его батареей двигалась артиллерия РГК, которую Хельгерт называл «свиным стадом».

Орудия тащились по обледенелой дороге с громким названием «автострада». Время от времени в размытые еще в период осенних дождей овраги кувырком летели орудия, увлекая за собой испуганных лошадей и прислугу. А снег все шел и шел.

То там, то сям у обочины дороги валились совершенно обессиленные, издыхающие лошади.

Местные жители, согнанные со своих мест, старались идти рядом с военной колонной. Впереди Хельгерта упал, оступившись в кювет, седобородый старик. Земляки помогли ему подняться. Он ухватился за сани, на

которых сидели женщины со своим скарбом и плачущие дети.

За санями шла молодая женщина с крестьянским лицом. На ней был коричневый полушубок. Голова и шея укутаны большим шерстяным платком. Когда она наклонилась к своему, по-видимому, больному ребенку, Хельгерт прочел в ее глазах затаенное страдание.

Подобные картины были обер-лейтенанту не в диковинку. Он шагал большими шагами мимо своих артиллеристов и украдкой наблюдал за ними: ресницы, брови, бороды — все заиндевело. Колючие ледяные кристаллы, казалось, въелись в утомленные бессонными ночами, изнуренные лица солдат. Ледяной ветер больно резал лицо, сковывал руки и ноги, забирался под шинель и, холодя тело, отнимал последние силы.

— Вот шляпы! Приободритесь! — Хельгерт прислушался к собственному голосу.

Где-то неподалеку неожиданно прогремела автоматная очередь. Горизонт на востоке пылал красным пламенем. Когда вьюга немного поутихла, вдали показались несколько маленьких деревенских домиков, прижавшихся к склону неглубокой ложбины. Там уже орудовали саперы-подрывники. Видимо, они входили в состав соседней дивизии. К Хельгерту обратился какой-то унтер-офицер и спросил, не мог ли бы их санитар оказать помощь легкораненому. Хельгерт одобрительно кивнул, и через минуту Гейцер со своей неизменной санитарной сумкой исчез в большом доте.

Обер-лейтенант задумчиво смотрел ему вслед.

В соответствии с приказом о создании здесь зоны «выжженной земли» саперы минировали местность. Как это сказал недавно Эбергард Баум? «Согласно приказу в этой зоне все должно умереть». Должно! Без этого невозможно остановить наступление русских. А наш планомерный отход превратится в паническое бегство! Тогда противник будет определять районы, в которых должны происходить решающие битвы. Незадолго до своего ранения Баум как-то цинично заявил: «Эти генштабисты — Кейтель, Йодль, Гудериан, Гальдер и Кребс — еще будут пресмыкаться перед величайшим полководцем всех времен! Можешь говорить что хочешь, но с тех пор, как русские в декабре сорок первого года нанесли нам удар под Москвой, наши дела пошли

хуже. Наше наступление в сорок втором на Волге и на Кавказе не только не дало никаких результатов, но и привело к потере нескольких армий. Подобные потери мы будем нести еще довольно долго. Да здравствует наш генштаб во главе с ефрейтором времен первой мировой войны!»

Над заснеженной равниной раздался одинокий глухой выстрел, прервавший размышления Хельгерта.

По обе стороны от дороги работали пожилые саперы. Время от времени они бросали тревожные взгляды на пламенеющий горизонт: фронт приближался чертовски быстро.

Батарея проследовала через деревню без привала.

«Начихать мне и на Альтдерфера и на штаб полка. Пусть саперы сами любуются своим творением»,— размышлял Хельгерт, тяжело ступая по грязному снегу.

Он невольно вспомнил о первой русской зиме и тех трагических событиях, которые произошли в декабре сорок первого года километрах в ста тридцати юго-восточнее Москвы.

В октябре фюрер громогласно заявил, что противник уже поставлен на колени и что не сегодня-завтра надо ждать падения Москвы.

Однако вопреки этому в середине декабря, как гром среди ясного неба, пришел приказ об отступлении.

Хельгерт с ужасом думал о днях отступления. Не было дня или ночи, чтобы ртутный столбик не показывал тридцати градусов ниже нуля. Грузные ломовые лошади издыхали одна за другой. Повозки и передки пришлось взрывать. Гаубицы тащили волоком. С каждым днем на дорогах оставалось все больше и больше людей. В довершение ко всему приходилось отбивать многочисленные атаки русских.

И всюду, где бы ни прошли отступающие войска, селения и города превращались в пепел.

Из прежнего состава батареи мало кто остался в живых. На память о той зиме и отступлении все они получили «Восточную медаль», которую солдаты пренебрежительно называли «мороженое мясо» или «вшивый орден». Носили ее на большой планке, чтобы порисоваться при случае.

За спиной Хельгерта заскрипел снег.

— Обер-ефрейтор санитарной службы Гейцер прибыл!

— Что случилось?

— Ничего особенного, герр обер-лейтенант! При креплении подрывного заряда один сапер тяпнул себя топором по руке. — Гейцер пренебрежительно махнул рукой. — Попадет домой, будет нести гарнизонную службу в тылу... — И неожиданно замолчал, не решаясь продолжать.

— Ну и что же? — спросил Хельгерт только для того, чтобы что-нибудь сказать. Он недолюбливал этого большеголового обер-ефрейтора. У Гейцера на все была своя точка зрения, которую он имел обыкновение весьма недвусмысленно высказывать, не обращая внимания на то, есть поблизости старшие чины или нет. У него была яйцевидная голова и серые глаза. Уродливый большой палец правой ноги, из-за которого он носил сапоги огромного размера, был предметом постоянных насмешек его товарищей. До войны Гейцер жил неподалеку от венгерской границы. Работал учителем и с энтузиазмом разучивал со своими мальчиками и девочками народные песни, с которыми они выступали на праздниках.

Сейчас у него был довольно мрачный вид.

— Эти саперы — настоящие скоты, — заявил он.

Обер-лейтенант ни о чем не стал расспрашивать Гейцера, ибо болтовня обер-ефрейтора его не интересовала.

— Пока я перевязывал в избе солдата, два унтер-офицера сапера подложили под нее заряд взрывчатки. Один из них промычал в дверь: «Закругляйся, а то вас обоих выбросит через крышу». «Пошел-ка ты подальше», — подумал я и продолжал заполнять раненому карточку...

— Какую такую карточку? — прервал его Хельгерт.

Гейцер удивленно посмотрел на командира:

— Обычную санитарную карточку, с которой раненого отправят в тыл.

— Ах вот оно что, — понимающе кивнул Хельгерт. — А потом?

— А потом унтер-офицеры дозарядили свои автоматы и пошли в другую комнату. Там на коленях стоял седобородый старик и молился перед иконой. Смешно,

ведь нам говорили, что в России ничего подобного больше нет. Один из саперов толкнул старика прикладом и закричал: «Эй, ты, давай, давай!» Но старик, видимо, не хотел уходить. Тогда унтер выгнал нас из дома и рванул взрыватель.

Обер-лейтенант не испытывал ни малейшего волнения. «Боже мой, разве на войне можно обращать на все внимание!» Он невольно вспомнил октябрь сорок первого года и гомельский вокзал, вокруг которого прямо на земле лежало несколько сот русских раненых военнопленных. В ответ на каждый крик часовые посылали в толпу пулеметную очередь.

Хельгерт старался не думать об этом. «Война — дело жестокое. Великой Германии нужно жизненное пространство. Это самое главное. И само собой разумеется, когда рубят лес — щепки летят».

В этот момент переднее орудие свернуло с дороги, выдвигаясь на новую огневую позицию, которая была выбрана помощником командира батареи лейтенантом Гегенбахом.

Три дня спустя ефрейтор Баум сидел в небольшом привокзальном сарае возле разрушенного станционного здания. До отхода поезда оставалось часа четыре, и он, чтобы как-то скоротать время, стал вспоминать события последних дней.

Каждый раз, когда сани проваливались в колдобину или натыкались на кочку, Баум испытывал сильную боль в плече, но, посмотрев на русского капитана, который ничем не выдавал своих страданий, стискивал зубы и молчал. Вскоре они выехали на большую дорогу. Ефрейтор Бибер пустил лошадей галопом. Девятнадцать километров до командного пункта дивизии проехали за два часа.

В разведотделе Баум передал пленного и карту и отправился в санитарную роту, а через три дня ему вручили направление в военный госпиталь в Брянске. «И убирайтесь побыстрее отсюда! — крикнул ему вдогонку унтер-офицер, подмаргивая левым глазом. — Сегодня в двадцать один ноль-ноль прибыл санитарный поезд. Постарайтесь сесть в него».

До вокзала Баум доехал на попутной повозке с боеприпасами.

Вокзал. Печурка раскалилась докрасна. Однако ледяная корка на молочном окне становится все толще и толще. Баум подышал на стекло, пока на нем не образовалась небольшая свободная ото льда дырочка. Но прежде чем он успел посмотреть в нее, она снова затянулась ледком. Он встал и открыл, правда с трудом, дверь. Скрип ее резал ухо. Баум нерешительно вышел во двор. Была удивительно светлая ночь. Вокруг простиралась белая равнина, изборожденная темными силуэтами изгородей. По небу рассыпаны мириады ярких звезд. На развалинах со скрипом раскачивалась железная вывеска. Разобрать на ней слова Бауму так и не удалось.

Он стал смотреть вдоль рельсов, которые отливали стальной синевой и уходили куда-то вдаль. Мороз крепчал, добираясь до самых костей. Термометр показывал тридцать пять градусов ниже нуля. Баум вернулся в сарай: он хоть немного защищал от холода.

Вдруг послышался какой-то глухой шум, доносившийся со стороны шоссейной дороги (она проходила примерно в километре от станции). На северо-запад беспрерывно двигался бесконечный поток машин и людей. Большинство солдат было в хорошем зимнем обмундировании. Не то что солдаты, которые сидели на передовой в окопах, обмотав ноги тряпьем, а голову и лицо закутав платками, чтобы хоть немного согреться.

Это было еще не повальное бегство. Но обстановка на фронте сложилась весьма опасная. Русские продолжали наступать, все дальше тесня немцев на запад.

Эбергард Баум уселся на соломе и, закрыв глаза, отдался во власть воображения. Как хорошо, наверное, сейчас дома, думал он. Как приятно было бы побродить по Альпам или хотя бы несколько деньков пожить в палатке на берегу какого-нибудь высокогорного озера. Правда, он стал бы теперь жить несколько иначе. Больше внимания уделял бы политике. Каждый раз, когда он разговаривал с обер-ефрейтором Гейцером, который подчас высказывал довольно смелые мысли о военных событиях, Баум лишний раз убеждался, что его собственные познания в этих вопросах были весьма поверхностны. Особенно плохо разбирался он в людях — выходцах из семей рабочих и ремесленников. В юности Эбергарду не пришлось сталкиваться с людьми,

подобными Гейцеру. В спортивном союзе, членом которого он являлся, распевали немецкие песни, в то время как в других союзах занимались больше политикой, чем спортом. Во время одной из встреч с хандболистами союза «Фихте» он познакомился с токарем Рудольфом Бендером, который занял его мысли.

Позднее у Баума стало меньше свободного времени, так как занятия в институте пришлось совмещать с работой на заводе. Кроме того, приходилось экономить деньги для платы за учебу, а он хотел во что бы то ни стало вернуться домой с дипломом архитектора. А политика? Оккупацию Рейнской области, введение всеобщей воинской повинности и активизацию движения за создание империи, в ходе которого Австрия превратилась в восточную провинцию Германии, он принял как должное. При случае он сам истерично кричал «хайль», но вступить в какое-нибудь нацистское формирование так и не решился.

После присоединения Судетской области к «великой Германской империи» между Баумом и его отцом, мелким чиновником, начались ожесточенные споры. Старик (так Эбергард называл своего отца) был заядлым националистом. Он считал, что подобные меры столь же необходимы, как и «очищение» немецкой расы. Правда, ему не нравились методы, которыми пользовались нацисты «в кристальную ночь», но это грозное предупреждение евреям он приветствовал.

С этого времени отношения между Эбергардом и стариком становились все более напряженными. Всякий раз, когда Эбергард видел на рекламной тумбе сообщение о смертной казни или о том, что народный трибунал принял определенные меры против большевиков, он вновь вступал, и подчас самым провокационным образом, в спор с отцом, который все еще не терял надежды на то, что его единственный сын рано или поздно встанет на истинный путь. Молодой Баум терпеть не мог коричневорубашечников и эсэсовцев, хотя тогда он еще довольно смутно представлял себе, за что и за кого он...

— Проклятое плечо, — тихо выругался Баум, когда резкая боль свела всю руку.

«А тот русский капитан, видать, отчаянный парень, — подумал он. — Если бы я мог рассказать ему, что проклинаю эту ненавистную войну, что до нее я занимался

нелегальной работой, правда совсем немного. Конечно, с тех пор как на меня надели эту форму, я больше ничего не делал. Меня переводили из одной части в другую, но нигде я не мог найти себе единомышленников. Впрочем, я не очень-то и старался найти их. Благодаря слепому случаю попал в батарею своего друга Фрица Хельгерта. С ним я не очень стеснялся и высказывал ему свои мысли напрямик. Но мне показалось непорядочным сразу предпринимать что-либо в батарее, которой командует Фриц. Хельгерт влюблен в свою профессию и признает лишь свой так называемый «солдатский долг». Когда я заводил с ним разговор о смысле происходящих событий и касался острых вопросов, он всегда отвечал одно и то же: «Мы должны выиграть войну, а там будет видно. Кое-какие бюрократические порядки, вероятно, придется изменить, но не больше».

Кто-то вышел из другого конца сарая, подошел к раскаленной печке, бросил в огонь несколько тонких щепок и, не сказав ни слова, вернулся обратно.

Баум повернулся на другой бок. «Когда нам как следует всыпали на Волге, Хельгерт несколько изменился. Однажды он даже сказал: «Если бы двадцать второго июня мы не начали операцию «Барбаросса», то, возможно, уже сейчас сидели бы у себя дома, наслаждаясь плодами своих побед на западе, юге и севере». На бóльшую откровенность Хельгерт не отваживался. С удвоенной энергией он начал добиваться, чтобы его батарея стала лучшей в дивизии.

И вот теперь эту батарею, как лучшую в части, перебросили на участок соседней дивизии для прикрытия перемещения войск на новые позиции. Где сейчас Хельгерт? Где русский летчик?» Баум задремал, и в голове все как-то перемешалось.

Вдруг Эбергард приподнял голову и прислушался. До него донесся звук, напоминающий гудок паровоза. Санитарный поезд!

Он вскочил, накинул шинель, схватил ранец, бельевой мешок и, спотыкаясь, кинулся на платформу. Рана давала о себе знать.

Неуклюжий паровоз, шипя и отфыркиваясь, медленно приближался к зеленому фонарю, таща за собой товарные вагоны, разрисованные огромными красными крестами. С крыш вагонов свисали блестящие сосульки.

Из вагонов не доносилось ни единого звука. Не было заметно никаких признаков жизни. Все двери наглухо закрыты. Казалось, в вагонах никого не было. И только из последнего вагона вышли несколько солдат.

Баум побежал к концу состава. Наверное, там есть свободные места. Ему показалось, что он слышит стоны, но времени на раздумье у него не было. В нем жило одно желание: как можно скорее пристроиться где-нибудь в уголке вагона. Рванув изо всех сил раздвижную дверь, он с испугом отскочил назад: из вагона послышались стенания и крики: «Пошел к черту! Чего надо?!»

Баум посветил карманным фонариком внутрь вагона — и содрогнулся от ужаса. На голых досках вповалку лежали человек тридцать раненых. Воины великого германского рейха! Землистые, смертельно бледные лица. Раненые корчились от боли, стараясь как-нибудь продержаться и выжить. Были среди них и те, кто уже отдал богу душу. Промерзшие, пропитанные кровью бинты. Стоны и бред. Ни печки, ни пучка соломы! Одно одеяло на троих. На стенах толстый слой инея.

Баум задвинул дверь и растерянно огляделся вокруг, ища кого-нибудь, кто бы мог ему помочь. В этот момент он уже не чувствовал ни холода, ни пронизывающего ледяного ветра.

Из конвойного вагона вышли несколько закутанных солдат. Не обращая внимания на Баума, они пробежали мимо него к первому вагону. Влезли в него и стали вытаскивать трупы, сбрасывая их на землю, словно дрова.

Ефрейтор Эбергард Баум, кавалер Железного креста второго класса, уже немало повидавший за годы войны во Франции и России, с волнением смотрел на эту сцену.

Все в нем кипело от возмущения. Он видел трупы немецких солдат, которые подохли как собаки. А ведь еще совсем недавно они слепо верили в то, что защищают здесь, за тысячу километров от имперских границ, отечество, выполняя свой священный долг. А дома их с нетерпением будут ждать родственники, ждать долго, терпеливо, в течение нескольких лет, пока не получат сообщение «пропал без вести». О них даже не сообщат в «Фелькишер беобахтер» или в нацистском «Глав-

ном вестнике». Не напишут и нескольких слов об их «героической смерти».

Баум с досады плюнул. «Фюрер неплохо позаботился о своих солдатах, куда уж лучше...» Гудок паровоза бесцеремонно нарушил тишину и прервал его невеселые размышления.

Баум кое-как залез на последнюю платформу и расположился на мешках с сухими концентратами для лошадей, которые по чьей-то ошибке направлялись обратно в тыл, так и не попав в желудок четвероногих участников войны. Сидящие вдоль бортов платформы легкораненые не обратили на него ни малейшего внимания.

Состав, сотрясаемый сильными толчками, покатился дальше.

Только что увиденное не давало ему покоя. «Так дальше продолжаться не может. Нужно что-то делать!» — лихорадочно думал он.

А колеса, казалось, выстукивали: «Нужно что-то делать, делать, делать! Эх ты, дружище Баум, не можешь перехитрить бесноватого ефрейтора. Сидишь себе на этой проклятой платформе и морозишь зад!»

Пока поезд тащился по заснеженной равнине, Баум многое передумал, взвесил и решил сделать все, чтобы приблизить конец войны, в которую его, как и тысячи других таких, как он, втянули, даже не спросив, нужна ли она ему.

На следующую ночь у него началась сильная лихорадка.

Лицо врача в Брянске стало озабоченным и сразу как-то вытянулось, когда он, просмотрев историю болезни и солдатскую книжку Баума, установил, что этот ефрейтор, по профессии архитектор, его земляк. Поэтому он, не раздумывая направил Баума в военный госпиталь в Берлине — Темпельгоф, снабдив его собственноручным письмом своему коллеге по институту, который там работал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Клавдия медленно поднималась по лестнице, утомленная десятичасовой работой за ярко освещенной чертежной доской на военном заводе «Норд». Открыв

дверь своей однокомнатной квартиры, она увидела на полу телеграмму. Торопливо вскрыла ее:

«Приезжаю вокзал Фридрихштрассе девятнадцатого февраля четырнадцать часов тридцать четыре приветствую Эбергард».

Все заходило у нее перед глазами. Клавдия прижала руку к груди и еще раз прочла телеграмму. Она была дана в Познани. На обороте жирный штемпель имперской почты. Значит, это не сон.

Морозная ночь опустилась на имперскую столицу.

Охваченная волнением девушка легла в кровать, устремив неподвижный взгляд на противоположную стену. На секунду взгляд остановился на светящемся циферблате будильника. Стрелки двигались слишком медленно. Было уже за полночь. Она начала считать часы до прибытия Эбергарда. Где он сейчас? Наверное, тоже не спит и смотрит в окно, на мелькающие километровые столбики. А их еще так много!..

Уснуть Клавдия так и не смогла. Она стала вспоминать, как познакомилась с Эбергардом, как жила раньше, когда за ней ухаживал Курт Дернберг.

С Дернбергом она впервые встретилась в теннисном клубе «Вайс-Грюн» в Вене. Стояло лето тридцать восьмого года. На берегу старого Дуная они протанцевали весь вечер. Было уже далеко за полночь, когда они ушли с вечеринки и спустились по едва заметной тропинке к воде. Там он ее поцеловал раз, потом еще и еще. Клавдия до сих пор помнит слова Дернберга: «Ты будешь моей, и мы всегда будем вместе. Всегда! Согласна?»

Но вскоре они разлучились. Клавдию это очень огорчило, и она начала понимать, что Курт говорит больше красивых слов, чем следовало бы.

Начался польский поход. Долгое томительное ожидание. Затем бурная встреча.

Когда германские войска напали на Францию, Клавдию снова охватил страх.

Каждый раз, когда Дернберг приезжал в Вену, он ходил с ней на офицерские вечера и не упускал возможности повращаться в венском высшем обществе. Иногда у Клавдии было такое чувство, что Курт использовал ее как приманку. Она, как могла, старалась оградить себя от этого.

Довольно часто Дернберг намекал ей, что рассчитывает с помощью состояния ее отца, хоть и не большого, сделать себе карьеру после победоносного окончания войны. Разумеется, это обстоятельство ничто по сравнению с его любовью к ней, уверял он. Тем не менее Клавдия пока не давала согласия на помолвку.

В тот вечер, когда они сидели вместе с Баумом и Хельгертом в Холлабрунне, он с силой сжал ей запястье и шепнул, что не потерпит никаких соперников.

Однажды (этот день навсегда врезался в память Клавдии) она случайно встретила в Вене на Западном вокзале Баума, который направлялся в новую часть. Баум безмерно обрадовался неожиданной встрече, и целый час они провели в кафе «Моцарт». Эбергард бесцеремонно взял у девушки сверток с чертежами и с легкой усмешкой стал рассматривать эскизы платьев и пальто, утверждая, что у Клавдии бесспорный талант в этом деле и что после войны она обязательно должна приехать к нему в Берлин.

Клавдии было легко с этим спокойным человеком. Дернберг, в противоположность Бауму, всегда создавал обстановку какой-то напряженности и нервозности. Когда Эбергард прощался с Клавдией, он робко спросил ее, не напишет ли она ему при случае хотя бы маленькую открыточку. Она слегка кивнула и написала на бумажной салфетке несколько слов, разрешив прочитать их только тогда, когда он будет уже в поезде. Позже Эбергард рассказал ей, что долго размышлял над ее словами — «Каждое прощание немного напоминает смерть».

Однако и после этой встречи с Баумом Клавдия все еще цеплялась за свою мнимую любовь к Курту Дернбергу, пока наконец не прозрела. Тогда она решительно предложила Дернбергу расстаться. Между ними произошел довольно резкий разговор, во время которого Клавдия, чтобы как-то уколоть Курта, намекнула на свою недавнюю встречу с Баумом. В ответ Дернберг цинично заявил, что для ее отца выгоднее породниться с прусским офицером, чем с каким-то ефрейтором, который к тому же еще и смешон; что это не причина для разрыва, а лишь пустая отговорка, которая может привести к ненужному скандалу или подорвать его авторитет. Когда же девушка еще раз заявила, что настаивает

на разрыве, Курт язвительно посоветовал ей еще раз хорошенько подумать.

Потом произошла эта темная история с евреем Залли Штернхеймом, которую она старалась забыть.

Несколько дней спустя Клавдия послала письмо отцу, в котором, между прочим, писала: «В моей памяти, папа, еще свежи твои и мамины предостережения в отношении Курта Дернберга. Вы оказались правы. Я еду в Берлин и оттуда подробно напишу обо всем». В ее решении переехать в Берлин Эбергард Баум сыграл далеко не последнюю роль. В Берлине Клавдию сразу же привлекли к трудовой повинности и направили на бронетанковый завод «Панцер-верк-Норд».

Восемнадцатого июня сорок второго года Эбергард Баум надел ей на палец золотое обручальное кольцо. Она тут же послала телеграмму родственникам в Швейцарию, в которой сообщила, что нашла себе достойного мужа и очень счастлива.

В комнату робко проник блеклый луч зимнего солнца. Девушка вскочила с кровати, торопливо оделась и побежала на завод.

Все остальное было сугубо официальным. Начальник отдела кадров холодно посмотрел на нее и сказал: «У нас, в конце концов, военный завод, а не богадельня, и господа фронтовики должны помнить об этом. Главное сейчас — приблизить окончательную победу над врагом, а потом можно заниматься и воркотней влюбленных. Тем более в имперской столице, фрейлейн Занден!» Но два дня отпуска за свой счет все-таки дал.

В огромное шумное здание вокзала Клавдия вошла нерешительно. Сквозило. Она поежилась. В глаза бросились рекламные щиты, на которых большими буквами было выведено: «ЧИТАЙТЕ «ФЕЛЬКИШЕР БЕОБАХТЕР». К подобным рекламам Клавдия всегда относилась с недоверием... Ждать оставалось еще целых полчаса. Вдруг ее охватил страх, что он может не приехать. Приедет позже или... Мысли вихрем кружились в голове. С волнением смотрела она на длинный перрон.

Присела на скамейку. К ней подошел подвыпивший мужчина и сел рядом. Он тщательно чистил яблоко и что-то объяснял ей. «Да, да», — поддакивала девушка,

не слушая его. Затем встала и начала ходить взад и вперед по грязному перрону.

Она явно нервничала. Наконец громкоговоритель хрипло объявил: «Внимание, внимание! На платформу номер три прибывает из Брест-Литовска поезд с отпускниками». А через несколько секунд под сводами вокзала пронзительно заскрипел тормозами и остановился длинный черный состав. И тут же из него хлынул людской поток. Клавдия беспомощно бегала от одного вагона к другому, но не видела знакомого лица. Вдруг она услышала свое имя. Быстро оглянулась и увидела бледное улыбающееся лицо Баума. Девушка стремительно бросилась к нему. Холодными губами прикоснулась к колючей щеке Эбергарда.

Они медленно шли, болтая о пустяках. Затем Клавдия спросила о причине его приезда, и Эбергард вскользь рассказал ей, что рана в плече уже зарубцевалась и нисколько не беспокоит его. Завтра он должен явиться в окружной госпиталь. Клавдия пришла в ужас.

— У тебя очень уютно,— заметил Баум, рассматривая ее комнатку. На стенах — рисунки.

Итак, он был здесь, ее высоченный Эбергард. Каштановые волосы зачесаны назад. В серых глазах неизменная усмешка. Именно таким она его и представляла себе долгими зимними вечерами.

Эбергард не отрывал от девушки восторженных глаз. Темные волосы волнами спадают на плечи. Красивые ровные зубы. Большие темно-карие глаза. На лице — радостная улыбка.

Он обнял девушку за плечи. Медленно наклонился к ее лицу. Резким движением прижал к себе.

— Скажи, ты так представлял нашу встречу? — спросила его Клавдия.

— Нет. Мне всегда казалось, что, пока идет война, в жизни человека не может быть ничего прекрасного.

Они проговорили до полуночи. Вечер был чудесный. Прошлое, казалось, невольно отступило.

Перед сном Баум решил помыться. Сняв рубашку, посмотрел на пластырь, которым была заклеена рана, и кончиками пальцев осторожно придавил его. Стало очень больно. Приняв душ, он стал растирать тело мох-

натым полотенцем, пока не покраснела кожа. Затем надел пижаму.

Клавдия погасила свечу, подняла шторы, затемнявшие освещение, и открыла окно. Баум вошел в комнату и лег в постель. Клавдия молча легла рядом.

Она сделала это так просто, будто знала его давно-давно. Эбергард был счастлив. Рука потянулась к Клавдии. Его охватила жадность. Он часто видел Клавдию на людях, когда она, в элегантном вечернем платье, заливалась смехом, привлекая к себе взгляды окружавших ее мужчин. Теперь же он видел ее совсем другой. Казалось, она не была похожа на женщин, которых он знал. Но сегодня и он чувствовал себя другим.

— Послушай, Эбергард...

— Что? — испуганно спросил Баум, оторвавшись от своих мыслей.

— Ты очень устал?

— Нет, не очень. А что?

— Исполнишь мою просьбу?

— Да... разумеется...

— Расскажи, пожалуйста, какую-нибудь историю.

— Какую-нибудь историю? — протяжно повторил Баум. «Черт возьми, — подумал он, — какую же историю ей рассказать?.. Про маленькое приключение с бабочкой-лимонницей, которая несколько минут сидела как-то летом у меня на стереотрубе, а потом доверчиво перепорхнула на мою ладонь? Пожалуй, об этом можно».

И он торжественно начал:

— Жила-была маленькая бабочка-лимонница. У нее была маленькая бархатная головка и большие карие глаза, которыми она восторженно смотрела на окружающий ее мир. Однажды весенний ветер занес в те края веселого желтого мотылька. Он увидел бабочку, когда она печально сидела на листике сабельника.

«Ну, теперь все пойдет как по маслу, — обрадовался Баум. — Возьму и расскажу ей историю нашей любви».

— Влюбленный в изящную бабочку, золотистый мотылек долго порхал вокруг нее, но она не обращала на него никакого внимания. Когда же, огорченный, он упорхнул, бабочка со слезами на глазах долго печально смотрела ему вслед. Мотылек почувствовал, что от-

ныне он может быть счастлив только с этой бабочкой. Случилось так...

Клавдия обвила руками шею Эбергарда и прижала к себе.

— Я люблю тебя, Эбергард.

Вдруг он почувствовал на своей щеке горячую слезу.

— Ты плачешь, Клавдия? — спросил он с испугом.

— Я боюсь за тебя.

— Не надо, — начал он успокаивать ее. — Я всегда буду с тобой, когда кончится война.

Она доверчиво прижалась к нему.

Эбергард обнял ее. Несмотря на резкую боль в плече, прижал Клавдию к себе, ощущая ее горячее трепещущее тело. Начал целовать ее шею, плечи...

Историю о бабочке он так и не рассказал до конца.

В назначенный час Баум явился в военный госпиталь в Темпельгофе. Врач, к которому у Эбергарда было рекомендательное письмо с просьбой уделить ефрейтору Бауму особое внимание, бегло прочитал его и бросил в урну. На осмотр раны доктору не потребовалось и пяти минут.

— Повреждены только мягкие ткани, — сухо проговорил штабной врач. — И с таким ранением направляют в тыл! Это при нашей-то перегрузке! Несколько дней амбулаторного лечения, сын мой, — и марш в запасную часть.

В канцелярии толстый капрал выписал Бауму лечебную карту.

— Так-то, — добродушно посмеиваясь, сказал он, — скоро снова можешь оказаться на передовой. Попал ты из огня да в полымя! — И тут же фыркнул, довольный своей остротой, которую, видимо, отпускал уже не первый раз.

В один из вечеров Эбергард пошел с Клавдией в театр на Жандарменмаркте. Давали «Эгмонта» Гёте.

«Счастливы лишь те, кто любят!» Глаза молодых людей встретились.

Когда герой на сцене призвал быть верными самим себе, чтобы добиться свободы, Эбергард задумался. Свободы в Германии не было уже несколько десятков

лет. Больше того, она зачахла и в тех странах Европы и Африки, куда ступил сапог германского солдата.

Ночью Эбергарду снились всякие ужасы. Он был Эгмонтом и томился в сырой и мрачной тюрьме. Его окружали огромные длинноногие пауки и черви. Откуда-то издалека нарастал барабанный бой. Суд! Он уже слышал тяжелые шаги палачей, готовых привести приговор в исполнение. Тогда он встал и крикнул: «Я умираю за свободу, ради которой жил, за которую боролся. Ради нее я принимаю эти страдания и жертвую собой... Я привык смотреть опасности в лицо, а под угрозой смерти смелость вдвойне дороже. Смелее, друзья! У всех нас есть матери, жены, дети! — И, показывая на стражу, продолжал: — А этих вдохновляет пустая болтовня их властелина! Вставайте на защиту своих жилищ! Если хотите спасти самое дорогое, не бойтесь смерти!»

Потом он услышал мерные шаги солдат герцога Альбы и спрятался за темными обрывками облаков, медленно проплывавшими над растерзанной землей. Неожиданно раздались раскаты грома, напоминавшие звуки органа... Вдруг перед глазами Баума появилось лицо Хельгерта. Обер-лейтенант положил свой карабин на мешок с песком. За пулеметом лежал Гегенбах с остекленевшими глазами. Зенфлебен подготавливал к бою ручные гранаты и тихо смеялся. В окопах сидели несколько пожилых солдат.

Вдруг Баум услышал истошный крик, который волной шел от одного солдата к другому: «Они атакуют! Они атакуют!»

Баум посмотрел через бруствер. Противник наступал. Но разве это испанцы? Со всех сторон приближались какие-то фигуры в длинных коричневых и черных шинелях с автоматами в руках. Ползли танки с развевавшимися знаменами со свастикой. Шквал огня уничтожал впереди них все живое.

Вслед за грохочущими танками двигались цепи людей с бледными бескровными лицами, в простреленных касках, запачканных засохшей глиной. Баум узнал их. Он мог назвать их по именам. Среди них были поляки, французы, бельгийцы, голландцы, югославы, чехи, греки, албанцы, русские и немцы, немцы, немцы... За их призрачными тенями вырастали большие кресты.

Одна из фигур остановилась у него перед глазами. Ее окружал странный яркий ореол. Баум долго ломал себе голову над тем, кто бы это мог быть. В этот момент Хельгерт прицелился и твердой рукой направил на эту фигуру ствол автомата. Но тут Баум вдруг узнал фигуру в странном ореоле и, дико крича, выпрыгнул из окопа: «Клавдия!»

Ноги Баума словно приросли к земле. Когда он обернулся, Хельгерт уже нажимал на спусковой крючок. Баум попытался закричать «не стреляй!», но из его горла вырвался лишь глухой хрип. Отчаяние придало ему силы. Словно стрела, выпущенная из лука, он побежал вперед. Теперь ему казалось, что он успеет добежать до Клавдии. Но путь преградила пропасть. Он без колебаний прыгнул через нее. Баум решил, что у него перебиты все кости и что он летит вниз, но неожиданно стал плавно парить в воздухе. У него захватило дыхание. Но фигура женщины исчезла. Баум стал звать ее. Неожиданно прогремел выстрел. Его резко подбросило вверх, и он упал. Пуля поразила его мгновенно, подобно вспышке молнии.

Он не испытывал ни боли, ни страха и был только удивлен.

Постепенно день сменился вечером, и женская фигура с ярким ореолом и печальными глазами растворилась в тумане. На поле боя опустились сумерки, и Баума окутала темнота.

Какое-то время он лежал не шевелясь. Сердце бешено билось. На лбу выступили капельки пота. Сон медленно уходил. Из-за блеклых звезд косился молодой месяц.

«А этих вдохновляет пустая болтовня их властелина», — вспомнилось ему.

«Разве не относятся эти слова к настоящему? Разве не восхищаются сейчас некоторые, особенно старики, речами фюрера? Разве не импонирует многим интеллигентам беспардонная риторика Геббельса? А с каким восторгом слушают они выступления, в которых открыто призывают к распространению господства Германии над другими странами!

Я, как и миллионы других немцев, позволял водить себя за нос. Но так было не всегда, — размышлял Баум. — Когда я встречался с Рудольфом Бендером, я уже придерживался других убеждений».

Ему вспомнился день, когда члены «Мужского гимнастического союза» по указанию свыше сделали все возможное, чтобы сдать нормы и получить спортивный значок СА. В тот день он снова встретил Рудольфа Бендера, который сразу почувствовал, что отношение Баума к третьей империи далеко не дружественное. Они быстро нашли общий язык.

Через несколько месяцев Бауму поручили распространять листовки. Позднее к нему домой приходили какие-то товарищи, оставались ночевать, а на утро бесследно исчезали. Иногда он передавал по адресам шифрованные записки...

Эбергард прислушался к спокойному дыханию Клавдии. Горячая волна чувства захлестнула его. Клавдия стала смыслом всей его жизни. Теперь он должен заботиться и о ее счастье, а оно целиком зависело от судьбы Германии. Значит, он не имеет права позволять себя обманывать, не имеет права сидеть сложа руки, что он делал до сих пор. Бендер не раз учил его, что и как нужно делать, чтобы бороться за лучшее будущее.

Баум решил еще раз попытаться разыскать токаря Рудольфа Бендера. Он обязательно найдет его, если, конечно, Руди еще в Берлине. Утром он поделился своими мыслями с Клавдией. Правда, он не стал подробно рассказывать ей обо всем. Сказал только, что между ними не должно быть никаких тайн. «У Бендера ясная голова, и он всегда дает хорошие советы», — думал он.

Из ворот огромного военного завода на Обершеневейде хлынула утренняя смена. Поток рабочих устремился по Вильгельминенгофштрассе, по мостам через Шпрее к станции метрополитена, минуя развалины домов, разрушенных американскими бомбами.

Ворота бронетанкового завода «Норд» тщательно охранялись. Завод выпускал ценную продукцию, к тому же на нем работало много рабочих-иностранцев, да и случаи саботажа были здесь нередки (между прочим, гестапо до сих пор было почти бессильно). Одним из последних из главной проходной вышел токарь Бендер, которого коллеги называли «тихий Руди». Он не спеша направился к станции метрополитена, чтобы попасть к мосту Яновицбрюке. А от моста до небольшой

темной квартирки на Хольцмаркштрассе, где он жил со своей старушкой матерью, рукой подать.

Рудольф открыл дверь и произнес:

— Добрый день!

Мать внимательно посмотрела на сына.

— Сегодня взяли Эриха, — с болью в голосе проронила она.

Затем фрау Бендер молча подала сыну жидкий бобовый суп. Она никогда ни о чем не спрашивала его. Лицо ее было испещрено множеством мелких морщинок. Пряди седых волос свисали на лоб. В глазах светились ум и доброта.

— Днем к нам заходил какой-то ефрейтор, — начала она после долгой паузы, задумчиво разглядывая широкую спину сына. — Сказал, что его зовут Эбергард Баум и что ты якобы хорошо знаешь его. — Она протянула ему записку. — Вот он оставил свой адрес и просил, чтобы ты обязательно зашел к нему.

Радость, которую Бендер предвкушал в ожидании встречи с Баумом, исчезла, когда он застал у него Клавдию. Бендер не стал более разговорчивым и после бутылки вина.

Тогда Эбергард перешел прямо к делу, сказав, что он очень нуждается в совете друга. (Фрейлейн Занден им не помешает: ей тоже эта война совсем не по душе.)

«Девушка, по-видимому, ничего не знает о нашей прошлой подпольной работе», — отметил про себя Бендер. Благодаря своему богатому жизненному опыту он умел верно судить о людях.

— На фронте уже начались брожения. — Баум прижал скомканную сигарету к ногтю большого пальца.— Ты понимаешь, наши дохнут как собаки. Что же будет дальше?

— Здесь, в тылу, не лучше. Одни бомбардировки чего стоят...

— Ты прав, Руди, хрен редьки не слаще. Послушаешь Геббельса, так уши... «Вы принадлежите к той части нации, которая определяет мировоззрение всех немцев», — процитировал Баум. — Часть нации!.. — И сделал жест, полный презрения. — В лучшем случае мы часть дикого стада! Тысячи наших солдат гибнут на фронте, не веря в этот бред. Хуже всего то, что ты сам участвуешь во всем этом, словно так и должно быть.

Клавдия замерла. Она стояла у окна, прислушиваясь к каждому слову. «У Эбергарда расстроены нервы. Он не может больше молчать: видел слишком много убитых!»

Она неторопливо перевела взгляд на Бендера, который лишь задумчиво кивал в знак одобрения. «Этого, видимо, нисколько не удивляет подобный разговор. Но почему Эбергард не боится, что его собеседник передаст кому-нибудь их разговор?» Лицо Эбергарда неожиданно стало каким-то чужим. «И зачем ему понадобилось ломать голову над подобными вопросами? Все равно изменить он ничего не сможет. Его могут направить куда угодно, хочет он того или нет».

Бендер не совсем понимал, куда клонит Баум.

— А ты это понял только теперь?

Баум безропотно снес упрек.

— Ты давно говорил мне, что нацисты готовят войну. Но то, что происходит сейчас! Пора уже что-нибудь предпринять, чтобы как-то помешать... Ну хотя бы организовать саботаж. Я просто не знаю, что нужно делать!

Клавдия почувствовала, как на лбу у нее выступили капельки холодного пота. Не отдавая себе отчета, она произнесла:

— У нас на заводе, кажется, тоже есть люди, которые занимаются саботажем. Недавно они вывели из строя один из самых больших генераторов. Почти целую неделю завод не давал продукции.

Бендер насторожился. Как бы между прочим он спросил:

— Что это за завод?

— Танковый завод «Норд». На Обершеневейде,— спокойно ответила Клавдия.

Несколько секунд Бендер молчал. История с генератором была ему хорошо известна. По-видимому, Эбергард и Клавдия не знали, что он работает на этом самом заводе. Пожалуй, лучше сказать им об этом сейчас, а то случайно встретишься там с Клавдией.

— Я тоже там работаю.

— Вот это да! — не удержался Эбергард.

И замолчал, ожидая, что скажет Бендер. Но Бендер больше не произнес ни слова. Безопасность друзей была для него превыше всего. Правда, до ухода в ар-

мию Баум доказал, что на него можно вполне положиться, но ведь с тех пор прошло несколько лет, да еще каких лет, в течение которых он находился в фашистском вермахте, где его ежечасно пичкали ложью. В таких условиях и не такие люди менялись, и чаще всего не в лучшую сторону.

— Кем же вы там работаете? — спросил он девушку как бы из вежливости.

— Чертежницей в конструкторском бюро. — Клавдия обрадовалась, что Бендер замял вопрос о саботаже.

Бендера осенило: «Неплохая возможность проникнуть туда. До сих пор в конструкторском бюро у нас никого не было». Но он и виду не подал, что его это заинтересовало.

— Что я могу тебе посоветовать? — начал Бендер, обращаясь к Бауму. — У меня в подобных делах нет никакого опыта. «Не стоит так быстро открывать ему свои карты. Слишком рискованно. Если он действительно так думает, как говорит, то и сам дойдет до этого».

Вдруг радио, из которого вот уже несколько минут вырывались бравурные марши, предупредило, что в направлении Ганновер — Брауншвейг двинулись бомбардировщики противника. Через несколько секунд снова заиграла музыка.

Бендер встал.

Эбергард задумчиво посмотрел на Клавдию, а потом, обращаясь к Бендеру, спросил:

— Не мог бы я поддерживать с тобой связь через фрейлейн Занден? Может быть, ты уделишь ей немного внимания? У нее в Берлине совсем нет друзей. Я даже подумал...

Лицо Бендера стало мрачным.

— Почему бы при случае не передать фрейлейн Занден привета... — Баум в нерешительности замолчал.

Вдруг Баума охватил страх: «Товарищи Бендера, разумеется, ухватятся за возможность иметь в конструкторском бюро своего человека. Но это значит, что Клавдия будет вовлечена в нелегальную работу. Тогда — прощай мой покой. Ведь я не собирался втягивать ее в нелегальную работу».

По радио объявили воздушную тревогу.

Клавдия недоуменно переводила взгляд с одного на другого. Мозг сверлила одна мысль: «Как она, Клавдия Занден, относится к происходящему?»

Думать... думать...

Этот незнакомый ей человек с энергичным подбородком, прямым носом и светло-голубыми глазами, придающими его лицу добродушное выражение, похож на человека, способного к глубокому анализу и осмысленным действиям.

«Я очень устаю на заводе, но пора и мне во всем как следует разобраться».

Она не заметила, что Бендер тем временем надел пальто и подошел к ней, чтобы проститься.

— Хочу успеть побывать у матери. Может быть, мы еще встретимся, — сказал он.

У двери Бендер крепко пожал Бауму руку. Убедившись, что Клавдия его не слышит, он прошептал:

— Знаешь, что бы я сделал на твоем месте?

Эбергард вопросительно посмотрел на него.

— Перебежал бы к русским.

Через секунду Бендер уже легко и быстро бежал по ступенькам темной лестницы.

Внизу громко хлопнула дверь.

Баума вызвал штабной врач.

— Ну, сын мой, восемь дней амбулаторного лечения в нашем госпитале сделали чудо! — Он многозначительно посмотрел на Баума, словно любуясь результатом своей работы. — У меня для вас есть приятная новость. Командование вашего полка затребовало вас к себе. В запасном полку не возражают. На сегодня и на завтра я вам дам отпуск, а потом рысью на фронт. — Он подписал несколько бланков с такой поспешностью, что брызнули чернила.

Через пять минут Баум уже стоял на остановке метро с предписанием в часть, талонами на питание и сигареты и отпускным билетом на два дня.

Один день молодые люди провели у родителей Баума.

Отец Баума долго рассказывал о первой мировой войне. Его несколько удивило, что сын настроен отнюдь не воинственно, по-прежнему спорит с ним, высказы-

вая при этом далеко не патриотические мысли. Старик объяснял настроение сына предстоящим отъездом на фронт.

Мать Эбергарда волновало совсем другое. Она была бесконечно рада приезду сына, но чувствовала, что отныне он уже не принадлежал ей целиком. Эта девушка будет играть в его жизни все бо́льшую роль и постепенно оттеснит родителей на задний план.

У Клавдии и Эбергарда было только желание остаться наедине и помечтать о будущем.

Наступила последняя ночь. Предстоящая разлука тяготила и Эбергарда и Клавдию. Они подолгу молчали. Каждый был занят своими мыслями.

— Ты передал привет жене Хельгерта? — спросила Клавдия.

— Я не смог этого сделать — она уехала в Гамбург, к родственникам.

— Меня немного утешает, что ты с Хельгертом, в его батарее, — сказала она задумчиво.

— Да. Он отличный парень. Мы дружим уже целых двадцать лет, — проговорил Эбергард и представил себе позиции батареи среди безбрежной снежной равнины. Скоро начнутся морозы. Снега навалит видимо-невидимо. А тут еще нужно отбивать непрекращающиеся атаки русских.

Клавдия посмотрела на Эбергарда, который как-то сразу изменился в лице. Но он тут же взял себя в руки и с подчеркнутой уверенностью сказал:

— Летом у меня будет очередной отпуск, и мы поженимся! В Линдау, на Боденском озере! Летом я обязательно приеду. — В ушах Эбергарда все еще звучал голос Бендера: «Знаешь, что бы я сделал на твоем месте? Перебежал бы к русским!»

Клавдия ответила не сразу.

— Ты не боишься, что за это время с нами может что-нибудь случиться?

Эбергард снисходительно улыбнулся.

— Со мной наверняка ничего не случится. У меня такое предчувствие... Я уверен, оно не подведет меня и на этот раз. Я уже трижды был ранен, а вот жив.

Наступила пауза.

Затем Клавдия нерешительно спросила:

— Ведь ты мой, правда?

«Перебежать, перебежать,—звучало у него в ушах.—Но ведь это значит бросить Клавдию на произвол судьбы, растоптать ее чувство. Да и дело не только в чувствах. На Восточном фронте сейчас несколько миллионов немецких солдат. И все они сражаются против русских. Чего же может добиться один человек? Нет, надо все как следует обдумать: может быть, я смогу сделать что-нибудь более полезное?..»

Эбергард избегал говорить с Клавдией о Бендере.

Настало время собирать рюкзак.

Ключ с легким скрипом два раза повернулся в замочной скважине. Затем обоих поглотила улица.

Клавдия решила проводить Эбергарда к поезду.

Они вошли в зал ожидания, который сразу оглушил их шумом.

Среди множества поблескивавших погонами офицеров стройный ефрейтор, шагавший рядом с изящной темноволосой девушкой, казался незаметным. Клавдия и Эбергард чувствовали, что многого не высказали друг другу. Но на людях ими овладела какая-то странная скованность.

Стрелки часов безжалостно отсчитывали последние минуты. По радио уже объявили посадку на поезд. Сотни мужчин в серой солдатской форме с волнением ждали этого момента. Многие из них были пушечным мясом. Их вынудили надеть ненавистную им форму. Однако среди них было немало и ярых милитаристов, которые считали, что война оздоровит общество.

Клавдия прижалась к руке Эбергарда.

Паровоз, чем-то напоминающий первобытное животное, медленно вполз под своды вокзала, таща за собой длинную вереницу мрачных вагонов.

Эбергарда злило собственное бессилие. «Почему я не могу вырваться из этой клетки?!» И в его ушах снова звучал голос Руди: «Знаешь, что бы я сделал?..»

Баум сжал руку Клавдии.

Посадка давно закончилась. Начали медленно вращаться колеса вагонов. Эбергард еще раз высунулся из окна и поцеловал Клавдию в губы. По лицу ее текли слезы.

— Ты обязательно должен вернуться... Эбергард! И верь мне!..

Несколько секунд он видел ее фигурку и махал ей рукой, потом ее загородил толстый столб. Эбергард смотрел в том же направлении, но Клавдии уже не было видно.

Баум с грустью смотрел на убегающие назад пристанционные здания. Отблеск заходящего солнца окрасил хмурые тучи на востоке в зловеще красный цвет.

Словно одурманенная, возвращалась Клавдия домой. Войдя в квартиру, зажгла свечи, отчего комната приобрела сказочный вид, напомнив ей о счастливых часах, проведенных с Эбергардом. На журнальном столике еще стояла чашка с недопитым чаем, лежали сигареты Эбергарда. Ей вдруг безумно захотелось допить его приторно сладкий чай, дотронуться губами до того места, к которому прикасались его губы. Но она не решилась сдвинуть чашку с того места, на которое ее случайно поставила рука Эбергарда.

Она подошла к окну и прислушалась к резким порывам зимнего ветра, гулявшего по крыше.

«Он сидит сейчас в темном вагоне, зябко кутается в одеяло и думает обо мне, а поезд тем временем увозит его все дальше и дальше на восток».

Вдруг Клавдии показалось, что в почтовый ящик что-то опустили. Она повернула выключатель и вышла в коридор. В ящике лежал конверт. Клавдия нерешительно вскрыла его. «Буду рад встретиться с вами в пятницу в восемнадцать часов в кафе у ломбарда на Лейпцигерштрассе. С приветом Рудольф».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Поздно вечером двадцать шестого февраля шестая батарея заняла огневую позицию на западном, отвесном берегу замерзшего ручья. Мороз немного спал. Но зато снегопад с каждым часом становился все сильнее и сильнее. Натиск русских на участок заметно усилился. Батарею снова придали дивизии и сразу же направили для прикрытия стыка с соседним соединением.

Полковник Круземарк в сопровождении нового полкового адъютанта обер-лейтенанта Альтдерфера решил

побывать на позиции шестой батареи. Снегопад был такой, что можно было не опасаться налетов русской авиации. Снеговые цепи на колесах превратили «фольксваген» командира полка почти в вездеход. Однако последний отрезок пути до батареи обоим офицерам, одетым в запорошенные снегом шубы, пришлось проехать на санях.

«Солдатам всегда нравится,— думал Круземарк,— когда старший офицер, да еще в чине полковника, внезапно появляется на переднем крае. Разумеется, фюрер и верховный главнокомандующий вермахта награждают Рыцарским крестом прежде всего офицеров, действия которых оказали решающее влияние на успешный исход боя на данном участке. Однако, по свидетельству влиятельных офицеров из управления кадров сухопутных войск, личной храбрости, проявленной на переднем крае обороны, также придается немаловажное значение. Важно в конце концов и то и другое.

Раньше на его должности полагалось быть майору. А теперь все изменилось. Рыцарский крест — это тебе не какая-нибудь «серебряная яичница», дарованная за хорошее командование частью. Пусть этот Серебряный крест носят тыловики из штаба корпуса и армии. Кавалер Рыцарского креста скорее может стать генералом, а генералу, в свою очередь, легче улизнуть в тыловые штабы, где значительно легче дышится и где можно приобрести большие связи». Так думал полковник, углубившись в воспоминания.

В настоящее же время полковника волновало совсем другое: «Этот Альтдерфер — дельный адъютант. Правда, у него маловато наград. Всего лишь Железный крест второго класса, «Восточная медаль» и значок участника артиллерийских атак. Для адъютанта командира полка, конечно, маловато. К назначению Альтдерфера адъютантом отнеслись скептически даже в штабе дивизии». Круземарк вспомнил самодовольное лицо начальника оперативного отдела подполковника фон Венглина. «Да, нужно что-то предпринять. Пожалуй, самое лучшее — поскорее украсить его грудь Железным крестом первого класса». Вот почему полковник и вспоминал об обер-лейтенанте Хельгерте, одном из лучших командиров и к тому же отчаянном смельчаке. «Его батарея наверняка сегодня ночью или самое позднее завтра рано

утром войдет в соприкосновение с противником. Так почему бы мне, как командиру полка, не направить Альтдерфера на один-два денька в шестую батарею, чтобы он потолкался там на глазах у солдат, а после этого будет не грех его представить к награде вместе с прочими офицерами. Правда, Хельгерт тверд в вопросах офицерского долга и чести, но, пожалуй, будет лучше не посвящать его во все подробности. Лучше по-дружески сказать, что Альтдерферу нужно поучиться у бывалого командира. Само собой разумеется, что Хельгерт, как командир батареи, будет по-прежнему нести полную ответственность за боевые действия батареи, хотя в данном случае они не очень желательны. Выглядело бы довольно смешно, если бы я представил Альтдерфера к награждению Железным крестом первого класса и в качестве мотивировки без всякого основания указал, что он инициативно действовал в боевой обстановке, проявил беспримерную смелость и отвагу, героически удержал огневую позицию и так далее. Ясно одно: Альтдерферу действительно нужно пробыть некоторое время на батарее».

Так рассуждал про себя полковник Круземарк, пока лошади, запряженные в сани, не привезли его на огневую позицию шестой батареи.

Он, казалось, внимательно выслушал рапорт обер-лейтенанта Хельгерта.

«Похудел парень, замкнутым каким-то стал.

Не зима, а черт знает что такое! Будь она проклята! Лучше было бы сейчас находиться где-нибудь в Южной Франции, в Восточных Пиренеях и время от времени, чтобы запастись всем необходимым, совершать небольшие прогулки к испанской границе, наслаждаясь чудесным горным ландшафтом.

А Средиземное море! Лазурное море, мистраль, итальянские сосны, уютные солдатские клубы с кабинетами и пылкими француженками!» — думал полковник, делая вид, что внимательно слушает доклад командира батареи.

Все эти прелести полковник испытал на себе. И еще кое-что. В специализированном универмаге он обычно скупал самые дефицитные товары и отсылал их время от времени домой с солдатами-отпускниками. Парни были рады после вручения посылки фрау Круземарк

весело провести время с ее служанками, а полковник экономил на почтовых расходах. Да стоило ли говорить о деньгах! Доставать их было очень легко. Очень часто полковник приказывал исключать его из списка личного состава, состоящего на котловом довольствии, а сам отправлялся в подразделения полка. Сегодня в одну батарею, завтра в другую, а на следующий день в третью, то есть туда, где стояли его батареи и подчиненные ему подразделения береговой артиллерии. А уж командиры батарей всячески старались ему угодить. Во всяком случае, делали вид. Хорошие парни! На полученные взамен пайка деньги полковник и скупал различные товары. Рядовым это, разумеется, запрещалось. Где еще найдешь такие условия? Да, это были золотые времена.

Полковник Круземарк последовал за Хельгертом в избу. За ним плелся бледный Альтдерфер. Перед осколком зеркала, стоявшего на посудной полке на кухне, Круземарк снял меховой капюшон и посмотрел на себя в зеркало. Причесываясь, слегка наклонил голову набок.

Черт возьми, шрамы на правой щеке и у рта придавали ему довольно внушительный вид. А если бы еще генеральская позолота...

Мешки под глазами, по мнению Круземарка, делали его солидным, подчеркивали мужскую силу. «Вы, может быть, полагаете,— имел обыкновение с задором говорить полковник своим собеседникам после десятой рюмки куантро или бенедиктина,— что в свои пятьдесят шесть лет я тяжело вздыхаю перед зеркалом из-за упущенной победы над какой-нибудь женщиной, а? Нет, мои милые!» Затем он поднимал рюмку и говорил: «Тот, кто любит выпить, не самый плохой человек». А если кто-нибудь, опустошив рюмку, ежился, он с пренебрежением бормотал себе под нос: «Фи, что за слабость!»

Над домом с глухим свистом пролетела граната и разорвалась на другом конце деревни. Круземарк посмотрел в окно. «Ну и молодчина этот Хельгерт!» Изба находилась примерно метрах в двадцати от остальных домов, в нескольких шагах от перекрестка дороги. Из окна хорошо просматривалась впередилежащая местность.

На чердаке дома хозяйничал наблюдатель обер-вахмистр Зенфлебен.

— Ну как связь, в порядке? — спросил Круземарк.

Ответственный за радиосвязь ефрейтор Бюргер засиял:

— Так точно, герр полковник. Для нас наладить связь пара пустяков, ведь у нас такие приборы...

«Да, да, верно, эта батарея получила приборы «Цезарь» и теперь в любое время может вести наблюдение за воздухом и управлять огнем артиллерии», — вспомнил полковник.

Радист решил доказать полковнику, что связь у них действует безукоризненно. Тем более что наступило время передачи донесений. Застучал телеграфный ключ.

— Внимание! Внимание! Я — «Зуек», я — «Зуек», вызываю «Зеленого дятла шесть», вызываю «Зеленого дятла шесть». Как слышите меня? Прием! Как слышите меня? Прием!

Радист переключил рацию на прием.

— Я — «Зеленый дятел шесть». Вас слышу хорошо, вас слышу хорошо. Прием!

За холмом снова разорвалась граната. На сей раз, видимо, более крупного калибра.

Полковник посмотрел на часы, неожиданно произнес: «Черт возьми!» — и сразу же заторопился, словно сегодня помимо обычной карточной игры ему еще предстояло сделать что-то серьезное.

— Дорогой Хельгерт, целиком полагаюсь на вас. Передайте привет моим людям! — Затем он оказал Хельгерту честь и выпил рюмку тминной водки, которую тот поднес ему, и тотчас же поспешил к выходу. При этом он подмигнул Альтдерферу — и тот встал.

Сани быстро заскользили в сгущающихся сумерках по направлению к «фольксвагену».

Вскоре после ухода полковника Хельгерт отправился на командный пункт батальона, где вместе с командиром батальона обошел район обороны.

Тем временем оставшийся в избе Альтдерфер достал планшет и сделал несколько записей. Он без конца приставал к обер-вахмистру Зенфлебену и радистам с вопросами, часто ли нарушается связь со штабом и где вероятнее всего могут появиться русские.

Когда Хельгерт около десяти вечера вернулся на НП, все с облегчением вздохнули.

Время от времени сквозь завывание вьюги откуда-то издалека доносились оружейные выстрелы. Неожиданно затрещал одинокий пулемет и снова смолк. Все было, как в самую обычную фронтовую ночь. Однако полкового адъютанта Алоиза Альтдерфера звуки стрельбы сильно беспокоили. Ему казалось, что выстрелы раздаются где-то совсем рядом.

Хельгерт наносил на карту предполагаемые позиции огневых средств противника.

— Если русские предпримут атаку, они, видимо, появятся отсюда, — начал он объяснять полковому адъютанту, показывая карту.

От этих слов Альтдерферу стало как-то не по себе. Оказывается, противник находился всего лишь в каких-то ста метрах. Кругом ни зги не видно, хоть глаз выколи. Он расстегнул френч: его раздражал резкий запах пота. Альтдерфер то и дело посматривал на часы.

«Не хватает еще, чтобы этот самонадеянный Хельгерт игнорировал меня и все сделал сам», — подумал он. Для поддержания своего авторитета он попытался разыграть из себя тактика и изрек несколько азбучных истин. Хельгерт тем временем выставил в угол сада секрет, приказав солдатам обращать особое внимание на склон холма.

Пока Альтдерфер терялся в догадках, что может произойти этой ночью, если русские атакуют батарею с правого фланга или в центре, и какие контрмеры следует в этом случае предпринять, Хельгерт приказал ефрейтору Бюргеру принести ему хлеб с повидлом и плавленый сыр и не торопясь начал закусывать. На какую-то минуту он задумался над тем, из-за чего, собственно, он недолюбливает этого адъютанта: из-за его склонности к интригам, или для этого имелись и более веские причины? Но он так и не смог ответить на свой вопрос. В общем-то это было ему безразлично.

В конце концов, чтобы как-то поддержать свой авторитет, Альтдерфер сел на своего любимого конька — начал разговор о военной политике.

— Поскольку мы временно отходим, у большевиков может создаться впечатление, что мы выдохлись. Но они глубоко заблуждаются. Временную потерю какой-то территории мы используем для собственной выгоды. Выравнивание линии фронта позволит нам, во-первых,

разумнее использовать имеющиеся у нас силы и создать необходимые резервы; во-вторых, значительно сократит наши коммуникации и тем самым приблизит тыл, в то время как у русских коммуникации невыносимо растянутся, и, в-третьих, противнику будет трудно определить направление нашего возможного удара. Мы их еще не раз удивим. Как вы полагаете, герр Хельгерт? — спросил он. В голосе его звучали нотки коварства.

Командир батареи не спеша закурил, быстрым взглядом окинул помещение и, убедившись, что все, кроме дежурного радиста, крепко спят, спросил:

— Что бы вы сказали, если бы нам удалось сейчас продвинуться на тысячи километров в направлении Краснодара и нефтеносных районов?

Альтдерфер смутился, но тотчас же ответил:

— Нефть — один из важнейших видов сырья в нашей экономике. Для полного обеспечения империи нефтью необходимо предпринять самые решительные меры. Сейчас речь идет о жизненном пространстве. Ради этого мы не можем жалеть даже крови наших солдат. Надо бить противника до тех пор, пока он не будет поставлен на колени. И это не так уж трудно, если учесть, что мы имеем дело со славянами, какими-то полудикими народами, относящимися к низшей расе!

У Хельгерта на этот счет было свое мнение. Ему был до омерзения противен этот тип, и он решил прекратить дальнейший разговор на эту тему.

Он молча улегся в углу комнаты и, не снимая сапог, накрылся плащ-палаткой, а потом спокойно сказал:

— Разумеется, не требуется большого умения, чтобы разгромить русских, если они нападут на нас сегодня ночью. Но завтра нам снова придется отступать. А послезавтра... А на других участках фронта...

Хельгерт громко зевнул. Его взгляд скользнул по лицу Альтдерфера, которое от злобы покраснело.

— Ваши слова меня удивляют. Вы же кадровый офицер, — произнес Альтдерфер резким тоном.

«Этому бюрократу не удастся разозлить меня демагогическими рассуждениями,— подумал Хельгерт.— Оказывается, иногда упрямство приносит пользу».

Снова зевнув, он ответил:

— Кадровый я офицер или офицер запаса — это может интересовать лишь писак, составляющих некрологи

для газет о незабываемых героях, павших на поле брани, и чиновников из военно-пенсионного отдела. А русским на это наплевать.— Он опять зевнул и закрыл глаза.

Но Альтдерфер не отставал:

— Вы хотите сказать, что наш фюрер и командующий армией не полностью контролируют положение на нашем участке фронта?

Хельгерт почувствовал, что разговор начал принимать опасный оборот. Альтдерфер стал задавать ему явно провокационные вопросы. Этот парень, видимо, кляузник. И Хельгерт взял совсем другой тон:

— Дело в том, дорогой Альтдерфер, что вы, видимо, еще недостаточно хорошо знакомы с цинизмом и бахвальством, процветающими на переднем крае. Ведь вы штабной офицер. Твердость прусского духа помогает нам выполнять наш долг. Она выражается в любви к нашему отечеству. А это лучшая черта германской нации! Она сплачивает солдат. Благодаря этой-то твердости и стоят здесь насмерть. Может быть, вы лично убедитесь в этом!

— Ну а какого вы мнения о национал-социалистской партии? Видимо, не очень высокого?

— Почему вы так думаете? — спокойно спросил Хельгерт и поправил свой Немецкий крест.

Но Альтдерфер все не успокаивался, чувствуя себя неуязвимым в подобных вопросах:

— Вы слышали речь Геббельса, которую он произнес во Дворце спорта? Там он заявил, что мы сделаем все, чтобы победить. Я бы посоветовал вам не забывать, что его идеи являются тем движущим фактором, тем идеалом, ради которого стоит умереть, но победить!

— Само собой разумеется, — пробормотал Хельгерт полусонным голосом. — Я давно подал бы заявление о приеме в партию, если бы не был кадровым офицером.

Потом он повернулся на другой бок и заснул.

Полковой адъютант нацарапал что-то в своем блокноте и провел сбоку две жирные черты, чтобы подчеркнуть важность написанного. «Теперь-то я тебя раскусил, — со злостью прошептал он, — и в один прекрасный день мы этим воспользуемся». Затем задул свечу, поворчал немного (в комнате сильно пахло копотью) и через некоторое время забылся в беспокойном полусне.

Вдруг Альтдерфер испуганно вскочил на ноги: снаружи неистово затрещал автомат, и так громко, будто стреляли под самым окном. Альтдерфер надеялся, что после первой очереди он смолкнет. Но за первой последовала вторая, а за ней третья. Через секунду застрочили пулеметы. Раздались разрывы ручных гранат. Где-то справа били гранатометы. Совсем близко рявкала противотанковая пушка. Отовсюду слышались крики.

Хельгерт одним махом вскочил с постели:

— Немедленно свяжитесь по радио с огневой позицией!

Ефрейтор Бюргер попытался было сделать это, но огневая позиция почему-то не отвечала. Телефонная линия связи с пехотой не действовала. Обер-лейтенант схватил со спинки стула автомат и выбежал из дома.

В деревню ворвались русские! Проклятая вьюга! Не видно ни зги. Перед глазами — какие-то призрачные тени. На дороге рвутся лимонки. То и дело мимо ушей свистят пули. Видимо, русские прорвались на левом фланге, так как своя пехота, ведя интенсивный огонь, отходила оттуда к центру деревни. Хельгерт бросился в сад. Часовой, высланный в секрет, скорчившись, неподвижно лежал на снегу: пуля угодила ему в лоб.

У батальонного КП обер-лейтенант столкнулся с командиром батальона.

— Хельгерт! Немедленно открывайте огонь по левому флангу! Вряд ли кто-нибудь из моих людей еще остался там!

Хельгерт помчался назад. Одним махом влетел в дом:

— Связь?

Радист утвердительно кивнул.

— Лейтенанта Гегенбаха к рации!

Бюргер передал. Хельгерт взял микрофон. Оконные стекла задребезжали от пулеметных очередей. Со стен посыпалась штукатурка. С грохотом упала на пол кастрюля. Все бросились на пол.

Полковой адъютант, стоя на коленях, склонился над огневым планшетом. При этом он без конца вытирал пот, выступавший у него на лбу.

Помощник командира батареи лейтенант Гегенбах доложил по радио обстановку на огневой позиции.

— Гегенбах... — начал Хельгерт спокойным голосом, но в этот момент где-то совсем рядом разорвалась мина. Из окон посыпались остатки стекол. Из-за околицы отчетливо доносилось протяжное русское «ура-а-а!».

Хельгерт хотел договорить, но в этот момент обер-вахмистр Зенфлебен открыл бешеный огонь из автомата, выпустив почти весь магазин. Одна за другой на пол со звоном падали стреляные гильзы.

— Слушайте, Гегенбах! — закричал Хельгерт хриплым голосом в микрофон. — Немедленно откройте огонь по нашему расположению на левом фланге плюс пятьдесят метров! Беглый огонь! Быстро! Исполняйте!

Он переключил радиостанцию на прием.

— Слушаюсь! Вас понял: беглый огонь! — донесся до Хельгерта голос Гегенбаха.

Альтдерфер вскочил:

— Вы сошли с ума! Огонь по своим войскам! А если будет недолет?! Это же самоубийство! — завизжал полковой адъютант и выхватил микрофон из рук Хельгерта.

Хельгерт отмахнулся от него, как от назойливого насекомого:

— А вам здесь вообще нечего делать! Поняли?!

Затем он подскочил к открытой настежь двери и открыл ураганный огонь по мелькавшим в темноте силуэтам. Хельгерт расстрелял несколько магазинов патронов.

На краю деревни горели избы. Зенфлебен, легко раненный, залег со своими людьми вдоль дороги. Сюда же отошли пехотинцы.

Наконец раздался грохот орудий. И сразу же вслед за грохотом в дома, расположенные по другую сторону дороги, с оглушающим визгом полетели снаряды.

Хельгерт лежал в снегу. Один снаряд разорвался позади него, но он не придал этому значения.

«Одно оружие мажет: снаряды ложатся левее», — с гневом подумал Хельгерт, когда три раза подряд снег взметнулся далеко в поле. Он помчался назад к рации.

Полковой адъютант обер-лейтенант Альтдерфер плашмя лежал на земле и тяжело дышал, словно после долгого бега.

Хельгерт торопливо говорил в микрофон:

— Гегенбах! Снаряды ложатся в цель. Сто метров прибавить. Исполняйте!

И снова последовал лаконичный ответ Гегенбаха:

— Слушаюсь. Вас понял.

Хельгерт перебежал на командный пункт пехотинцев. Батальонный адъютант лежал за пулеметом в кювете. Рядом с ним валялось несколько мин и ручных гранат.

— Всем в укрытие! — прорычал Хельгерт еще издали. Он слышал, как кто-то повторил его слова.

Ураганный огонь батареи свое дело сделал. Бой стихал.

После боя пехотинцы приняли некоторые меры. Командиры наводили порядок в своих подразделениях. Раненых унесли. Убитого связиста артиллеристы увезли на санях.

Несмотря на ранение, Зенфлебен ни за что не хотел отправляться в госпиталь, как он выразился, «на издыхание», и Хельгерт разрешил ему остаться на КП. Сам он, совершенно измученный, тяжело опустился на единственный целый стул, оставшийся в помещении. Хельгерт дрожал от холода: в разбитые окна порошил снег, но он сразу же заснул.

На рассвете саперный батальон отвели в тыл. Сквозь густые облака пробивались бледные лучи зимнего солнца. Солдаты снова стали зарываться в снег. Вскоре принесли в канистрах кофе. Солдаты наполнили фляги и алюминиевые кружки горьковатой горячей жидкостью.

Днем противник в течение часа вел беспокоящий огонь из легкой пушки.

Хельгерт решил перенести свой НП вперед, чтобы иметь возможность вести наблюдение за противником. Альтдерферу он посоветовал отправиться вместе с ним на новый НП.

Тем временем Зенфлебен поддерживал постоянную радиосвязь с огневой позицией, которая подвергалась налетам советских штурмовиков. Гегенбах держался, пустив в ход пулеметы. Пока у него было только шесть раненых.

Альтдерфер и Хельгерт поднялись по отлогому заснеженному склону.

Метрах в шестистах можно было различить отдельные фигурки русских солдат. Из темнеющих развалин

поднималось несколько струек дыма. «Русские, наверное, кипятят чай и пьют водку»,— подумал Хельгерт. Ничего примечательного они больше не увидели на сверкавшей ослепительной белизной снежной равнине.

Альтдерферу стало не по себе при одной только мысли, что русский снайпер, может быть, сейчас берет его на мушку.

Неожиданно со стороны садов глухо прогремело несколько выстрелов. Несколько прыжков — и Альтдерфер оказался у ближайшего дома. «Шарахнулся, словно побитая собака», — подумал Хельгерт и усмехнулся.

— Пойдемте, — позвал Хельгерт полкового адъютанта, — перенесем сюда свое барахло.

Альтдерфер покосился в сторону садов.

Когда Хельгерт, не обращая внимания на стрельбу, направился в сторону НП, полковой адъютант бегом догнал его. «Только бы не остаться одному», — сверлила мозг тревожная мысль.

Хельгерт с презрением посмотрел на адъютанта. «В самом деле ничего не знает или только делает вид?» Хельгерт никак не мог разобрать, что за человек этот курчавый очкарик.

Альтдерфер, словно вытащенная из воды рыба, беспомощно открыл и закрыл рот.

Они вышли к поперечной дороге.

— Герр Хельгерт, я на минутку загляну к погребальной команде. У них там нет ни одного офицера, всего лишь один унтер. Посмотрю, как там они.

Альтдерфер быстро свернул на узкую тропинку.

Вьюга, разыгравшаяся еще на рассвете, припорошила снегом убитых и раненых. То здесь, то там из снега торчали чьи-то руки, ноги, глядели широко открытые глаза, виднелись шинели и подбитые теплой подкладкой маскировочные костюмы, обезображенное человеческое мясо и покрытое корочкой льда оружие.

Несколько трупов немецких пехотинцев погребальная команда уже убрала. Их перетащили к дороге. Фельдфебелю штабной роты, случайно оказавшемуся впереди, пришлось снимать с убитых личные знаки, и он с трудом сдерживал подступавшую к горлу рвоту.

Солдаты разрывали снег прикладами карабинов. Альтдерфер остановился рядом с ними. Он чувствовал, как в груди начало бешено биться сердце. Если солдаты

наталкивались на окоченевшее тело — считали, что это уже труп, если же из-под снега торчали сапог, рука или голова — считалось, что в этом теле еще теплится жизнь.

Одного из тяжелораненых осторожно приподняли. Это был унтер-офицер, потерявший сознание.

— Командир отделения Ламмерс из девятой роты! — сказал кто-то вполголоса. Его потащили по снегу на плащ-палатке в деревню.

Затем откопали одного русского солдата. От его шинели шел пар. Правая нога была как-то неестественно вывернута и лежала в луже запекшейся крови. Когда стволом карабина дотронулись до его головы, русский закрыл глаза. Оглушительным выстрелом его резко перевернуло на другую сторону.

Обер-лейтенанту казалось, что все окружающие слышат, как невероятно громко стучит его кровь. Спотыкаясь, словно в полузабытьи, он поплелся с погребальной командой дальше.

Снова нашли одного русского. Из его легких вырывался свистящий хрип. «Ранение легких», — подумал Альтдерфер. Он дозарядил свой маузер и дотронулся до руки пехотинца. Альтдерфер видел, что раненый красноармеец заметил, как он снял пистолет с предохранителя. Тогда полковой адъютант с невозмутимым видом нажал на спусковой крючок.

Оставалось осмотреть еще половину поля. «Лучше было бы сейчас как следует позавтракать и хорошенько выспаться, чем ходить здесь и расстреливать раненых», — мелькнуло в голове Альтдерфера, но он все же остался.

Обер-лейтенанта охватило неведомое ему волнение. Он затаил дыхание. Альтдерфер увидел голову красноармейца, тело которого покрывала тонкая пелена снега. Альтдерфер согнул палец и спустил курок. Патронная гильза с шумом отлетела вправо.

Русского подбросило вверх. Теперь его голова лежала рядом с сапогом обер-лейтенанта. Тонкая струйка крови медленно стекала по его бледному лбу в блестящие кристаллики снега.

Снег стал красным.

Глубоко вздохнув, Альтдерфер выпрямился. Его колени слегка дрожали, но в душе он чувствовал себя

героем. «Я смотрел в глаза противнику, а ведь это одно из условий награждения Железным крестом первого класса». Альтдерфер поставил пистолет на предохранитель, вложил его с важным видом в кобуру и, не оглядываясь, тяжелой походкой пошел на старый НП. Редкие выстрелы, которые еще раздавались из-за садов, уже не беспокоили его. «Твердость, безусловная твердость,— размышлял он,— вот качество, которое характеризует нас, германских солдат».

У батальонного КП слышался смех. Альтдерфер прошел туда.

Когда он вошел в избу, Хельгерт сидел у окна и сквозь разбитое стекло смотрел в сторону кладбища. Когда же Альтдерфер сел на соседний стул, он не удостоил его даже взглядом.

Обер-лейтенант Альтдерфер был не настолько глуп, чтобы не заметить этого. Но поведение Хельгерта не могло испортить его хорошего настроения: он слишком гордился своим мужеством.

Под вечер советская пехота выбросила немцев из деревни.

Через три дня полковник Круземарк с сияющим видом прикрепил к френчу полкового адъютанта обер-лейтенанта Алоиза Альтдерфера Железный крест первого класса. Он едва не задушил его в своих объятиях. Затем достал последнюю трофейную бутылку превосходной русской водки и налил до краев два стакана.

Альтдерфер искренне поблагодарил Круземарка и заверил его, что навсегда останется «верным слугой господина полковника».

Когда известие о награждении Альтдерфера Железным крестом первого класса дошло до Хельгерта, тот по телефону поздравил его. Но с этого дня сам Хельгерт стал надевать свой Железный крест только в крайних случаях.

Заметив это, Альтдерфер подчеркнул у себя в блокноте старую запись еще одной жирной красной чертой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В конце февраля специальные курсы, организованные для подготовки будущих командиров зенитных батарей, закончили свою работу. В довершение всего был

организован выпускной вечер в казино, на который пригласили дам, как в старые добрые времена.

После этого вечера у обер-лейтенанта Курта Дернберга ужасно болела голова. Он отвернул кран и подставил под холодную струю черноволосую голову. Стало легче. Он вытер голову полотенцем и посмотрел в зеркало. «Боже мой, — подумал он, разглядывая свое бледное лицо с покрасневшими глазами, — у меня такой вид, будто я только что перенес желтуху. На этом прощальном вечере я истратил уйму денег. Да и вообще во время учебы деньги текли как вода». Мысль о деньгах испортила Курту настроение.

В течение последнего месяца Дернберг постарался пригласить к себе по очереди всех своих начальников. Правда, у него теперь стало больше шансов получить назначение на должность командира батареи, но зато появились долги, из-за которых белый свет стал не мил.

Голова болела ужасно. Особенно резкие боли ощущались в затылке. «А ведь сегодня у меня как раз должна быть, как никогда, ясная голова, ведь надо привести в порядок все дела и как-то выкрутиться с деньгами. Небольшая поездка по железной дороге — и я начну извлекать пользу и из любви. Было бы глупо упустить такой случай».

Так думал Дернберг, пришивая белоснежный подворотничок. Клавдия, разумеется, не имела ни малейшего представления о том, как легко узнал он ее новый берлинский адрес через общих знакомых в Вене. Нужно только прийти не очень рано, чтобы она не посмела выставить его за дверь, боясь, что по дороге его может захватить воздушная тревога.

Обер-лейтенант Дернберг, придав своему лицу мужественное выражение, с удовлетворением вспомнил, что, когда он стоял у цветочного киоска на вокзале, его с интересом рассматривали несколько дам. Правда, розы, которые он тогда купил, оказались не ахти какими, но Клавдия так любила эти цветы!

Довольный самим собой и уверенный в успехе, Курт вскочил в трамвай. Темнота в вагоне раздражала Дернберга: никто не видел его стройной фигуры.

Дернберг окинул внимательным взглядом фасад дома, поправил плащ и перешел улицу. Дверь оказалась закрытой.

Клавдия писала Эбергарду письмо, все еще находясь под волнующим впечатлением тех часов, которые она провела вместе с ним, хотя новая жизнь настораживала ее. Эбергард не знал, да и не должен был знать, что и она тоже кое-что делает.

Без малейшего колебания Клавдия приняла предложение Рудольфа Бендера.

В жизни каждого человека бывают минуты, которые как бы делают его умудренным и просветляют. События, ушедшие в прошлое, снова всплывают в памяти. Обычное кажется необычным, неожиданно человек начинает понимать, что он только что пережил перелом.

Однажды как бы невзначай Бендер упомянул, что Баум еще до войны выступал против Гитлера. Клавдия, наверное, слышала от Эбергарда, что он, Бендер, был членом коммунистической партии и уже тогда отрицательно относился к политике Гитлера. Сейчас же он на свой страх и риск искал связей. Если и Клавдия придерживается таких же взглядов, то он при случае встретится с ней и поговорит. Это, собственно говоря, самое главное.

Раньше Клавдия не интересовалась политикой. Отец ее, фабрикант, был очень осторожным человеком. Еще до войны он уехал в Швейцарию и построил там небольшое предприятие. Правда, сто рабочих, которые работали у него, все вместе получали лишь часть той суммы, которую получал он. Но, по его мнению, это не имело ничего общего с политикой.

Клавдия никогда не задумывалась над подобными вопросами. Она была занята только своим Эбергардом. Ради него она могла пойти на что угодно. Решение помогать Бендеру она приняла без колебаний.

После первой встречи с Бендером и последующих разговоров с ним многое из того, что раньше казалось незыблемым, стало рисоваться ей совсем в ином свете.

Постепенно Клавдия пришла к выводу, что каждый честный немец обязан что-то предпринять против разгула коричневого террора. Она считала вполне логичным начать действовать там, где работала, то есть на танковом заводе «Норд». И когда Рудольф Бендер както спросил ее, выполняет ли она какие-нибудь задания...

Звонок, надрывавшийся в прихожей, заставил ее очнуться. Кто бы это мог быть? Может, соседи? Они до

конца недели уехали к дочери и на всякий случай оставили у нее ключи.

Звонок звенел все настойчивее. Она положила ручку на стол, встала, быстро подошла к двери и открыла ее. На пороге с сияющим от радости лицом стоял обер-лейтенант Курт Дернберг.

Кровь отлила от лица Клавдии.

— Случайно проезжал мимо и решил заглянуть...— Голос обер-лейтенанта был тих и приветлив. Он зашуршал бумагой и протянул Клавдии букет роз: — Как вы себя чувствуете?

На лестнице послышались чьи-то торопливые шаги. Клавдия быстро захлопнула входную дверь. Некоторые из жильцов дома знали, что Эбергард несколько дней жил у нее.

Дернберг воспринял это как приглашение войти и галантно поклонился. Затем приветливо улыбнулся и огляделся, ища, куда бы положить фуражку, перчатки и офицерский кортик.

— Что тебе здесь нужно? — строго спросила Клавдия, преградив офицеру путь.

— Прошу меня извинить... Если тебе неприятно...

На площадке кто-то из соседей гремел ключами. Испугавшись, что соседи могут увидеть Дернберга, если он сейчас выйдет, Клавдия предостерегающе подняла руку.

Дернберг сначала сделал вид, что не решается войти в комнату. Глаза его победоносно светились. Замешательство Клавдии не осталось незамеченным.

Клавдия повторила свой вопрос.

— Может быть, вы разрешите хотя бы присесть на минутку? — попробовал он шутить.

Взгляд обер-лейтенанта остановился на неоконченном письме, которое Клавдия писала до его прихода. «Мой дорогой Эбергард...» — прочитал он про себя.

Клавдия быстро накрыла письмо газетой. Дернберг же тактично отвел глаза в сторону. Снял кожаное пальто, сел на стул и, подумав, решил, что первый натиск был явно удачным. Никому не удастся рассмотреть его истинных намерений под маской напускной вежливости.

— Дорогая Клавдия... — начал он с чувством.— Я пришел сюда только затем, чтобы сказать тебе, что мне стыдно за тот случай. — Он глядел прямо перед

собой, стараясь придать лицу выражение сожаления. Нужно было спешить, чтобы не дать ей опомниться и произвести выгодное впечатление.

Постепенно к Клавдии вернулось ее обычное спокойствие.

— Это лишнее, — заметила она и удивилась холодности и строгости своего голоса. — Для меня все это уже кончилось, — добавила она. — Я не собираюсь упрекать тебя... Я не злопамятна.

Дернберг не поверил в искренность ее слов. К своему неудовольствию, он заметил, что розы все еще лежат на стуле. Клавдия о них, казалось, забыла. Значит, надо... Он встал.

— Ты знаешь, Клавдия, что тогда, на Старом Дунае...

Воспоминания захлестнули его.

Глаза Клавдии выдавали волнение:

— Того времени для меня больше не существует.

Дернберг мысленно оценил создавшуюся ситуацию, и в голосе его зазвучали трагические нотки.

— А если я очень попрошу тебя... — начал он и, немного помолчав, добавил: — Наша любовь не могла умереть так быстро.

Дернберг притворился взволнованным и начал глубоко дышать.

Клавдия была абсолютно спокойна:

— В июле мы с Эбергардом Баумом поженимся.

Курта словно ударили по лицу. Эбергард Баум? О нем-то он не подумал. Считал, что Баум находится где-то на Восточном фронте или еще черт знает где. До боли вцепился ногтями в ладонь, но власти над собой не потерял: театрально провел рукой по лбу, тяжело вздохнул и склонил голову на грудь.

Клавдия положила перед ним фуражку, перчатки и кортик:

— Я думаю, нам не о чем больше говорить. Хотя минуточку...

Она подошла к книжному шкафу.

Обер-лейтенант не считал, что все потеряно. Важно не потерять голову. Можно еще что-нибудь придумать. «Она никогда не выйдет замуж за этого ефрейтора», — подумал он с издевкой.

Девушка подошла к столу, держа в руках большую коробку. В ней она хранила старые письма.

— У меня осталось несколько твоих фотографий. Я хочу вернуть их тебе. Они еще могут пригодиться.

Дернберг встал. Он уже с трудом сдерживал себя. «Она, пожалуй, готова пойти на все», — решил он.

Клавдия чувствовала себя окрыленной. Сегодня она окончательно порвет с прошлым, которое хочет забыть. Подняла крышку коробки.

Дернберг заметил, как изменилась Клавдия в лице. Руки ее дрожали. Глаза офицера впились в бумагу, которая лежала на самом верху.

«Долой Гитлера!

Мужчины и женщины столицы империи!

Многие из вас оплакивают смерть своих родных и близких! На фронте и...»

Клавдия быстро захлопнула шкатулку. Сверху в ней лежала тоненькая пачка листовок, которые после обеда передал ей Бендер. Завтра перед началом смены она должна незаметно раздать их.

— Фотографии где-то в другом месте, — пробормотала она, ставя шкатулку в шкаф. Взяв себя в руки, она добавила уже твердым голосом:

— Я как-нибудь найду их и перешлю тебе.

Затем подала Курту кожаное пальто. В лице — ни кровинки.

Обер-лейтенант мгновенно оценил происшедшее. Неслыханное дело: «Долой Гитлера!» Как это понять?! Впрочем, понять можно! Вот она, спасительная соломинка! Он улыбнулся торжествующей улыбкой.

— Возможно, ты еще будешь благодарить меня, — осторожно начал он, бросая недвусмысленные взгляды на книжный шкаф. — Это дело с Эбергардом Баумом было несколько... несколько необдуманным. Оно может привести к трагическим результатам.

Он подошел к шкафу и начал рассматривать книги, за которыми стояла шкатулка.

Клавдия все поняла: «Он хочет, чтобы я отказалась от Эбергарда. Он наверняка будет требовать именно этого и при случае станет запугивать меня этими листовками. А что будет, если я начну сопротивляться? Тогда он сообщит гестапо, где меня заставят говорить».

Несколько секунд Клавдия еще надеялась, что Дернберг окажется рыцарем. Но стоило ей посмотреть ему в глаза, как эти сомнения развеялись. Она отвернулась от Дернберга и закрыла лицо руками.

— Клавдия, — тихо начал он, осторожно открывая дверку шкафа, — может быть, ты все еще думаешь, что я очень изменился?

Дверца тревожно скрипнула.

Одна из злополучных листовок была у него в руках.

Клавдия мгновенно подбежала к Курту. С этой минуты они стали заядлыми врагами. «А что, если сочинить какую-нибудь историю? Бесполезно. Дернберг все равно не поверит».

Дернберг сунул листовку в карман и, казалось, наслаждался растерянностью девушки. Клавдия бросилась к нему.

— Клавдия, маленькая, — снисходительно начал Курт и погладил ее по волосам.

Клавдия отскочила. Дернберг сделал вид, что не заметил ненависти в глазах Клавдии: решил во что бы то ни стало добиться своего. Манеры, которым его учили в течение нескольких лет в прусской военной школе и к которым он привык в первоклассном казино, не позволяли ему сорваться. Речь шла не о сегодняшнем дне, а о будущем. Листовка, с помощью которой он рассчитывал достичь своей цели, лежала у него в кармане.

Дернберг надел пальто, пристегнул кортик, собираясь откланяться:

— Если можно, я еще навещу тебя как-нибудь?

В глазах обер-лейтенанта горели победные огоньки. Он слегка поклонился и вышел, не дождавшись ответа.

Спустившись по лестнице, он остановился на последней ступеньке, достал из кармана листовку и не торопясь прочитал ее до последнего слова.

«Долой Гитлера!

Мужчины и женщины столицы империи!

Многие из вас оплакивают смерть своих родных и близких! На фронте и здесь, в тылу, среди развалин ваших домов.

До каких пор вы будете беспомощно смотреть на это? Уберите Гитлера и его кровавую клику — и у вас будет мир!

Смерть фашистам и их приспешникам!»

Как никогда довольный собой, Дернберг пошел к выходу.

Перед парадной дверью стоял дежурный, который выпустил его на улицу, гордый сознанием выполняемого долга и любезным приветствием обер-лейтенанта.

Дернберг успел даже на ночной поезд, идущий в Гамбург.

ГЛАВА ПЯТАЯ

К вечеру на Менкебергштрассе было очень оживленно. До войны ни здесь, ни у ратуши, ни на Юнгфернстиге никогда не было столько людей. Повсюду видны следы войны.

Витрины больших магазинов, которые раньше обслуживали только состоятельных покупателей, свидетельствовали о крайней скудности. Даже текстильные товары продавались по карточкам. Были, правда, товары, которые можно было купить и без карточек, но спроса на них почти не было. Днем в некоторых ювелирных магазинах выставляли кое-какие драгоценности, но цены на них были баснословные.

Ильза Хельгерт сначала безо всякой цели прогуливалась возле гамбургской ратуши, потом пересекла Иннен-Альстер, разглядывая витрины магазинов. Уже начало смеркаться, когда она оказалась неподалеку от маленькой гостиницы, где ее должен был ждать Виланд. Светло-каштановые волосы. Строгое лицо, коричневое от загара, несмотря на то что стояла зима. Стройная фигура и тонкая талия. Несколько дней назад ей исполнилось двадцать четыре года.

В эти дни она немного скучала и потому не без удовольствия приняла приглашение инженера Виланда Альтдерфера провести вместе вечер.

Встретились они совершенно случайно, в полицейском участке. Когда полицейский отдавал документы, он по ошибке перепутал их паспорта. Виланду приходилось слышать о Хельгерте. Его брат Алоиз время от времени писал ему о фронтовых новостях и каждый раз упоминал имя командира батареи. Ильза тоже сразу узнала Виланда: видела его на групповом снимке офицеров штаба, сфотографировавшихся на фоне разбитых танков.

Когда они убедились в том, что в какой-то мере знакомы друг с другом, они зашли в кафе. В тот день Ильза была занята, и они договорились встретиться на следующий день и продолжить начатый разговор. Альтдерфер попросил разрешения привести с собой коллегу по работе Петера Корнелиуса, заметив при этом. что тот нисколько не помешает им.

— Уважаемую даму уже ждут, — шепнул Ильзе старик официант, как только она вошла в ресторан Она заулыбалась, обнажив два ряда красивых белоснежных зубов. Ильза искренне радовалась этой встрече. Наконец-то она сможет поговорить о своем муже!

Виланд Альтдерфер вышел ей навстречу и галантно поцеловал руку.

Корнелиус тоже поднялся. В разговоре он почти не принимал участия: заказывал ужин.

Инженер Виланд Альтдерфер оказался очень интересным человеком. В отличие от своего брата он довольно резко говорил о национал-социалистской партии и о войне. Вместе с товарищем по институту Петером Корнелиусом он с головой ушел в работу у Блома и Фосса. Чего только не строили на этой гигантской верфи: и грузовые суда для обычных транспортных целей, и пассажирские пароходы; сейчас же они занимались броневыми листами, корабельными орудиями и другими вещами, с помощью которых кое-кому легче было попасть к рыбам.

Инженерам здесь платили хорошо, а это что-нибудь да значит. Своего брата, Алоиза, Виланд ценил за обширные познания в области юриспруденции, за то, что ему довольно быстро удалось заполучить практику, которая приносила ему баснословные прибыли, и, наконец, за его успехи в армии. Да и вообще Альтдерферы из поколения в поколение поддерживали друг с другом тесные родственные связи.

Официант подал закуски.

Петер Корнелиус первым поднял бокал.

— Я позволю себе предложить выпить за того, кто когда-то привел нас в этот чудесный уголок, где мы можем наслаждаться великолепной кухней. Если бы он знал, что мы сидим здесь в обществе очаровательной дамы, он наверняка не стал бы ужинать в одиночестве. Да здравствует Курт Дернберг!

Они чокнулись.

В этот момент послышался ноющий вой сирены. Хозяин заведения включил специальное освещение. Шкала радиоприемника светилась слабо. Он начал крутить ручку настройки:

— Несколько самолетов противника прорвались к Гамбургу...

— Господа, я хочу попросить вас спуститься в наше бомбоубежище, — предупредил всех старший официант.

Альтдерфер шел впереди. Он не был так труслив, как его брат, но все же спускался по ступенькам довольно быстро. Со двора кто-то заорал во все горло: «Да выключите же наконец свет!» На улице заревел мотор.

Где-то вдалеке начали рваться первые бомбы. Корнелиус еще стоял перед входом и смотрел на небо. На стену противоположного дома упал слабый отблеск. От прожектора? Или уже от пожара? Он поспешил спуститься в убежище.

Ильза Хельгерт невольно вспомнила квартирку своих родственников.

В убежище, слабо освещаемом двумя лампочками, разговоры стихли. Альтдерфер и Корнелиус молчали.

Вдруг раздался сильный взрыв. Земля задрожала. Где-то безнадежно заговорили зенитные батареи, показывая свою беспомощность. Ночное небо осветилось призрачным светом осветительных бомб. Американские «летающие крепости» бомбили жилые районы.

Ильза присела на скамью. Охвативший ее страх рос с каждой минутой. Она украдкой огляделась. На лице каждого — страх и растерянность. У противоположной стены убежища пожилой мужчина грыз ногти. Сидевший около него согнулся и обхватил голову руками. Хозяин заведения беспрестанно почесывал затылок. Молодая женщина укутывала ребенка в теплое одеяло. Некоторые делали вид, что дремали.

Через несколько мгновений ужасная тряска прекратилась. Снова послышался шепот. Ильза посмотрела на часы. Было четверть одиннадцатого. Кто-то открыл дверь убежища. Ильза прислонилась головой к белой стене, закрыла глаза и вся превратилась в слух.

Откуда-то издалека приближался гул моторов. Все снова притихли. Стали прислушиваться. Вторая волна налета! Виланд несколько раз оценивающе посмотрел

на потолок: выдержит ли? Где-то поблизости раздались сильные взрывы. Земля нервно содрогнулась. Со стен и с потолка мелкой пылью заклубилась известка. Тяжелые авиабомбы! Со стен стали отлетать большие куски штукатурки. Электрический свет заморгал и через несколько мгновений погас.

Следующие бомбы упали уже дальше. Наконец грохот разрывов угас в направлении моря.

Все стали толпиться у выхода. В углу кто-то громко выругался. Через несколько минут над городом пронесся усталый звук сирены, возвещавшей об отбое воздушной тревоги. Из убежища на улицу стали высыпать люди. Дом оказался неповрежденным.

Корнелиус помог Ильзе подняться в кафе.

Ночное небо полыхало. Во многих местах к небу вились густые шлейфы дыма от осветительных бомб.

Стены некоторых домов, находившихся на правой стороне улицы, потрескались. Из развороченного асфальта с шумом била вода. Кое-где вырывались зеленоватые языки горящего газа. Люди, освещенные пламенем, бродили как тени. Многие кричали и плакали.

Солдаты оцепили улицу. В доме напротив с шумом обвалилась стена. Из-под горящих балок вытаскивали трупы. Пронзительно гудели сирены пожарных машин. Санитарные машины, забитые обезображенными телами, пытались выбраться из этого хаоса.

«И на этот раз пронесло, — подумал Альтдерфер. — Но сколько можно? То же самое повторится завтра, и послезавтра... До каких пор можно слушать этот вой, от которого болят барабанные перепонки, а все тело становится каким-то чужим? Потом объявят, что ночью Гамбург подвергся варварской бомбардировке англичан и американцев. Пострадало несколько зданий. Имеются убитые и раненые. Альтдерфер отбросил сигару в сторону. Оставалось одно — довольствоваться этой паршивой жизнью и мечтать о том, чтобы до тебя очередь дошла как можно позже или совсем не дошла, если такое вообще возможно. Он быстро поднялся в кафе и залпом выпил два бокала вина.

— Вид ужаснее, чем следовало бы, хотя повреждения невелики, — сообщил он небрежным тоном.

Ильза встала:

— Я во что бы то ни стало должна быть дома. Кто знает, что там могло случиться!

— А разве нельзя позвонить кому-нибудь из ваших? — начал Корнелиус. — Не хотелось бы портить такой вечер.

— Ах да, у привратника дома есть телефон, — вспомнила Ильза.

Альтдерфер спросил номер и пошел звонить.

Привратник сразу подошел к телефону.

«В нашем районе ничего особенного не произошло», — услышал Виланд в ответ.

Инженер обрадовался и попросил передать привет тетушкам и дядюшке Хельгерт. Положив трубку, он хотел было уже вернуться в зал, как вдруг кто-то дотронулся до его плеча.

— Курт! Вот так сюрприз! А я-то думал, что ты в полку!

Дернберг засмеялся.

— Сюрприз, старина. Получил отпуск на трое суток. Окончил командирские курсы. Теперь вторая звездочка не заставит себя долго ждать! Я шел сюда, но из-за воздушной тревоги пришлось спуститься в убежище. А они неплохо работают, не так ли?

— Да, пожалуй! — согласился Виланд.

Курта Дернберга представили Ильзе. Отлично сшитый темно-серый френч делал его представительным. Имени Ильзы он не расслышал, так как в этот момент совал официанту в руку двадцать марок:

— Это вам. Принесите, пожалуйста, бутылку моего любимого и охладите пару бутылочек клико.

Официант поклонился.

— Детки, а я вижу, вы и в самом деле перепугались. Ну, сейчас мы прополощем горло!

Дернберг понимал, что оба инженера могут еще пригодиться ему, да и эта дама с огненными волосами недурна. К тому же несколько часов назад ему удалось заполучить долгосрочный кредит. Все это, и прежде всего сознание того, что теперь Клавдия у него в руках, подняли его настроение. С листовкой не следует тянуть. Она ведь может потерять всякую ценность. Да и господа из гестапо могут заинтересоваться, почему он так долго молчал.

— Я позволю себе, — начал он, подняв рюмку с коньяком, — предложить тост за то, чтобы мы снова превратились в бесстрашные изваяния из камня.

Они выпили, посмеялись и снова выпили. Шампанское оказалось превосходным.

Ильза чувствовала, как напряжение, в котором она только что находилась, куда-то исчезло.

— Ну-с, фрау Хельгерт, вам уже лучше? — заботливо спросил ее Виланд.

Курта Дернберга только что произнесенная фамилия заставила насторожиться. Продолжая говорить с Корнелиусом о новых судах, строящихся на «Дейтче верфт», он внимательно слушал, о чем говорила Ильза. Она в это время рассказывала историю о сбитом русском летчике, которую довольно подробно описал ей в своем письме муж. Поведение знакомого ему Эбергарда Баума, который чуть было не отправился к праотцам и, несмотря на это, не чувствовал ненависти к врагу, показалось Курту странным и непонятным.

Дернберг выпил рюмку коньяку. «Вот уж поистине везет, — подумал он. — Выигрыш за выигрышем».

И он стал припоминать все встречи с офицером-артиллеристом, жена которого сидела вместе с ними. Еще при первой встрече Хельгерт не понравился Курту. Дернберг ненавидел его уже за одно то, что Эбергард Баум был другом Хельгерта.

«Фриц со своим характером, — думала Ильза, — видимо, пришелся бы здесь не ко двору. Для него хорош только прямой путь: или — или. Поэтому-то он и готов каждую минуту жертвовать своей жизнью ради отечества, за великую идею».

Громкий смех мужчин прервал ее воспоминания — и она выпила бокал вина, мысленно пожелав мужу здоровья. Бокал тут же наполнили еще. Потом еще и еще. Неожиданно Ильза почувствовала, что опьянела. «Пожалуй, было бы лучше уйти домой сразу же после сигнала отбоя», — подумала она.

Дым от сигарет стоял голубой стеной. Запах спиртного вызывал рвоту. Молодой женщине на мгновение показалось, что она стоит на мосту над бушующим потоком и не может двинуться с места. Она закрыла глаза. Руки судорожно вцепились в подлокотники кресла.

— Уважаемая фрау совсем бледная, — заметил Корнелиус.

Он немного помедлил и снова повторил:

— Совсем бледная.

Тогда заговорил Дернберг. Голос его был тих и ласков:

— Фрау Хельгерт, вы должны выпить рюмочку вот этого, и вам сразу станет лучше.

Ильза выпила рюмку ликеру. Потом Корнелиус и Виланд с помощью старшего официанта надели на нее пальто. Оба они тоже еле держались на ногах. У Дернберга же, казалось, не было ни в одном глазу.

Откуда-то издалека до нее долетел голос Альтдерфера:

— Отвези ее домой...

В ответ послышался громкий смех.

Через два дня Дернберг навестил Виланда Альтдерфера на верфи. Рассказал, что вчера был на приеме у командующего округом, почему, собственно, и не смог поужинать с ним и Корнелиусом. Как бы мимоходом Курт заметил, что Альтдерфер в скором времени получит повестку из призывного пункта. Дернберг, казалось, наслаждался тем эффектом, который произвели его слова. Он даже заметил, что Альтдерфер побледнел. И когда Виланд поинтересовался содержанием повестки, Дернберг ответил так, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся: стоит ему при случае позавтракать с комиссаром, и будет все улажено.

В эти мрачные дни у Виланда Альтдерфера была одна забота: сохранить за собой броню... Но сейчас это было делом нелегким.

Дернберг, улыбаясь, заверил Виланда, что обеспечит ему долгосрочную отсрочку. Альтдерфер тут же рассыпался в благодарностях.

Обрадовавшись, что ему снова на долгое время удастся открутиться от фронта и что в интересах империи и фюрера он сможет спокойно работать на гамбургской верфи, Альтдерфер заверил Дернберга, что он никогда не забудет этой любезности и при случае ответит тем же.

Дернберг без обиняков заявил:

— У меня имеются кое-какие счеты с некоторыми людишками, но я постараюсь расправиться с ними сам.

Только вот... эта куколка, Ильза Хельгерт, кривляется, словно коза на канате...

— Я тебе кое-что скажу...— радостно начал Альтдерфер.

— У меня лично сложилось такое впечатление,— перебил его Дернберг,— что эта куколка будет держать язык за зубами.

— Да и какая женщина осмелится болтать про ночь, которую она с кем-то провела! — перебил его с ехидной усмешкой Виланд.— Другое дело мы, мужчины.— И он доверчиво посмотрел на Дернберга.

Офицер кивнул.

— Чтобы ты знал, скажу тебе, что эту курочку нужно ощипать до конца. А этого Хельгерта, не считая еще одного типа, я терпеть не могу. Поэтому мне доставило особое удовольствие его уважаемую супругу, нареченную ему господом богом и судьбой... Но только бы она не проболталась. Понимаешь?

Дернберг осторожно прощупывал почву. Альтдерфер прекрасно понимал все. Единственное, чего он никак не мог понять,— что же, собственно, требуется в данной ситуации лично от него. Уговорить Ильзу молчать? Или сделать еще что-нибудь?

Если случай получит огласку, возможно, придется прибегнуть к помощи адъютанта командира полка, в котором служит муж Ильзы.

Виланд Альтдерфер тем временем думал о своем. На какой срок удастся ему получить новую броню? После получаса своего разговора с Куртом он уже понимал, что, если потребуется, он должен заявить, что Ильза Хельгерт сама примазалась к обер-лейтенанту.

Дернберг поинтересовался, не наблюдал ли чего-либо подобного и Петер Корнелиус.

Когда Альтдерфер подошел к телефону и начал набирать номер Петера, Дернберг как бы между прочим заметил, что было бы хорошо, если бы он и Петер повторили это во время дачи свидетельских показаний.

Петер Корнелиус с готовностью подтвердил, что и он заметил, как Ильза вешалась Дернбергу на шею, не понимая, какая роль уготовлена ему в этой некрасивой истории.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Хельгерт пошел на огневые позиции, чтобы на месте разобрать жалобу лейтенанта Гегенбаха, который заявил, что, несмотря на первоклассную работу наводчиков, изношенные орудия стреляли из рук вон плохо. Тысячи снарядов были истрачены впустую. Если так пойдет и дальше, скоро вообще ни за что нельзя будет ручаться.

Гегенбах, будучи еще унтер-офицером, числился в шестой батарее. Было это во время войны с Францией. Через три месяца, когда они находились уже в Меце, его произвели в вахмистры и отправили на курсы офицеров-резервистов. Когда же дивизию неожиданно перебросили в Верхнюю Силезию и пополнили до боевого состава, Гегенбах только и мечтал о том, чтобы вовремя вернуться в свой полк. Когда началась война с Россией, он вернулся на свою батарею с головой, напичканной различными тактическими премудростями, уставными положениями и принципами военной педагогики. Все это дополнялось безукоризненным знанием противогаза, материальной части пулемета и искусством действовать с прусской педантичностью в любой обстановке. Он даже мог процитировать кое-что из немецких поэтов. Особенно хорошо был знаком с биографией Хорста Весселя и великих умов первой мировой войны, как Ведиген, Удет и Людендорф. Прежде всего им он был обязан тем, что навсегда запомнил: «На поле битвы немецкий солдат непобедим!»

Гегенбах усвоил все премудрости. Он хорошо знал лозунги нацистской партии и сложные инструкции штабов.

Вместе с ним после окончания курсов на батарею вернулись новоиспеченные лейтенанты Билербек и Загасер. Билербек за десять дней до окончания сосредоточения на Сане был раздавлен лафетом самоходного орудия. Загасер погиб двадцать второго июня сорок первого года в три часа девятнадцать минут, то есть через четыре минуты после начала похода.

С тех пор Гегенбах стал старшим на батарее. В его обязанности входило вести учет боеприпасов. Он делал все, чтобы его орудия были готовы в любой момент открыть огонь.

Хельгерт был доволен Гегенбахом за все двадцать месяцев, проведенных на Восточном фронте.

Лейтенант вытащил из свертка с бельем фляжку коньяку и два больших стакана.

Хельгерт с удовольствием выпил:

— Наконец-то приходится пить настоящий коньяк! Этот проклятый шнапс ободрал мне всю глотку.

Когда Гегенбах пнул ногой свой узелок с барахлом, из него вывалился целый сверток топографических карт. Он поднял их и положил на стол: Орел, Курск, Харьков. На верхней карте — знакомая линия, похожая на букву «S» в перевернутом виде.

Хельгерт не спеша закурил сигарету.

— Ну и дыра, — заметил он. В глазах скрывалось недоверие. — Разве вы не знаете последних сводок штаба?

— Когда имеешь дело с передатчиком, работающим на коротких волнах, то...

Хельгерт понимающе кивнул и снова уставился на карты.

— Дружище, мы готовим русским грандиозный «котел».

— Если они там окажутся.

— Собственно говоря, русские могут предпринять попытку выпрямить этот участок фронта, так что говорить сейчас о размерах этого котла пока еще рано, — заметил Гегенбах.

Хельгерт отодвинул в сторону карты и посмотрел на часы:

— Мне еще нужно ехать. Придется пить шнапс с Зенфлебеном: у него сегодня день рождения.

И, не попрощавшись, он вышел из землянки.

Обер-ефрейтор Гейцер надел свои огромные сапоги и пошел на наблюдательный пункт, чтобы посмотреть, как столичные эскулапы залатали плечо только что вернувшемуся в часть ефрейтору Бауму. К тому же ему не терпелось поболтать с Эбергардом. Этот критически мыслящий архитектор имел такую голову, какой не было ни у кого из его земляков.

У долговязого Зенфлебена, столяра из окрестностей Штутгарта, вчера был день рождения, но он перенес его

на сегодня, так как вчера ему не удалось достать спиртного.

Зенфлебен усмехнулся. Каким-то чудом ему удалось достать старый-престарый граммофон с такими же старыми пластинками. Это было добровольное подношение «храбрым защитникам родины», но Зенфлебен был отнюдь не в претензии на даривших: из трубы неслись хриплые звуки музыки.

Эбергард Баум неутомимо крутил ручку граммофона. Празднество началось.

Зенфлебен дотронулся языком до кончика собственного носа. Этот фокус никому не удавалось повторить. Три жестяные кружки были под стать фляжке со шнапсом. Зенфлебен, казалось, забыл обо всем на свете.

Пластинка, плавно покачиваясь, крутилась на диске. Раздались первые звуки. Они шли словно из могилы. Зенфлебен прыснул и шлепнул себя по ляжкам.

Гейцер думал о чем-то своем.

В землянку вошел командир телефонистов. Зенфлебен бросился его обнимать и всунул ему в руку кружку.

Эбергард Баум заметил, как изменилось выражение лица санитара. Он предложил ему сигарету и дал прикурить. Потом оба вышли за дверь.

Из землянки доносились звуки музыки и голос Зенфлебена:

— И кому это пришло в голову послать эти похоронные марши на фронт?!

Баум чувствовал, что Гейцер хочет пооткровенничать с ним.

Он думал: «Материалист, материализм, диалектический и исторический материализм...» Об этих вещах ему как-то рассказывал Руди Бендер. Теперь же о них стали говорить довольно часто. Он осторожно спросил:

— А что означает, собственно говоря, слово «материализм»?

— Тебя это действительно интересует? — грубо спросил Гейцер.

Баум кивнул.

— Это мировоззрение, которое отвергает первичность идеи, мировой дух и человеческую судьбу.

— Вон как!

Наступила небольшая пауза.

— Ну, уж если ты так хочешь знать, — прозвучал

из темноты голос обер-ефрейтора,— я с тридцать второго года социал-демократ...

— К сожалению, я должен сказать тебе, что не понимаю твоих идеалов,— перебил бывшего школьного учителя Баум.

— Все нужно воспринимать философски,— ответил Гейцер.

— Вопрос «кто кого?» пока еще остается вопросом нерешенным. Или мы русских погоним из района Орла, или они нас выбросят из Курска — вот вопрос, который меня кровно интересует. Философия, как понимаю, должна основываться на знании реального мира. Для меня лично начиная с тридцать девятого года существует философия пуль и гробов!

Послышались чьи-то приближающиеся шаги. Это был Хельгерт.

— Ну, друзья, пошли в землянку! — Обер-лейтенант положил руку на плечо своего друга и подтолкнул его вниз.— Я достал две бутылки настоящего коньяка.

— Не так уж много на пять человек,— заметил, улыбаясь, обер-вахмистр, язык которого уже начал заплетаться.

Фрицу Хельгерту нравился Зенфлебен, который прекрасно справлялся со своими обязанностями и стрелял много лучше, чем десяток молодых лейтенантов, вместе взятых.

Начиная с сорок первого года обер-вахмистр Зенфлебен все время находился на передовой, исполняя обязанности артиллерийского наблюдателя. В его жизни было два особо запомнившихся события. Одно произошло, когда он был гражданским, другое — когда он стал военным. Первое состояло в получении диплома столяра, второе — в получении значка участника рукопашных боев.

Как-то командир пехотного полка, в котором Зенфлебен долго служил, вызвал его к себе. Зенфлебен никак не мог припомнить, в чем же он провинился. Но новый майор, который только что принял полк, произнес перед Зенфлебеном торжественную речь и вручил, к его огромному удивлению, значок участника рукопашных боев.

Даже для пехотинца это была высокая награда. Артиллериста же такая награда поднимала на высоту героя.

После награждения майор в присутствии офицеров штаба спросил Зенфлебена, не хочет ли он что-нибудь сказать. Ждали, что награжденный скажет что-нибудь патриотическое. И тогда в дневнике полка можно будет сделать запись.

— Было бы лучше...— начал Зенфлебен после нескольких минут молчания,— если бы все это поскорее кончилось и нас отпустили бы домой. И еще...

Все остолбенели.

Во всяком случае, никакой записи в журнале полка делать не пришлось.

После того как все выпили еще по одной, Зенфлебен затянул свою любимую песню, а Баум уединился в уголок и вторично прочел письмо Клавдии, в котором многое напомнило ему о днях, проведенных вместе. Одного не мог понять Баум. Клавдия ни словом не обмолвилась о Руди Бендере.

К нему подсел Гейцер.

— Уж если ты больше чем марксист, тогда что же ты здесь делаешь? Твое место на другой стороне,— бросил Баум.

Несколько секунд Гейцер смотрел на него изучающим взглядом.

— А ты прав,— заметил он.

Баум смутился.

— Я вижу, ты здесь так ничему и не научился?! — Гейцер казался спокойным.

— А чему я должен был научиться?

Гейцер, не раздумывая, ответил:

— Например, как убрать какого-нибудь фанатика-командира или что-нибудь в этом роде. Это у вас, кажется, называется тактикой «индивидуального террора», не так ли?

Эбергард Баум с удовольствием вышвырнул бы бывшего школьного учителя за дверь. «То ли этот Гейцер действительно безумно храбр, или он просто-напросто раскусил меня и считает вполне надежным? Значит, если я при случае уложу друга своего детства Фрица Хельгерта и перебегу к русским, то сразу стану хорошим человеком? Нет, это, пожалуй, не самое правильное, если во мне есть хоть искра чести и благородства. Такой поступок был бы равносилен предательству».

Гейцер заметил, что Баум колеблется.

— Ну, а мои домашние? — прошептал Баум.

— Ты вернешься к ним чуть позже, но зато уже навсегда.

— Нет, это не подходит. Дома в любое время. Там можно выводить из строя пушки, танки, останавливать машины или вести антивоенную пропаганду. Но здесь, где все мы товарищи по несчастью! — отбивался Баум, как умел.

— «Товарищи»! — съязвил Гейцер. — Эх ты, парень! Надеюсь, голова у тебя существует не только для того, чтобы фуражку носить. Разве наши офицеры не лакеи сильных мира сего, воюют не ради интересов денежных мешков? Они действуют рядом с тобой и, хочешь ты этого или нет, помогают им обогащаться, в то время как другие гибнут как мухи.

Баум недоверчиво покачал головой и одними глазами показал в сторону Хельгерта, который что-то читал в углу.

— Значит, он тоже лакей капитализма? — шепотом спросил Эбергард.

Гейцер кивнул.

— Он, наверное, ничего не знает об этом.

— Тем хуже для него. — Гейцер собирался уходить.

— Так как же все-таки можно решить эту проблему, с твоей точки зрения?

— Все зависит от ситуации и местных условий. Для этого нужно иметь классическую демократию, а не диктатуру.

— Этой твоей демократией мы наслаждались с восемнадцатого года до тридцать третьего. А что из этого вышло? Дрянь одна! — высказался Баум.

— Да, но случилось так, что капиталисты предоставили рабочим слишком мало прав. Их-то мы и должны отвоевать. О бо́льшем мы не говорим. А теперь оставь меня в покое.

Гейцер закурил сигарету и присоединился к остальным.

«Все это очень интересно, — подумал Баум. — Ясно одно: к русским я не перебегу. Больше всего меня беспокоит ситуация, в которую я втянул Клавдию. Надеюсь, она не влипла в какую-нибудь историю вместе с Бендером».

Баум огляделся. Хельгерт склонился над последним номером геббельсовского «Рейха».

Настроение собравшихся, казалось, достигло кульминации.

— Зенфлебен, ты лакаешь водку, как воду. — Унтер-офицер протянул обер-вахмистру свою кружку.

Зенфлебен, покачиваясь, встал. Он неловко схватил кружку, и часть водки выплеснулась через край. Одним махом он выпил оставшееся, а кружку бросил о стену.

— Господа, среди нас есть дерьмо! — начал он, уставившись остекленевшими глазами на унтер-офицера. — Вы меня поняли?

Унтер-офицер телефонист усмехнулся.

— Разве вы не понимаете? — бормотал Зенфлебен. Он резко повернулся и махнул рукой. Потом схватил со стола бутылку с водкой и прямо из горлышка отхлебнул из нее.

— Вы ничего не знаете... — На какой-то миг он потерял равновесие, но устоял. — А мне все равно... — И, закрыв глаза, поставил бутылку на стол.

— Как это все равно?! — Сдержанный голос обер-лейтенанта был строг. Хельгерт чувствовал, как в нем поднимается волна гнева, подавить который ему становилось все труднее.

«Этот отвратительный Гейцер со своей теорией! И ты, мой милый друг юности, Эбергард, не обманывай самого себя! Тут уж шутки в сторону! Если бы они знали, что весь их разговор я слышал слово в слово...»

Мысли Хельгерта прервали близкие разрывы крупных снарядов. Он прислушался, положил газету на рацию и вопросительно посмотрел на Зенфлебена.

Но тот не заметил острого взгляда командира батареи и снова наполнил кружки водкой:

— За ваше здоровье!

Хельгерт не выдержал и вскочил:

— Сейчас же убирайтесь отсюда на наблюдательный пункт!

Зенфлебен покачнулся.

Резкие слова командира, казалось, отрезвили всех присутствующих, и они недоуменно переглянулись между собой.

— Слушаюсь! — пробормотал в замешательстве Зенфлебен.

«Я вам помогу,— подумал обер-лейтенант, усаживаясь снова на табуретку и беря в руки газету.— Не повезло тебе, Зенфлебен. Ты этого не ждал. Но я привык отдавать приказ только один раз. Иначе о каком авторитете может идти речь!»

Где-то совсем рядом взорвалось несколько снарядов, разорвав тишину ночи грохотом разрывов.

Унтер-офицер телефонист помог обер-вахмистру надеть шинель и повесил ему на плечо автомат.

Зенфлебен тяжело дышал, глядя прямо перед собой осоловевшими глазами.

— Докладывает обер-вахмистр Зенфлебен... Докладывает...

Обер-лейтенант даже не удостоил его взглядом.

— Иди-ка ты лучше, парень, по траншее,— шепнул ему на ухо унтер-офицер.

Зенфлебен отстранил ефрейтора Бюргера, который хотел проводить его, и, нетвердо стоя на ногах, направился к двери.

«Ну, это уж ни к чему,— подумал Баум.— Зенфлебен сейчас в таком состоянии, что может забрести черт знает куда. Не понимаю я Хельгерта. Фриц никогда не был формалистом. Ну, выпил человек лишнее на своем дне рождения, и что же, портить из-за этого весь вечер? Кто знает, что творится сегодня с шефом?!»

Неожиданно где-то вдалеке раздался артиллерийский грохот. А через несколько минут все кругом рвалось и грохотало. Били пулеметы, рвались гранаты, трещали автоматы, раздавались дикие крики. Все, кто был в блиндаже, как угорелые побежали на наблюдательный пункт.

Хельгерт тотчас же вызвал заградительный огонь «Берта-4». Спустя несколько минут заговорили свои батареи.

Русским, по-видимому, удалось вклиниться на участке седьмой роты, и теперь они перенесли огонь своей артиллерии в глубину, накрыв наблюдательные пункты и огневые позиции батареи. Минометы русских безостановочно били по первой траншее.

Ефрейтор Баум прислушивался. За ним Гейцер. Откуда-то издалека кто-то кричал истошным голосом:

— Я ослеп! Помогите! Я ничего не вижу!

— Бегом, за мной! — закричал Гейцер.

Оба выскочили из окопа. Крики раздавались откуда-то сбоку. Огонь русских пулеметов заставил их залечь. Над ними вспыхнули две осветительные ракеты и через несколько мгновений погасли. Стало совсем темно, и они поползли дальше.

Снова послышались нечеловеческие крики:

— Ослеп! Помогите!

Баум дотронулся до Гейцера:

— Неужели мы не сможем ему помочь?

Гейцер отвел его руку в сторону:

— Зенфлебен свой человек и неплохой парень. После войны он очень пригодился бы нам.

— Ты думаешь, это он кричит?

Баум вздрогнул при одной только мысли об этом.

— Я ничего не думаю, — огрызнулся Гейцер.

Огонь противника усилился. Кругом рвались гранаты и свистели пули. Оба спрыгнули в окоп, так как искать в такой неразберихе человека было бесполезно.

Один Баум не сдавался:

— Ты его подштопаешь, чтобы он снова мог стрелять по иванам?!

Гейцер быстро застегнул портупею:

— Если бы твои вопросы не были такими глупыми!

— А скажи-ка ты, последовательный материалист, если с Зенфлебеном действительно что-нибудь случится, кого ты будешь винить больше: граммофон или суеверие своего отца? — Баум чувствовал, как весь он стал колючим и злым.

Санитар оторопел, но быстро взял себя в руки.

— Граммофон или суеверие? А ты, я вижу, не силен в этих вопросах. Здесь действует один из законов природы, господин архитектор. А именно — закон войны. Это вина войны. Никто не станет выступать против нее, если она исторически необходима. После войны семидесятого года была война четырнадцатого года...

— До сих пор я считал, что войну начинают люди. Один обязательно хочет отнять что-то у другого. Насколько мне известно, немцы еще шесть столетий назад стремились на восток: им нужны были земли. Имеет смысл провести параллель с сегодняшней войной. Испанцы в свое время не только грабили инков и ацтеков, но и мечом и крестом выкорчевывали то, что им было неугодно. Взамен они принесли в Америку своего бога

католического происхождения. Вспомни Пизаро. Хороша была птичка. Нет, нет, мой милый идеолог! Я скажу тебе, что только люди могут сделать так, чтобы в будущем никто не смог спровоцировать новую войну. А что было в Китае... В середине прошлого столетия англичане привязывали свои жертвы к пушкам и расстреливали их. Что за народ эти колониалисты! А какие прибыли они получали от войны! Я думаю, что получение этих прибылей и есть цель любой войны!

Гейцер покачал головой:

— Хватит об этом. — И пошел, не попрощавшись, на огневую позицию. Беспокойная темная ночь поглотила его.

Ефрейтор Бюргер стоял в окопе как наблюдатель. Бауму пришлось вернуться обратно в землянку.

Унтер-офицер телефонист натянул шинель на голову и, завалившись на нары, захрапел. Обер-лейтенант все еще листал «Рейх» и, казалось, кого-то ждал.

Эбергард Баум достал свою куртку. Хельгерт сложил газету. Баум подсел к нему и выпил налитую ему рюмку водки.

— Безумец этот Фридрих Великий! — казалось, без всякой цели начал Хельгерт. — Не помню, в каком из его парков скамейки стояли так, что, на какую бы из них ты ни сел, обязательно будешь слышать, о чем шепчутся на другой.

Баум не знал, как вступить в разговор. Раздраженный Хельгерт продолжал:

— Скамейку туда, скамейку сюда. Вот точно такое и в этой смешной землянке. Мне пришлось слушать вашу болтовню.

Баум испугался.

Хельгерт холодно поглядел на него:

— Вот что я хочу тебе сказать, Эбергард. Мы уже давно знакомы, я считаю тебя своим другом. Этот путаник Гейцер говорил, что намерен совершить «стоящее дело», и склонял тебя к тому, чтобы ты при удобном случае...

— Послушай, Фриц! — неожиданно перебил его Эбергард.

Хельгерт приложил указательный палец к губам, показывая на ворочавшегося унтер-офицера, который в этот момент что-то забормотал во сне, перевернулся на

другой бок и еще больше натянул шинель на голову, обнажив толстый зад. Он явно спал.

— Ты, наверное, слыхал, что я отклонил его предложение.

Хельгерт недовольно покачал головой и рассмеялся.

Баум почувствовал, как его бросило в пот. Он провел рукой по шее и хотел что-то сказать, но Хельгерт грубо перебил его:

— Эбергард! Мы можем остаться друзьями и впредь, несмотря на то что на некоторые вопросы политики у нас могут быть разные точки зрения. Вот я и хочу еще раз изложить тебе мою точку зрения. Я офицер и вижу в этом мое призвание. Мое офицерское звание дает мне не только обеспеченное содержание. Я верю в высокую миссию немецкого народа. Я верю в это не как безумец. Верю так, как верят в бога. Жертвы, которые мы приносим, я считаю исторически необходимыми. Только таким путем мы можем отвоевать нашему отечеству жизненное пространство. И я всегда буду верен этой идее. Бороться за нее — дело моей чести. Это самое высокое, что у меня есть. И я приложу все силы, чтобы заставить своих подчиненных действовать так же.

Баум даже не нашелся что ответить. Перепугался. Он считал Хельгерта безудержным идеалистом. Согласиться с ним он никак не мог, так же как до этого не мог согласиться с Гейцером и его теорией террора.

Хельгерт продолжал:

— Наши родные с надеждой смотрят на нас. Отдают все, что у них есть. Работают день и ночь, только бы мы ни в чем не испытывали недостатка! Вспомни свою Клавдию или, если хочешь, мою жену. Разумеется, есть несколько сумасшедших, которые пытаются бросать песок в машину...

Эбергард невольно вспомнил о Бендере и стиснул зубы.

— ...Утром листовки в электричке. По ошибке направляют оружие на другой фронт. Вечером тайком слушают бой кремлевских курантов и «Интернационал». Эбергард! Я уже как-то говорил тебе (глаза Хельгерта были холодны), что не допущу за своей спиной никакой пропаганды, не позволю марать честь моего подразделения. Никому. В том числе и тебе!

Он резко повернулся и вышел из землянки.

В душе у Баума все перемешалось: стыд, разочарование, глухой протест. Вдруг он почувствовал, что слова Хельгерта — лишь пустые фразы, которыми он хотел прикрыть свой эгоизм.

А после сегодняшнего случая с Зенфлебеном Хельгерт показался Бауму даже жестоким.

Быстрыми шагами шел он за Хельгертом. Ночь была темная — хоть глаз выколи. Обер-лейтенант остановился и прислонился к стенке окопа. Горящая точечка его сигареты повернулась в сторону Баума. Они стояли лицом друг к другу.

— Почему ты послал Зенфлебена на наблюдательный пункт? — Вопрос был настолько прям, что не ответить на него было нельзя.

Обер-лейтенант с трудом взял себя в руки. Он пытался найти уважительную причину.

— Ты ведь не хуже меня знаешь, что моральное состояние войск этой зимой не ахти какое. Солдаты только тем и занимаются, что распространяют разные слухи. У них нет уверенности в себе. В такой ситуации, как никогда, необходимы строгость и железная дисциплина.

— Ты что же, считаешь, что у Зенфлебена нет уверенности в себе?

— Я должен тебе сказать, Баум...

— Тебе ничего не нужно говорить. Ты меня и так удивил!

— Я отвечаю за батарею!

— Значит, ты отвечаешь и за Зенфлебена! И за свои собственные поступки!

Хельгерт махнул рукой:

— Давай поговорим об этом завтра. Возможно, тогда кое-какие вещи будут выглядеть иначе.

На рассвете они нашли обер-вахмистра Зенфлебена мертвым. Пуля попала ему прямо в голову. На правом виске запеклась кровь. Рот раскрыт. Видно, он кричал. В груди тоже пули. Три.

Обер-вахмистр Зенфлебен был мертвецки пьян. Выполняя приказ командира батареи, он пошел на передовой наблюдательный пункт прямо по земле. Пули настигли его, и он упал шагах в ста от окопа, уткнувшись лицом в землю.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Мартовское солнце грело удивительно тепло даже под вечер. Его косые лучи весело падали на блестящую гладь Шпрее и на неподвижное зеркало озера Мюгельзее на окраине немецкой столицы. Зеленеющие пастбища с пасущимися на них овцами говорили о скором приближении весны. На противоположном берегу озера, на холмах, возвышались башни двух старинных замков.

Клавдия посмотрела на часы. До встречи оставалось десять минут. Они договорились с Бендером встретиться здесь, у туннеля, ровно в четыре. Она неторопливо прохаживалась вдоль причала для небольших пароходиков и моторных лодок.

До сих пор девушка все еще не могла понять, откуда у нее берутся силы. Прошла ровно неделя с тех пор, как Дернберг со своей неизменной улыбочкой на губах ушел из ее квартиры.

Он требовал от нее разорвать всякие отношения с Эбергардом Баумом и немедленно выйти за него замуж.

Однако, несмотря на угрозы Дернберга, Клавдия перед началом смены все же раздала листовки с призывом свергнуть Гитлера. Когда у нее не осталось ни одной листовки, она подошла к чертежной доске, чтобы закончить чертеж, на котором были вычерчены ведущие колеса новой модели танка. Однако сосредоточить свое внимание на работе ей удалось только через несколько часов.

Позднее она попыталась найти Рудольфа Бендера, чтобы рассказать ему о случившемся, но Бендер уехал на базу сдавать новую партию танков и должен был вернуться только на следующий день.

Как-то Эбергард на всякий случай дал ей адрес Бендера. Клавдия пошла туда. Дома была мать Рудольфа. Клавдия сказала ей, что во что бы то ни стало должна поговорить с кем-нибудь из членов группы. Дело очень важное. Старушка была очень любезна, но сделала вид, будто ни о чем не имеет ни малейшего представления. Тогда Клавдия объяснила ей, что дело касается Эбергарда, и ушла, пообещав прийти еще раз.

Клавдия боялась одиночества. Каждый раз, когда на площадке третьего этажа раздавались шаги, ей казалось, что это пришли за ней. Из всех углов до нее доносился безобразный смех Дернберга.

На фридрихсхагенской колокольне пробило четыре.

Бендер прошел в нескольких шагах от патруля с повязками на рукавах. Непринужденной походкой подошел к Клавдии, поздоровался и с улыбкой положил ей руку на плечо. Пока они спускались по бесконечным ступенькам в туннель, он говорил о пустяках. Миновав туннель, они направились в ресторан «Рюбецаль».

Пройдя несколько десятков метров, Бендер незаметно оглянулся. За ними, казалось, никто не следил. Только тогда он снял свою руку с плеча девушки:

— Извините меня, но иногда лучше быть осторожнее...

Он тихо рассмеялся, а потом спросил:

— Почему вы решили поговорить со мной?

В голосе его звучали менторские нотки.

Клавдия рассказала обо всем. Даже о том, что было у нее с Дернбергом. И о будущем, которое связывалось с Эбергардом Баумом.

Бендер сразу стал серьезным.

— Плохо, что я раздала листовки вопреки... — начала Клавдия.

— Сейчас таких листовок полно на всех заводах. Поэтому не так легко найти тех, кто их распространяет. Вы думаете, Дернберг может отнести листовку в гестапо?

Клавдия чуть заметно кивнула.

— Если это ему выгодно, он не задумываясь пойдет туда. Возможно, он надеется получить за это премию.

Бендер махнул рукой:

— За одну листовку он не получит даже на выпивку. Как вы думаете, он сделает это сегодня? Посмотрите на коричневорубашечников из нацистской партии. Скоро каждый из них станет деятелем или получит какой-нибудь титул. И каждый из них имеет хоть маленькую, но все-таки власть. Одни стоят ниже, другие — на ступеньку выше. Здесь — партия, там — вермахт. Здесь — эсэс, там — эса. Здесь — эсдэ и гестапо, там — полиция. Здесь — монополии и концерны, там — марионетки. Милитаризация идет по всем направлениям.

Видите ли, фрейлейн Занден, все идет своим чередом. Одни работают. Другие с помощью денег и бравады лезут к власти, стараясь получить ленточку в пет-

личку или орден, пистолет или кортик. Следовательно, даже самый маленький донос цементирует надежность доносчика, по крайней мере в глазах начальников, и обещает повышение по службе или что-нибудь в этом роде. Только так и можно построить собственное зданьице власти.

— А совесть?

— Совесть? О небо! «Каждому свое» — написано на воротах концентрационного лагеря в Бухенвальде. Тот, кто попадет в такой лагерь, на тысячу процентов безопасен для своего врага.

Видите ли, фрейлейн Занден, за такое заявление они вряд ли что-нибудь заплатят: подобных доносов у них полным-полно. Каждый из таких дернбергов, гордо выпятив грудь, украшенную крестом, терпеливо ждет, пока старший по положению не поскользнется — и тогда неминуемая гибель ему обеспечена.

Клавдию потрясло то, что она услышала. Ее взгляд перебежал с пожелтевшего тростника на выцветшее небо, которое проглядывало из-за темно-зеленых сосен. Лес и озеро словно замерли. Да, Рудольф, безусловно, прав. Картина, нарисованная им, соответствовала действительности. Разве они не виновные во всем этом?!

— Но поймите меня правильно, — продолжал Бендер. — Разумеется, имеются порядочные люди и у нас. Мы обязаны вести упорную борьбу, не забывая при этом об осторожности.

Мысли Клавдии перенеслись к Дернбергу: «Деньги — вот что движет им».

Бендер, казалось, отгадал ее мысли.

— Вполне возможно, что Дернберг просто шантажирует вас. А если вы не поддадитесь, ему не останется ничего другого, как сжечь злополучную листовку. Во всяком случае, он попытается достичь цели, то есть денег вашего отца, другим способом.

— Если я вас правильно поняла, мне следует оставаться в Берлине и по-прежнему работать на заводе...

— О последнем мы еще подумаем.

Уже почти совсем стемнело. Заметно похолодало. Они пошли прямо через лес к шоссе.

Рудольф обдумывал всевозможные варианты. Вечером он решил посоветоваться с товарищами, чтобы не совершить какой-нибудь ошибки.

После непродолжительной паузы Клавдия сказала:

— Расскажите что-нибудь о себе, Рудольф.

Бендер с удивлением посмотрел на девушку, а затем начал:

— Мой отец погиб под Верденом в семнадцатом году. Я тогда еще ходил в школу. Мать зарабатывала шитьем. Потом я начал продавать газеты, скупать кости и пустые пузырьки. Словом, помогал матери, как мог. Вокруг нас жили рабочие. Уже тогда жить было нелегко.

Большинство молодежи моего возраста состояло в спортивном обществе «Фихте». Вступил в него и я. Там объяснили, за что погиб в первую мировую войну мой отец, кто такие нацисты и многое другое.

Немного помолчав, он продолжал:

— Когда пошел в ученики, мама начала болеть. Если бы я не работал день и ночь и не помогал ей, она умерла бы от туберкулеза. Когда постоянно вращаешься среди людей, которые идут за Карлом Либкнехтом или являются участниками подавления капповского путча в Берлине, постепенно начинаешь понимать, в какое время ты живешь. Так я стал коммунистом.

После событий тридцатого января я решил, что все жертвы были напрасны. Социал-демократы имели возможность идти вместе с коммунистами, но они оттолкнули протянутую им руку. Вопреки предупреждениям Эрнста Тельмана о том, что Гитлер — это война, социал-демы перед захватом Гитлером власти хвастливо заявили, что как канцлер он очень быстро выдохнется.

Через несколько дней после поджога рейхстага меня вызвали на допрос в гестапо, но отпустили, как следует пригрозив. Мне все же удалось установить связь с товарищами, оставшимися в стране. Так началась борьба, за которую грозила виселица. «Смерть фашизму!» — был наш лозунг. Я, как хороший специалист, получил броню. Один раз привлекался на восьминедельные артиллерийские учения во Франкфурте. — Рудольф рассмеялся. — Ну, для начала довольно.

Рудольфа больше интересовали последние события.

— Вы должны понять, что того, кто работает вместе с нами, мы никогда не оставим в беде. Для крупных заданий вы, видимо, еще не доросли. Для этого нужны крепкие нервы и еще кое-что. — Он посмотрел Клавдии

в глаза. — Пока вам не следует поддерживать связь с Эбергардом Баумом.

Бендер распрощался с девушкой на остановке автобуса.

В город они приехали порознь.

На следующий день после обеда они встретились, как и договаривались, в Трептовер-парке. Бендер пришел не один. С ним был мужчина в сером демисезонном пальто и в шляпе.

— Это Фердинанд Бекер, — представил его Бендер. — Работает у нас в лаборатории.

Клавдия украдкой взглянула на незнакомца. Она ни разу не видела его на заводе.

— Мы обсудили вашу историю и решили, что Дернберг всего-навсего решил пошантажировать вас. Однако на всякий случай с недельку вам придется никому не показываться на глаза. Завтра, как только начнется рабочий день, вы заявите своему шефу, что плохо себя чувствуете, и уйдете домой.

Клавдия с удивлением смотрела то на одного, то на другого.

Тем временем незнакомец достал из кармана какую-то бумагу. Это была справка от врача. Доктор Бервальд, проживающий в Берлине по Фридрихштрассе, 92, рекомендовал освободить его пациентку Клавдию Занден от работы по случаю воспаления желчного пузыря.

Бендер ждал, пока Клавдия прочтет справку.

— Вы пошлите ее завтра в отдел кадров завода. В десять утра на остановке трамвая в Шеневейде вас будет ждать человек, который отведет к себе на квартиру, откуда вы не будете выходить несколько дней.

В Клавдии вдруг заговорило чувство благодарности. Ей было приятно, что чужие люди беспокоятся о ней, считают ее своей. Она чувствовала, что нужно немедленно объяснить им причины своего поведения:

— Когда я увидела, как Эбергард старается установить с вами контакт, мне стало стыдно. Я знаю, что он последователен в своих поступках. Если в один прекрасный день он перестанет воевать, я все равно буду ждать его, но тогда мне придется ждать очень долго. Едва ли есть другой путь... — И она провела по глазам рукой. — А я? Раньше в Вене у меня среди знакомых было много евреев. Но Дернберг настоял, чтобы я со

всеми ими порвала. Мне волей-неволей пришлось согласиться: он ведь человек опасный. С тех пор я не знаю покоя, чувствую свою вину. Мои родители тогда еще жили в Вене. Несколько лет они дружили с одной еврейской семьей. Соломон Штернхейм, или, как мы называли его, Салли, занимался ювелирным делом. Женился он на католичке. Была у них маленькая дочка, Сабина, которой перед войной исполнилось шесть лет. Штернхейм чувствовал, что гестапо следит за ним, и сбежал в Мюнхен. Там он поселился у своих хороших знакомых. Мне был известен их адрес. Однажды Дернберг выпытал его у меня, сказав, что едет в Мюнхен и хочет навестить Штернхейма.

Дернберг выдал ищейкам СА евреев, вместе с которыми работал до армии. Штернхейма увезли куда-то как раз в то время, когда Дернберг был в Мюнхене. А в один прекрасный день из Вены исчезла и мадам Штернхейм вместе со своей маленькой дочуркой. Я была в ужасе... Из-за меня погибли люди... Из-за меня... Я не могла винить одного только Дернберга. Теперь вы понимаете, почему я ненавижу этих варваров! А что я могла тогда сделать?!

Несколько секунд все молчали.

Первым молчание нарушил Бендер:

— Тот, кто извлекает правильные уроки из своих опрометчивых поступков, искупает этим свою вину. Трудно помочь человеку, которого мучают угрызения совести. Во всяком случае, я благодарен вам за то, что вы были откровенны с нами. Думаю, теперь вам станет легче. Кроме того, ваша помощь нам...

— Ну, об этом не стоит говорить.

— Если ближайшие дни пройдут без происшествий, мы поговорим о вашей дальнейшей работе.

Бекер замолчал и занялся своей трубкой. Он несколько раз затянулся, а когда поднял голову, увидел, что Клавдия внимательно рассматривает его. Бекер был старше Рудольфа. В волосах его кое-где уже поблескивали серебряные нити. Темные умные глаза. Большие, натруженные работой руки...

— Гитлер на всех нагнал страху и половину земного шара втянул в эту войну. Каждый день на фронтах убивают тысячи людей. Повсюду концентрационные лагеря, в которых гибнут сотни тысяч таких, как

Штернхейм. Но везде есть люди, которые пока молча сжимают кулаки в карманах или действуют тайком. Вы работаете в конструкторском бюро?

Клавдия кивнула.

— Значит, через ваши руки проходит очень интересный материал. Там можно видеть вещи, которые необходимо знать, чтобы бороться против Гитлера.

Неожиданно Клавдию охватило такое чувство, словно на нее смотрят тысячи глаз — ясные, голубые, как у Руди Бендера, темные, как у Фердинанда Бекера, но больше всего — холодные, угрожающие. Ей стало страшно. По спине пробежала нервная дрожь.

«Он, видимо, думает, что я буду доставать военные секреты. Но ведь за это меня ждет смертная казнь. Шпионаж! Разве я смогу выдержать такое?»

Клавдия посмотрела на Бекера, думая о смерти Штернхейма.

— Поймите нас правильно, — начал объяснять Бекер. — Наша задача заключается в том, чтобы всячески мешать Гитлеру, мешать выпускать оружие, несущее смерть...

«Ага, — подумала Клавдия, — речь идет не о шпионаже. Я должна помогать им. Ведь помогать им — значит бороться против Гитлера. Неужели они правильно поняли меня?! Хорошо, что я рассказала о Штернхейме».

На следующий день все шло строго по плану, разработанному Фердинандом. Начальник отдела пожелал Клавдии скорейшего выздоровления, досадуя, что у него и без того мало людей.

На остановке трамвая Клавдию ждала мать Бендера, чему девушка нисколько не удивилась. Впервые за много дней она почувствовала успокоение.

«Интересно, — подумала она, — существует ли доктор Бервальд на самом деле?»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Стоял конец апреля. Земля разбухала от беспрерывных дождей. Повсюду бесконечная грязь. Она залила все дороги, сползала в окопы, в ходы сообщения блиндажей. Степные ручейки и речки вздулись. Темные обла-

ка то и дело раскрывали свои недра. Танки и колесные машины беспомощно застревали в грязи.

Окопы залило водой. Везде, куда ни посмотришь, грязь и вода. Плащ-палатки использовали для того, чтобы хоть немного прикрыть пулеметы и гранатометы. Казалось, на земле не осталось ни одного сухого местечка. Так продолжалось несколько дней подряд.

Верховное командование вермахта по приказу Гитлера подготавливало операцию «Цитадель», задействовав сотни тысяч солдат и громадное количество техники, чтобы нанести противнику решительный удар. Части Красной Армии, уставшие от двух зимних наступлений, казалось, могли только вести оборону.

За довольно короткое время русские создали крепкую систему обороны в районе Курской дуги, особенно на участках вероятного прорыва противника. Оборонительные работы шли день и ночь. Только солдатами Воронежского и Центрального фронтов были отрыты траншеи общей протяженностью около десяти тысяч километров.

Началось сосредоточение немецких войск в районе Орла.

Обер-лейтенанта Хельгерта взволновало странное письмо Ильзы, которое он бегло прочитал. Обрызганный грязью, он забрался в угол окопа и строчку за строчкой перечитал все письмо:

«Дорогой, милый Фриц!

Я несколько раз бралась за перо, чтобы написать тебе это письмо. Передо мной стояло твое лицо, а глаза твои просили не делать этого. И я писала тебе о своей повседневной жизни, о всякой чепухе. Но сегодня я не могу не написать тебе всего. Вот уже несколько часов подряд я смотрю во двор и наблюдаю одну и ту же картину. Твой дядя копается со старым Юргенсеном у дровяного сарая. Оба так стараются в надежде на лучшее!..

Да, нужно надеяться на лучшее. Нужно, обязательно нужно. И зачем только я приехала в этот Гамбург? Только затем, чтобы не быть одной и порадовать твоего дядюшку.

У нас весна в самом разгаре, там же, где сейчас ты,— снег и холод. Сколько тебе приходится переносить физи-

чески и душевно, а может, потребуется еще большее. Смерть поджидает тебя на каждом шагу.

Но больше, чем смерть, нас разделяет жизнь. Я так благодарна тебе за все то, что ты для меня сделал, за то счастье, которое ты принес. Мне больно сознавать, что этому хорошему должен прийти конец, и прийти навсегда. Навсегда останется «но», и я не знаю, что можно сделать.

Иногда стараешься забыть все ужасы войны, стараешься найти какую-то надежду или хотя бы ее искорку. Человек любит надеяться даже тогда, когда надеяться не на кого и не на что.

Все зависит от тебя!

Я вижу твое лицо. Ты хмуришься, читая эти строчки, и на глаза набегают слезы. В силу своих возможностей я постараюсь помочь тебе.

Никогда не забуду тебя.

Твоя Ильза».

Хельгерт старался понять намеки жены, но это ему не удалось. Одно не вызывало сомнений: в жизни Ильзы произошло что-то страшное, что разрушило их общность.

Виски ломило от напряжения.

Несколько эскадрилий «яков» налетели на передний край соседей. Хельгерт видел, как черные капли бомб отделялись от самолетов и плюхались в грязь.

Былое счастье... Теперь разрушенное... Разве не об этом писала жена? Он еще раз внимательно перечитал письмо. Вдруг его осенила мысль: а что, если везде, где содержатся намеки, вставить «один человек»? Тогда наверняка удастся кое-что понять!

«Значит, пока я лежал здесь, в этой грязи, Ильза с кем-то встречалась, развлекалась. Может быть, даже... А теперь она вдруг испугалась и ищет помощи...»

Обер-лейтенант ехидно рассмеялся и заходил по окопу — три шага вперед, три назад. Он никак не мог представить жену в таком положении. Но что он знает о ее теперешней жизни?!

«Моя Ильза! И как это я мог обмануться в ней?! А если случилось что-то совсем другое?»

Тяжелые свинцовые тучи низко нависли над землей. Словно одержимый, метался обер-лейтенант по тран-

шеям. Лишь через несколько часов, усталый, потный, облепленный с ног до головы грязью, Хельгерт вернулся в землянку и немного успокоился. В голове засела мысль: только бы это не запятнало его чести как офицера вермахта. Это самое главное. Только бы не запятнать офицерской чести.

Ночью Хельгерт никак не мог заснуть. Долго ворочался с боку на бок и думал об одном и том же. Сомнений быть не могло. Письмо Ильзы было криком о помощи. Еще никогда она не писала ему подобных писем, а раз уж написала, значит, случилось что-то страшное. Я во что бы то ни стало должен увидеть ее. Нужно немедленно просить отпуск. А чтобы получить его, да к тому же сейчас, нужны довольно веские причины. Ничего не поделаешь, придется все объяснить. Я сделаю это ради Ильзы.

Обер-лейтенант Альтдерфер очень удивился, когда получил от своего брата Виланда два письма, которые тот написал ему несколько дней назад. Первое письмо произвело на него неприятное впечатление: брат развлекался в кругу своих товарищей и в один из вечеров познакомился в Гамбурге с очаровательной Ильзой Хельгерт.

Каждый раз, когда Альтдерфер слышал имя Хельгерта, ему становилось не по себе. Он боялся, как бы командир дивизиона не разболтал как-нибудь своим друзьям офицерам, как он расстрелял раненого русского, который и без того умер бы.

Из второго письма Виланда Альтдерфер понял, что брат просит помешать Хельгерту получить отпуск и приехать домой. Наверное, в тот вечер между ними что-то произошло. При случае Виланд обещал обо всем рассказать.

Вечером того же дня командир шестой батареи явился к командиру дивизиона и попросил разрешить ему использовать очередной отпуск для улаживания кое-каких семейных дел. Лейтенант Гегенбах вполне может справиться с его обязанностями. Командир дивизиона не стал расспрашивать Хельгерта о причине, вынудившей его просить отпуск, и обещал доложить командиру полка. Через несколько дней обер-лейтенант Альтдер-

фер положил рапорт о предоставлении отпуска лейтенанту Хельгерту вместе с другими бумагами на стол командира полка.

Круземарк попросил зажарить ему телячий язык. Полковой ветеринар выменял его на бойне за несколько мешков картошки.

Альтдерферу представилась великолепная возможность достичь своей цели. Он начал докладывать полковнику о том, что рапорт одного из командиров батареи о предоставлении отпуска в настоящей ситуации следует рассматривать как нечто несерьезное...

— Скорее, это похоже на... — продолжал Альтдерфер.

— Кому это пришла в голову идея просить сейчас отпуск! — удивился полковник.

— Хельгерту!

Полковник, разумеется, никак не ожидал услышать фамилию своего лучшего офицера.

Альтдерфер решил схитрить. Он прекрасно понимал, что человека, собравшегося как следует позавтракать, не следует обременять бумагами: они могут испортить ему аппетит. И он тут же заметил:

— Я полагаю, господин полковник, что нам следует отправить этот рапорт обратно, сославшись на приказ, запрещающий предоставление отпусков офицерам в настоящее время.

И тут же сообщил господину полковнику о том, что для него будет приготовлена специальная баня, в которой он сможет принять ванну, когда ему заблагорассудится. Ночь прошла довольно спокойно: имеются только четверо убитых и несколько раненых, что не может заинтересовать господина полковника.

Баня, ванна, массаж и продолжительный отдых пришлись полковнику по вкусу, и он решил повторить все это через несколько дней.

Командир шестой батареи настоятельно просил принять его как раз в тот момент, когда полковник только что снял мундир и собирался принять ванну.

«Наверное, из-за того, что я позавчера отклонил его рапорт об отпуске, — подумал Круземарк. — Но ведь Альтдерфер обещал уладить эту историю. А может быть, Хельгерт пришел совсем по другому поводу? Однако какая наглость беспокоить его сейчас! Мог бы дождаться его на командном пункте и там доложить».

Круземарк сказал ординарцу, что если уж обер-лейтенанту так загорелось, он может войти на несколько минут.

Хельгерт вошел.

— Ну, выкладывайте, что там у вас стряслось,— начал командир полка, небрежным жестом предлагая Хельгерту сесть.

Хельгерт продолжал стоять:

— Я покорнейше прошу господина полковника пересмотреть свое решение.

Полковник начал сердиться.

— Дорогой Хельгерт, не забывайте, что мы не на маневрах. В настоящих условиях личные интересы мы должны подчинять общественным. Речь ведь идет об интересах нашей нации! Тот, кто отказывается сейчас от личного благополучия, вносит свой вклад в наше общее дело!

Круземарку понравилась нотация, которую он только что прочитал Хельгерту.

— Господин полковник, причины, вынудившие меня обратиться к вам, не нанесут никакого ущерба германской нации. Наоборот, они помогут поддержать ее авторитет.

Полковник был явно доволен собой. «А парень-то, видать, не промах».

— Я все прекрасно понимаю, Хельгерт, но вам придется объяснить вашу причину.

Обер-лейтенант ничего не скрыл от полковника. Все рассказал так, будто речь шла не о нем самом, подчеркнув, что эта история чернит честь офицера и даже больше: честь всего полка.

Сказанное произвело на Круземарка сильное впечатление. «Этот Хельгерт уладит дело так, что тень не упадет ни на него самого, ни на меня, что нежелательно особенно сейчас, когда меня представили к Рыцарскому кресту».

Полковник связался с Альтдерфером и приказал ему немедленно выписать Хельгерту необходимые документы, чтобы послезавтра тот уже мог выехать на родину. Он решил сам поставить обо всем этом в известность подполковника фон Венглина из штаба дивизии.

Альтдерфер ни единым словом не возразил полковнику, думая о пометках, которые он когда-то сделал в своем блокноте.

Распрощавшись с обер-лейтенантом, полковник сразу же забыл о его бедах.

У обер-ефрейтора Зенгпиля (до армии он работал массажистом в берлинских городских банях) были большие и мягкие руки. Оказавшись в руках обер-ефрейтора, полковник окончательно забыл о Хельгерте, который был первым командиром батареи, награжденным Немецким крестом.

Обер-лейтенант Альтдерфер вызвал к себе связного, а сам тем временем написал коротенькое письмо своему брату Виланду, чтобы тот рассчитывал на встречу с Хельгертом в Гамбурге. Написав письмо, он достал бутылку коньяку и передал ее вместе с письмом связному, приказав отвезти все это на аэродром для немедленной отправки в Гамбург.

Впереди железнодорожного состава с отпускниками, собранными со всего фронта, были поставлены два товарных вагона, нагруженных песком, чтобы обезвредить мины, поставленные на ветке партизанами. Вдоль всей железнодорожной линии часто можно было встретить справа и слева от железнодорожного полотна обломки паровозов, рельсов, разбитых вагонов.

В районе Орла, как и на других участках Восточного фронта, и месяца не проходило без того, чтобы не было совершено взрыва. В воздух взлетали танки, грузовики, самолеты, орудия, мосты, платформы, продовольствие, транспорты с живой силой, а иногда даже целые бронепоезда. Части вермахта несли большие потери в людях и технике от дерзких налетов партизан.

Вдоль железнодорожной линии, на значительном удалении друг от друга, располагались опорные пункты вермахта, оборудованные надежными убежищами и окруженные проволочными заграждениями и рогатками. С завистью смотрели солдаты этих пунктов вслед уходящим в Венгрию или в Румынию поездам.

Партизаны не обращали на эти опорные пункты никакого внимания, и поезда продолжали взлетать на воздух. Каждую ночь русские самолеты доставляли партизанам оружие и продовольствие, а нередко сбрасывали и парашютный десант, усиливая невидимый фронт русских в тылу немцев.

Партизанское движение приняло небывалые размеры, но Хельгерт считал, что на среднем участке фронта опасаться партизан уже не стоит.

В апреле немецкое командование бросило большие силы с пушками и артиллерией на армию партизан. Была задействована даже авиация. Борьба с партизанами полевой жандармерии успеха не имела.

За окном вагона была довольно однообразная картина. Состав шел медленно. Постепенно Хельгерт стал думать о другом. Он видел перед собой искаженное лицо полковника. Круземарк гордился тем, что мог причислить себя к сильным мира сего. Монархия была ему больше по душе, чем национал-социалистская партия. Железный крест, полученный полковником, прикрывал его монархистские взгляды. И этот человек знал теперь самое сокровенное из жизни Хельгерта.

От одного только воспоминания о том, что ему пришлось все рассказать Круземарку, Хельгерта бросило в пот. «Наверное, полковник уже был в штабе дивизии, говорил с подполковником Венглином, которому он подчинен, и все рассказал ему. И все же Круземарк не такой уж плохой человек. Он поможет мне»,— думал Хельгерт.

«А что, если ничего особенного с Ильзой не случилось? Как же он тогда вернется в полк и что доложит Круземарку или офицеру из отдела кадров дивизии? Не подумают ли они, что он выдумал всю эту историю только для того, чтобы получить отпуск?!» — Хельгерт застонал.

Через несколько дней он уже ехал по Германии. Навстречу часто попадались тяжелые составы с боеприпасами, следовавшие в сторону фронта.

В вагоне стало беспокойно: повсюду развалины и разрушения.

Заскрипели тормоза. Поезд дернулся и остановился. Глубоко вздохнув, Хельгерт ступил на платформу знакомого Гамбургского вокзала. Над головой темная ночь. Под ногами асфальт. Все остальное какое-то новое, не сразу узнаешь.

Долго бродил Хельгерт по ночному городу, не обращая внимания на то, где он шел. Картина повсюду была почти одна и та же. По темным улицам сновали редкие машины с затемненными фарами, осторожно нащупывая

путь. Люди ходили как призраки. А в это время на Британских островах, в Шотландии, Оране, на Мальте или где-нибудь еще в воздух, возможно, уже поднимались тяжелые бомбардировщики, устремляясь в свой тысячекилометровый путь. Каждому прохожему, шагавшему по затемненным улицам города, казалось, что на голову его вот-вот посыплются бомбы.

Обер-лейтенант остановился, засмотревшись на игру прожекторов, осторожно щупающих ночное небо. Потом медленно пошел дальше мимо темных зданий, образующих одну сплошную стену.

До Адольфштрассе, где жил его дядя, оказалось довольно далеко.

Дверь открыла Ильза. Застыв на месте, она тут же схватилась за сердце.

Хельгерту бросилась в глаза бледность ее лица. Вокруг рта — мелкие морщинки. Он снял рюкзак с плеча и откашлялся.

— Да, вот приехал на несколько дней в Гамбург... совсем неожиданно...

Ильза распахнула дверь шире. Движения ее были неуверенные и нервные. Пока он мылся, она, суетясь, приготовила ужин.

Хельгерт попытался задать Ильзе вопрос, который беспокоил его все это время, чтобы сразу же получить на него ясный ответ. Поднес чашку с чаем ко рту. Руки его дрожали. Он пробормотал что-то о ее последнем письме.

Ильза говорила сбивчиво, часто останавливаясь.

Когда она упомянула об инженере Виланде Альтдерфере, Хельгерт прервал ее:

— Почему это ты вдруг решила встретиться с ним?

— Как ты не можешь понять: я была так рада хоть с кем-нибудь поговорить о тебе!

«Нашла же себе собеседника»,— подумал про себя Хельгерт, а вслух спросил: — С кем же ты познакомилась после воздушной тревоги?

— С обер-лейтенантом Куртом Дернбергом.

— Дернберг? Курт Дернберг? — повторял Хельгерт, усиленно вспоминая. «Уж не офицер ли он, зенитчик? Дернберг и Альтдерфер? А это, пожалуй, не случайно! Альтдерфер давно ищет случая отомстить мне. Нет, я

должен знать все». Он стиснул зубы и заставил себя, не перебивая жену, выслушать ее до конца.

Ильза рассказала только главное: как она проснулась в незнакомой ей комнате и сразу же почувствовала, что с ней что-то случилось. Когда она спросила Дернберга, что он сделал с ней, тот цинично заявил: «Сделал то, что на моем месте сделал бы любой другой мужчина».

В ушах Хельгерта стоял отвратительный смех Виланда Альтдерфера. Дернберг! Он пытался представить себе его голос. В висках стучало. Какой-то мерзавец наложил на его Ильзу свою грязную лапу, сорвал с нее платье и удовлетворил свою звериную похоть. Каким же наивным был Хельгерт под Орлом!

Фриц устало закрыл глаза. «Он наверняка приятель Альтдерфера. А может, Дернберг взял то, что ему послала судьба... Или... сделал это умышленно? Или во время войны все можно?»

Фриц чувствовал, как холодный пот струйками стекает у него по груди.

«Во всяком случае, своим поступком Дернберг запачкал не только Ильзу, но и меня. Моя офицерская честь посрамлена. Именно этим типом».

Хельгерту все вдруг стало ясно.

— Я обращусь в гамбургский военный трибунал. Я не оставлю подобное оскорбление без ответа!

Ильзе стало страшно. «Трибунал! Ради бога! Какое отношение имеет трибунал к моей чести?»

— Не делай этого! — просила она мужа.— Разве я могу рассказать об этом чужим людям?! Прошу тебя, не заявляй!

— А почему нет?

— Я только позавчера выписалась из клиники.

Хельгерт не сразу нашелся что сказать:

— А что с тобой было? Ты ведь не писала мне, что была больна.

— Доктор Фельгентрегер потащил меня к знакомому гинекологу. Другого выхода у меня не было.

Хельгерт вцепился в подлокотники кресла. На лбу залегла глубокая складка. «Другого выхода у меня не было». В этот момент он даже не мог смотреть на жену.

— Какой такой выход?

— Когда я почувствовала, что со мной что-то случилось, пошла к одной своей знакомой. Оказалось, что необходимо немедленно врачебное вмешательство. В противном случае я могла потерять много крови. У нас никогда не будет ребенка!

Лицо Фрица осталось неподвижным. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Хельгерт впился глазами в лицо жены, взгляд которой был направлен на стену.

«У нас никогда не будет ребенка! Ребенка, которого мы так хотели, но ждали, когда кончится война! Теперь его никогда не будет из-за того, что Ильза попала в руки какого-то мерзавца. Может быть, она никогда не рассказала бы мне обо всем этом, если бы не последнее обстоятельство?» Хельгерт с силой рванул воротник кителя.

— Почему ты сразу не написала мне? — грубо спросил он. — Почему не посоветовалась со мной? Может быть, можно было бы что-то сделать, если бы ты попала в руки хорошего врача! Моя честь запятнана! Разве можно смыть такой позор?!

«Фриц, конечно, прав, — думала Ильза, — но почему он все время говорит только о своей чести? Его честь — моя честь, это я и сама знаю. А мой страх, мои страдания, разве все это безразлично ему? Неужели он не утешит меня и не приободрит? Ведь он мой муж!»

Хельгерт чувствовал, что он уже не может сдерживать себя. «Жена, у которой истрепаны все нервы, и муж, стоящий перед развалинами собственного счастья. Вот в каком положении оказался ты, обер-лейтенант. Есть у кого-нибудь еще вопросы? Я подумаю, господа!» В ушах Хельгерта все еще звучал голос полковника Круземарка. Фрицу казалось, что он сидит в истребителе, который стремительно взмывает к горизонту. «И что это у меня с лицом? Мускулы свела судорога. Зенфлебен мертв. Это я убил его. Интересно, кто такой доктор Фельгентрегер? Параграф двести восемьдесят. Опасность кровотечения из-за плохо сделанного аборта. И все это случилось с моей женой?! Остается один выход — суд чести!

А как она сидит! Точно ждет от меня чего-то необычного. Чтобы пощадить меня, она всю вину возьмет на себя. Это же безумие! А что, если бы в один прекрасный день у моей жены родился ребенок от чужого мужчи-

ны? Ни при каких условиях военный трибунал не должен знать об этом. Это я возьму на себя».

Задумавшись, Фриц положил правую руку на плечо жены.

— Мы все уладим. Об этом параграфе, конечно, умолчим. Положись на меня,— говорил он чужим голосом. «А что такое, собственно говоря, «все»? Где здесь начало, а где конец?»

— Сейчас наше государство и трибунал строго карают каждое преступление. Моя честь будет восстановлена. Только положись на меня! — повторил Хельгерт еще раз.

Ильза схватила руку мужа, уткнулась головой ему в грудь и беззвучно заплакала.

«Я сделаю для него все,— думала она.— Только бы он не ушел от меня. А если он не понимает меня? Или в глубине души не верит мне? Разумеется, он встанет на защиту нашей семьи. Но почему Фриц не хочет избавить меня от этой публичной казни? Ведь это все равно ничего уже не изменит в наших отношениях. Речь идет о нашей любви. А это так много!»

Неожиданно силы покинули Ильзу. Лицо побелело. Фриц довел жену до кровати, уложил ее и подождал, пока она уснет. Затем погасил ночник и тихо вышел из спальни.

До поздней ночи обдумывал он шаги, которые необходимо было предпринять утром следующего дня. Невольно вспомнил всю свою жизнь.

Победоносный поход во Францию и Железный крест воодушевили его жениться на Ильзе. Они знали друг друга почти год. Отец Хельгерта ничего не имел против. После смерти жены он не вмешивался в жизнь сына. Еще задолго до начала войны он уехал в Мюнхен, где с головой ушел в работу в химическом концерне, которую считал важнее всего на свете. Дважды в год собирался с силами и писал сыну обстоятельное письмо.

Ильза и Фриц были убеждены, что по-настоящему любят друг друга. После того как они поженились, их жизнь сплошь состояла из одних отпусков: отпуска для женитьбы, недельного отпуска, очередного отпуска, отпуска после ранения. Они принимали друг друга такими, какими они были, но вряд ли понимали друг друга. А сейчас?

«Действительно ли я любил Ильзу так,— спрашивал себя Хельгерт,— что только она могла стать моей женой? Интересно, как ведет себя женщина, когда под воздействием сильного опьянения она не в состоянии ничего соображать? Пришла Ильза в номер гостиницы на своих ногах? Или она была без сознания? Изменилось ли между нами что-нибудь после этого? Повлияет ли на наши отношения скандал, который неминуемо вызовет трибунал?»

Хельгерт инстинктивно чувствовал, что между ним и женой теперь установились другие отношения. «Больше, чем смерть, нас разделяет жизнь». Но поступить иначе, чем он собирался, Хельгерт не мог. Разве может он вернуться к полковнику Круземарку и доложить, что в семье у него ничего не случилось и что он просто-напросто ошибся? Нет, это невозможно. Он подробно объяснил полковнику причину, по которой ему необходимо было срочно уехать в отпуск. Пути отступления были отрезаны.

Фриц вскочил со стула, подошел к окну и, сорвав штору светомаскировки, распахнул его. С моря дул влажный ветер.

На следующее утро, когда в учреждениях уже работали, Хельгерт пошел в военный трибунал и подал заявление на обер-лейтенанта зенитной артиллерии Курта Дернберга, обвинив его в изнасиловании с использованием одурманивающих средств жены командира батареи обер-лейтенанта артиллерийского полка Фрица Хельгерта.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Знакомство началось с того, что командующий округом созвал всех офицеров противовоздушной обороны к себе на ужин, чтобы передать им благодарность фюрера и верховного главнокомандующего за то, что они сбили тридцать семь американских «летающих крепостей», участвовавших в воздушных налетах на города Северной Германии. Произнося свой торжественный тост, генерал обратил внимание на одного обер-лейтенанта, который пренебрежительно морщил нос. Генерал поин-

тересовался, кто он такой. Узнав, что офицера зовут Курт Дернберг, что он с тридцать первого года состоит в «гитлерюгенде», а в тридцать третьем вступил в национал-социалистскую партию, генерал успокоился.

Дернберг тут же использовал момент и попросил у генерала разрешения преподнести ему бутылочку славного вина из запасов своего папаши как плату за свое «плохое поведение», добавив, что в лице господина генерала он видит тонкого знатока вин.

Первый бочоночек, доставленный генералу якобы из подвалов отца Дернберга, был наполнен вином с романтическим названием «Бад Дюркхейм». Спустя четыре недели подношение повторилось. Генерал, разумеется, и не догадывался, что «Дюркхейм», которое доставал для него обер-лейтенант через двух своих однокашников по военному училищу, было лучшим французским вином и жертвовалось ему не только с целью завязать с ним дружественные отношения, но и в один прекрасный день извлечь из них некоторую пользу.

Генерал поблагодарил Дернберга за великолепное вино, не упустив случая процитировать несколько строчек из Юлия Цезаря и генерала Людендорфа. Так довольно просто Дернберг завоевал расположение командующего военным округом и полдюжины его приближенных.

Через Виланда Альтдерфера, получившего письмо от своего брата, в котором Алоиз писал, что Хельгерт выехал в Гамбург, об этом узнал и Дернберг. Известие это пришлось ему явно не по душе, и он тут же решил, что эта глупая гусыня Ильза в письме все рассказала мужу, а тот, как герой из «Нибелунгов», не долго думая, отправился в путь. А здесь-то она уж подробно расскажет ему обо всем. Впрочем, Хельгерт вряд ли будет поднимать шум. Ведь это сразу же положило бы конец его карьере офицера. После подобного скандала ни одна семья не пожелает пригласить их к себе на чашку чая, не говоря уж о светском приеме.

Подобные мысли несколько успокоили его. Однако Дернберг удивился, как это ему до сих пор не пришло в голову чем-нибудь связать руки обер-лейтенанту Фрицу Хельгерту.

Командующий округом буквально через несколько часов после подачи Хельгертом заявления в трибунал,

в котором тот обвинял его поставщика вина, узнал от председателя трибунала доктора ван Торстена о случившемся и тут же попросил переправить ему эту бумагу.

— Видите ли, мой дорогой, дело здесь довольно ясное,— заметил генерал, прочитав заявление.— Вызовите-ка к себе этого самого Хельгерта да возьмите его как следует в оборот. Если же это не поможет, тогда лучше всего поскорее покончить с этим делом да и забыть о нем.

Заседание трибунала происходило в зале, стены которого были облицованы деревом с искусной резьбой. Здесь, в этом зале, был вынесен не один смертный приговор: за подрыв мощи вермахта, выражавшийся в проявлении недовольства, трусости или дезертирства, обычно расплачивались расстрелом; самовольная отлучка из расположения части, физическое оскорбление начальника и тому подобное каралось в каждом отдельном случае лишением свободы с отбытием срока наказания в специальном штрафном подразделении на фронте или на военном заводе; нарушения законов и постановлений, не входившие в рамки вышеизложенного, относили к случаям, лишенным интереса, и считали, что они зря отнимают время.

Заседателями во время разбирательства по делу Хельгерта были назначены прыщеватый штабной казначей, который так и сгорал от любопытства, и пожилой майор инженерных войск, который, казалось, пришел сюда только для того, чтобы немного отдохнуть. По распоряжению председателя заседание велось при закрытых дверях. Ван Торстен попросил супругов Хельгерт удалиться в специальную комнату, чтобы они не могли переговариваться со свидетелями. Обер-лейтенант Дернберг дожидался своей очереди вне зала заседания. Вызвать его должны были только в самом конце совещания.

У председателя трибунала было одно желание: поскорее закончить это щекотливое дело и доложить о благополучном исходе господину генералу.

Свидетели допрашивались в строгой последовательности.

Первым вызвали старшего официанта с серым испитым лицом. Попав в необычную обстановку, официант окаменел.

— Значит, вы считаете,— резюмировал сказанное официантом обрадованный ван Торстен,— что вся компания здорово выпила?

Официант в знак согласия кивнул.

— Можете ли вы сказать, кто сколько выпил? Например, свидетельница Хельгерт и сам обвиняемый?

Старший официант посмотрел на Дернберга и вспомнил щедрые чаевые, которыми его наградил обер-лейтенант.

— Господин обер-лейтенант был трезв. Он даже успокаивал своего друга, когда тот начинал шуметь.

— А свидетельница Хельгерт?

Маленький человечек огляделся.

— Она была... ну что я могу сказать... она уже не соображала, что делает. Глаза ее совсем осоловели.

— Хорошо, хорошо,— перебил официанта председатель, боясь, как бы тот своей болтовней не спутал все его планы.

Вторым допрашивали Петера Корнелиуса, который вошел в зал заседаний без тени волнения. Война сделала его равнодушным ко всему. «Настоящие люди? Таких вообще не существует на белом свете,— думал Петер.— Имеются только вещи приятные и малоприятные. Войне еще и конца не видно. Дернберг может еще пригодиться, а что ждать от этой женщины?» И он сразу понял, какую роль должен играть в этом деле.

— Свидетельница сама лезла к обвиняемому!

В зале стало совсем тихо. От волнения и любопытства прыщеватый майор, откинувшийся на спинку стула, потерял равновесие и, чтобы не упасть, ухватился за край стола.

Показания инженера Петера Корнелиуса, который вот уже несколько дней работал на судостроительной верфи «Рейхерштидверфт», послужило для доктора ван Торстена солидным поводом для того, чтобы вынести по делу решение, которое было угодно господину генералу. Суд отказал пострадавшей в защите.

Затем допросили владельца гостиницы, но тот ничего не мог припомнить: его интересовали только барыши, которые приносили ему спекуляция на черном рынке и

организация ужинов за закрытыми дверями по удесятеренным ценам. Поэтому он заявил, что видел своих гостей только тогда, когда они вошли в его гостиницу. Впрочем, вели они себя безупречно, как и полагается вести себя в таком приличном заведении.

Виланд Альтдерфер умудрился даже рассказать о всех своих родственниках, которых он характеризовал как заядлых национал-социалистов, всю жизнь борющихся с большевиками; каждый из них находился на месте, на которое его поставил фюрер. Его брат Алоиз сражается на Восточном фронте в самом центре военных событий. Безупречность всех Альтдерферов известна, и ему просто неприятно поведение свидетельницы. Он очень сожалеет, что обер-лейтенант Курт Дернберг попал в такое положение.

Лица обоих заседателей и ван Торстена светились от удовольствия: они приняли слова инженера за правду и решили использовать их в своих интересах.

Затем вызвали свидетельницу Хельгерт. Все члены трибунала смотрели на нее со скрытой, но все же заметной похотливостью. У инженер-майора появилось такое чувство, что дело достигает своей кульминационной точки. Он громко высморкался.

Доктор ван Торстен тихим голосом попросил свидетельницу подойти к нему поближе и подробно рассказать, как было дело. Говоря это, доктор умильно полузакрыл глаза.

Ильза Хельгерт ограничилась пересказом основных моментов.

— Все свидетели показали, что вы старались заинтриговать обер-лейтенанта Дернберга,— произнес Торстен мягким голосом.

В зале снова воцарилась мертвая тишина.

Ильза Хельгерт окинула свидетелей взглядом. Она увидела Виланда Альтдерфера и Петера Корнелиуса; на скамье подсудимых сидел Дернберг, уставившись в пол.

Председатель трибунала не сводил с Дернберга глаз. Подняв брови, он обратился к Ильзе:

— Ну?

Женщине казалось, что она стоит перед гладкой грязной стеной, которая растет у нее на глазах. Тихим, но твердым голосом она начала объяснять:

— Утверждение, что я якобы старалась соблазнить

господина Дернберга, абсурдно. За весь вечер я не сказала ему и нескольких слов.

Ван Торстен задумался:

— Это нам известно. Надеюсь, вы не будете утверждать, что вы не хотели остаться ночевать в отеле? Скажите, вы заперли дверь своего номера, прежде чем лечь в постель?

Ильза несколько секунд молчала, соображая, стоит ли ей вообще отвечать на подобные вопросы ван Торстена, которые сами по себе уже говорили ей о том, что независимо от ее показаний у суда уже сложилось определенное мнение. Но она не могла не отвечать, так как речь шла о ее чести, о чести Фрица.

— Сразу же, как только был дан отбой воздушной тревоги, я хотела уйти домой, но меня уговорили остаться. О том, что произошло в отеле, я не имею ни малейшего представления. Я не помню, запирала ли я дверь комнаты на ключ...

Председатель трибунала счел дальнейший допрос свидетельницы излишним.

— Есть еще какие-нибудь вопросы к свидетельнице? — спросил он тоном, не допускающим никаких вопросов.

Майор покачал головой. Однако штабной казначей захотел высказаться:

— Это соответствует показаниям старшего официанта.

— У нас единое мнение, господин казначей,— перебил его ван Торстен,— показания старшего официанта совпадают с показаниями самой свидетельницы. Никто из членов трибунала не сомневается в том, что показания свидетелей Корнелиуса и Альтдерфера не внушают доверия. Перед нами объективная картина... по крайней мере часть ее...— И он строго посмотрел на инженер-майора, который утвердительно кивал ему.

Больше Ильзе не задавали вопросов.

— Я попрошу пригласить в зал обер-лейтенанта Фрица Хельгерта! — торжественно произнес председатель.

Хельгерт вошел в зал, не зная хода разбирательства. Беглый взгляд, брошенный на жену, подтвердил его опасения, что все идет не так, как он ожидал.

— Господин обер-лейтенант,— начал ван Торстен,— я хочу обратить ваше внимание на то, что вы выступае-

те здесь, собственно говоря, не как свидетель. Однако мы хотим предоставить вам возможность рассказать нам все, что вам известно по данному делу.

Хельгерта при этих словах охватила волна ярости, но он сдержал себя и тихо начал:

— Суть дела изложена мной в письменном заявлении. Я считаю лишним повторять ее здесь еще раз.

Ван Торстен остался непреклонным:

— Ваше мнение вы можете оставить при себе. Нас интересует суть дела, прошу вас!

— Для меня это дело совершенно ясное. Обвиняемый виновен в изнасиловании беспомощной женщины. Сделал он это сознательно. Больше того, обвиняемому было хорошо известно, что перед ним жена офицера, я позволю себе подчеркнуть — жена офицера-фронтовика!

— Мне кажется, вы несколько заблуждаетесь, господин обер-лейтенант,— прервал его председатель.— На всех допросах обвиняемый заявлял, что никакого насилия с его стороны не было. Напротив! Свидетели Альтдерфер и Корнелиус доказали, что ваша супруга сама была заинтересована в более близком знакомстве с господином Дернбергом.

— Я считаю, что по данному вопросу необходимо провести новое расследование,— решительным тоном потребовал Хельгерт.

Ван Торстен считал, что сейчас самое важное — поскорее закончить разговор с обер-лейтенантом.

— Показания других служащих отеля вряд ли могут заинтересовать членов трибунала,— отрезал председатель.

Хельгерту стало ясно, куда гнет председатель. «Значит, он принял слова Дернберга за чистую монету, во всем заранее обвинил мою жену и приспособил высказывания свидетелей в пользу Дернберга».

— Я хотел бы спросить вас, господин председатель, не с вашего ли согласия мне предложили забрать заявление обратно?

Ван Торстен занервничал:

— Вы не имеете права задавать подобных вопросов.

— Это вас очень беспокоит?

Лицо председателя трибунала налилось кровью, но он сдержался. «Сейчас самое важное — не допустить ошибки»,— думал ван Торстен.

— С самого начала разбирательства нам была ясна виновность свидетельницы Хельгерт. По этой причине вам по-дружески и предложили еще раз подумать над целесообразностью обращения в трибунал. Виновность свидетельницы была полностью доказана на сегодняшнем заседании.

«Полностью! Значит, Ильза полностью виновна. Я уверен, что все было совсем не так. Ильза не способна лгать. Еще не было случая, чтобы она что-то утаила от меня. Все эти свидетели — или друзья Дернберга, или люди, которые в какой-то степени зависят от него.— Вот почему они обвинили Ильзу. Значит, все мои старания пошли впустую»,— думал Хельгерт, а вслух сказал:

— Я считаю, что военный трибунал германского вермахта, на заседании которого я присутствую, собрался для того, чтобы найти виновника и сурово наказать его за преступление. Здесь же я наблюдаю обратное.

Ван Торстен ударил ладонью по столу:

— Трибунал будет вынужден известить ваше командование о вашем недостойном поведении на судебном заседании. Я лишаю вас слова.

Затем председатель обратился к Дернбергу:

— Имеете вы еще что-нибудь сказать? — Голос председателя был строг, но все же в нем можно было заметить скрытую симпатию.

Курт Дернберг вскочил, словно курсант военного училища, и, вытянув руки по швам, отрапортовал:

— Никак нет, господин председатель!— И быстро сел на свое место.

Заседатели, инженер-майор и штабной казначей, были довольны Дернбергом. При вынесении приговора их мнение полностью совпало с мнением господина председателя.

Минут через десять маленькая боковая дверь в зале заседаний отворилась и члены трибунала вошли, чтобы объявить приговор. Председатель доктор ван Торстен подождал, пока господа присяжные доберутся до своих мест и встанут перед своими креслами, и, сильно гнусавя, начал читать:

— Именем народа оглашаю следующий приговор. «Обвиняемый за отсутствием доказательств оправдывается. Трибунал путем опроса свидетелей установил, что свидетельница Ильза Хельгерт в указанную ночь не

оказывала обвиняемому обер-лейтенанту Курту Дернбергу никакого сопротивления и сознательно провела с ним ночь». Судебное заседание объявляется закрытым.

Собирая бумаги, председатель бросил беглый взгляд на Хельгерта. В этом его взгляде была не столько ирония, сколько превосходство.

Хельгерт вышел из зала, ведя жену под руку. Он прекрасно понимал ее состояние. Никого и ничего не замечая, они шли по направлению к порту. Оба молчали. На улицах царило обычное для этого времени оживление. Навстречу им попадались солдаты на костылях. Многие прохожие были одеты в траур. На некоторых частных лавочках были приклеены короткие записочки: «Закрыто. Хозяин ушел на фронт». Повсюду чувствовалось дыхание войны.

В порту повсюду виднелось оружие, мелькали синие блузы моряков, пестрые маскировочные полотнища, слышался рев торпедных катеров и крики чаек. По гавани взад и вперед сновали катера и баркасы.

Хельгерт и Ильза смотрели на портовую суету и в то же время, казалось, ничего не видели вокруг себя. Мысли обоих были заняты происшедшим в трибунале. Обменявшись несколькими словами, они пошли к дому.

Войдя в комнату, сели друг против друга.

— Я абсолютно ничего не понимаю,— начал Хельгерт.— Заявление я написал довольно убедительно, подчеркнул, что государство должно делать все для того, чтобы поддержать нас, фронтовиков, здесь, в тылу. А на заседании трибунала слова «фронт» никто и не упомянул. Нет ни одного приказа по дивизии или по армии, в котором не говорилось бы о чести солдата. А разве эти судьи знают, что такое честь офицера-фронтовика?! Я не признаю этого позорного приговора. Это самый настоящий позор!

— Ты такой же наивный,— заметила мужу Ильза.— Я же предупреждала тебя. Ты думал, что Дернберг будет осужден, хотя бы морально. И вдруг такое решение! Все свидетели, включая официанта, говорили, что я якобы сама бросилась на шею Дернбергу. Ну а ты сам как думаешь?

Ильза ждала, что скажет Фриц.

— Ты же знаешь, что я всегда верил тебе, да и сейчас верю, несмотря на показания свидетелей. Все они

одного поля ягода. Первый судебный процесс против Дернберга проигран. Я уверен, что он приложил к этому делу свою руку.

— Что же теперь будет? — тихо спросила Ильза.

Фриц только махнул рукой.

— Ясно, что приговор необоснован. Но подобное может случиться только один раз. И не больше! Типы, подобные Торстену и этим подкупленным свидетелям, встречаются во всякие времена. Но этот Дернберг и его покровитель в лице моего, если можно так сказать, товарища по полку господина обер-лейтенанта Алоиза Альтдерфера...

Ильза наклонила голову:

— Я спрашиваю тебя совсем о другом.

— О чем же?

— Что теперь будет с нами?..

— Разумеется, все останется по-прежнему,— перебил ее Фриц.— Только не падай духом.

— Я думаю не о сегодняшнем дне и даже не о завтрашнем...

Фриц снова перебил ее:

— Видишь ли, нет смысла обзаводиться детьми во время войны. Кто знает, что будет дальше...

Ильза надеялась на иное утешение, но она хорошо понимала мужа и знала, на что он способен. Сейчас ее беспокоило одно: как Фриц сможет доказать свою правоту. Она никак не могла представить себе, что Виланд по просьбе брата пошел на такую подлость. Но свое сомнение она не осмелилась высказать мужу и вслух сказала:

— Ни ты, ни я не знаем, что нас ждет в будущем. Может быть, господь бог не оставит нас своей милостью.

Хельгерт удивленно посмотрел на жену:

— Господь бог?

— Разве в трудную минуту не дорога любая помощь?

Фриц встал, надел пальто, сказал жене, что ему надо одному побыть на свежем воздухе, и вышел.

По пустынной улице гулял ветер. Незаметно на город спустились сумерки. Лишь силуэт большой старой церкви с многочисленными колокольнями вырисовывался на темном горизонте.

Хельгерт подошел к собору. Провел рукой по горячему лбу и посмотрел на колокольню.

Задумавшись, обер-лейтенант вошел в собор. Звук его шагов гулко отдавался в пустоте. От хоров до органа поднимался столб пыли.

В боковых коридорах горел слабый свет. Перед маленькими алтарями стояли свечи, тускло освещая призрачный рисунок фресок.

Постепенно мысли, которые не давали Хельгерту покоя, пока он шел по улице, улетучились. Он миновал церковную кафедру и остановился перед потемневшей от времени деревянной скамьей, украшенной искусной резьбой. Глаза уже привыкли к темноте, и он стал различать высокий алтарь с зажженной перед ним свечой.

«Сейчас я должен помолиться и попросить утешения. «Может быть, господь бог не оставит нас своей милостью»,— сказала Ильза. Значит, за этим я сюда и пришел. Разве священники в своих проповедях не повторяли, что, если тебе будет трудно, нужно вести разговор с богом с глазу на глаз...»

Он вышел из собора и спустился к мосту Святого Павла, думая о том, что по прибытии в полк он должен будет сразу же заявить, что его офицерская честь запятнана.

В совет офицерской чести входили Круземарк, майор Пфейлер из батареи тяжелой артиллерии, майор Мойзель и два командира дивизионов. Как кадровый офицер, Хельгерт должен будет предстать перед ними в парадной форме, с обоими Железными крестами на груди, артиллерийским значком, Немецким крестом, тремя нашивками за ранения и прочими реликвиями. Ему придется доложить им, что военный трибунал Гамбурга вынес приговор, который не защитил его чести и чести его семьи. Значит, формально его честь остается поруганной. И именно они, его товарищи, должны помочь ему смыть с себя это грязное пятно. Следовательно, ему надо как можно скорее вернуться в полк.

Домой Фриц вернулся совершенно спокойным.

В день суда вечером инженер Виланд Альтдерфер написал своему брату Алоизу в полк о происшедшем на заседании трибунала. Не скрыл и того, что лично он,

как и прежде, считает Хельгерта очень опасным человеком, и посоветовал брату принять какие-то меры, чтобы обезвредить обер-лейтенанта.

Вечером того же дня председатель трибунала подробно доложил генералу о результатах судебного заседания, подчеркнув настойчивость Хельгерта в наказании оскорбителя. Генерал поинтересовался, как доктор ван Торстен расценивает достоверность свидетельских показаний.

Ван Торстен сообщил, что весь процесс был организован неплохо, но на показания свидетелей полагаться, разумеется, нельзя.

На это генерал заявил, что примет меры для перевода Дернберга в другое место, а там, что бы ни случилось, его это уже не касается.

Вечером Рудольф Бендер получил повестку о мобилизации в армию. Это его не особенно удивило. Ему предписывалось явиться в артиллерийские казармы во Франкфурте-на-Одере. Перед отъездом Бендер договорился с Фердинандом Бекером о том, что тот будет руководить подпольной группой. Друзья согласились, что надо особенно беречь Клавдию Занден. В последнюю ночь Бендер хотел еще раз как следует проверить подготовку к операции, которую нужно было осуществить на танковом заводе. До отхода поезда Бендер уладил все свои дела.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Эбергард Баум сидел и скучал на наблюдательном пункте пятой батареи, расположенной на церковной колокольне. Его вместе с ефрейтором Бюргером послали сюда на некоторое время, так как половина батареи погибла от огня русской артиллерии.

Эбергард направил стереотрубу на деревню.

Бюргер закурил свою трубку.

— Вот мы и пережили первые дни нового года,— пробормотал он, тыча трубкой в сторону развалин.

Баум отошел от стереотрубы.

— За полтора года мы продвинулись всего лишь на двенадцать километров...— заметил Эбергард.

— В прошлом году было много хуже. Отступали несколько недель подряд. Вот в этой деревушке распростился с жизнью Геншберг.

— Это кто такой?

— Командир четвертой батареи, капитан. Мы нашли его закоченевший труп без головы. Зато погоны остались на плечах.

— А ну-ка расскажи, как это случилось? — попросил Баум.

Радист затянулся и сплюнул:

— Рассказывать тут, собственно говоря, нечего. В ночь на тринадцатое декабря русские неожиданно обошли нас с запада. Снегу тогда навалило с целый метр. Ни одному человеку не удалось подобраться к деревушке: у русских там стояло два пулемета и орудие на узкоколейке. Наша пехота несколько раз пыталась захватить деревушку — и бесполезно. Тогда решили из гаубицы уничтожить противотанковое орудие русских. Капитан Геншберг решил лично навести орудие. Но метель сильно затрудняла видимость. Тогда он вышел на холмик, чтобы лучше видеть цель. Но не прошло и нескольких секунд, как снарядом ему оторвало голову. Тогда Хельгерт дал команду открыть огонь, и гаубица выплюнула десять — двенадцать гранат. Хельгерт бросился к стереотрубе и начал лично корректировать огонь. После чего нам пришлось драпать.

— А зачем нужно было забирать тело капитана с собой?

— Офицеры, друзья капитана, во что бы то ни стало хотели похоронить его на родной земле, но он остался лежать здесь. Те, кто погибнет здесь завтра, послезавтра, останутся тоже здесь.

На шоссе раздался взрыв.

Бюргер выбил трубку.

— Ну, я пойду посмотрю, нет ли чего-нибудь выпить, в горле пересохло,— сказал он и исчез.

В направлении железнодорожного полотна слышалась пулеметная стрельба, а в воздухе появились грибки артиллерийских разрывов. Через секунду колокольня содрогнулась от сильного взрыва. «Наверняка стопятидесятимиллиметровые лупят»,— подумал Баум, счи-

тая разрывы и записывая результаты наблюдений в журнал наблюдателя. Невольно вспомнилась тяжелая зима сорок второго года. Видимо, за насыпью находились более крупные силы русских, чем предполагал Баум. Неожиданно из-за горизонта, блеснув на солнце крыльями, появилось несколько штурмовиков. Русские!

Кто-то поднимался по лестнице. Через мгновение дверь открылась — и на пороге появился сам Хельгерт. Баум бросился навстречу другу.

— Фриц, старина! Ты уже приехал! Что ты делаешь на пятой? Дорогой, как я рад тебе! — воскликнул Баум, с силой пожимая руку друга. На глазах у него блеснули слезы радости.

— Я тоже рад, Эбергард. Вот хочу забрать тебя отсюда!

— Ну, как Берлин? — Я знаю, что ты там не останавливался, но все же...

— Как Берлин? Милое старое время...— начал Хельгерт, глядя в сторону развалин, и пожал плечами.— Там тоже повсюду развалины: на Александерплаце, на Морицплаце, словом, везде.— Хельгерта передернуло.

Баум от неожиданности замер, увидев мрачное лицо всегда веселого Хельгерта. Он внимательно рассматривал своего друга:

— Да, выглядишь ты, Фриц, невесело.

Хельгерт ничего не ответил и, подойдя к стереотрубе, стал молча рассматривать местность, но тут же закрыл глаза и прислонился лбом к металлическому кронштейну. «Какой холодный!» — мелькнула мысль.

— Ну что ты скажешь о нашей позиции?

— Хорошая позиция,— хриплым голосом ответил Хельгерт,— только уж больно сильно выдвинута вперед. Справа от нас русские вклинились на запад. Тут они могут нам такой котел устроить, что никакими приказами главнокомандующего не поможешь...

В душе Баум был такого же мнения, но все же его сильно удивили слова друга. Однако он не хотел омрачать радостные минуты встречи подобным разговором.

— Ну, как Ильза? — спросил он, стараясь сменить тему разговора.

Хельгерта испугал этот вопрос. И хотя он давно ждал его, вопрос прозвучал как сигнал тревоги.

— Спасибо, Эбергард,— с трудом выдавил он из

себя.— По нынешним временам хорошо. Передает тебе привет.— И он снова прильнул к стереотрубе.

Внимательный взгляд Эбергарда остановился на сером лице друга.

Тяжелый снаряд разорвался в поросшей леском лощине, где находился штаб дивизиона.

— Неплохо стреляют,— заметил обер-лейтенант.— Вот прочти, Эбергард. Это только для офицеров дивизионов, но и ты прочитай,— сказал Хельгерт, достав из планшета какую-то бумагу. — Майор Мойзель хочет довести этот приказ до командиров батарей. Учти, приказ секретный.

«О моральном состоянии войск, отходящих из района Волги и Дона»,— нахмурив брови, прочитал Баум.

— Да, чуть не забыл,— сказал он совсем другим тоном,— я должен передать тебе привет от Клавдии. Она писала, что целую неделю была в командировке. Сейчас вернулась в Берлин.

Фриц почувствовал, как внутри у него что-то оборвалось. «Мой единственный друг передает мне привет от своей Клавдии, из-за которой, быть может, мне и мстит этот Дернберг. Только вот роль Альтдерфера в этом деле мне не совсем ясна. Если я не возьму себя в руки — пропаду. А Эбергард об этом не имеет ни малейшего представления. Не понимает, как он меня сейчас взбудоражил. А в чем он, собственно, виноват? — Хельгерт тряхнул головой, словно стараясь отогнать от себя наступающую на него волну злости. — Если бы я не был связан с Эбергардом, ничего бы не случилось. Можем ли мы и дальше оставаться друзьями?» — Хельгерт невольно вспомнил разговор Баума и Гейцера в землянке, который они вели в день гибели Зенфлебена.

Хельгерт как-то не задумывался над своей нелегкой жизнью. Родители его занимались ремеслом и никогда не гнались за славой или почестями. Однако все его родственники, какими бы простыми ни казались, были люди гордые. Это качество унаследовали и их дети. Не был лишен его и Фриц.

По ходу сообщения со стороны высоты шли два линейных надсмотрщика. Через секунду они скрылись в церкви.

Хельгерт, казалось, ничего не замечал. Он не видел, что Эбергард вот уже несколько минут молча наблюда-

ет за ним. Наконец Баум сложил приказ и молча протянул его Фрицу, который смотрел на него каким-то отсутствующим взглядом.

— Ну что же, мы можем идти,— равнодушным тоном проговорил Фриц, глядя на развалины. Рывком открыл дверь, первым вышел на лестницу и спустился в окоп, не зайдя даже на наблюдательный пункт соседней батареи, чтобы сказать своему соседу «здравствуйте».

Миновав густой кустарник, Хельгерт неожиданно выпрыгнул из окопа, встал на бруствер... сделал два шага вперед... поднял к глазам бинокль... и так стоял несколько минут на виду у противника.

Затаив дыхание, Баум глядел на одинокую фигуру друга. Несколько станковых пулеметов противника только что вели огонь по этому участку. «Значит, Фриц сознательно рискует, уж не ищет ли он смерти?..»

Ни один выстрел не нарушил тишины.

Не оглядываясь, Хельгерт сказал, обращаясь к Бауму:

— Мы встретимся с тобой на НП. Иди доложи своему начальству как положено.— Так и не повернувшись, Хельгерт наискосок через высоту пошел на свой наблюдательный пункт, выделяясь на горизонте огромной мишенью.

«Покоя нигде нет,— думал он про себя,— нет его здесь, нет его в моей жизни, нет его и за две тысячи километров отсюда, на родине. Значит, нужно выворачиваться самому. Несколько сот метров — что они значат для русского снайпера? А для пулемета «максим» с его скорострельностью и точностью попадания? Помог же нелепый случай Зенфлебену! В его смерти виноват я. Зенфлебен правильно разбирался в событиях. А Гамбург?..»

Было по-прежнему тихо.

Лицо Баума стало белым как стена. Когда его друг скрылся из виду, он пошел на НП, чтобы дождаться там своей смены.

Над рекой дрожало марево. Молчаливые ели на противоположном берегу казались бледнее обычного.

Надо всем разлился утомительный летний зной.

Полковник Круземарк считал сегодняшний день незначительным. Начальник отдела штаба дивизии господин подполковник фон Венглин вручил ему для награждения подчиненных десять Железных крестов первого класса и тридцать пять — второго. При этом он сообщил полковнику:

— Генерал считает, что дивизия многим обязана артиллерийскому полку, который показал примеры подлинного героизма. Настало время и командиру этого полка повесить орден на шею.

На командный пункт полковник прибыл в прекрасном настроении. В этот момент пришел Альтдерфер и, попросив господ офицеров оставить их на несколько минут одних, рассказал Круземарку, как проходил судебный процесс по делу Хельгерта.

Полковник расстроился: теперь придется рассматривать это дело в офицерском суде чести, а там начнутся допросы и прочее... Для полка это было позорным пятном. Круземарк спросил адъютанта, не видит ли он какого-нибудь выхода из создавшегося положения, пока дело не получило широкой огласки, ведь он как-никак адвокат.

Альтдерфер, разумеется, знал выход, и полковнику сразу стало легче. Альтдерфер понимал, что настало время поболтать с Хельгертом, который не преминет откровенно высказаться, дав тем самым господину полковнику возможность избавиться от него и избежать крупной неприятности для полка.

На участке полка стояла тишина, и Альтдерфер мог не беспокоиться за свою жизнь. На батарею он выехал в сопровождении коновода и радиста, который был вооружен автоматом, снабженным несколькими магазинами.

Гегенбах позвонил Хельгерту по телефону и сообщил, что на его огневую позицию идет адъютант командира полка.

Альтдерфер ругался на чем свет стоит, полз и трясся от страха, так как последние двести метров, отделявшие его от ОП, могли просматриваться со стороны противника. Войдя в землянку, он сразу же заметил пренебрежительную гримасу Хельгерта.

Альтдерфер не спеша начал сверять НЗО, помеченные на его карте, с НЗО, нанесенными на боевой планшет батареи. Он с удовлетворением заметил, что своей

официальностью и неторопливостью действовал Хельгерту на нервы.

Когда же они остались одни в маленькой землянке, в которой Хельгерт спал, Альтдерфер неторопливо заговорил:

— Вы можете подумать, что на этот разговор меня толкнул брат,— откровенно начал он, надеясь этими словами парализовать Хельгерта.

Фриц несколько секунд молчал, соображая, как ему лучше обороняться.

— Хочу заверить вас, господин Хельгерт, в моем дружеском участии к вам, хотя вы, вероятно, не очень верите в это.

«Он, видать, решил сразу взять меня за шиворот»,— мелькнуло в голове у Хельгерта.

Альтдерфер истолковал молчание собеседника как немую просьбу продолжить начатый разговор.

— Лично я не имею никакого отношения к вашему делу. Брат же был свидетелем. Дело закончено, и приговор утвержден. Я приехал к вам по сугубо личному делу. Виланд как-то писал мне, что, зная, как мы здесь, на фронте, тесно связаны друг с другом, он скрепя сердце давал показания, которые были необходимы для разбирательства, но...

Как Альтдерфер и предполагал, при этих двусмысленных словах Хельгерт несколько приободрился.

«Значит, я не ошибся в его заинтересованности,— подумал Хельгерт.—Он преследует вполне определенную цель. Только бы не взорваться!»

Адъютант, казалось, наслаждался своим триумфом:

— Вы разрешите быть до конца откровенным?

Хельгерт до боли впился пальцами в обивку стула.

— Мне больно говорить о том, что ваша жена...

На лице обер-лейтенанта не дрогнул ни один мускул.

Альтдерфер спешил осуществить свой замысел:

— Вы можете поверить мне, как юристу. В подобных случаях один из супругов (как и у вас) обычно настолько поражен происшедшим, что не верит в него. Тогда он судорожно начинает бороться за свою незапятнанную честь...

— Что касается вашего опыта, я не стану отрицать его, но учтите: к моему делу, к моей жене он не имеет никакого отношения! — выпалил Хельгерт.

— Я вас понимаю. Каждый человек считает, что его дело из ряда вон выходящее и к нему нельзя подходить с обычной меркой. Однако как адвокат и ваш коллега по полку я все же хотел бы вас предостеречь.

— Вы что, Альтдерфер, имеете на этот счет специальное задание? — едко спросил Хельгерт.

Альтдерфер задумался, соображая, стоит ли ему пускать в ход свой последний козырь, на который так надеялся господин полковник:

— Я еще раз повторяю, что пришел к вам из добрых побуждений.

Фриц посмотрел на своего собеседника и полез в карман за портсигаром.

— В недалеком будущем вас должны повысить. Разведитесь с женой, и как можно скорее. Тогда вы будете абсолютно спокойны, а ваша честь останется незапятнанной! — Сказав это, Альтдерфер обрадовался, что самое трудное уже позади.

Хельгерт еще раз затянулся и притушил сигарету. «Какое же дерьмо этот Альтдерфер! Ну и кретин,— подумал он.— Я с удовольствием ударил бы его сейчас или влепил бы ему пулю между глаз, но тогда его похоронят как героя. Мне же это все равно не поможет. Сколько еще таких, как он, здесь, на фронте, да и в тылу! Но я все же рассчитаюсь с ним за его нахальство. Позднее. Сейчас же я просто не могу больше видеть его, а то, чего доброго, случится беда... Еще одна беда...»

— Я подумаю над вашим предложением, а вам советую вернуться к себе,— с трудом сдерживая себя, проговорил Хельгерт.

Адъютант не спеша собрал свои вещички и встал:

— Вы должны, господин Хельгерт, представить рапорт господину полковнику. Возможно, господин полковник спросит вас, сами ли вы пришли к выводу, что лучше без шума уладить это дело... В этом случае, я думаю...

— Пусть это вас не беспокоит.

— Я не знаю, можете ли вы один... ведь речь идет и о чести полка, о чести всех нас,— не отступал Альтдерфер.

— Уж не считаете ли вы, что ваше предложение имеет какое-нибудь отношение к чести?

— Как я должен понимать вас? — спросил Альтдерфер краснея.

— Меня поражает ваша трусость.

Альтдерфер сделал вид, что не расслышал брошенного ему оскорбления; он знал, что без свидетелей Хельгерту не удастся доказать это.

Хельгерт открыл дверь и сделал несколько шагов назад.

Альтдерфер с радостью покинул землянку. Его ненависть к Хельгерту возросла еще больше.

Через несколько недель полковник вызвал к себе командира батареи Фрица Хельгерта, который, воспользовавшись этой возможностью, лично поздравил Круземарка с награждением его Рыцарским крестом.

Полковник был в отличном настроении. Рыцарский крест так и горел у него на груди. Поздоровавшись, полковник сел и углубился в чтение своих бумаг.

Обер-лейтенант молча опустился на стул, скользнув взглядом по лицу полковника. Затем стал рассматривать карту военных действий. Линия фронта, обведенная жирным карандашом, петляла по цветному полю карты с указанием наименований воинских частей и множеством вопросительных знаков.

Хельгерт, казалось, забыл и о полковнике, и о деле, из-за которого его сюда вызвали. Взгляд его был устремлен на карту. На севере — Ленинград, который, несмотря на все усилия отборных немецких частей, все еще не был взят.

От Ленинграда линия фронта шла вниз, к озеру Ильмень, затем на Великие Луки и Дорогобуж, к Орловскому выступу и дальше на юг...

Дальнейшие размышления Хельгерта прервало легкое покашливание полковника.

Предстоящий разговор с обер-лейтенантом не радовал Круземарка, хотя и не особенно сильно беспокоил. Его удивляло, что решение военного трибунала в Гамбурге до сих пор не дошло до полка. Возможно, кто-то решил положить его под сукно. Глупо надеяться на то, что прусская бюрократическая машина не сработает и на этот раз. Полковнику был известен ход судебного разбирательства благодаря информации Альтдерфера, которого, в свою очередь, держал в курсе всех событий Виланд. Лишь одного никак не мог понять Круземарк:

как могло случиться, что Хельгерт не воспользовался данным ему советом.

Полковник не спеша раскурил сигару, отодвинул в сторону лежавшие на столе бумаги и своим высоким, чуть хрипловатым голосом обратился к Хельгерту:

— Я прошу вас официально доложить мне о ходе разбирательства вашего дела. Не поймите меня превратно! Я, как вы знаете, не любопытен и не склонен привлекать вас за это к ответу. Таково желание господина генерала, которого я должен буду во всем проинформировать.

— Обвиняемый был оправдан из-за отсутствия доказательств,— выдавил из себя Хельгерт.

Круземарк сделал вид, будто услышал что-то страшное. Пепел с сигары упал на стол, и он рукой смахнул его на пол.

— Скверная история. Посмотрим, чем все это кончится. Вы хотите что-нибудь предложить?

— Я полагаю, что здесь, в полку, мне будет предоставлено право, воспользоваться которым мне не дали на родине.

Полковник Круземарк кивнул:

— Не все тыловики понимают, что мы здесь рискуем своими жизнями из-за них. Неслыханно! Но приходится переносить и это! — Полковник решительно встал.

Бледный обер-лейтенант тоже поднялся.

— Я не знаю в настоящий момент, что́ мне следует предпринять. Однако вы вполне можете на меня рассчитывать. Я очень сожалею.

Хельгерт отослал вестового с лошадьми, а сам пошел пешком, чтобы остаться одному и все как следует обдумать.

«Значит, полковник за меня. Как бы там ни было, он не допустит, чтобы офицера его полка незаслуженно оскорбляли. Пересмотру дела будет предшествовать суд чести. Таково желание генерала Кейтеля. В конце концов, разве может быть запятнана честь офицера, если кто-то надругался над его женой, а трибунал встал на защиту виновного?!

Согласно положениям кодекса чести офицера возможны четыре решения.

Первое: моя честь, как офицера вермахта, остается незапятнанной независимо от решения трибунала Гамбурга. В этом случае суд офицерской чести отклонит приговор трибунала и реабилитирует мою жену.

Второе: честь моей жены считается запятнанной, поскольку преступник не наказан, а приговор формально остается в силе. В этом случае я получаю предупреждение по службе, но остаюсь офицером.

Третье: моя честь считается настолько запятнанной, что меня лишают права носить военную форму.

И четвертое: моя честь не может быть восстановлена, и меня увольняют из армии.

Третий и четвертый варианты в военное время маловероятны, но все же допустимы. Вероятнее всего, такого человека пошлют на передовую для защиты интересов империи».

Хельгерт шел мимо передового наблюдательного пункта.

Бессменный командир третьей роты лейтенант Эйзерберг сидел в своем блиндаже и пил шнапс с вахмистром Зехтингом. Статистика утверждает, что командир роты на передовой живет не больше трех месяцев, но Зехтинг уже давно перешагнул эту границу.

Хельгерт подсел к ним. Но шнапс не помог ему отвлечься от тяжелых мыслей.

Когда начали распивать вторую бутылку, Хельгерт мрачно сказал:

— Послушайте, Эйзерберг, что вы скажете, если у вас будет новый командир взвода в чине лейтенанта?

Эйзерберг так расхохотался, что даже напугал часовых, стоявших перед землянкой.

— Откуда он возьмется? Из преисподней, что ли? Или, быть может, из средней школы? — И он снова рассмеялся. Затем отпил из стакана большой глоток.

— Я приведу один пример...

— Подобные вещи могут планировать только в ставке фюрера. Я же буду доволен, если мне во взводные пришлют девятнадцатилетних капралов!

Хельгерт повторил, что лейтенант все же придет. Эйзерберг пожал плечами, на которых у него не было никаких знаков различия. А зачем они ему здесь? Русские на него за это не в обиде. Его три дюжины — все, что осталось от роты, — и так прекрасно знали его. Он

не из трусливых. В отпуске и то не был ни разу. А командир батальона уже привык к тому, как он одет.

— Честь этого лейтенанта в какой-то степени запятнана. Интересно, что он должен будет у вас делать?

Эйзерберг полез в карман за сигаретами, но никак не мог их найти. Тогда он высыпал содержимое сначала правого, а потом левого кармана на стол. Чего тут только не было: ордена, погоны, несколько патронов, деньги, сахар, пистолет бельгийской марки и пачка сигарет.

— Неужели твой парень такой олух, что позволит загнать себя сюда, да еще в таком состоянии! Запятнанная честь... Представьте себе, Хельгерт, что суд чести запретит ему носить военную форму. Но не запретят же ему стрелять в русских!

И пехотный лейтенант снова расхохотался. На этот раз громче, чем после самого соленого анекдота. Затем он ушел в окоп.

Хельгерт прислушался, не возвращается ли Эйзерберг. В глазах у него была глубокая тоска.

— Выпей, Зехтинг, — предложил он.

— За ваше здоровье, господин обер-лейтенант!

— Давай, давай, старина! — с трудом ворочая языком, выговорил Фриц. — Тебе повезло в том, что по уставу ты не имеешь чести. Никакой! Ее у тебя даже и не предусмотрено!

Губы у вахмистра стали тонкими от злости. Он молча опорожнил свой стакан.

— Вы только обязаны держать язык за зубами!

— Это ни на что не похоже, — озлобленно заметил Зехтинг.

— Не похоже? Не похоже?! А вы шутник! Будете торчать здесь, пока почернеете! А что будет делать ваша жена? Ведь вы женаты?

— Разумеется. У нас два сына.

— Ага, у вас семья? Настоящая семья?

«Таким я его еще никогда не видел», — подумал Зехтинг.

— Детишки, которым вы так рады, да? Которые ждут вас домой? — спросил Хельгерт, схватив вахмистра за рукав и дыша ему прямо в лицо.

Зехтинг кивнул:

— В них вся моя отрада.— Он наполнил стакан и протянул его обер-лейтенанту.

Хельгерт опустил голову на стол и заплакал.

Группа пополнения под командованием унтер-офицера Генриха Гейдемана направлялась на Восточный фронт через Франкфурт-на-Одере, Варшаву, Брест, Минск, Гомель и Брянск.

В группе было двадцать четыре человека. И среди них Бендер.

Поезд мерно постукивал колесами, невольно заставляя вспоминать прошлое.

«Танковый завод». При одном только воспоминании об одной ночи у Рудольфа по спине побежали мурашки.

Это был безумно смелый план, который товарищи продумали до мелочей. Было решено взорвать главный кабель и на время вывести тем самым из строя весь завод.

Заряд был уже заложен, шнур протянут и зажжен. Оставалось семь-восемь минут, чтобы успеть добежать до безопасного места.

С лампой в зубах, упираясь спиной, руками и ногами в стенки узкого ствола шахты, Бендер полз вверх. Голову разламывало от напряжения. Левая штанина на колене совсем разорвалась. Рудольф старался не смотреть вниз. Если все будет в порядке, взрывом разорвет главный кабель и часть подвала. Шахтный ствол останется нетронутым.

Неожиданно голова уперлась во что-то упругое. Рудольф потрогал рукой. Металлическая сетка! Совсем тонкая сеточка на случай, чтобы в подвал что-нибудь не свалилось. Но для него это было серьезное препятствие. Он чувствовал, как мускулы его словно парализовало. А ведь минуты четыре уже прошло! Бендер выхватил из-за пазухи гаечный ключ и ударил им по сетке. Но удар получился слабый. Куском проволоки ему рассекло щеку до крови. Тогда он стал разрывать сетку ключом. Она поддалась. С трудом протиснулся он в образовавшуюся дыру, ободрав себе все пальцы. Сантиметр за сантиметром он полз все выше и выше.

Прошло минут семь!

Наконец над головой оказалась крышка люка. «Хорошо, если луна еще не вышла», — подумал Рудольф и с трудом приподнял тяжелую чугунную крышку. Перед ним были ржавые перекладины пожарной лестницы. Стена была в тени. Он стал быстро спускаться. Голова кружилась от дурманящего свежего воздуха.

Внизу раздался грохот взрыва. Рудольф еще крепче вцепился в перекладину лестницы.

Все здание содрогнулось. Затем второй взрыв! Где-то посыпались стекла. Он перескакивал сразу через две ступеньки... Еще две, потом еще...

В доме напротив с шумом распахнулась тяжелая дубовая дверь и раздался чей-то крик: «На помощь! На помощь!» Голос был ему незнаком, но наверняка кричал кто-то с центральной силовой станции, так как вряд ли кто-нибудь обратил внимание на взрыв. Пламени пожара не было видно.

Последние метры Бендер прыгал. На ходу снял ремень и сунул его в портфель.

Поднялся невообразимый шум. Из столовой высыпали рабочие и служащие. Где-то что-то горело.

«Только бы завернуть за угол столовой!»

Мимо промчался автомобиль.

«Наверняка служба безопасности!» Об этом он совсем не подумал, хотя вполне возможно, что машина случайно оказалась по соседству.

Бендер почувствовал, что одно воспоминание о полиции заставило его вздрогнуть. Он мгновенно прижался к стене. Машина промчалась мимо, но, резко заторможив, остановилась. Со всех сторон неслись крики.

Яркий луч прожектора выхватил его из спасительной темноты. Навстречу ему бросились люди. Кто-то кричал: «Вон он, держите его! Держите его!»

На секунду Бендер застыл, словно парализованный, затем рванулся в темноту. До сарая, служившего складом, оставалось метров двести. Он слышал за спиной топот многих ног. Если бы навстречу ему попался патруль, он пропал бы. В боку сильно кололо.

Как угорелый он влетел в котельную. Если бы он не знал здесь каждый метр, ему был бы конец. Бежавшие за ним люди остановились, боясь войти в темное помещение.

Он мгновенно накинул крючок на дверь пакгауза и подбежал к задней стене с проломленной в ней дырой. Схватив лом, изо всех сил ударил по стенке, расширяя пролом. Куски штукатурки летели во все стороны.

Удар, еще удар!

С трудом протиснувшись в отверстие, он оглянулся — и через минуту скрылся в зарослях бузины.

На другой день Бендер уже был во Франкфурте.

Штабной врач доктор Ребер делал осмотр только что прибывшего пополнения. Выслушивая стетоскопом рядового Бендера, доктор забеспокоился, на лице его появилось недоуменное выражение:

— А вы, мой дорогой, по-видимому, слишком много работали. Мне не нравится ваше сердечко. Пока я направлю вас в стационар. Придется понаблюдать за вами дней восемь.

Целую неделю Бендер мог спать, сколько ему заблагорассудится.

Когда Бендера выписали из стационара, фельдфебель сообщил ему, что он внесен в список отправляющихся на фронт со следующим эшелоном.

Штаб армии располагался на окраине Орла среди множества небольших зданий, образующих продолговатую площадь, похожую на большую дыру. Пополнение прибыло вовремя.

Подполковник фон Венглин вместе с командиром дивизии был на совещании у командующего.

Мимоходом он разрешил целый ряд вопросов. Теперь же он стоял у окна в кабинете генерал-квартирмейстера и смотрел во двор. Вот уже три месяца прошло, как они получили передышку, а он все еще никак не мог пополнить части дивизии до полного состава.

Вечером того же дня Бендер добрался до командного пункта артиллерийского полка. После того как все формальности были улажены, он вместе с водителем, который вез почту, отправился в расположение пятой батареи, в которую получил направление.

Обер-лейтенант Альтдерфер, находивший большое удовольствие в изучении различного рода документов и бумаг, просматривая как-то личные дела только что прибывшего пополнения, заметил, что рядовой Рудольф

Бендер был членом коммунистической партии до тридцать третьего года. По привычке Альтдерфер подчеркнул это место красным карандашом: «Кто знает, может быть, когда-нибудь это пригодится».

В один прекрасный день состоялся суд чести по делу обер-лейтенанта Хельгерта. Командование дивизии пришло к заключению, что без суда обойтись нельзя.

Другого решения Хельгерт и не ожидал. Если ему удастся доказать вину шарлатанов из Гамбурга, то его жена будет признана невиновной во всех инстанциях.

Хельгерт отправился на огневые позиции батареи. Гаубицы находились в хорошо отрытых окопах, артиллеристы — в блиндажах и убежищах, накрытых большими маскировочными сетками. Несмотря на то что солдаты были глубоко под землей, они дрожали при каждом звуке русского самолета. Метрах в шестистах от настоящих позиций наискосок были отрыты ложные позиции с целью отвлечения удара русской артиллерии и авиации.

Командир батареи без особого воодушевления зачитал приказ командующего сначала на огневой позиции батареи, затем на главном наблюдательном пункте. Разговаривая со своими подчиненными, Хельгерт чувствовал, что они все больше и больше не верят тому, что́ он говорил им, или, вернее, что он вынужден был говорить им.

В газетах и приказах все еще писали о том, что у противника фактически нет никаких резервов, а комиссары под пистолетом гонят в бой детей и стариков, и это тогда, когда солдаты-фронтовики прекрасно знали, как вооружена советская артиллерия; они на себе испытали силу ее ударов, знали, какой решительный противник находится перед ними; воздушное же пространство на этом участке фронта находилось под контролем красной авиации.

Хельгерт передал текст приказа генерал-полковника Шмидта писарю батареи. Ему уже пора было ехать на заседание суда чести офицеров, а ехать нужно целых тринадцать километров. Хельгерт был убежден, что весь полк встанет на его сторону, а полковник Круземарк лучше, чем кто бы то ни было, разберется в этом деле.

Даже Альтдерфер почувствует подлость своих предложений.

Когда Хельгерт вошел в канцелярию цальмейстера, Альтдерфер холодно поздоровался с ним и попросил его войти, так как заседание суда началось час назад и ему уже звонили на позицию.

В планшете у Хельгерта лежала записка, которую он хотел огласить на суде и потому вот уже несколько дней таскал с собой. Он попытался сконцентрировать все свое внимание на происходящем, но это ему не удалось.

В комнате было нестерпимо душно. Мимо окон солдаты провели на водопой лошадей.

«Для меня сегодняшний день — решающий, — думал Хельгерт. — Суд чести должен установить, что я с самого начала вел себя, как положено офицеру, а с Ильзы будут сняты все обвинения».

Хлопнула входная дверь: это вошел полковник Круземарк. Настроение у него было неважное.

Полковник сразу же приступил к делу:

— Пока еще не поздно, Хельгерт! Вы знаете, что произойдет через несколько часов. Если вы захотите объясниться со своей... супругой, тогда могут появиться небольшие осложнения с одной или с другой стороны. Если же вы не будете этого делать, ваше дело может быть решено сейчас же, и положительно. Я не могу вам советовать, однако...

Хельгерту показалось, что он неправильно понял полковника. «Уж не нужно ли понимать это как своего рода предупреждение со стороны Круземарка? В последний раз он обещал не оставить его в беде. А сейчас говорит так, будто благословляет его на развод».

— Господин полковник...

— Вы все объясните суду чести. — Полковник Круземарк резко повернулся, его Рыцарский крест нервно запрыгал.

Члены суда чести сидели за длинным столом. Место напротив Круземарка оставалось свободным.

Полковник Круземарк резюмировал происшествие, ограничившись перечислением самых важных фактов. В своем резюме он отделил честь обер-лейтенанта от чести его супруги. Далее он заявил, что это дело нужно решить так, чтобы не было никакого шума.

Значит, Хельгерт не ослышался. Это было подобно удару в лицо.

Обер-лейтенант получил слово. Встал.

— Господин полковник! — Хельгерт слегка поклонился. — «Вера — мерило чести» — услышал я в первый день прихода в армию. Видит бог, я всегда следовал этому правилу и буду следовать ему до последнего дыхания. Я усвоил, что в нашей солдатской судьбе нет ничего страшнее и позорнее потери чести.

Господа офицеры знают мою точку зрения. И я еще раз повторяю вам: я не согласен с приговором гамбургского трибунала — «Обвиняемый признается невиновным из-за отсутствия доказательств». Я не могу согласиться с тем, чтобы преступление оказалось ненаказанным. Я не могу согласиться с тем, что наш фюрер согласен с решением военного трибунала в Гамбурге, запятнавшего честь офицера-фронтовика. Я не думаю, чтобы офицеры-фронтовики не поняли и не отстояли меня.

Против меня возбуждено дело в суде чести офицеров. Я одобряю этот шаг, так как глубоко убежден, что суд чести не одобрит решения гамбургского трибунала и выступит в защиту своего однополчанина. На настоящем заседании нужно разбирать не мою честь, а честь других!

Круземарк покраснел и медленно поднялся. Только сейчас Хельгерт заметил, что полковник надел все орденские планки и значки.

— Я хочу обратить ваше внимание, Хельгерт, — начал полковник, — на то, что вы, видимо, переоцениваете возможности нашего суда чести и хотите использовать их в своих эгоистических целях, чего не должно быть. Вы несете ответственность за честь всех членов вашей семьи. Ваша честь будет сохранена только в том случае, если вы порвете всякую связь с членом вашей семьи, который запятнал вашу честь офицера.

В комнате стало совсем тихо. Командир дивизиона тяжелой артиллерии перестал стучать по столу карандашом и поднял вверх палец. Круземарк вытер лоб носовым платком.

Слово взял майор Пфейлер:

— Все, что вы говорили нам до сих пор, Хельгерт, чистейшая ерунда. Вы должны во что бы то ни стало

избавить полк от неприятности. В Гамбурге вынесли такой приговор, руководствуясь добрыми побуждениями. А теперь вы хотите, чтобы мы высказали свое неудовольствие решением военного трибунала вермахта? Это уж чересчур! Вы тут долго разглагольствовали о чести, верности и тому подобном. Было бы лучше, если бы вы поговорили об этом со своей супругой, и не сейчас, а много раньше. У нас есть дела поважнее разбирательства подобных кляуз.— И он бросил карандаш на стол.

Полковник Круземарк оглядел собравшихся довольным взглядом. Желающих выступить больше не оказалось.

Майор Мойзель делал в своем блокноте какие-то пометки. Он старался не глядеть на обер-лейтенанта.

— Ну так как же, Хельгерт? — обратился Круземарк к обер-лейтенанту.

«Почему все соглашаются с подобной несправедливостью? Почему ни один из членов суда чести не хочет поставить себя на мое место, не хочет заступиться за меня?» — думал Хельгерт.

Полковник терпеливо ждал ответа.

Обер-лейтенант медленно поднялся.

— Господин полковник! Господа! — раздался взволнованный голос Хельгерта. — Из сказанного здесь я понял, что моя честь останется незапятнанной только в том случае, если я откажусь от своих намерений. — Он встряхнул головой. — Через несколько часов я снова буду на своем НП... в готовности каждую минуту... идти в бой. Но прежде всего я обязан послать в бой моих солдат, воодушевить их... Мои подчиненные должны рисковать своей жизнью ради установления нового порядка в Европе под эгидой «великой Германии»! Поймите же мое моральное состояние! Военный трибунал в Гамбурге своим решением подрывает фундамент нашей морали и сообщает мне об этом. Как я могу вдохновлять своих подчиненных, когда честь кадрового офицера, командира батареи, оказывается безразличной для вас? Во что я теперь должен верить?

Неожиданно Хельгерт замолчал и сел на свое место, показывая этим, что он кончил, хотя самому ему казалось, что самого главного он так и не сказал.

Полковник Круземарк не рассчитывал на подобное упорство. Он чувствовал, что не может возразить Хель-

герту. Полковник спросил, не будет ли у кого-либо из присутствующих вопросов. Поскольку командир полка, как председатель суда чести, не высказал своего мнения, все считали неудобным излагать свою точку зрения.

Хельгерту разрешили идти.

Суд чести заседал без него еще целых три часа.

Когда Хельгерт вышел из дома, в котором заседал суд чести, у него вдруг закружилась голова. Он остановился и протер глаза. Когда головокружение прошло, он медленно пошел к поросшему кустарником холму, возвышавшемуся на окраине деревушки.

«Суд чести... развод...» — звенело у него в ушах. «А может быть, до сих пор я не понимал полковника и видел его не таким, каков он на самом деле? Разумеется! Я всегда во всем полагался на него. Разве он не мог бы сказать мне: «Послушайте, Хельгерт, дело ваше выглядит неважно. Вряд ли вам удастся обойти кое-какие параграфы наших законов, но офицеры полка прекрасно понимают вас и при случае помогут вам». Произошло же все наоборот!

А мои товарищи? А командиры дивизионов? Взять хотя бы этого Пфейлера. Сколько раз он говорил мне, что при случае заберет меня в свой дивизион! «Мне как раз не хватает такого командира батареи, как вы, Хельгерт!» А сейчас? Сейчас он молчал. Как воды в рот набрал. А командир дивизиона майор Мойзель?..

Суд чести...»

Хельгерт нервно рассмеялся.

Вдруг ему захотелось приласкать свою лошадь, которая была, пожалуй, его единственным настоящим другом.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Рабочий день казался бесконечно долгим. Чтобы как-то скоротать время, Клавдия Занден предалась воспоминаниям. С тех пор как весной она провела неделю у Бендеров, ее связь с тем, другим миром, за который боролись ее товарищи, стала еще теснее. И хотя тот мир с его тесными комнатушками, обставленными убо-

гой мебелью, был в представлении Клавдии маленьким, в нем чувствовалась уверенность, причины которой она постепенно начинала понимать.

Мать Рудольфа в любой ситуации умела найти выход из положения, знала, как поступить в тот или иной момент. И стоило только Руди и Фердинанду затеять спор — а это бывало почти всякий раз, когда речь заходила о проблемах идеологии, — она советовала им почитать Маркса, Энгельса или Ленина. Однако сейчас, говорила она, надо заниматься практическими делами. В теории мать Рудольфа не очень-то разбиралась. Ведь ее учителями были рабочие от станка. Когда объявляли забастовку, они быстро понимали, что к чему. Они видели, что прибавка по семь пфеннигов к почасовой оплате, которой добивались стачечники, помимо социального смысла имела еще глубокий политический смысл.

В последние месяцы Дернберг не давал о себе знать, и Клавдия продолжала спокойно работать на танковом заводе.

Фердинанд, конечно, умный человек. Он отлично разбирался в чертежах, которые ему приносила Клавдия. Однако неожиданный призыв в армию Рудольфа Бендера явился для нее сильным ударом. Только теперь она почувствовала, как сильно привязалась к этому молчаливому парню. В прощальный вечер Клавдия хотела утешить его мать, но получилось все наоборот. Все утешали Клавдию...

Шел уже июнь. А в конце июля собирался приехать в отпуск Эбергард, и тогда в Линдау должна была состояться их свадьба. Все свободные вечера Клавдия шила. Ей хотелось быть красивой в этот торжественный день. Будущее рисовалось ей радостным и счастливым.

Несколько недель назад Клавдия попросила Эбергарда прислать ей в письме прядь волос. С бьющимся сердцем, немного стыдясь своей просьбы, она отправила ему длинное письмо...

Клавдия пристально оглядела большой чертежный зал. Большинство девушек, работавших тут, переживали за своих знакомых или женихов, находившихся на фронте. Один воевал в Карелии, другой — на Атлантике. Муж Герты Штольверк торчал где-то на юге России. У двух женщин мужья служили в военно-воздушных силах и находились в Италии. Все девушки из кон-

структорского бюро носили какие-то безделушки, которые напоминали им о фронтовиках. Эти своего рода талисманы должны были охранять их любимых от смерти, а может быть, даже принести им счастье. У каждой был свой талисман — кольцо или прядь волос, крест от старых, полученных по наследству, четок или фигурка, изображающая какого-нибудь зверька. С этими вещами связывалось очень много желаний, но все они обычно сводились к одному: возвращайся живым и невредимым! Время было тяжелое, и эти маленькие женские причуды вполне оправдывали себя, если приносили хоть чуточку успокоения их владелицам.

Документы для оформления брака Клавдия наконец собрала. Итогом бесконечной переписки и утомительной беготни явилось заключение: «С расовой точки зрения безупречна».

Хлопнула дверь. Клавдия прикрепила к чертежной доске новый лист ватмана.

* * *

Получив монету в две марки и попробовав ее на зуб, мальчишка-посыльный бросился выполнять поручение. Оглянувшись, он увидел, что человек в военной форме, который дал ему монету у будки привратника, уже переходил на другую сторону улицы. Таких щедрых чаевых мальчугану еще не перепадало ни разу в жизни. За это он должен всего-навсего отнести письмо в конструкторское бюро. Желание побыстрее исполнить просьбу офицера заставило его прибавить шагу. Дорогой мальчуган думал о том, что не позднее как в будущем году он уже будет в «Арбейтсдинсте» и наконец-то сможет носить настоящую, почти военную форму. Это была его заветная мечта. Эрвину хотелось стать героем, которым гордилась бы вся улица.

Клавдия заметила мальчика лишь в тот момент, когда он, тяжело дыша, остановился у чертежной доски и протянул ей конверт, на котором красовалась фамилия Клавдии, напечатанная на машинке. Сначала она никак не могла сообразить, кто бы это мог прислать ей письмо прямо на завод.

— Офицер просил передать вам сердечный привет! — сказал Эрвин. Глаза мальчугана сияли.

На Клавдию устремились полные любопытства взгляды девушек, стоявших за чертежными досками.

— Какой офицер? — удивленно спросила она.

Эрвин ждал этого вопроса. Уж кто-кто, а он-то прекрасно знал знаки различия всех родов войск, даже войск СС и СА, включая должностных лиц вплоть до рейхслейтера, не говоря уже о «гитлерюгенде» и «юнгфольке». Он мог без запинки перечислить даже все звания в организации Тодта и в частях противовоздушной обороны.

— Это был капитан-зенитчик!

Клавдии показалось, что пол поплыл у нее из-под ног, и она с трудом устояла. Потом она почувствовала, как пол наклонился, грозя устремиться куда-то в пропасть. Но и это ощущение быстро прошло. Первой ее мыслью было спросить мальчика: а может, это все-таки был обер-лейтенант? Но она только пробормотала «большое спасибо» и попыталась сделать вид, что продолжает работать. Руки Клавдии дрожали. Дернберг! Сомнений быть не могло. Это, видимо, был он. Она тут же попыталась обмануть себя: Дернберг сразу же поймет всю бесполезность своих ухаживаний и никогда больше не придет к ней.

Любопытные соседки успокоились. Шли послеобеденные часы, и все работали с трудом, стараясь побороть дремоту и усталость.

Клавдия осторожно вскрыла конверт и вынула листок бумаги. Кровь ударила ей в голову. Это была листовка. Ее листовка! Вверху надпись, сделанная простым карандашом: «Сегодня в 9 вечера на углу Бреслауер и Коппенштрассе. Курт». Клавдия быстро прикрыла листовку конвертом.

Ее охватил жуткий страх. Только теперь она поняла, что Дернберг приходил к ней вовсе не для того, чтобы умолять ее. Он приходил требовать. Более серьезной угрозы она себе не представляла.

Стоило ли теперь заканчивать работу над копией, которую она должна была сегодня же передать Фердинанду? Взрыв на электростанции осложнил обстановку на предприятии. Контроль на проходной усилился. От вахтеров теперь мало что зависело. На проходной рядом с контрольными часами сделали рычаг, и каждый, кто выходил с завода, должен был нажимать его.

Если загоралась красная лампочка, выходящий заходил в помещение охраны, где охранники проверяли содержимое его портфеля или сумки. Дело могло дойти и до обыска. Все зависело от дежурного.

Но сегодня на проходной Бахем. Он давно уже бросал на Клавдию недвусмысленные взгляды, давая понять, что она ему нравится. По совету Фердинанда Клавдия как-то приняла приглашение Бахема выпить кофе с пирожными. Он не забыл этого и никогда не проверял ее.

И все-таки она сильно волновалась, идя к воротам. Ведь если найдут чертеж, спрятанный у нее под платьем, виселица обеспечена. Но и на этот раз Бахем пропустил ее безо всякой проверки.

У Гумбольдтхайна Клавдия встретилась с Фердинандом Бекером. Молча протянула ему конверт Дернберга. Как только Фердинанд увидел листовку, лицо его побагровело. Внимательно, будто желая заучить наизусть, прочел он приписку. Даже калька с чертежами важного узла нового танка не подняла его настроения...

— Красиво, а? — спросил Фердинанд, указывая на серо-голубую массу солдат, остановившихся около высокого здания, где размещались зенитчики.

Клавдия молча кивнула...

— Не тревожьтесь, фрейлейн Занден, — успокаивал ее Бекер. — Уладим как-нибудь и это.

Фердинанд целиком ушел в свои мысли, и, казалось, девушка больше не существовала для него. Он мучительно искал выход:

— Сегодня вечером я пойду с вами.

Клавдия удивленно посмотрела на него.

— Разумеется, Дернберг ничего не должен знать об этом. Я буду поблизости от вас. Но смотрите, не выдайте себя ни жестом, ни взглядом. Понятно?

— Постараюсь.

— Во-первых, вы не будете чувствовать себя такой одинокой, во-вторых, я наконец увижу этого типа, а в-третьих, мне хотелось бы знать, куда он потом пойдет. Не исключено, что придется...

Клавдии хотелось одного: чтобы этот вечер поскорее кончился и чтобы ей никогда больше не нужно было встречаться с Дернбергом.

* * *

Это был рабочий район. Высокие темные дома-казармы с многочисленными флигелями в серых безрадостных щелях улиц. Контуры Силезского вокзала таяли на фоне хмурых туч. По путям сортировочной станции в сторону Вриценского вокзала катились платформы. Среди резких гудков паровозов иногда раздавались пронзительные свистки сцепщиков. Через весь город, с востока на запад и с севера на юг, беспрестанно проносились электрички. Люди торопились домой. Никто не хотел, чтобы воздушная тревога застала его в пути. Ночи были светлые. Тогда-то и прилетали четырехмоторные «летающие крепости», неизбежные, как «аминь» в церкви.

Клавдия еще издали увидела Бекера, одетого в форменную тужурку железнодорожника. Он быстро скрылся за углом.

Курт Дернберг пришел почти вслед за ней. На этот раз он был в широких галифе, в пилотке, на ремне висел пистолет.

Девушка старалась вести себя так, как советовал ей Фердинанд. Протянула руку Дернбергу. Тот расценил это всего лишь как колебание, которое можно извинить. И все же такой прием показался ему более теплым, чем тот, во время их первой встречи. Клавдия даже заставила себя поздравить капитана с повышением.

Дернберг разоткровенничался. Так хочется услышать что-нибудь приятное после всех огорчений! Эта история с военным трибуналом вызвала много шума, и из-за нее он потерял некоторых своих знакомых. Даже его производство в капитаны, о котором стало известно через несколько дней после суда, не исправило положения. Потом этот неожиданный перевод. Буквально на следующий день его послали в лагерь Зенне. Он даже не смог по-человечески проститься с ней. Особенно были огорчены те, кто получал от него немалые суммы. А вообще-то он рад, что наконец-то вырвался из Гамбурга. Пока у гамбургских родственников жила Ильза Хельгерт, он ощущал постоянное беспокойство. В Зенне их учили, как надо использовать восьмидесятивосьмимиллиметровые зенитные пушки в наземном бою (в основном для борьбы с танками). Макеты, которые тянули

на канатах по полигону в Люнебургской пустоши, при падении снарядов разлетались с треском. А как будет на Восточном фронте?..

Позавчера неожиданно пришел приказ о выступлении. Он, как командир батареи, которой он почти совсем не знает, вместе с солдатами должен отправиться в Россию. Самое разумное — ехать через Берлин и задержаться там на несколько часов. Так и получилось. И вот он снова увидел Клавдию.

Теперь она стоит перед ним. Как всегда, мила, и ему приятно ее видеть. К тому же его золотая рыбка, кажется, серьезно отнеслась к недавней скандальной истории. Неужели она действительно связана с этими красными? Даже мысль об этом казалась ему нелепой. Может быть, Клавдия просто-напросто случайно нашла эту мерзкую листовку и сейчас смущена?

В конце концов, все равно. Он едет на Восточный фронт. И это — главное. Если с Клавдией можно договориться, тем лучше.

Сегодня он затеял еще одно дело, которое должно заставить этих шляп на «Норде» немного расшевелиться.

— Дорогая Клавдия, к сожалению, у меня очень мало времени. Я со своей батареей еду... в Ютеборг. — «Пусть думает, что через несколько недель я снова буду здесь». — После того как я тогда просил тебя...

«Он действительно интересный мужчина, — подумала она. — Но все равно я не завидую той, которая выйдет за него замуж!»

— На боевые стрельбы, наверное? — спросила Клавдия.

— Да, разумеется. По подвижным наземным целям.

Клавдия понимающе кивнула.

— Может быть, проводишь меня до поезда? По дороге мы могли бы спокойно поговорить.

Они пошли через туннель. Над головами с грохотом проносились электрички.

Движение в районе фронтового распределительного пункта не затихало ни поздним вечером, ни ночью.

Находясь на таком распределительном пункте, нельзя было не видеть, как происходит процесс истощения сил. Здесь можно было узнать, какие части разгромлены и где должны сосредоточиться их жалкие остатки. Отсюда можно было наблюдать, хотя и не в полном

объеме, за крупными переброскам войск: из Италии — на Восточный фронт, из Сербии и Хорватии — на Карельский, из бурлящей Польши — под Тулузу, с Атлантики — снова на Средиземное море.

Но главное внимание этих пунктов было приковано к Восточному фронту. Там было настоящее пекло, которое с каждым днем поглощало все больше и больше солдат, офицеров и военной техники. События развертывались таким образом, что немцы неуклонно приближались навстречу тому дню, когда они в конце концов должны были узнать истинное положение дел.

На фронтовых распределительных пунктах скапливались массы солдат, офицеров и военных чиновников, для которых основным «руководством» к действию служили командировочные предписания и продовольственные аттестаты. Эти люди тщетно тешили себя надеждой, что в один прекрасный день, когда они будут где-то в пути, далеко от фронта, война неожиданно кончится.

Распределительные пункты одновременно были неплохой ловушкой у гестаповцев. Военная карьера отдельных лиц кончалась быстро: они отправлялись либо в военную тюрьму, либо в штрафные подразделения.

Отсюда без всяких бюрократических проволочек дорога вела в могилу, но не с памятником, украшенным стальной каской или львиной головой. Нет! Последние солдаты этой войны сдохнут где-нибудь среди развалин или же будут болтаться на фонарях с надписью на груди, сделанной эсэсовцами: «Я был слишком труслив, чтобы поверить в окончательную победу». Другие кончат самоубийством.

На Мюленштрассе было менее оживленно. Со стороны Шпрее доносилась сирена буксира.

Дернберг оглянулся, но не заметил ничего подозрительного. Поодаль от них шел, ссутулившись, пожилой железнодорожник. Видимо, на товарную станцию.

«Проклятая нервозность»,— подумал Дернберг. Нервы у него окончательно расшатались, когда он узнал, что его часть направляется на Восточный фронт. Капитан осторожно положил руку на плечо Клавдии.

— Ну и нагнал ты на меня тогда страху,— тихо проговорила она, как бы заранее благодаря Дернберга.

Но Дернберг не хотел ослаблять впечатления, произведенного листовкой.

— Такая вещь в руках службы безопасности... — капитан медленно покачал головой, — страшная штука. В итоге — народный трибунал. А там... Ну, об этом можно прочитать на афишных тумбах... «Женщина всегда должна жить в страхе перед своим властелином», — подумал он про себя.

— Я нашла эти листовки в уборной и никак не могла решиться отнести их куда следует, — взволнованно проговорила Клавдия.

Капитан рискнул пойти ва-банк. Ситуация не казалась ему такой уж безнадежной.

— Я полагаю, что за это время ты успела обдумать мое предложение... или, вернее сказать, мою настоятельную просьбу?

Клавдия вспомнила, как Фердинанд советовал ей ответить на этот вопрос.

Через широкие ворота они вошли на территорию товарной станции. Часовые отдали капитану честь и пропустили обоих, не проверяя документов. Офицеры имели право проходить к эшелону в сопровождении дам и даже заходить с ними в вагон. Что же касается солдат, то те должны были рассчитаться со своими чувствами по ту сторону забора.

Казалось, здесь собрали массу поездов. С тупика на платформы грузили автомобили. Едва заметные красные сигнальные огоньки навевали тоску.

Клавдия молчала. Дернберг чувствовал себя подавленным. Его раздражала спокойная, размеренная жизнь станции, неумолимо бежавшие вперед стрелки часов. До отправления эшелона осталось двадцать минут.

— Это было так трудно. Наша свадьба отложена до будущего года, — храбро солгала Клавдия.

Дернберг не верил своим ушам. Неужели сбудется его давнишняя мечта?

— Мы расстались... Поссорились из-за мелочей, — пояснила Клавдия.

По лицу Дернберга пробежала циничная усмешка.

— Клавдия! — Капитан нежно обнял девушку за плечи. — Неужели я могу надеяться?

Рядом раздался настойчивый свисток паровоза.

Клавдия стояла с опущенной головой, думая, что делать дальше.

Дернберг же боялся, что опоздает на поезд и его

привлекут к ответственности за самовольный уход из части. Нервы у него начали сдавать.

— Можно я буду тебе писать?

Клавдия кивнула.

Но Дернберг решил еще раз напомнить о себе:

— Если еще раз натолкнешься на пропаганду большевиков... помни, что я германский офицер и не имею права нарушить свой долг, даже если это будет стоить мне жизни. Я вообще не понимаю, как это получилось, что вопреки своей совести я вернул тебе листовку.— Он едва слышно застонал.

«Негодяй в погонах!» —подумала Клавдия.

Но Дернберг еще не закончил:

— Помни, Клавдия, я буду драться за тебя всеми возможными средствами. Понимаешь, всеми средствами! — В его словах была угроза.

Клавдия почувствовала, что не может больше слышать голос капитана.

— Несколько недель назад тут разбиралось дело многоуважаемого обер-лейтенанта Хельгерта. Ты, наверное, помнишь его? Он дружил с Баумом. Их связывала крепкая дружба. Меня тоже потянули в трибунал. Потом их оправдали,— со злостью заметил Дернберг.— Хельгерт с женой влипли в эту историю из-за Баума, который задумал отнять тебя у меня. Баум, конечно, об этом ничего не знает. Как бы он смотрел в глаза своему другу? Но теперь ты все знаешь, Клавдия. Если Баум узнает что-нибудь об этом от тебя, его дружбе с Хельгертом придет конец. Или ты думаешь, что Баум смог бы наслаждаться своим счастьем, если бы знал, что из-за него расстроился брак его друга?

Это был какой-то дьявольский ход. Он сразу сковал Клавдию. При чем тут трибунал? При чем тут Хельгерт? Клавдия не могла вымолвить ни слова.

А Дернберг, собственно, ничего и не ждал. Он склонился над рукой Клавдии, безвольно лежавшей в его костлявых пальцах, и поцеловал ее. Затем по-военному отдал честь и едва слышно прошептал:

— Будь здорова... До свидания, моя Клавдия.

Дернберг разозлился на себя: «Разве так прощается человек, едущий всего-навсего в Ютеборг? Едва ли. Зато теперь она у меня в руках и будет делать все, что я захочу!»

Он не заметил пожилого железнодорожника, который шел вслед за ним, держа в руке молоток на длинной ручке.

Фердинанд видел, как Дернберг еще поцеловал руку Клавдии, прежде чем они расстались. Бекер хотел знать, куда пойдет капитан.

Теперь он шел почти рядом с Дернбергом. На товарной станции было очень оживленно. Кругом сновали солдаты, железнодорожники. Приезжали автомобили. На бесчисленных путях один подле другого стояли длинные эшелоны. Бекер чуть было не натолкнулся на Дернберга, когда тот неожиданно остановился перед пассажирским вагоном третьего класса. Затем он скрылся в вагоне и больше не показывался.

Фердинанд пошел дальше, постукивая кое-где по сцепке. Попробовав тормозной кран, он понял, что паровоз уже прицеплен.

Навстречу ему с пачкой бумаг шел старый железнодорожник.

— Коллега, а куда, собственно, идет этот эшелон? — как бы между прочим спросил Бекер.

Тот, ничего не подозревая, ответил:

— В Литву.

Интересно будет узнать завтра у Клавдии, какое место назвал ей Дернберг. Фердинанду стало ясно, что человек, который уезжал сейчас на восток, едва ли был связан с гестапо. Следовательно, Клавдии нечего опасаться этого олуха.

Форменная фуражка до боли сдавливала голову, и Бекер с тоской вспомнил о своей старой шляпе.

* * *

Клавдия открыла дверь квартиры и, немного помедлив, вошла. Ей казалось, что и здесь может появиться Дернберг, этот человек с грустными глазами и мягким безвольным ртом, глядя на который, никто не подумал бы, что это рот опасного хищника.

Вздохнув, села за стол и написала Эбергарду длинное письмо, полное тоски и любви.

Клавдия подумала, что завтра это письмо вместе с миллионами других превратится в тонкую нить, в мостик, соединяющий разлученные сердца.

Миллионы писем, этих своеобразных жизней, будут рассортированы, упакованы, связаны в пачки и разосланы по всем участкам фронта.

Но бесчисленному множеству этих писем, открыток, телеграмм, посылок, подарков от любимых не суждено будет попасть в руки адресатам: почтовые вагоны, как и вагоны с боеприпасами и солдатами, взлетали на воздух. Рваные серо-зеленые мешки с надписью «Германская имперская почта» валялись между окоченевшими трупами и ранеными.

Разве в этом кошмаре, для которого даже нет определенного названия, могло кого-нибудь интересовать содержание голубых, зеленых, белых и клетчатых конвертов?

День и ночь в три смены целые армии читчиков, дешифровальщиков и лаборантов, изготовлявших фотокопии с писем, работали в отделах военной цензуры. Они собирали, сортировали, сводили воедино все подозрительные письма, написанные как на фронте, так и в тылу, создавая таким путем «материал», благодаря которому служба безопасности получала представление о характере общественного мнения и могла направлять его по нужному ей руслу.

Одно в сердцах сказанное слово могло привести автора письма в тюрьму или концлагерь. Виновных в «пораженческих настроениях» или же в критике по адресу великих деятелей третьего рейха карательные органы почти всегда наказывали по принципу «голову долой». Только после этого дело, которое «случайно» началось с полевой почты, считалось законченным.

А господа в примелькавшихся кожаных пальто или макинтошах, никогда не вынимавшие руку из кармана, где лежал спущенный с предохранителя «вальтер», тащили в свои подвалы все новые и новые жертвы. Институт полевой почты был одной из клавиш в беспощадной клавиатуре гитлеровских средств подавления. Он, разумеется, не задавал тона, но его нота все же внушительно звучала в общем аккорде. Так миллионы людей постоянно держались в страхе и одновременно в корне пресекалась мысль о возможности сокращения этих учреждений.

Миллионы и миллионы людей преднамеренно или сами того не замечая в своей переписке прибегали к

словам и выражениям, в основе которых лежал демагогический лозунг «Нужно выстоять». Так они становились соучастниками преступлений, за которые однажды придется расплачиваться по безжалостному счету.

Клавдии вдруг захотелось написать и Хельгерту. Почему — она и сама не знала. Может быть, из сочувствия: ведь с ним стряслось что-то недоброе. Из раздраженных заключений Дернберга она так ничего толком и не поняла.

Сможет ли она помочь этим двум мужчинам и сохранить их дружбу, подвергшуюся суровому испытанию? Но сделать это будет трудно: ведь она сама толком ничего не знает.

Постепенно Клавдия начала понимать, что до сих пор делала все, чтобы защитить только Эбергарда. Это был какой-то инстинктивный порыв. И она написала:

«Дорогой, многоуважаемый Фриц Хельгерт!

Хороший командир батареи! (Так сказали бы у нас в Австрии. Простите, в Остмарке.) Обер-лейтенантом, с вашего благосклонного разрешения, я вас называть не буду, хотя тогда, в Холабрунне, я величала вас лейтенантом.

У меня сейчас такое чувство, словно я уже мать, у которой есть сын. Он впервые в жизни собирается на далекую экскурсию, и я пишу записку его учителю с просьбой уделить моему чаду немного внимания, чтобы с ним чего-нибудь не стряслось.

Ребенок с вами, господин учитель. Экскурсия несколько затянулась. И я очень волнуюсь. Беспокоюсь за всех вас. Прошу вас, последите, пожалуйста, за моим сорванцом.

Как вы живете? У вас, видимо, полно хлопот с подчиненными.

Может быть, у вас есть и другие заботы, которые вы никому не можете поручить? Но, возможно, только в данный момент не можете, поскольку все запуталось и решить это стало намного сложнее.

Время подскажет какой-нибудь выход.

Благодарная вам
ваша Клавдия Занден».

Она перечитала письмо еще раз и испугалась слишком большого числа намеков, однако менять ничего не стала.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мельница находилась на участке лейтенанта Эйзерберга, который должен был возглавить штурмовую группу при проведении операции «Волчье ущелье». В двенадцати километрах позади линии фронта, перед мельницей, в соответствии с последними данными аэрофотосъемки отрыли с учебной целью несколько траншей. Потом траншеи усовершенствовали, уточняли, пока местность не стала точно соответствовать изображению на снимках.

В тот день, когда какой-то большой чин (как потом выяснилось, это был полковник саперных войск, здоровенный детина, напоминающий опору моста) прибыл на учебное поле, чтобы продемонстрировать действие своих огнеметчиков и показать новейшие подрывные средства, которые командование собиралось использовать в этой операции, произошел скандал из-за того, что у Эйзерберга на кителе не оказалось погон.

С многозначительной миной на лице полковник вышел на несколько шагов вперед и встал перед строем своих коллег — офицеров из других родов войск. Он уже открыл было рот, чтобы рассказать о новом огнемете и похвастать, каких успехов можно добиться с его помощью, как вдруг увидел Эйзерберга в походном кителе без знаков различия. Сапер возмутился и потребовал, чтобы тот немедленно убрался прочь.

Эйзерберг же, продолжая смотреть на сапера, грубо ответил, что господину полковнику нечего попусту терять время и лучше приступить прямо к делу. Толстяк сапер вскипел. Командир пехотного полка, стоявший тут же, схватил полковника под руку и шепотом сообщил ему, что Эйзерберг — кавалер Железного креста с дубовыми листьями, командир роты, назначенный командовать штурмовой группой. После этого полковник утихомирился.

Баум, который вместе с ефрейтором Бюргером должен был участвовать в операции «Волчье ущелье»,

ехидно заулыбался. А Эйзерберг сделал вид, что ничего не заметил. Ему вообще-то всегда было наплевать на начальников. Поэтому он и не стал обер-лейтенантом.

«Собственно, то были вовсе не плохие денечки», — вспоминал потом Баум. Только иногда после серьезных тренировок, во время которых приходилось выкладываться до конца, отрабатывая каждый прием, каждое движение до мельчайших деталей, он едва живой добирался до своей койки.

Сейчас двадцать восемь человек сидели в блиндаже и ждали команды. Операция была назначена на ноль сорок. Все должно было произойти точно по плану, вдолбленному в их головы.

Оставалось еще полчаса.

Эбергард зевнул. Тусклый огонек свечи освещал угрюмые лица. Баум чувствовал себя каким-то разбитым. Даже мысль о том, что, возможно, кому-то из них придется умереть в эту ночь, не особенно волновала его.

На лицо Эбергарда упала тень от большой ночной бабочки. Через мгновение она была уже в темном углу.

По затемненному окошку землянки монотонно барабанил дождь. Бауму вдруг представилось, что он ранен, лежит среди проволочных заграждений и медленно умирает. Апатию как рукой сняло. Он нервно закурил.

Тень от бабочки снова метнулась на лицо Баума. Бабочка порхала вокруг колеблющегося пламени свечи, как безумная. Еще мгновение — и огонь быстро побежал по темным крылышкам. Бабочка кинулась в пламя, которое на миг пригнулось, но тут же распрямилось. Съежившееся тельце с обгоревшего края свечи упало на неструганый стол.

На душе у Эбергарда стало еще тоскливее. Мысли от ничего не значащих мелочей невольно перескакивали к тому, что казалось сейчас самым важным: сюда, на Восточный фронт, сосланы миллионы немецких солдат. «Живая сила», как их называют. И только. Неумолимо бежали стрелки часов. Время истекало. Зехтинг снял маску. Бюргер, казалось, был спокоен. Собственно, внешне он всегда казался равнодушным ко всему про-

исходящему, словно у него и мыслей-то своих никогда не было. Баум почувствовал, как судорога свела ему лицо. Глаза стали узкими. Губы упрямо сжались.

Дождь разошелся. «Собачья погода, — подумал Баум. — Правда, для операции это даже лучше. Скорее бы начать, что ли!» Зачем нужно было включать в эту группу артиллеристов, он так и не понял. Может быть, в качестве наблюдателей и корректировщиков? Смешно.

Люди уже начали выбираться из бункеров, располагаясь на дне траншеи. Кто-то тихо стукнул крышкой рации. Кто-то задел автоматом за лопатку. Глухо брякнули гранаты. С собой брали только самое необходимое.

«Интересно, что сейчас думают солдаты, которых отобрали для операции? — мелькнуло в голове у Баума. — Страшно ли им? Наверняка им хочется вскочить, броситься бежать назад или просто заорать: «Я не могу, не могу больше так! Отправьте меня обратно!» Баум знал, что в самый ответственный момент у большинства солдат страх перерастет в стремление к самосохранению, которое почти ничем не отличается от варварской жестокости.

Но были среди них и другие. Те, кто любил пострелять и обязательно попадал в цель; те, кто, прижав к плечу приклад ручного пулемета, притаившись, ждал, когда противник подойдет поближе. У такого, казалось, не было нервов. Едва заметным движением нажимал он скрюченным пальцем на спусковой крючок и косил и косил людей до последнего патрона. Такие не терялись даже тогда, когда пули жужжали вокруг них, как пчелы; а они били и били в одно и то же место до тех пор, пока там все не замирало. А потом они смеялись — кто беззвучно, кто во весь голос.

Таких можно было найти и в этой группе. Они встречаются в каждом иностранном легионе.

Были здесь и настоящие фанатики фашисты, для которых все средства хороши.

Интересно, понимают ли собранные здесь, что сейчас им придется убивать, уничтожать, разрушать. Да какое там «придется»! Они обязаны это делать! Этого требует приказ!

Штурмовую группу скомплектовал лично командир батальона. Он дал соответствующие указания — и двадцать восемь человек сведены воедино.

Ефрейтор Баум неподвижно смотрел на молчавшую ничейную полоску земли. Позади нее чуть заметно вырисовывались чужие позиции.

— Приготовиться! — тихо прозвучала команда.

Баум машинально передал ее по цепи.

Эйзерберг спотыкался о чьи-то ноги. Ухмыляясь, он шел в угол окопа, где были сделаны ступеньки. Несколько дней назад в проволочных заграждениях незаметно проделали проходы. Участок в этом месте был очищен от мин.

Эбергард вспомнил Клавдию. Но через миг ее образ исчез. «Уцелею ли?» — подумал Баум. Он боялся, что страх может парализовать его и сделать совершенно беспомощным.

Часовая стрелка скакнула еще на одно деление. Наступило время «икс».

От «икс» до «икс плюс пять» артиллерия должна вести огонь на разрушение.

Командир группы поднял руку и тут же резко опустил ее. Операция началась.

По земле прокатилась упругая воздушная волна — и воздух, казалось, ожил. С резким неприятным звуком над головами пролетали снаряды. Меньше чем в ста метрах от штурмовой группы в воздух то и дело взлетали гигантские фонтаны земли. Грозный рокот заполнил долину реки. Массированный огонь артиллерии обрушился на траншеи русских, на их артиллерийские и минометные позиции. Ядовитый дым лениво стлался по земле. Большие неотесанные камни, из которых была сложена мельница с покосившимся водяным колесом и разбитыми амбарами, то и дело озарялись орудийными вспышками. То тут, то там в небо взлетали зеленоватые огоньки осветительных ракет.

Баум почти ничего не видел в густых клубах дыма. Вдруг мощная взрывная волна швырнула его в сторону. От удара перехватило дыхание. Затем новый разрыв, а за ним еще и еще... Это с большим недолетом била своя батарея. Вокруг творилось что-то невообразимое. Время от времени проносили стонущих раненых. Пехотинцы, прижимаясь к стене траншеи, приготовились к броску.

Минутная стрелка начала свой последний круг. Через несколько секунд солдаты поползли к проходам в проволочных заграждениях.

Но противник не позволил застигнуть себя врасплох. Его батареи поставили заградительный огонь. Русские снаряды стали рваться совсем рядом.

Русские открыли частый огонь и из стрелкового оружия.

От «икс плюс пять» до «икс плюс девять» согласно приказу — огонь станковых пулеметов по целям номер три, четыре, шесть и двенадцать.

Под ураганным огнем пулеметов русские не смогут поднять головы. А мы тем временем выйдем на рубеж атаки!

В ответ на это противник со своей стороны тоже усилил огонь.

Эбергарду казалось, будто к ногам его привязаны пудовые гири. Он полз через воронки, изодрав руки в кровь о колючую проволоку. Бюргер и Зехтинг тащились за ним.

Рядом разорвалась мина. Баум увидел обер-ефрейтора Кайзера из третьей роты, которому распороло правый бок. Скорчившись от боли, обер-ефрейтор камнем скатился на дно воронки. Его так никто и не поднял. Он валялся в этой воронке трое суток, пока не умер от жажды и ран, хотя совсем рядом плескались серебряные волны речушки.

Вперед, только вперед!

Баум без конца натыкался на трупы. Справа от него кто-то дико вскрикнул. Ефрейтор почувствовал в этом крике, что кто-то отчаянно цеплялся за жизнь, которой суждено было угаснуть.

За фюрера и рейх! Хайль!

Эбергард скатился в заболоченную яму. Рация, казалось, грозила раздавить его. Дождь глухо барабанил по стальной каске. С воротника кителя вода струйками стекала за шею. Он поднес к глазам светящийся циферблат часов.

Вперед!

От «икс плюс восемь» до «икс плюс тринадцать» — огонь на уничтожение из всех видов оружия по участку траншей, подлежащих захвату.

Неожиданно прямо перед Баумом в воздух взметнулась большая черная глыба. Ефрейтор прижался к земле, стараясь слиться с ней. Теперь стрельба шла с обеих сторон. Казалось, прошла целая вечность, пока стрелки отсчитывали эти пять минут.

Огонь артиллерии прекратился. В атаку! Вперед! На доты противника!

Одиночный снаряд из стапятидесятимиллиметрового орудия противника попал именно в то место, где находилась группа охранения. Из восьми человек с земли не поднялось пятеро. Вот оно — прямое попадание.

Русские пулеметы из дота и двух дзотов били длинными очередями. Пули летели сплошной стеной.

Артиллеристы включили рацию. Как ни странно, но огневая позиция ответила сразу.

— Вызываю «Кит шесть»!

— «Кит шесть» слушает!

— Ждите!

Около Эбергарда кто-то дико заорал:

— Огнеметы вперед! Огнеметы вперед!

Размахивая лопаткой, сделал перебежку Эйзерберг. Вокруг свистели пули, но он, как всегда, был неуязвим.

Автоматчики били по амбразурам. Полетели связки гранат. Сколоченную из досок дверь сорвало с петель и швырнуло внутрь траншеи.

Вперед выползали огнеметчики. Два автоматчика прикрывали коренастого обер-ефрейтора с ранцем за спиной. У парня было зверское выражение лица.

Баум затаил дыхание. Неужели у этого парня нет никаких сомнений? Неужели ему не надо перешагивать через какой-то порог? Неужели совесть совсем не терзает его? Неужели он убежден, что поступает правильно? Или его даже радует, что в руках у него находится этот ужасный огнемет?!

Стрелой метнулась вперед яркая струя горящей жидкости. Багровое пламя осветило блиндаж. Сначала оно кинулось в правый угол. Потом струя так же быстро перекинулась на другую сторону, откуда все еще раздавались отчаянные выстрелы.

Теперь огненная стрела била по пулеметному гнезду. Красноармейцы защищались героически.

Через несколько минут все затихло. Пламя уперлось в черную глыбу земли, где уже нечему было гореть.

— Оставить!..

Струя оборвалась. Беспорядочно взрывались патроны в ящиках. Отвратительный запах вызывал тошноту.

Бауму казалось, что у него закипает пот. Обмундирование от воды и копоти почернело.

Советские минометчики начали бить по участку. Раздались первые разрывы снарядов русской артиллерии, нащупывавшей этот участок.

Эйзерберг отдал приказ подобрать раненых.

Зехтинг заметил передвижение противника вдоль балки. По радио запросил артиллеристов открыть огонь. Разрывы легли далеко вправо. Он дал поправку. Однако снаряды летели куда угодно, только не туда, куда было нужно.

Русские, казалось, поняли, что немцы собираются отойти, и быстро поставили неподвижный заградительный огонь. И теперь, чтобы добраться до своих, нужно было прорваться через него.

Баум сам начал корректировать огонь своей батареи. Снаряды стали рваться в балке. Баум сделал поправку, увеличил прицел на пятьдесят метров и приказал батарее открыть беглый огонь. Снаряды стали накрывать цель. Тогда он потребовал еще двадцать снарядов беглым огнем. Пыл боя захватил его.

Минометы русских прекратили огонь. Зехтинг раскрыл рот от удивления.

Баум перенес огонь одной батареи на мельницу. Его охватила лихорадка: «А вдруг русские сосредоточиваются там для контратаки во фланг?»

Эйзерберг бежал по опустевшей траншее:

— Все наверх! Быстро, быстро, господа!

Мимо пробежали огнеметчики.

Пулеметчики стреляли теперь реже. Осветительные ракеты взлетали в небо, но дождь тут же пожирал их тусклый дрожащий свет.

Бюргер уже свернул свою рацию. В лице — ни кровинки. Зехтинг, спотыкаясь, начал выбираться из воронки. «Не дай бог, рванет мина!» — подумал он, кинувшись к своему окопу. Там было тихо. Даже свист пуль почти не доносился сюда.

Саперы подрывали доты. В ночном воздухе то и дело слышались резкие хлопки противопехотных и противотанковых мин.

Баум добрался до блиндажа. Оттуда все еще валил дым. Затаив дыхание, Эбергард посветил фонариком внутрь и содрогнулся всем телом.

Он не помнил, где и когда ему встретилось изрече-

ние: «Жестокая война — быстрая война». Теперь он понял, сколько лжи было в нем...

Какой-то сапер толкнул Эбергарда в бок:

— Чего застрял, пошли! — На искаженном лице солдата не было ничего, кроме страха. Судорожными движениями заряжал он дисковую мину.

Вдруг Баум почувствовал, что у него нет сил встать.

— Мотай-ка отсюда, парень!

Сапер выдернул чеку и швырнул мину в блиндаж. Послышалось шипение.

Эбергард вскочил. За спиной раздался взрыв.

Сердце Баума, казалось, готово было выпрыгнуть из груди, когда он бежал к своим. Наконец он камнем свалился в окоп. Ему хотелось броситься на дно его и завыть волком.

В убежище царило необычное оживление.

— Эбергард!

Знакомый голос! Обессиленный, Эбергард равнодушно посмотрел на человека, обхватившего его за плечи:

— Руди!

Это был Рудольф Бендер с Хольцмаркштрассе.

— Пойдем!

Друзья забрались в ближайший блиндаж. Здесь на корточках сидел Эйзерберг и подводил итоги: из двадцати восьми человек девять погибли. Только троих из них удалось подобрать: они лежали поблизости от своих заграждений. Пять человек пропали без вести. Четверо отделались легкими ранениями. Взято двое пленных. Значит, приказ выполнен.

Левый рукав кителя Эйзерберга был изодран в клочья, сквозь которые проглядывала грязная, вся в крови рубашка. Но лейтенант не замечал этого. Под глазами мелкая сетка морщин и складок. Подписав донесение, он хотел было уйти, но заметил Баума:

— Шикарно, мальчик, шикарно! Без тебя мы давно уже отправились бы в преисподнюю! Если бы ты не накрыл их, я с превеликим удовольствием сделал бы из тебя винегрет!

Солдатам дали водки без ограничения.

Баум все еще не верил, что перед ним стоит Рудольф Бендер. Тот в нескольких словах объяснил другу, каким образом он попал в пятую батарею.

— Послушай, Руди, я сейчас же поговорю о тебе с Хельгертом. Тебе непременно нужно перевестись к нам, в шестую.

Бендер обрадовался.

— Когда ты в последний раз видел Клавдию?

Рудольф рассказал, что живет она хорошо и что работа, кажется, нравится ей.

Баум как-то странно посмотрел на него.

— В последний раз я видел ее незадолго до отъезда во Франкфурт.

«Почему, собственно, Клавдия ничего не написала мне об этом?» — засыпая, думал Баум. Лицо его во сне беспрерывно подергивалось.

Бендер присел около спящего и сидел так, пока не начался рассвет.

Обер-лейтенант Альтдерфер тщательно вычистил маленькой щеточкой ногти, не спеша поковырял в зубах. Приятно, черт подери, когда на командном пункте порядок: к завтраку сметана, мед, яйца,— короче говоря, все, что только можно было взять у русских.

Командир полка находился сейчас в одном из дивизионов, и Альтдерфер делал все, чтобы сохранить на КП образцовый порядок.

Закурив ароматную сигару, обер-лейтенант занялся служебными делами. Под руку попалось донесение об изменениях в личном составе второго дивизиона. «Ага, прибыло новое пополнение!» Ефрейтор Ретцлаф — четвертая батарея, рядовой Бендер — пятая, унтер-офицер Гейдеман — шестая. А в примечании: телефониста Бендера перевести в шестую батарею по просьбе командира шестой батареи и с согласия командира дивизиона. «И зачем только нужно этим болванам заниматься подобными вещами, да еще в такое время?» — подумал адъютант. Сделав пометку на донесении, он отложил его в сторону и задумался. Медленно взял лист бумаги в руки. «Бендер... Бендер...» — недоуменно бормотал он и вдруг вспомнил: «Так это же тот самый солдат, что был членом коммуны! Гляди-ка ты!»

Неприязнь Альтдерфера к Хельгерту была прямо-таки патологической. «Нет, тут надо что-то сделать. Бывший коммунист, а теперь телефонист Рудольф Бен-

дер переведен в шестую батарею по просьбе Хельгерта!» Альтдерфер вспомнил, как полковник Круземарк с возмущением рассказывал ему, что на суде чести Хельгерт вел себя вызывающе. Да и вообще из-за него можно нажить себе большие неприятности: он критиковал даже правительство. Круземарк тогда рвал и метал. Если этот Хельгерт открыто выступает против правительства, значит, у него имеются с ним счеты. Именно такие люди и занимаются, мягко выражаясь, саботажем. А если такой саботажник начнет еще группировать вокруг себя коммунистов, тут может завариться такая каша, что не расхлебаешь.

Альтдерфер решил по-серьезному заняться этим делом. Спокойно, не торопясь. В один прекрасный день наверняка удастся напасть на какой-нибудь след. Надо только набраться терпения.

Полковник Круземарк тогда страшно мучился, пытаясь изложить на бумаге в приемлемой форме результаты разбирательства дела, которым занимался суд чести. И поскольку на суде он оставил выпады Хельгерта без ответа, теперь ему волей-неволей, оправдываясь перед главным штабом вооруженных сил, приходилось ссылаться на личные качества этого офицера, отмеченного несколькими высокими наградами. Только так полковник мог спасти собственную репутацию.

Исписав полстопки бумаги и оставшись недовольным написанным, полковник попросил Альтдерфера помочь ему.

Тот довольно быстро написал донесение, в котором подчеркнул личное мужество Хельгерта и его командирские качества, сделав вывод, что обер-лейтенант достоин присвоения капитанского звания и продвижения по службе.

Альтдерфер мобилизовал всю свою адвокатскую хитрость и опыт члена национал-социалистского союза хранителей права, чтобы вызволить полковника из беды. В самом конце донесения он приписал потрясающую фразу: «Этот впечатлительный и благородный ариец иногда чувствовал себя обиженным. Он искренне предан фюреру».

Тогда у него просто не было другого выхода. И все же сейчас Альтдерфер злился на себя. Подполковник фон Венглин как-то проговорился, что ему давненько

не приходилось присутствовать на таком процессе. Что же касается остального, заметил вскользь подполковник, то господин генерал заявил, что, в случае если протокол суда будет одобрен в главном штабе, он будет рад использовать обер-лейтенанта Хельгерта на штабной работе.

«Но в конце концов эту историю, в которой замешаны коммунисты, пора кончить,— решил адъютант командира полка.— На передовой со всем этим куда легче покончить, и притом окончательно!»

По представлению командира роты лейтенанта Эйзерберга ефрейтор Баум был награжден Железным крестом первого класса. Со дня награждения Баум чувствовал себя совсем другим человеком. Он даже прикидывал свои шансы стать офицером. Ведь как бы там ни было, в армии по-человечески живут только офицеры.

Когда приказ о награждении Баума Железным крестом зачитывали перед строем, Бендеру стало не по себе.

«...В трудных условиях ефрейтор Баум умело корректировал огонь нескольких дивизионов и тем самым обеспечил отход штурмовой группы...»

И все же Бендер был рад, что в суете и неразберихе фронтовой жизни он встретил хорошего знакомого.

Кое-что Бендер все же утаил от своего друга. Во-первых, он ни словом не обмолвился о том, что Клавдия стала членом группы Сопротивления, что она целую неделю прожила у его матери, где он каждый день видел ее. Во-вторых, он умолчал о попытке Дернберга шантажировать Клавдию, чему сам был свидетелем. Просто Бендеру не хотелось, чтобы Эбергард нервничал из-за этой истории.

Рудольф больше не заговаривал с Баумом о переходе на сторону русских. Если Эбергард решится, он сам вернется к этому разговору. А раз он молчит, значит, или раздумал, или решил подождать.

Бендера назначили телефонистом на передовом наблюдательном пункте, который находился в расположении роты Эйзенберга. Утром седьмого июля на НП пришел лейтенант Пуксхаймер с пятой батареи — искал места, откуда хорошо просматривалась бы во фланг ни-

чейная полоса. Сделав расчеты, он приказал начать пристрелку полосы заградительного огня. В ответ на это послышались автоматные и винтовочные выстрелы со стороны русских, а вскоре даже заговорила русская артиллерия. Пуксхаймер засел в блиндаже в несколько накатов и попросил не отвлекать его. Один снаряд, выпущенный русскими из противотанковой пушки, разорвался у самой амбразуры, изуродовав некоторые приборы и оторвав Пуксхаймеру правое ухо. На лбу телефониста появилась глубокая царапина.

Баум и Бендер наблюдали за пристрелкой из хода сообщения. Ротный санитар в это время находился в тылах батальона, где получал медикаменты. Баум вызвал его по телефону. Через десять минут Гейцер был уже на НП. Царапину на лбу телефониста он залепил пластырем. А Пуксхаймеру наложил широченную повязку, закрепив ее полосками лейкопластыря. Лейтенант пожертвовал остающимся в блиндаже пачку сигарет и быстро ретировался, чтобы несколько недель передохнуть в тылу и оправиться от страха. Что же касается Гейцера, то он считал, что лейтенант мог спокойно воевать и с одним ухом.

Гейцер подсел к Рудольфу и Эбергарду, которые расположились в одном из окопов, ведущих в тыл от первой траншеи. Солнце палило немилосердно, а небо, казалось, состояло только из длинных голубых полос. Стоило сидевшим прикоснуться головой к теплой глинистой стенке окопа, как их охватывала страшная сонливость.

Баум стянул через голову рубаху.

Бендер то и дело поглядывал на узкую полоску неба, которое, казалось, давило на окоп.

— Вот так, наверно, смотрят на небо заключенные, — начал философствовать Рудольф.

— А чем ты отличаешься от них? — с удивлением спросил Гейцер.

Баум размеренно похрапывал. Голова его медленно склонилась набок.

— Что ты имеешь в виду?

Гейцер внимательно разглядывал новичка. «Довольно симпатичный, а там кто его знает...»

— Хочешь порасспросить людей? — В его голосе послышалось старческое брюзжание.

«Ого, — подумал Бендер, — уже обиделся». А вслух сказал:

— Здесь же, черт побери, самая настоящая тюрьма!

Тот слегка нахмурился, то ли от слов собеседника, то ли от яркого солнечного света.

— В этих проклятых окопах действительно чувствуешь себя как за решеткой.

Громко всхрапнув, Баум наконец совсем свалился на бок. Но тотчас же резко выпрямился, тупо огляделся вокруг и, комично выпятив губы, спросил, что случилось.

Гейцер решил втянуть в разговор и его:

— Твой друг говорит, что мы сидим здесь, как в тюрьме.

Эбергард лениво зевнул:

— Ребята, говорите нормальным языком, вы же из одной камеры! — И снова уселся поудобнее и не шевелился.

Взгляды Гейцера и Бендера невольно встретились, хотя оба старались не смотреть друг на друга.

— Ничего не скажешь, хорошая жизнь, — пробормотал Гейцер, — веселая. Тем, что по ту сторону, видно, намного лучше...

— Это в каком же отношении? — поинтересовался Бендер.

— В каком? В... военном, политическом, да и в моральном! — Яснее сказать он пока не мог.

Бендер тихонько толкнул Эбергарда в бок:

— А твой земляк говорит дельные вещи!

Прошло несколько секунд, пока Баум пришел в себя:

— Не дадут человеку спокойно вздремнуть пару минут!

Но Бендер не унимался:

— Санитар, кажется, сомневается?

Гейцер не возразил, и Рудольф забросил удочку еще дальше:

— Эбергард мог бы мне шепнуть...

— Тогда вы оба наверняка уговорите меня перебежать.

— Когда-то я был членом рабочей партии... — Гейцер невольно понизил голос.

Бендер хмыкнул и подумал, что своим признанием Гейцер не очень-то рискует: о таких вещах не стеснялись писать даже в автобиографиях. Но рассказывать о себе ему не хотелось.

Сон с Баума как рукой сняло:

— А то нет?

Гейцер и Бендер одновременно посмотрели на него.

— Может быть, первая страна социализма не так-то уж ему по душе? — съязвил Бендер.

— Скажите-ка, кто, собственно, может гарантировать, что красные выиграют войну? — По лицу Баума было видно, что он с нетерпением ждал ответа.

Гейцер пренебрежительно махнул.

Бендер перечислял:

— Волга, Кавказ, Воронеж, Курск, Ржев, Вязьма. Позавчера фюрер, кажется, начал что-то вроде летнего наступления на Курской дуге. Если я правильно понял, наши дивизии, сосредоточенные в районе Орла, продвинулись до сих пор всего лишь на пять-шесть километров. Маловато по сравнению с былыми временами, а?

— Когда оборона русских будет взломана на всю глубину, все пойдет быстрее, — заметил Баум.

— В прошлом году мы тоже проводили летнее наступление. Сначала были достигнуты некоторые успехи. А кончилось все тем, что мы потеряли не только территорию, которую нам удалось тогда захватить, но и часть захваченной в сорок первом, — возразил ему Бендер.

— Но ведь теперь у нас есть «тигры» и «фердинанды», для которых не существует никаких преград, господа. — Баум явно хотел поддеть Бендера.

Бендер не выдержал:

— Старики говорят, что нервы у наших тыловиков стали ни к черту. Им приходится так часто то распаковывать, то запаковывать свои чемоданы, что они и в самом деле могут вот-вот свихнуться!

— Чепуха! Кто им там мешает заниматься этим? — вступил в разговор Гейцер.

— Вы, может быть, думаете, что наша толстозадая дивизия, растянувшаяся на тридцать пять километров по фронту, устоит даже при самом слабом ударе русских?

— Тебе, Руди, надо было бы сидеть в штабе. — Баум жевал какую-то травинку. — У русских.

Гейцеру все эти пустые разговоры давно наскучили. Сейчас его интересовало другое: как перебежать к русским.

— Ну так как? Давайте?..

Баум вернулся к мысли, которая давно не давала ему покоя.

— Ну и что будет, если кучка людей перейдет к русским? Ведь сейчас под ружьем несколько миллионов немцев. Может быть, в тот момент, когда на родине начнется чистка, нам лучше находиться там?

Баум понимал, что пока ему придется служить фюреру. И он был готов временно смириться с этим.

— Тот, кто меняет фронт, платит вдвойне! — серьезно сказал Бендер.— Ну а если бы в подходящий момент мы втроем...

Гейцер вскочил на ноги и выглянул в ход сообщения. Там не было ни души.

— Согласен. Но все это нужно хорошенько обдумать. Во всяком случае, если и имеются шансы остаться в живых, то только на той стороне, — прошептал Гейцер, вернувшись на свое место.

Бендер, задумавшись, посмотрел на Баума. Ему вспомнилась недавняя операция штурмовой группы и награждение Эбергарда Железным крестом...

— На досуге подумай об этом еще раз, Эбергард. У нас ведь еще есть время, — сказал он.

— А у меня времени больше нет, — прервал Бендера санитар. — Больше всего в жизни я люблю соевые биточки. А может случиться так, что мне их больше и попробовать не придется! — Он засмеялся и стал соскребать с брюк засохшую глину.

На повороте хода сообщения Гейцер столкнулся с унтер-офицером из третьей роты и зло прорычал:

— Не зевай, болван!

Унтер-офицер только покачал головой. Манеры Гейцера он считал вполне приемлемыми в условиях окопной жизни.

Нервно строчил пулемет противника. Пули поднимали вверх фонтанчики земли на бруствере окопа.

Ходить в окопах приходилось согнувшись. Рыть окоп глубже нельзя: по уставу он должен быть таким, чтобы из любого места можно было вести огонь по противнику. И к тому же он должен быть очень узким. Локти на кителях у окопников всегда протертые, рукава обтрепанные. Глинистые стенки сжирали все. Даже нутро.

Окопы незаметно, но неумолимо уничтожали веру в победу.

Сегодня из многочисленных траншей, окопов и ходов сообщения образовался целый лабиринт, ориентироваться в котором мог далеко не каждый. Повсюду стрелки, указывающие путь к командным пунктам. А как разобраться в них ночью? Тут уж волей-неволей наложишь полные штаны: кто его знает, а вдруг русские уже сидят рядом?! В такой момент даже не найдешь лазейки, чтобы дать деру.

Гейцер не отрывал глаз от телефонных проводов, которые тянулись от своей батареи по стенке траншеи к огневой позиции. Ему осточертели беспрерывные повороты через каждые десять шагов. Здесь, у подножия высоты, дышать совсем нечем, а солнце продолжает нещадно палить. Он с ужасом подумал о том, что зимой этот окоп не успеешь очищать от снега, а глубокой осенью негде будет укрыться от беспрерывных дождей.

Впереди окопа — проволочные заграждения в несколько рядов кольев, усиленные всевозможными ловушками. Все сделано точно по уставу. Высшее начальство постоянно твердило, что заграждения эти непреодолимы, если позади них сидят люди, преданные фюреру всем сердцем.

Впереди саперы на скорую руку устанавливали мины. Но что значат эти мины! Русские успешно преодолевали минные поля. У них неукротимый наступательный дух. Они смело бросались в атаку, забрасывали окопы противника гранатами и исчезали как привидения, прихватив с собой часовых и оружие, благополучно обходя коварно расставленные мины. А немецкие солдаты в отличие от русских были неповоротливыми бегемотами.

Гейцер подумал, что те кровь и пот, которые они пролили, едва ли помогут им надолго удержаться здесь. Скоро опять придется переставлять пестрые флажки на штабных картах дальше на запад.

В этот вечер Бендер почему-то не понравился Гейцеру. «Поведение Бендера нужно будет проанализировать самым тщательным образом». Гейцер с сожалением подумал, что сегодня он, опытный социал-демократ, оказался далеко не на высоте. Раздражение не улеглось даже тогда, когда он добрался до полевой кухни.

После ухода Гейцера Рудольф и Эбергард некоторое время сидели молча.

— Как этот парень, не продаст нас? — спросил Рудольф.

— Старый член австрийской социал-демократической партии. Почти год поговаривает о том, что неплохо было бы перебежать к русским.

— И что же, за целый год ему ни разу не представилась такая возможность? — Рудольф решил, что надо получше присмотреться к этому ворчуну санитару.

— Знаешь, кого хорошо бы привлечь на нашу сторону?

Бендер вопросительно посмотрел на Эбергарда.

— Хельгерта!

— Нашего командира? — Бендеру показалось, что он ослышался.

— Его. Именно его. Если Хельгерт возьмется за это дело, оно наверняка удастся.

— Он ведь твой друг, не так ли?

Баум молча кивнул, снова вспомнив о перемене, которая произошла с Хельгертом в тот самый момент, как он весной неожиданно уехал в отпуск. Настроение у Эбергарда сразу испортилось.

— Мне кажется, ты все видишь в розовом свете, — заметил Бендер. — Подумай только: кадровый офицер, командир батареи, разве он наберется такого мужества?!

— Может быть, мне поговорить с ним?

— Ты лучше не суйся в это дело!

— Хочешь сам?

— Конечно, пусть уж лучше меня сажают за решетку! Потом военно-полевой суд и несколько горошин в грудь!

— Руди, не мели ерунды. Хельгерт никогда не сделает этого.

— Вы, артиллеристы, всегда уверяете, что видели, как лошадь блевала!

Эбергард Баум и сам толком не знал, почему ему вдруг пришло в голову увлечь Фрица Хельгерта этой идеей. Пойдет ли он сам на это, если Фриц согласится? Или он надеется на то, что Хельгерт начнет отговаривать его? Может быть, предлагая этот опасный шаг, он

просто хочет проверить их дружбу. А если Хельгерт скажет «нет», то он попросит его забыть об этом предложении. Да и стоит ли вообще затевать все это?!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Это была самая обычная больница, каких в Германии много. Не очень большая, не очень современная, не слишком хорошая, но и не слишком плохая. Крышу только что побелили известкой, а потом нарисовали красные кресты, чтобы своевременно напомнить вражеским бомбардировщикам о Женевской конвенции. Под таким же красным крестом войска СС подвозили на передовую орудия и боеприпасы.

В этой больнице, находящейся в рабочем квартале Гамбурга, раненые и больные умирали так же, как и во всякой другой. С тех пор как началась бомбардировка города, здесь было зарегистрировано столько же смертей, сколько и в тыловых госпиталях, где преимущественным правом на отход в лучший мир пользовались люди, носящие военную форму. Покойники, облаченные в бумажные рубахи, были и там и тут. Так же переживали свое горе родственники. Все это стирало грань между гражданскими и военными.

Зелень под окнами больницы, посаженная для пациентов, живущих в этом районе, была слабым утешением для больных. Она не придавала сил человеку, которого помещали в переполненную палату или же, если его нельзя было скоро послать на фронт, выписывали домой, где, как и в больнице, можно было в любой день отдать богу душу.

Через неделю младшая сестра больницы Ильза Хельгерт сможет переехать из Гамбурга в Берлин. Там она будет работать или в больнице, или в госпитале, или же в лазарете для выздоравливающих.

После того как по окончании отпуска Фриц уехал на фронт, она сразу же подала заявление в Красный Крест. Подлость Дернберга и бездушие членов суда, которых она никак не могла понять, угнетали ее не меньше, чем вопрос, на который ей никто не мог ответить: убежден ли Фриц в ее невиновности. Может быть,

он только из жалости уверял ее, что любит по-прежнему и по-прежнему верит ей. А может быть, Фриц сам себя обманывает? Это было самое мучительное.

В письмах Фрица, особенно в тех, которые она получила за последние недели, сквозила явная тревога. Личное, казалось, все больше и больше отходило на второй план, уступая место странным абстрактным рассуждениям, за которыми Ильза не всегда могла уследить.

Поэтому-то она и решила с головой уйти в работу, которая с каждым часом становилась все тяжелее. Она всю себя отдавала работе, но никак не могла привыкнуть к едкому запаху дезинфекции и к тяжелым испарениям, идущим от ран. Стоны умирающих причиняли ей такие же муки, как и молчаливые слезы тех, которые знали, что их болезни неизлечимы.

Сегодня она заменяла в глазном отделении сестру Марион, к которой из Греции неожиданно приехал жених. Там, видимо, больше порядка с отпусками, чем на Восточном фронте.

Далеко не каждый пациент этой клиники, которой руководил знаменитый Фельгентрегер, мог надеяться, что когда-нибудь он снова увидит мир.

Когда в это утро Ильза вошла в глазное отделение и увидела, что творится в вестибюлях, на лестницах и в палатах, ей больше, чем когда-либо, потребовалось взять себя в руки. Повсюду настороженно ощупывающие пальцы, приподнятые, прислушивающиеся головы; какая-то отрешенность на лицах, замкнутость. Лишь немногие из них перешагнули рубеж, за которым жизнь доставляет маленькие радости, даже если глаза уже ничего не видят.

Из открытого окна коридора Ильза выглянула в сад. Сколько ожиданий погребено здесь! Сколько тоски похитила вечная ночь! В каждой голове происходит отчаянная борьба за то, чтобы удержать неизбежно ускользающее. «Как и у меня»,— прошептала Ильза, почувствовав, что влажная пелена начала застилать ей глаза.

В открытом окне она видела свое отражение. В лучах яркого солнца волосы казались более рыжими, чем были на самом деле. Ее слегка продолговатое лицо своей белизной не уступало маленькому белоснежному чепцу. Даже в туманном отражении стекла были заметны ее подавленность и замкнутость.

Ильза вздрогнула, отошла от окна и быстрыми твердыми шагами направилась в лабораторию. Обход больных уже закончился. Только больной из семнадцатой палаты еще находился в операционной. Доктор Фельгентрегер предупредил, что операция может затянуться. Старшая сестра скажет, когда понадобится Ильза. В лаборатории никого не было, и в течение часа она спокойно работала.

Но вот тревожно мигнула сигнальная лампочка — и Ильза чуть ли не бегом бросилась на второй этаж, в семнадцатую палату. Больного как раз ввозили. Лицо его от лба до рта было закрыто белой плотной повязкой. Судя по бинтам на груди и руках, он был тяжело ранен. Может быть, это жертва уличной аварии или бомбежки?

Мужчину уложили на койку. Старшая сестра Криста и доктор Фельгентрегер старались устроить его поудобнее. Наконец доктор выпрямился и жестом подозвал Ильзу:

— Никакой надежды, сестра, оба глаза... Я даже не стал продолжать операцию. Так называемое чудо здесь исключается. Вы должны быть в курсе дела. — Он кивнул ей и с опущенной головой пошел по коридору.

Когда Ильза вошла в палату, ей стало как-то не по себе. Белая койка, голая тумбочка с треснутым стеклом и одинокий стул. От старого линолеума сильно пахло бензином.

Старшая сестра посмотрела на Ильзу и, обращаясь к больному, сказала:

— Вот сестра Ильза. Сегодня она будет ухаживать за вами. Завтра ее сменит сестра Марион. Попозже я еще раз загляну к вам.

— Спасибо, — едва слышно проговорил раненый.

Ильза села на стул:

— Может, вы хотите чего-нибудь?

— Спасибо. — Поза больного говорила о том, что он хотел бы, чтобы его оставили в покое.

— Я могу почитать вам газету! — Ее глаза внимательно следили за ртом больного, чтобы не пропустить его ответа.

Несколько секунд в палате стояла напряженная тишина. Потом Ильза впервые отчетливо услышала его голос:

— Да, пожалуйста. Если вам не трудно.

«Этот рот, подбородок... Я его, кажется, где-то видела. Но где? Наверное, ошиблась. Такого высокого мужского голоса мне никогда не приходилось слышать».

— Может быть, почитать вам газету так, как читаю ее я? — предложила она.

— Согласен. — Это слово прозвучало так, будто раненый вовсе и не собирался слушать ее.

Сначала Ильза прочла сводку верховного командования. Потом сообщения о присвоении очередных званий высшим офицерам. Затем объявления.

— «Гамбургская филармония дала благотворительный концерт, который прошел с большим успехом. Прибыль от концерта передана национал-социалистскому благотворительному обществу.

Генерал Франко...»

— Сестра Ильза...

Она удивленно подняла глаза.

— Какого цвета ваши волосы?

«Какого цвета мои волосы? Несколько странный вопрос для раненого, только что привезенного из операционной. Наверное, он просто хочет отвлечься».

— Пожалуй, я шатенка.

Больной молчал.

— «Подготовка к проведению кампании по сбору теплых вещей для зимы тысяча девятьсот сорок третьего — сорок четвертого года должна закончиться своевременно. Державы оси в производстве меди и олова имеют очевидное превосходство над западными...»

— Вы давно работаете в этой больнице?

— Нет. Всего два месяца. А в глазной клинике вообще впервые.

В ожидании ответа больной приподнял голову с подушки и замер.

— Вы... Ильза Хельгерт? Да конечно же это вы! — взволнованно прошептал он. — Я узнаю ваш голос... — И раненый беспокойно задвигался.

Ильза вскочила:

— Вы меня знаете? Откуда?!

Больной затаил дыхание. Губы у него дрожали:

— Я Виланд Альтдерфер!

На мгновение Ильзе показалось, что время остановилось. Внезапно закружилась голова, а в душе родилось чувство настороженности.

Альтдерфер первым нарушил тягостное молчание:

— Вы бы меня все равно узнали. Позднее, когда мою фамилию напишут на температурной доске у кровати.

«Напишут фамилию. Его фамилию. На этой черной жестянке. Мелом, который скрипит и крошится. «Альтдерфер Виланд, 34 года», а ниже миллиметровка с остроконечными зигзагами температурной кривой. Если бы я только увидела эту фамилию! Если бы я только встретила человека по имени Виланд Альтдерфер, который никогда больше не сможет видеть... Страх сменился удовлетворением. Сильным удовлетворением. А может, ненавистью? Нет, не думаю. Наконец-то один из тех, кто окончательно потерял совесть, должен расплачиваться! Я презираю тебя. Я всегда буду презирать тебя, Виланд, за твою подлость!»

— Уже несколько дней я не вижу ничего. — Его голос был полон горечи.

«Так тебе и надо. Ты это заслужил. Это тебе возмездие... Об этом часто упоминается в сводках верховного главнокомандования: «Соединения германских военно-воздушных сил нанесли удар возмездия по Лондону...» «Никакой надежды, сестра, оба глаза...» Слова доктора Фельгентрегера и его жест говорили сами за себя. Дипломированный инженер Виланд Альтдерфер останется слепым...»

— Может быть, сегодня вам станет немного лучше?.. — прозвучал чей-то глухой, незнакомый голос.

— В ту самую секунду, когда взорвался большой котел и мне в лицо хлестнул пар, я понял, что никогда больше не увижу солнечного света...

«Взорвался котел?! Об этом писали в газетах. Смертельно ранило нескольких рабочих, а этому повредило глаза. Я не хочу знать тебя, сочувствие! По отношению к нему. Мне никто не сочувствовал. Ни на суде, ни потом. Но и у меня его нет больше для таких... Чувствую, что наш брак... Фриц... что все грозит сойти с рельсов, хотя каждый из нас всеми силами старается преодолеть это!»

— Никогда не следует терять надежду, — беззвучным голосом сказала она.

Он слегка повернул голову в ее сторону:

— Это изречение вы приводили и тогда, перед трибуналом?

«И он еще смеет говорить о суде?! Он, именно он! И как только может человек быть таким подлым?!

Собственно, каждый раз я встречаюсь с другим Виландом Альтдерфером, — подумала Ильза. — Тот, что был в полицейском участке, — моложавый и такой самоуверенный. А потом — мерзкий, скользкий тип, выступавший свидетелем на суде, бессовестный эгоист, продавшийся за тридцать сребреников; человек, которого ни на секунду не мучала совесть, хотя он прекрасно знал, что своей ложью делает несчастными двух любящих людей. А сейчас это человек, парализованный страхом и физической болью».

— Сегодня светит солнце, сестра Ильза?

Женщина выглянула в окно, хотя могла бы и без этого ответить. Мысли ее были далеко. «Взойдет ли когда-нибудь солнце и для меня? А для Фрица? Должна же когда-нибудь кончиться война!»

— Выглянуло немножко.

— А как деревья? Цветы?

Взгляд Ильзы невольно снова скользнул к освещенному окну. Она механически заговорила о том, что еще не могла уничтожить война: о цветах, о матово-зеленых липах, в которых неугомонно жужжали бесчисленные пчелы, о солнечных лучах, весело игравших на поверхности прудика.

— Я знаю, что мне нет и не может быть никакого прощения. И все же я должен сказать вам об этом. Кто знает, поправлюсь ли я когда-нибудь? Тогда на суде я давал ложные показания. Сознательно лгал. Потому что за ложь мне предложили взамен такое, чего бы вы никогда не смогли предложить мне. Услуга за услугу, знаете, по принципу «рука руку моет». Сейчас это потеряло всякий смысл. Господь бог собственной персоной решил наказать меня.

Ильза окаменела. Она и до этого знала, что была жертвой гнусного заговора, но теперь...

— Вы и не предполагали! Зрячий изо дня в день видит искривленные лица. Он зрительно может определить, принесет ли ему успех тот или иной ход. Он видит все прелести войны, видит свои возможности быстрого продвижения по службе, видит деньги, которые можно заработать без труда, если не ловить ворон, видит человека, который стоит на его пути. У нас в тылах столь-

ко же крупных жуликов, сколько преступников в среде верховного командования. А когда ты в один прекрасный день перестаешь видеть все это, тебе становится жутко, ибо ты сам превращаешься в пустую пешку в руках бесчестных людей.

Альтдерфер вдруг замолк. Поднял левую, свободную от повязки руку и бессильно опустил ее поверх одеяла. «Я высказался, — подумал он. — Но почему молчит она? Ведь должна же моя исповедь хоть немного смягчить ее. А почему, собственно, ее должно тронуть запоздалое самообличение какого-то прохвоста?

Интересно, какое выражение лица у нее сейчас? Я видел ее смеющейся, видел в слезах. Может быть, следует рассказать о себе и о Корнелиусе?»

Альтдерфер глубоко вздохнул, словно готовясь к разбегу.

— В учебном заведении, где из меня хотели воспитать человека с твердым характером и прочными моральными устоями, считалось неприличным говорить об отсутствующих. Но пусть Петер Корнелиус простит мне. Сегодня я отойду от этого принципа.

— Корнелиус — один из тех, кого наше время воспитало для решения гигантских задач. После того вечера вы, фрау Хельгерт, стали ему безразличны. Поэтому он без труда добился, чтобы я сделал ставку на Дернберга.

Инженер-судостроитель, навсегда потерявший зрение, не может проектировать, испытывать материалы, оценивать происходящее. Он дерьмо. Когда Корнелиус узнал, что взрыв котла на испытательном полигоне отправил на тот свет тринадцать человек, а инженер Виланд Альтдерфер ослеп, он сразу вычеркнул из своей памяти мое имя. Долой жалость! Совесть не мучает его и по сей день. А Дернберг? Господин капитан и на фронте заботился только о том, чтобы как-то скрасить свою жизнь.

Ильзу бросило в дрожь. Газета шурша упала на пол. Ильза машинально подняла ее и снова села на стул, застыв, как деревянная кукла.

«Дернберг... Как отвратительно звучит эта фамилия! Дернберг... Я ненавижу его! Но ведь это мне не поможет...»

Слезы выступили у Ильзы на глазах. «Дернберг, Альтдерфер, Корнелиус... Ведь в родительском доме всех их, видимо, учили быть людьми. Но они потеряли всякий

человеческий облик. Кто же их так изуродовал? Возможно, есть плохие люди от природы. Или виновато окружение? А может, взяточничество, звериный эгоизм? Может, война? Неужели все сидящие на ответственных постах — офицеры, судьи, инженеры — такие?!»

Признание Альтдерфера заставило Ильзу задуматься. Если инженер признается сейчас, что тогда он давал ложные показания, суд должен еще раз пересмотреть дело. Значит, можно еще доказать, что тогда велась бесчестная игра с целью спасти Дернберга. Появился слабый проблеск надежды. Ильза почувствовала, как на щеках и на шее у нее выступил лихорадочный румянец.

Альтдерфер снова нарушил молчание:

— Мой брат многого не знает. В письме, посланном через полевую почту, я не мог рассказать обо всем. Насколько мне известно, он правильно представил себе случившееся, благодаря чему не попал в этот круговорот.

Неожиданно он замолк. Стоит ли рассказать Ильзе все, ничего не скрывая? Его снова обуял страх, но мрак, окружавший его, требовал, чтобы он был честным.

— Что с моим мужем? — тихо спросила Ильза.

— Хоть бы разок взглянуть на синее море, на сверкающее солнце, на белые паруса, на покрытые снегом горы...

— Что с моим мужем? — настойчиво повторила Ильза.

Альтдерфер глубоко вздохнул. «Зачем останавливаться на полдороге? — подумал он. — Все равно!»

— В своем последнем письме брат писал мне, что Хельгерту стараются внушить, что единственный выход из всей этой истории — развод, который сразу же восстановит его честь. Да и на карьеру не повлияет. Ну, а прежде всего нужно думать о чести полка! Генерал даже заявил, что впоследствии он с удовольствием взял бы Хельгерта к себе в штаб... Этот проклятый суд чести не дает мне покоя. — Альтдерфер бессильно опустился на подушку.

Ильза замерла. Фрица предали суду чести? Из-за нее?! Она и не предполагала, что дело может принять такой неожиданный оборот! Значит, все говорят ему, что единственный выход — развод. А она и не подумала об этом. Может быть, Фриц хотел пощадить ее? Или,

быть может, он давно уже решился на этот шаг и только не знал, как сказать ей об этом? Правда, несомненно, будет на его стороне.

Какой же глупой была она до сих пор! Поддалась утешению, что хуже быть уже ничего не может, а время все залечит!..

— Глупо, разумеется, ворошить старое, — сказал инженер и облокотился на здоровую руку, словно желая быть ближе к Ильзе.

— Конечно, — хрипло ответила она. — Само собой разумеется.

— Тогда мне больше нечего добавить, и вы можете судить меня, как хотите. Теперь я знаю, чего стою. — Альтдерфер тяжело откинулся на подушку.

«Я не хочу стоять у Фрица поперек дороги, — подумала Ильза. — Сегодня же напишу ему, что он свободен».

Ильза взглянула на неподвижно лежащего Альтдерфера. «Этому придется приготовиться к самому ужасному: он останется слепым. Сейчас он нуждается в утешении. Это не обязанность».

Каким-то чужим голосом она начала говорить о чуде, которое поможет спасти ему зрение, о том, что надо верить в лучшее. Увидев, что Альтдерфер уснул, она подошла к окну.

Около решетки в конце садика толпились одетые в черное люди. Заплаканные угрюмые лица. Санитарные машины то и дело привозили новые партии раненых. Это давала себя знать ночная бомбардировка.

«Око за око, зуб за зуб». Разве этому изречению не тысячи лет? «Око за око, — подумала Ильза, глядя на белоснежную повязку, покрывавшую голову инженера. — Доктор Фельгентрегер сказал, что надежды нет. Довольна ли я, что господь вынес этому человеку такой ужасный приговор? Может быть, он отомстил за меня и тем самым подчеркнул мою невиновность? А кто рад, что наказана я? Око за око...»

Ильза решила во что бы то ни стало добиться пересмотра дела. Правда, реабилитация не имела теперь для нее никакого значения, но зато это могло помочь Фрицу. Но вернутся ли счастливые дни? Нет. На место разбитой любви придет великодушие. Я люблю его и потому должна отказаться от него.

Ильза затуманенными от слез глазами еще раз посмотрела в сад. Стояло лето, и, наслаждаясь им, громко щебетали птицы. И этого не могла изменить даже война.

Через минуту она бесшумно вышла из палаты.

* * *

На другой день доктор Фельгентрегер сказал Альтдерферу, что помочь ему может только чудо. С этой минуты Альтдерфер знал, что останется слепым.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Эбергард Баум считался лучшим радистом полка. За действия во время операции «Волчье ущелье» Хельгерт представил его к повышению. Майор Мойзель сразу же согласился, и в июле Баума произвели в унтер-офицеры.

«Везет парню,— подумал Хельгерт.— Сначала получил Железный крест, теперь — капральский чин. На свадьбе будет выглядеть героем. Соседи так и ахнут от удивления».

Вскоре Мойзель попросил Хельгерта передать Баума в четвертую батарею на время проведения новой операции. Соседняя дивизия собиралась перейти в наступление. Предполагалось, что второй артдивизион, а также десятая и одиннадцатая батареи будут приданы ей для огневой поддержки. Поскольку огневые позиции артиллерии находились на большом удалении от штаба дивизии, телефонную связь решили дублировать по радио. Для этого-то и потребовался Баум.

Командиру батареи пришлось согласиться.

И вот уже второй день новоиспеченный унтер-офицер находился в расположении четвертой батареи. Тем временем пришел приказ о предоставлении Бауму отпуска. Разрешение жениться он получил раньше.

В воскресенье после полудня Хельгерт верхом на лошади отправился в четвертую батарею, чтобы навестить друга. С утра на передовой было довольно шумно. Стовосьмидесятимиллиметровое орудие противника вело пристрелку. Снаряды ложились вблизи НП и ОП шестой батареи. Потерь, правда, не было. Но стрельба эта не нравилась Хельгерту.

Обер-лейтенант скакал галопом вдоль обратного ската высоты. Это был для него своеобразный отдых. Казалось, войны больше не существовало. У большой воронки Хельгерт остановил гнедого, слегка похлопал его по крупу, словно говорил: попасись немного. А сам поднялся на высоту и внимательно осмотрел местность в бинокль. В гигантском полукруге, который открылся перед его глазами, не было ничего такого, чего бы он не видел в течение этих полутора лет: невысокие холмы, церковь с луковицами куполов, группа деревьев, домишки, перед которыми вырисовывалась чуть заметная паутинка окопов и ходов сообщений.

Обер-лейтенант опустил бинокль и, сдвинув брови, стал смотреть в сторону деревни.

Белоснежная церковь была озарена ярким солнечным светом. Впереди нее — густая сеть проволочных заграждений и минные поля. Позади — траншеи.

Со стороны деревни раздался залп из нескольких орудий. Обер-лейтенант инстинктивно вздрогнул. Потом не торопясь спустился с высоты и поехал дальше.

Гнедой снова понес его галопом, а через некоторое время, утомившись, перешел на шаг и, весело подергивая ушами, стал уверенно спускаться в овраг, за которым темнел лесок из молодых дубков. То тут, то там из замаскированных блиндажей к небу тянулись тонкие струйки дыма.

Землянка радистов, расположенная на поросшем кустарником склоне, была хорошо замаскирована. Через маленькое оконце в нее проникал слабый свет.

— О, Фриц!

— Мое почтение, господин обрученный, или, если хочешь, жених. И чего только не настроят из шпал и рельсов, — Хельгерт с завистью огляделся. — Ну, как ты тут?

«Вот уже полтора года копаемся в земле, как кроты», — подумал он.

— Все бы ничего, да вот к своим ребятам тянет! — В голосе Баума звучала неподдельная тоска.

— Поезжай-ка ты сначала в отпуск, а потом я попрошу Мойзеля, чтобы он тебя не трогал.

— Ты не представляешь, как обрадуется Клавдия! — воскликнул Баум.

— Ты уже, наверно, давно написал ей об этом?

— Конечно!

Баум заметил, как на лбу Хельгерта появилась складка.

— Знаю, знаю, что ты сейчас скажешь: «В таких вещах нельзя торопиться. Надо сначала сесть в поезд. Не говори гоп, пока не перепрыгнешь».

Оба громко засмеялись.

— С тех пор как я с твоей помощью стал капралом и получил вот это...— Эбергард ткнул пальцем в Железный крест,— ничего со мной не может случиться. Сейчас служба даже приносит мне удовлетворение! Подожди-ка, я принесу тебе от телефонистов парочку сигарет,— добавил он и быстро вышел.

Хельгерт задумался: «Куда девались его смелые мысли, которыми он раньше бравировал? Видимо, с парнем что-то случилось. Выходит, если мне присвоят капитана или повесят на грудь еще один орден, я тоже стану находить удовольствие в войне или поверю в историческую миссию немцев? Тогда, следовательно, Круземарк, Пфейлер и Мойзель снова станут для меня образцом поведения?»

Хельгерт покачал головой и решил поговорить с Эбергардом о том, чего не мог забыть все это время.

Стукнула дверь.

— Чертова дыра! Здесь не так-то легко раздобыть даже пару сигарет.

— Да у меня же есть.

— Никаких разговоров. Сегодня ты мой гость.— Баум протянул Хельгерту целую пачку.

— Ты знаешь, что телефониста Бендера перевели к нам?

— Конечно, знаю.

— Я как-то говорил тебе, что познакомился с ним на больших учениях. Но это не совсем так. Я знал Бендера еще до войны. Мы вместе занимались спортом и...— Он помедлил и потом тихим голосом продолжал:— И вместе кое-что натворили!

Хельгерту сразу стало как-то не по себе. Не из-за Бендера — с его прошлым он был знаком по личному делу. Оказывается, в жизни Эбергарда было нечто такое, что он скрывал от своего друга до сегодняшнего дня. Какая же это тогда дружба?.. Кое-что натворили... Когда же? Перед войной или совсем недавно? Может

быть, именно поэтому-то он и перетащил Бендера к себе на батарею? Интересно, какая же роль во всем этом отведена ему, Хельгерту?

— Почему ты рассказываешь мне об этом?

Эбергард не думал, что Хельгерт может изменить к нему свое отношение только из-за того, что он умолчал кое о чем, и потому быстро ответил:

— Я бы не хотел, чтобы у тебя были неприятности, если Бендер в один прекрасный день натворит такое, что может стоить ему головы.

— Я не понимаю тебя.

— Мне кажется, он задумал поднять руки и махнуть в таком виде на ту сторону.

«Если на это дело смотреть серьезно, — думал Хельгерт, — то Баум только что выдал товарища. Он или хочет выгородить себя, или испытывает меня». — Обер-лейтенант чувствовал, как в нем росла волна гнева, смешанная с разочарованием.

— Ты, вероятно, считаешь, что это мужественный поступок? Я хорошо запомнил ваш разговор зимой.

Баум почувствовал, что ему следует объясниться с Хельгертом.

— Я спрашивал Бендера, не поговорить ли мне с тобой. Он категорически запретил мне делать это и наплел чепухи про военно-полевой суд.

— Этот мальчик знает, что за это полагается.

Баум испугался: «Неужели Хельгерт способен выдать Бендера гестапо?!»

— А как ты, Эбергард? — сухо спросил Баума обер-лейтенант.

— Меня это не интересует. К тому же я считаю глупым подвергать себя и своих домашних... — Голос его стал хриплым: — ...И из-за Клавдии.

Хельгерта охватило сильное разочарование. «Вот тебе и Эбергард! А я-то и не знал, что у него нет своей точки зрения. За какие-то несколько месяцев он превратился совсем в другого человека».

— Ты ничего не сказал мне, Фриц.

— А что я должен тебе сказать? Ты же прекрасно знаешь меня!

Обер-лейтенантом овладело полное безразличие.

«Борьба против Гитлера — утопия, — думал Баум. — Сейчас надо держаться от политики подальше. Вот же-

нюсь на Клавдии и тогда не спеша еще раз хорошенько все обдумаю».

Оба сидели молча, каждый углубился в свои мысли. В землянке был приятный полумрак.

Неожиданно в тишине послышался голос Эбергарда:

— Я всегда верил, что в один прекрасный день Клавдия станет моей женой. Собственно говоря, у меня всегда все получалось так, как я хотел...

— Будем надеяться, что так будет и впредь, — приглушенным голосом перебил его Хельгерт.

Последний луч солнца прорвался сквозь крохотное окошко землянки, осветив на мгновение фигуру Эбергарда.

Хельгерт нервно закурил сигарету и несколько раз глубоко затянулся, чтобы успокоиться.

Баум вздрогнул и повернулся к нему.

Луч света уже миновал окошко — и в землянке снова воцарился полумрак.

Хельгерт посмотрел на часы:

— Мне надо засветло добраться до штаба. — Он поднялся. — Счастливо, Эбергард!

— До встречи, Фриц. Перед отъездом забегу к тебе забрать свое барахлишко.

Хельгерт вскочил на своего Улана и, не оглядываясь, поскакал прочь. Быстро пересек овраг и только после этого украдкой обернулся. Но Баума перед землянкой уже не было. Откуда-то издалека на землю надвигалась синяя ночь.

«Когда-то мы были большими друзьями», — с грустью подумал Хельгерт. Потом он вонзил шпоры в бока своего Улана, тот испуганно рванулся вперед и понес его на КП.

* * *

Рассветало. Это самое трудное для наблюдателя время: глаза сами так и закрываются.

Долговязый капрал Генрих Гейдеман со спутанными черными волосами и всегда настороженными глазами сидел в броневом колпаке НП на высотке и просматривал впередилежащую местность. Неожиданно откуда-то издалека послышались глухие взрывы. Разведка боем. Но далеко, очень далеко. Ветер сегодня, кстати, встречный.

На юге тоже загрохотало. Гейдеман повернул стереотрубу резко вправо. «Это, видно, на участке дивизии». Через несколько секунд снова воцарилась тишина. Постепенно дым от разрывов рассеялся.

Унтер-офицер медленно повел стереотрубу влево. Около мельницы темной грудой чернели развалины. На противоположном берегу реки крутые овраги и развалины небольшой деревушки. Еще дальше к северу, накренившись от сильного ветра, стояли развесистые тополя. Перед ними — изрытая черными воронками железнодорожная насыпь. За ней — зигзаги траншей и ходов сообщений, которые вели к опорным пунктам «Лисья нора», «Эскимо» и «Полярная собака».

Там находился стык с соседней дивизией. Молодому унтер-офицеру не без труда удавалось ориентироваться на местности и запомнить названия всех местных предметов. Командиры постоянно следили за тем, чтобы кодированные названия местных предметов регулярно менялись. Тут были и «Три дома», и «Скирда», и «Длинная яма». Наблюдатель должен знать, где находится высота «Тракторная», где, кто и когда должен поставить заградительный огонь и многое другое.

На железнодорожной станции Гейдеман сегодня снова видел паровозы и изредка — небольшие железнодорожные составы. Собственно, то же самое ежедневно отмечалось в кратких докладах наблюдателей. Все время одно и то же. Серые унылые окопы. Серая однообразная жизнь.

На кладбищах, которые находились сразу же за линией фронта, вырастал лес березовых крестов. Каждый день появлялись новые и новые. Число отошедших в лучший мир, которых Гейдеман знал по именам, все росло и росло.

Капралу захотелось написать письмо одной своей знакомой во Франкфурт, но он не нашел ничего такого, о чем стоило бы писать. Одно утешало его: время дежурства близится к концу, скоро можно будет собрать свои монатки и поскорее уйти отсюда. «Соснуть бы сейчас как следует, — подумал он, — чтобы ничего не видеть и не слышать». Однако Гейдеман никак не мог успокоиться: ведь он едва помнил в лицо свою девушку. Кто знает, кому она сейчас улыбается? Наконец пришел Бюргер и принял от него дежурство.

Вахмистр Зехтинг сменился с дежурства на НП и получил несколько дней отдыха. В полдень он возвращался через лощину на огневую позицию шестой батареи. Что-то ему явно не нравилось. Он инстинктивно чувствовал, что на той стороне, у русских, происходит какое-то необычное движение. Но что именно, этого он не знал. Даже такие бывалые офицеры, как Эйзерберг, и те стали нервничать. И только несколько заядлых хвастунов все еще продолжали ерепениться и разглагольствовать о том, что ничего опасного быть не может.

Утром со стороны русских то и дело доносились глухие орудийные выстрелы. Разрывы быстро следовали за выстрелами. Так бывает, когда бьют семидесятишестимиллиметровые пушки. Осколки, завывая, разлетались во все стороны на десятки метров. И надо же случиться этому в воскресенье, когда давали шнапс по второму талону!

Зехтинг устроился в блиндаже командира взвода. Когда наступило короткое затишье, он предался мечтам. «Вот уже почти неделя, как началось наше летнее наступление. Точно, сегодня как раз неделя. Они давно уже должны были выполнить ближайшую задачу. А что-то не получается. Наши хотят овладеть железной дорогой Орел — Курск — Харьков. Как только это удастся, исчезнет опасность, что русские в один прекрасный день нанесут внезапный удар по Орловской дуге. А потом? А потом, мой дорогой Зехтинг, это будет означать... — И он начал тихонько напевать себе под нос «Мы будем маршировать дальше...» — Потом давай Воронеж! Может быть, нам еще удастся исправить ошибку шестой армии. Но ведь это еще не все! Дойдем до Тулы, а если все пойдет хорошо, вторично выйдем на подступы к Москве. В сорок втором, пожалуй, следовало бы заняться именно этим, а не гнаться за городом на Волге».

Возбужденный такими мыслями, Зехтинг проделал несколько физических упражнений. Как здорово не торчать в окопе! Не надо все время пригнувшись бежать, выставив одно плечо вперед. Не нужно смотреть на белый свет через узкие смотровые щели.

Затем он стал срезать старым бритвенным лезвием мозоль. Даже будучи оптимистом, Зехтинг понимал, что здесь, на передовой, шансы на то, что он уцелеет, очень невелики. Не так давно радиостанция русских сообщила, что, хотя в Германии с каждым годом число призванных

в армию растет, общая численность вермахта постоянно сокращается. Когда в начале тридцать третьего года он вступил в рейхсвер, руководство вверху не знало, как сдержать поток добровольцев. Тогда-то и создали «черный» рейхсвер, военные лагеря для допризывников, стрелковые курсы для студентов и тому подобное. Кадровым военным (а Зехтинг принадлежал к ним) это было явно на руку. Ведь большинство из них не имело гражданской специальности, а тут перед ними открывалась спокойная чиновничья карьера в рейхсвере, обещавшая обеспеченное будущее.

— Свинство, — пробормотал Зехтинг, увидев, что мозоль начала кровоточить, и швырнул лезвие в мусорное ведро.

Где-то разразилась сильная гроза. На горизонте беззвучно сверкали молнии. Надвигалась темная душная ночь. Где-то вдалеке нервно трещали пулеметы. В воздухе чувствовалась напряженность.

* * *

Над речкой клубился предрассветный туман, нежно обволакивая холмы. Луна уже побледнела. На фоне тающей синевы ночи на северо-западе мягко вырисовывались контуры колокольни.

Ефрейтор Бюргер сидел на наблюдательном пункте шестой батареи, расположенном на высоте с отметкой 228. Он лениво зевнул и посмотрел на светящийся циферблат часов. Скоро три. Здесь летом ночи особенно коротки. Он оторвал листок настенного календаря. Двенадцатое июля тысяча девятьсот сорок третьего года. Что значат здесь дни и недели!..

Внезапно Бюргер прислушался. Еще одна «швейная машина» в воздухе! Всю ночь напролет летают и летают. Интересно, что их так сегодня всполошило? Какое-то беспрерывное тарахтение. А ты сиди тут и жди, когда тебе на голову сбросят бомбы или начнут палить из пулеметов.

Рокот самолета постепенно замер. И тут же с северо-запада послышался легкий свистящий шум.

«Может, позвонить Бендеру на коммутатор и поболтать с ним пару минут? Все равно скоро смена. Да и связь могу проверить».

И он прильнул к узкой смотровой щели. Рыхлые клубы тумана нависли над обрывом, словно ожидая восхода солнца. «Эх, если бы не война! Был бы сейчас дома...»

Ефрейтор совсем было погрузился в свою заманчивую мечту, как вдруг весь горизонт с севера до юга охватили багрово-красные вспышки. Взгляд Бюргера нервно метался по сторонам. И пока он пытался сообразить, что же происходит, севернее церкви уже разорвались первые снаряды. Часть из них легла на полотно железной дороги. Другая, большая, часть — по гребням высоток. Теперь разрывы виднелись уже повсюду. Глухие, резкие, пронзительные, гудящие, они сливались воедино. Грохот все нарастал.

Бюргер застыл на месте. Стреляли батареи, которых никто никогда не засекал и которые не были обозначены ни на одной карте!

Словно ужаленный, Бюргер вскочил со скамьи, кубарем скатился по лестнице в помещение, где спали солдаты:

— Тревога! Тревога! Подъем! Господин обер-лейтенант!

Несколько прыжков — и он снова оказался наверху. Бешено закрутил ручку полевого телефона, пытаясь связаться с дивизионом. Но там никто не отвечал. В бешенстве он снова и снова начинал крутить ручку.

— «Брюква» слушает!

— Немедленно капе!

— Занято! Позвони позднее.

— Идиот! — рявкнул Бюргер в трубку.

Но коммутатор уже отключился.

Через мгновение зловещий грохот в долине реки сменился угрожающим гулом. Глаза Бюргера беспокойно бегали по переднему краю. Там не было заметно никакого движения. Ни единого разрыва. Но слева творилось что-то невообразимое! Бюргер почувствовал, как в затылке у него появился неприятный зуд. Нервы у него явно сдавали.

Тогда он вызвал огневую позицию батареи. Гегенбах ответил сразу.

— К бою! — голос Бюргера прерывался.

Внизу все уже давно проснулись. Он слышал встревоженные голоса солдат.

Три часа четыре минуты. День только начинался. Рядом с Бюргером в расстегнутом кителе на корточках сидел другой радист. Он тщетно пытался наладить связь.

— Где же наконец обер-лейтенант, черт побери! — крикнул Бюргер вниз.

— Он в окопах!

— Чудак человек!

— Должен же он наконец навести порядок!

Бюргер спустился в окоп и стал смотреть в бинокль в сторону противника.

Гейдеман прильнул к стереотрубе. На виске нервно билась жилка. Дело, видать, дрянь!

С юга неслись тяжелые снаряды, едва не задевая вершину высоты. Позади, на шоссе, взметнулись вверх широкие шапки разрывов, постепенно превращавшиеся в сплошную черную стену дыма. Несколько секунд спустя неподалеку от огневой позиции шестой батареи раздался оглушительный взрыв.

Вошел Хельгерт и плюхнулся на сиденье наблюдателя.

— Пусти-ка меня.

Гейдеман отодвинулся. Нельзя было сказать, чтобы командир батареи как-то особенно взволновался. Гейдеман вдруг почувствовал пустоту в желудке. Ему захотелось оказаться отсюда километров за десять. Но и там, видимо, не лучше, а если даже там пока и тихо, то через несколько часов начнется такое... Вот если бы оказаться километрах в ста отсюда... Но ведь и тогда все равно был бы на Курской дуге! К черту! Тогда — в тысяче километров! Но кто ждет его там?! В этой стране он везде непрошеный гость.

— Несколько десятков новых батарей, — заметил Хельгерт через некоторое время. — Даже железнодорожные установки и те есть.

— По деревеньке они, кажется, лупят из тяжелых минометов!

Обер-лейтенант кивнул и, как завороженный, снова уставился на пылающую мозаику.

— Это же больше пятисот стволов!

Хельгерт почувствовал, как капелька пота со лба медленно стекала к правому виску. «Вот тут-то и конец нам, — подумал он, — этого удара фронт не выдержит».

Он повернул стереотрубу в северном направлении. Но и там было не лучше. Казалось, горела вся земля. Снаряды и осколки беспрестанно перепахивали землю. Деревца на опушке дубовой рощи низко склонились к земле.

Земля нервно содрогалась. Все, кто были на наблюдательном пункте, чувствовали, что начинается что-то грандиозное.

Обер-лейтенант Хельгерт, несмотря на адский грохот и неразбериху, все еще сохранял способность логически мыслить, и это удивляло его.

Вспышки стремительно приближались к позициям батареи.

Немецкие батареи пока еще молчали. Проводная связь с огневыми позициями уже давно была выведена из строя.

Командир батареи устало закрыл глаза.

Разорвались два тяжелых снаряда. За ними еще два. А потом без перерыва еще и еще. Теперь орудия противника били по высоте с отметкой 228. Залп снарядов крупного калибра сровнял часть окопа с землей. Орудия с оглушительным грохотом накрыли наблюдательный пункт, но бронированный купол все же выдержал.

«Если накат не выдержит, не нужно будет копать могилу», — подумал Хельгерт. Град осколков стучал по балкам и броневым плитам.

Бюргеру — он был в траншее — большой осколок угодил в ягодицу, задев бедро. Когда ефрейтора нашли, он уже истек кровью.

Телефонист Нимиш лихорадочно вращал ручку телефонного аппарата. Это было единственное, что он мог еще делать. Вот уже год он отвечал за телефонную связь с огневой позицией и со штабом дивизиона. Теперь он ни о чем не думал, ничего не чувствовал. Все отодвинулось куда-то бесконечно далеко.

Связь с третьей ротой, которой пользовался и передовой наблюдатель, каким-то чудом уцелела. В роте все было в порядке. Весь личный состав находился в укрытиях.

Связь с командным пунктом дивизиона снова была нарушена. Уже в третий раз! «Брюква» не отвечала... Батарея оказалась оторванной от штаба полка, как и другие батареи этого участка, если от них вообще что-

нибудь осталось. Телефонист жестом подозвал к себе Гейдемана.

Нимиш тем временем подобрался к выходу и ждал. Повесил на шею аппарат для проверки линии и на корточках уселся перед тяжелой дощатой дверью. Под стальной каской было особенно хорошо слышно, как стучало его сердце.

Попытки радиста установить связь оказались безуспешными. Стараясь настроиться, он менял длину антенны, частоты. Рацию с огневой слышал еле-еле, будто она была на другом конце света. Отовсюду несся сумасшедший свист чужой морзянки. Такого не бывало никогда!

Внезапно огонь артиллерии прекратился. Только кое-где слышались запоздалые разрывы. Желто-голубой дым медленно оседал на опаленную огнем землю.

Обе стереотрубы лихорадочно метались, просматривая позиции русских. Разумеется, те, что были видны. Ничего. Совсем ничего. В окопах было даже меньше движения, чем обычно. Мучительное напряжение росло с каждой минутой. Когда же они пойдут?! Где появится первый танк?..

Три часа сорок пять минут.

Внезапно на той стороне появились дымы — в одном, двух, пяти, восьми, двадцати местах. А затем и того больше! Тяжелый, бесформенный дым. Послышался холодящий кровь режущий звук.

— «Катюши», — бросил Хельгерт.

Артиллерия снова открыла огонь. И снова грохот, грохот, грохот...

Неожиданно радисту удалось установить связь с огневой позицией. Гегенбах передал: «Мы не можем даже высунуть головы. Двое убито, пять легко ранено. Орудия пока, кажется, целы. Линии связи порваны. Восстановить вряд ли удастся. Нужно прокладывать новые, как только немного стихнет. Конец».

Нервы у всех были напряжены до того предела, за которым начинается безумие.

Гейдеман поймал себя на том, что, несмотря на беспрерывный грохот, уже дважды чуть было не задремал.

Стрелки часов медленно отсчитывали минуты.

Солнцу так и не удалось пробить толстую стену дыма.

Около шести утра огонь прекратился. Но тишина не принесла долгожданного успокоения.

Нимиш ногой толкнул дверь, прыгнул в траншею и побежал, держа в руке телефонный провод, который вел в сторону дивизиона.

Гейдеман проверил магазин своего автомата. Все семьдесят два патрона на месте! «Вот и все! Сейчас русские пойдут в атаку. Из окопов выплеснется целая волна солдат. Словно грозди винограда, повиснут они на своих танках. Но где? Где?»

Вдруг он напряженно прислушался. Вдали послышалось жужжание. Нарастая с востока, оно становилось все громче. Гордый шум моторов бомбардировщиков охватил все небо. Впереди неслись истребители и штурмовики, чтобы в любой момент очистить для них дорогу. В воздухе — ни одного немецкого самолета. Как туча шмелей, шли на бреющем полете над вспаханной снарядами землей быстроходные советские машины, поливая из пулеметов окопы и ходы сообщения.

В строгом строю первая волна бомбардировщиков приблизилась ко второй линии окопов. Открылись люки. Из них полетели вниз темные капли бомб. Бомбовый залп лег позади железнодорожной насыпи.

Широко раскрыв глаза, Хельгерт смотрел прямо перед собой. Чертовски мощный удар! Дело даже не в том, что на немецкие позиции обрушилось несметное количество снарядов и бомб. Налицо превосходство в организации операции: вперед выдвинуты десятки батарей, включая самые крупные калибры. А немецкое командование об этой концентрации артиллерии, видимо, не имело ни малейшего представления. А пехота? А танки? Или, может быть, кто-нибудь думает, что весь этот концерт русские устроили ради забавы и скоро снова наступит тишина? Едва ли! Они вот-вот двинутся — и сметут на своем пути все. Сначала здесь. Потом дальше и дальше...

Артиллерия заговорила снова. Снаряды рвались то на самой высоте, то у ее подножия. Небо пылало кровавым светом.

То и дело в воздух взлетали ракеты. Красные, белые, зеленые. На своем условном языке они кричали в эфир: «Мы здесь!», «Немедленно поставить заградительный огонь на участке!», «На помощь!» Снаряды расшвыри-

вали их по сторонам, и они падали на землю, не успев сгореть. Тяжелые снаряды крушили заграждения, сметали брустверы, перепахивали траншеи и ходы сообщения.

Этот огненный ураган отуплял людей, навевал на них безграничную апатию и развевал, как дым, миф о непобедимости германского вермахта.

Нервно зазвонил телефон:

— Докладывает рядовой Нимиш. Линия связи будет готова через три минуты. Я тогда позвоню. Все!

Но на телефон уже никто всерьез не надеялся. На НП, тяжело стуча сапогами, вошел Зехтинг. Он больше не выдерживал внизу. Хельгерт кивнул ему и подумал: «Зачем он, собственно, приплелся сюда, несмотря на этот сумасшедший огонь? Может, решил, что от орудий удрать будет труднее? Нервы, что ли, у него сдали? Или потянуло поближе к своим? Кто знает! Во всяком случае, как бы там ни было, здесь одним спокойным человеком будет больше».

Новая волна бомбардировщиков сбросила над участком прорыва свой смертоносный груз. «Четвертый или пятый налет», — отметил про себя командир батареи.

Снова телефонный звонок:

— «Берта шесть». Говорит Мойзель. Докладываю: противник силой до нескольких полков перешел в наступление. Направление главного удара — предположительно стык дивизий. Штурмовые отряды уже форсировали вброд речку. Первую линию обороны они уже прорвали. Сейчас русские силой до полка продвигаются в направлении дубовой рощи. Орудия немедленно развернуть на север. Дивизион даст команду на открытие огня. Во что бы то ни стало блокировать прорыв. Танков у нас пока сравнительно мало. Около тридцати. Все!

«Почему меня это так мало трогает? — подумал Хельгерт. — Может быть, оттого, что огонь еще почти не коснулся моего района? Или оттого, что я пока лишь зритель на этом ужасном спектакле?»

Звонок. Телефонист штабной батареи, который исправлял повреждения, докладывал:

— Рядовой Нимиш лежит в кустах рябины, в пятнадцати шагах от нашего бункера. Видно, убит на месте. Конец.

Обер-лейтенант положил трубку. Рука его судорожно, до боли вцепилась в ручку. «Кто будет следующим?

Со мной явно что-то происходит! С некоторыми представителями этого государства мне еще надо рассчитаться. Но там, впереди, атакуют русские. Пойти им навстречу, когда они придут, — а они придут — и сказать «здравствуйте»? Только потому, что они идут против дернбергов, круземарков и торстенов?»

— Приказано открыть огонь! — проговорил Гейдеман, передавая Хельгерту трубку и пристраивая у своего уха дополнительный наушник. С командного пункта передали приказ. Три минуты спустя дивизион радировал, что открыт сильный огонь по скоплениям танков. Хельгерт видел, что разрывы ложились хорошо.

Над районом Зущи завязались ожесточенные воздушные бои. Потери с обеих сторон были большими. Машины с черными шлейфами дыма или просто объятые пламенем врезались в кипящую землю.

«Когда же наконец начнется! — думал Хельгерт. — Уже нет сил ждать!»

Но противник час за часом вел массированный огонь по центральному и южному участкам обороны дивизии.

Около половины двенадцатого внезапно все прекратилось. Потом русские появились в районе первого дивизиона. Батальоны! Полки! Их «ура-а-а!» из тысяч глоток заглушило даже рокот и лязг танков.

Метр за метром с боями освобождали они свою землю.

* * *

Немцы оборонялись отчаянно. Бой продолжался несколько часов. Наконец русские захватили главную полосу обороны. Только после этого их командование удовлетворилось первыми результатами прорыва. Со второй половины дня и допоздна русские подтягивали тылы, пополняли боезапас и на корню пресекали немецкие контратаки. Советские тяжелые танки подавляли любые попытки передвижения. В общем-то танков было намного больше тридцати, как думал в полдень командир дивизиона.

Откуда-то стало вдруг известно, что легкая батарея артиллерийского полка и часть тяжелой переместились с западной окраины дубовой рощи в долину, а затем отошли. Но о каких батареях шла речь, Хельгерт так и не узнал: линия снова была повреждена.

Всякий раз, когда он вспоминал об Эбергарде, ему становилось не по себе.

Иногда по линии связи дивизиона можно было услышать кое-какие новости. Четвертая батарея и в самом деле под этим адским огнем отошла в долину с незначительными потерями. С ее наблюдательным пунктом связи пока не было. О судьбе командира батареи обер-лейтенанта Крюгера и унтер-офицера Баума никто не знал.

У железной дороги создали отсечную позицию, чтобы блокировать прорыв. К вечеру подтянулись танки и пехота, которые совместно с соседней дивизией предприняли отчаянные контратаки. Малиновка превратилась в большую братскую могилу. Советские войска вцепились в освобожденную землю и не отходили ни на шаг.

Хельгерт приказал заново проложить важнейшие линии связи, подтянуть передки, а ненужное отправить в тыл.

Солдаты проверяли пулеметы и личное оружие. Все говорило за то, что возможен ближний бой.

Ночью, казалось, все повисли на одном проводе. Шли нескончаемые переговоры. Использовав свободные гнезда, коммутатор перевел абонентов на циркулярную связь.

Хельгерт не отрываясь слушал. Он чувствовал, что ответственность за судьбу Эбергарда Баума лежит на нем. «Почему я не поговорил с ним откровенно тогда, в субботу, — думал он, прижимая трубку к уху. — Если сейчас услышу голос Баума, прикажу ему немедленно прийти сюда».

Он просто боялся за него.

На линии сейчас был командир пехотного полка. Он приказал соединить его со всеми командными пунктами рот — с кем только возможно. Его указания доносились как слабый отзвук, а об ответах в лучшем случае можно было лишь догадываться.

Затем Хельгерт услышал голос из пулеметного дзота на северной стороне высоты «Церковь», рядом с дорогой на Ворошилово.

— Связи с соседом слева не имею. Русские продвигаются повсюду, прощупывают, где могут натолкнуться на сопротивление. Дозоры ведут активный поиск...

— Несколько артиллеристов у нас тоже... Да... Обер-

лейтенант Крюгер с четвертой! Они хотят потом поговорить со своим дивизионом.

Хельгерт не пошевельнулся. Было бесполезно вмешиваться в разговор. Его бы никто не понял. Трубка приклеилась к уху и к волосам.

У командира полка вопросов больше не было.

К аппарату подошел обер-лейтенант Крюгер. Отрывисто бросал слова, описывая обстановку. Хельгерт так и не понял, с кем он говорит: все время мешали чужие голоса.

Вдруг Хельгерт услышал голос Эбергарда Баума. Бодрый. Чистый. Он передал несколько закодированных координат. Видимо, это были координаты его наблюдательного пункта.

Обер-лейтенант затаил дыхание.

Тут связь оборвалась.

* * *

Наступление Красной Армии на Орловской дуге двенадцатого июля тысяча девятьсот сорок третьего года окончательно остановило продвижение немцев на Курск. Подготовка к наступлению закончилась уже четвертого июля. И только когда верховное командование вермахта десятого июля отвело с Орловской дуги все стратегические резервы, чтобы на другой день бросить их для последнего решительного удара против Курска, советские войска перешли в наступление.

Севернее Орла и в районе Болхова они продвигались медленно. Южнее Орла завязались изнурительные и тяжелые оборонительные бои. Главный удар был направлен по восточной дуге немецкой оборонительной системы.

Ночь на тринадцатое июля была спокойной, если не считать шума, который производили работающие вдали моторы танков. Много моторов. Советские войска, наступавшие на северный стык дивизии, прорвали фронт шириной примерно тридцать километров. Ближайшая тактическая задача была выполнена, однако исходные позиции для осуществления более широких стратегических замыслов подготавливались очень тщательно.

Ни единого выстрела. Солнце снова начало припекать. И вот в шесть утра внезапно перегруппировавшая-

ся советская артиллерия обрушила огневой удар по переднему краю немецкой обороны справа и слева от участка прорыва.

Тот, кто не успел скрыться, был убит, завален землей, затем снова разорван на куски и разметан по воздуху. Тяжелая артиллерия крушила все. Беспощадный огонь, подобно молоту, бил откуда-то сверху до тех пор, пока фронт снова не деформировался и не началось новое бегство. Ворота прорыва распахнулись еще шире.

Наконец пошли танки. Но и сегодня они натолкнулись на отчаянное сопротивление. Северный фланг дивизии все сильнее втягивался в тяжелые бои.

Против танков бросили свежую мотопехотную дивизию. Но заслон из неповоротливых самоходных установок типа «фердинанд» с восьмидесятивосьмимиллиметровыми орудиями и «носорогов» смог только в течение нескольких часов сдержать в какой-то степени натиск наступающих.

Шестая батарея, как и роты перед ней, оказалась изолированной. Слева никого не было. Пустота начиналась где-то около Эйзерберга. Артиллерия красных била теперь вглубь — по передкам, тыловым позициям, второму эшелону, — создавая километровую полосу огня и одновременно огневой заслон для продвижения своих танков с десантом автоматчиков.

Пятая, шестая и двенадцатая батареи, развернувшись на север, чуть ли не над головами друг у друга вели огонь в направлении Лески. Оттуда, сверху, стреляя на ходу, неудержимым потоком шли танки. Долго, конечно, это не могло продолжаться. В скором времени им придется достичь открытого участка местности перед Ворошилово. Если судить по отдельным перехваченным телефонным разговорам, то глубина прорыва на участке соседней дивизии была значительно большей, чем казалось.

— Передки у вас, Хельгерт?

— Так точно, господин майор.

— На всякий случай подготовьте все для ближнего боя. Прорыв должен быть блокирован и локализован в районе Лески. Поэтому-то мы должны удержаться здесь во что бы то ни стало.

— Так точно, господин майор. Еще раз обращаю ваше внимание на то, что мои орудия стоят у переднего

ската. Как только русские окажутся на высотах над вашим оврагом, тогда...

— Тогда вы прямой наводкой снова сбросите их с высот.

Хельгерт поговорил с лейтенантом Гегенбахом, в представлении которого все это было не более как особой вводной во время учений. Ночью Хельгерт организовал переброску вперед всего мало-мальски годного оружия, какое можно собрать на месте расположения передков, и прежде всего — магнитных кумулятивных и дисковых противотанковых мин. Как и на учениях, он распорядился бы открыть огонь прямой наводкой по танкам, по скоплениям живой силы, пустил бы в ход пулеметы и отделения истребителей танков, если бы поступил такой приказ и если бы этого потребовала боевая обстановка.

Вахмистр Зехтинг сидел у стереотрубы. Он снова и снова просматривал места, где, по его предположению, могла находиться своя пехота. Гейдемана ночью послали вниз, к Эйзербергу, в качестве наблюдателя на передовом НП. Там все еще было тихо.

Внизу слева, под Березовецкой высотой, беспрерывные разрывы снарядов вдруг начали пронизывать звуки, похожие на выстрелы Т-34. Иногда казалось, что это строчили скорострельные танковые пулеметы. И вот теперь уже совершенно явственно доносился лязг гусениц. Неужели они собираются ударить по населенному пункту?!

— Кто там мельтешит перед стеклами? — Нервозность Зехтинга вылилась в ярость. Он наклонился к смотровой щели помощника наблюдателя. Теперь он видел и невооруженным глазом: русские! По отделениям, в колонну по одному, как будто война для них закончилась! Зехтинг зарычал.

Обер-лейтенант посмотрел наверх:

— Вы что, сдурели?

— Русские!!

Хельгерт бросился в окоп. Сомнений не было. Они шли по дороге между деревней и высотой, по той самой дороге, которой немцы пользовались зимой, чтобы дойти до этого проклятого треугольника. Второй клин, силой по меньшей мере до двух батальонов, давно уже взял село в клещи. Наступающих встречал жиденький огонь

пехоты. Теперь они уже были внизу справа, у подножия высоты 228. Новые роты, батальоны!

— Сменить позицию!

На наблюдательном пункте поднялась суматоха. Радиостанции, оружие, карты, схемы лихорадочно тащили в траншеи. Стереотрубы, буссоли и телефоны бросили. И мертвого ефрейтора Бюргера тоже.

Наконец Хельгерту удалось соединиться с командиром дивизиона:

— Русские поднимаются по скату. НП оставил. Могу еще оттянуть орудия. Через десять минут это будет невозможно!

— Приказываю все позиции защищать до последнего. Мы остаемся тоже.

Неожиданно батарея открыла беспорядочный огонь. Хельгерт, как одержимый, нервно крутил ручку полевого телефона.

Сухой голос Гегенбаха сообщил:

— Русские на высоте. Держусь только с помощью рикошета.

В трубке несколько раз что-то треснуло. Потом снова послышался голос лейтенанта:

— Кажется, они продвигаются по противотанковому рву слева. Штаб дивизиона дает тягу, но как!

— Иду! — рявкнул Хельгерт. Чиркнул спичкой и поджег кодовые таблицы. Затем быстро перезарядил автомат, сунул в карманы и за голенища сапог несколько запасных магазинов. Оба телефониста затопали по лестнице. Хельгерт шел последним.

Слева русские были уже совсем рядом, шагах в двухстах. Отойти к огневой по прямой траншее было уже невозможно. Значит, сначала на юг — четыреста метров по ходу сообщения, а потом поворот на девяносто градусов у заднего ската — в систему траншей у оврага.

Командир батареи ринулся вперед. «И я еще верил в Мойзеля! Где же его чувство ответственности? Его честь? Честь — это хорошо! Это вообще выдающееся явление! Сейчас я покажу вам, как надо спасать людей, что такое честь и мужество, как надо воевать, господин полковник! — кричало все его существо. — Кто вы такие? Трусливые собаки, годные лишь на то, чтобы где-нибудь в тылу сидеть в трибунале и судить других!»

И справа, и слева появились группы танков. Они палили вовсю.

— Чертов окоп, до чего же мелкий! — выругался Зехтинг, когда у него пулей сбило с головы пилотку.

Не доходя двадцати метров до Березовецкого ущелья, упал унтер-офицер Бальке. Зехтинг перелетел через него и заорал:

— Идиот, гляди лучше себе под ноги!

Снаряды ухали беспрерывно и зло. Вахмистр вскочил. И только тут заметил небольшую дырку в середине лба Бальке и его стекленеющие глаза. Зехтинг бросился догонять своих и доложил о Бальке обер-лейтенанту.

По лицу Хельгерта гуляла злая усмешка.

* * *

Смерть шла отовсюду.

Эбергард Баум тупо уставился на стену из копоти и дыма. Оттуда градом сыпались снаряды. Он лежал с радистом ефрейтором Моммером из четвертой батареи между речкой и высотой «Церковь». Вчера их метр за метром выбили из бункеров, траншей, противотанковых щелей и стрелковых ячеек. Им осталась только голая, по-летнему теплая земля. Они отходили, сдавая высоту за высотой. Но Баум продолжал поддерживать связь с огневой позицией, и обер-лейтенант Крюгер в любой момент мог передать свои приказы.

Баум прижался к земле. В висках стучало. В восьмидесяти метрах отсюда лежал Крюгер со своим связным. Он махал рукой. Сигнал был недвусмысленным: отходить! Моммер молниеносно подхватил свою рацию и пополз по скату вниз.

Баум посмотрел вперед. Повсюду из земли вырастали люди в коричневой форме. «И вот теперь я, унтер-офицер, — подумал Баум, — с Железным крестом, трушу... Я бы... Я бы... перебежал. Сколько человек, собственно, говорили об этом? Да только двое: Бендер и Гейцер. Им-то хорошо: они у Фрица Хельгерта. Там, кажется, пока еще не так страшно. Эх, если бы Клавдия посоветовала сдаться! Ведь сейчас такой благоприятный момент! Нужно лишь пролежать здесь минут десять. Почему десять? Через три минуты русские будут здесь! А Клавдия? А счастье? Через несколько дней все уля-

жется. Наше наступление на юге наверняка скоро принесет свои плоды. И тогда ты вернешься домой гордым капралом. На левой стороне груди сплошное серебро: значок участника атак, Железный крест I класса, серебряный знак за ранения. Свадьба. Уважение, сияющие глаза, слава! И опять-таки мое имя!»

«И опять-таки мое имя!» — Баум прислушался. Ему вдруг показалось, будто открылась дверь и на него упала полоса яркого света. И от этого все серебро на груди поблекло, стало едва различимым, как унтер-офицерские нашивки. И тут он понял: трус! Почувствовал стыд, словно его раздели догола. Отвратительно!

«Как это могло случиться, что вот уже несколько месяцев я лгу сам себе и цепляюсь за эту ложь? — думал он. — Я сознательно, с расчетом обманывал Фрица. Теперь меня ничто уже не связывает с Бендером. Даже обманул доверие Клавдии и показал себя жалким эгоистом!»

Баум застонал, прижавшись головой к теплой влажной земле.

По склону слева ударили тяжелые снаряды. Глыбы земли полетели в сторону Эбергарда. Обер-лейтенант Крюгер вместе со связным бросился в низину. Моммер был уже там.

Унтер-офицер, тяжело дыша, тащился по склону, приникая к траве.

«Я бы...»

Тут разорвалось несколько стадвадцатидвухмиллиметровых снарядов. Больно резануло барабанные перепонки. Густой дым вздыбился к небу. Где же остальные? Отовсюду неслась дробь пулеметов. Баум поднял голову и огляделся.

Вдруг с режущим металлическим воем откуда-то с огромной высоты ринулся вниз сверхтяжелый снаряд. Железнодорожная установка! Эбергард Баум вцепился в край воронки, на дне которой стояла вода.

Страшный удар. Громоподобный разрыв. Взвыли осколки.

Воздушная волна рванула тело вверх и швырнула его на противоположный край воронки. Баум бессильно соскользнул в жидкую грязь. Широко раскрытые глаза застыли в страхе. Он чувствовал, как неудержимо льется кровь. Сильно жгло спину. С трудом повернулся он

на бок и, напрягаясь, попытался хоть что-нибудь увидеть. Но тщетно. Прислушался. Откуда-то издалека доносились отзвуки боя. Дикий крик вырвался у него из горла. Услышав его, он удивился.

Голова медленно склонилась на заплесневелую прохладную землю.

Эбергард закрыл глаза.

«Клавдия...» — Застонав, он вытянулся — и черная пелена застлала ему глаза.

На Баума катилась лавина наступающих красноармейцев.

Моммер сбросил рацию на песок:

— Нет Баума!

Обер-лейтенант Крюгер, обернувшись, крикнул:

— Мы ждем!

Моммер стал карабкаться вверх по склону. Над ним то и дело пролетали снаряды танковых пушек. Он рискнул посмотреть на высоту. Там кишели люди в чужой форме.

В каких-нибудь ста пятидесяти метрах от него лежал Эбергард. Моммер подбирался ближе. Наконец он заметил большую кровавую рану на спине неподвижно лежавшего унтер-офицера. Подполз еще ближе, чтобы узнать, жив ли он, но тут громкое «ура!» раздалось где-то сбоку. Совсем рядом. Если он хотел избежать плена... Оставались считанные секунды. Он хотел! Очереди бесчисленных автоматов ударили Моммеру вслед.

Он побежал, инстинктивно петляя, как заяц. Вокруг все буквально кипело от разрывов.

На железнодорожную насыпь взбирались первые советские танки. Бетон и доски для защиты от кумулятивных зарядов прикрывали их бронированные борта.

Куда бы ни глянул ефрейтор — повсюду русские. «В кольце? Трудно поверить! Но они действительно оказались в кольце.» Он бросился бежать вдоль подножия высоты «Церковь». Здесь в мае группа «Силы радости» давала концерт. Пели, играли. Классные девочки! С одной из них Гегенбах прогулялся в кусты.

Снаряды рвались теперь совсем рядом. «Что же это я бегу по кругу? Чепуха! Ведь впереди белеют песчаные края противотанкового рва. Там же наши ребята! Я вижу, как они там копошатся!»

Он решил срезать довольно большой угол. Над холмом, в каких-нибудь восьмидесяти метрах от него, одна за другой высунулись пушки трех рокочущих танков. Моммер моментально узнал в них «тридцатьчетверки» и кинулся вправо, чтобы укрыться в спасительном рву. Еще каких-нибудь двести шагов... Вдруг он замер. В противотанковом рву было полным-полно красноармейцев, которые, очевидно, готовились к атаке.

* * *

Рудольф Бендер вовсе не собирался стать героем. Хотя вообще-то он редко бывал мягким. Ему слишком хорошо была знакома беспощадность эксплуатации. Однако происходящего со вчерашнего дня на переднем крае ему вполне хватило для расширения военных познаний. То, что большинство артиллеристов знают только из Рейберта, из уставов или из таблиц стрельбы — а именно «уничтожение целей с кратчайшего расстояния», — он на своем собственном опыте познал за две недели пребывания на фронте. Вершина пруссачества — ближний бой, так учили в «зале традиции» казармы Гинденбурга во Франкфурте-на-Одере. Теперь это предстояло ему.

Четыре орудия батареи вели бешеный огонь по противоположному склону, по которому теперь спускались красноармейцы. То тут, то там стопятимиллиметровые снаряды выбивали в их рядах целые коридоры.

По гаубицам стреляли из винтовок и пулеметов. Повсюду взвизгивали, хлопали, барабанили пули. Рикошеты завывали, словно лопнувшие струны. Но орудийная прислуга продолжала свое дело. Высокие земляные валы в какой-то степени укрывали ее.

Внезапно случилось то, что случается иногда во время наводнения, когда вода не обрушивается валом, а просачивается через лужи, низины, овраги. Русские! Русские! Русские! В противотанковом рву! Почти совсем рядом с орудиями! Они неудержимо продвигались вперед. Артиллеристы отстреливались из карабинов и автоматов. Однако первые из них уже начали отходить. Летели ручные гранаты. Над полем боя стоял страшный крик.

Бендер втянул голову в плечи. «Если я исчезну в этом аду, никто и не подумает, что я сдался». Тут он увидел Хельгерта, который вместе с солдатами с наблюдательного пункта выбирался из березовецкого оврага.

Казалось, русские хотели обойти огневую позицию. Теперь они уже были позади гаубиц, у кухонной землянки. Сейчас они ворвутся в ходы сообщения.

Бендер укрылся за штабелем боеприпасов.

Свободным оставался только проход в сторону деревни.

Хельгерт закричал:

— Все в окоп к правому орудию!

Он стоял как маяк. Вокруг него свистели пули.

Артиллеристы громадными прыжками ринулись вперед, оборачиваясь и продолжая стрелять. По траншее прогрохотали сапоги. Задержались.

— Вперед, Бендер! Заср...ц! — голос лейтенанта Гегенбаха не сулил ничего хорошего.

Бендер подумал, что все кончено, но решил сделать еще одну попытку:

— Я хотел взорвать орудие!

— Скотина!

Первые красноармейцы неожиданно очутились между двумя левыми орудиями. Упирая приклады в бедра, они строчили из ручных пулеметов и автоматов. Снаряды рвали все в клочья. Организованной обороны не было.

Хельгерт со своими людьми с боем отходил в сторону деревни.

Лейтенант и артиллерист отступили в самый последний момент и теперь бежали по дну спасительного противотанкового рва вслед за остальными.

Массированный орудийный огонь перенесся теперь на последние развалины деревушки, накрывая группы беспорядочно бегущих немцев.

Солдаты из третьей роты, дыша, как загнанные лошади, бежали слева, из оврага. За ними рокотали советские танки, на которых сидели пехотинцы. Внезапно, будто голубые щуки, вынырнули штурмовики. Их бомбы рядами вздымали фонтаны земли, обозначавшие путь отхода немцев.

Орловская дуга в ее восточной части была прорвана на широком фронте. Это произошло в год большого перелома на Восточном фронте.

Бендер бежал и запоминал то, что видел.

По сторонам тянулись длинные вереницы людей, повозок, военной техники, лошадей. Они отступали под натиском советской артиллерии.

Солдаты в серых мундирах, стремясь во что бы то ни стало уйти от стальных клещей, большими группами устремились на луга и поля.

Удиравшие на запад танки вздымали высоко в воздух огромные клубы пыли, давили людей, давили людей... Своих раненых!

Бендер бежал.

Вместе с солдатами шестой батареи. Ничего другого не оставалось. А красноармейцы штурмовали в это время соседние деревни.

Впереди, где-то совсем рядом с Бендером, снова взметнулись огромные языки пламени. Это начался артиллерийский обстрел. Снаряды летели отовсюду, и каждый попадал в цель. Бендеру казалось, что уйти от обстрела невозможно, хотя бежал он очень быстро. Снаряды, словно пьяные, на какое-то мгновение застывали в воздухе, а потом с грохотом падали на землю. Со стоном валились деревья. Колоколом звенело железо. Рушились дома.

А Бендер все бежал.

Столбы дыма от горящих танков, казалось, упирались в самое небо. Отовсюду веяло смертью.

«Если бы я остался там, у штабеля с боеприпасами, все было бы уже позади. Интересно, заметил что-нибудь лейтенант Гегенбах? Может быть, залечь где-нибудь по пути? Бесполезно. Каждый внимательно следит за своим соседом, и вообще все жмутся один к другому. В ближайшие дни будет гораздо больше возможностей сдаться».

Бендер бежал.

Снопы огня. Потом липкие кровавые дорожки у изгородей, где, как страусы, прячущие головы под крыло, пытались укрыться люди. Зловеще ползущий чад. Похороны тут же, на месте.

Один прыгнул в сторону, в кусты. Спасся?! Бендер стиснул зубы... Тело разлетелось в клочья. Из разорванного живота вывалились кишки. Заросшие грязью пальцы судорожно пытались удержать улетающую жизнь...

Артиллерист, задыхаясь, упал на колени. Перед домом, на гниющей соломе жалобно стонали раненые. Собравшись с силами, он встал. Позади оставались обвалившиеся стены, темнота, хрипы.

Бендер бежал дальше.

Многие из шестой батареи, да и те, кто удирали от русских, увидели на проселочной дороге солдата. Он сидя лопотал что-то нечленораздельное и с чем-то играл. Это была его оторванная ступня.

Мимо прошел немецкий танк. К нему было привязано тело офицера с раскинутыми в стороны руками и ногами. Видимо, его решили похоронить на освященной земле. Вдруг металл ударил по металлу. Осталась лишь дымящаяся груда, на которой трупу пришлось умереть вторично.

Бендера буквально трясло от страха. Разве отсюда выберешься живым? Он снова и снова бросался на землю, прятался за малейшие укрытия, цеплялся за товарищей, чувствовал, как они жались к нему, когда разрывался снаряд и уносил очередного, а за ним следующего. Боль в боку стала нестерпимой. Соленый пот жег глаза. Ненависть Бендера к этой фашистской войне переросла все границы.

Он через силу поднимался, бежал и снова наталкивался на новые ужасы.

Насмешливо скалились отрубленные головы. Сапоги Бендера то и дело задевали за изуродованные каски, которые валялись рядом со вздувшимися трупами лошадей. Неподалеку стояла покривившаяся часть кузова искромсанного автомобиля. Какой-то солдат, у которого торчали осколки костей, скрючившись, сидел за рулем. Лица у него не было.

И вдруг среди этого шума Бендер услышал, как где-то запел жаворонок. Беззаботно. Высоко в небе. Но очередной снаряд прервал эту мелодию. Около разбитой тележки лежала группа женщин. Оторванные руки и ноги валялись между камнями и обломками. Рядом зловеще зияла воронка от снаряда. Осколки, острые, как кинжал, срезали вокруг всю траву. Из башенного люка сгоревшего танка свисало обуглившееся тело.

Бендер бежал.

Его все сильнее охватывало желание броситься на землю, чтобы больше не думать и не видеть. Но инстинкт самосохранения гнал его дальше.

Горела машина с походной радиостанцией, налетевшая на березу. Мотор еще работал. Согнутая баранка впилась водителю в грудь. Либо танк, либо противотанковая пушка угодили в этот грузовик. Пробито, кажется, только ветровое стекло. У сидящего рядом с водителем один глаз наполовину прикрыт, на губах сгусток крови. Мухи, суетливо жужжа, кружатся над впавшими щеками.

Разве человечество не обязано сделать наконец так, чтобы сумасшедшие никогда больше не смогли развязать войну?! Обязано!.. Обязано!..

Бендер, подталкиваемый страхом, бежал из последних сил...

* * *

Все собрались в овраге. Впереди — покинутая деревня. Обозы, тылы и штабы, видимо, своевременно ушли отсюда.

Хельгерт пересчитал людей. Не хватало двенадцати человек. Восемь, видимо, было убито. Один из вычислителей остался лежать на юго-западной окраине деревушки. Без обеих ног. Из траншей на огневую не вышли трое. Струсили? Убиты? Ранены? Кто знает!

У северной окраины деревни сидел лейтенант, присланный для связи с пехотным полком, соседом слева. Хельгерт попытался связаться по радио со штабом полка. Люди его уселись на землю.

Немного погодя в овраг спустился майор Мойзель с частью тех, кто был на командном пункте. Все они были без оружия. Командир дивизиона был ранен в плечо. Хельгерт перевязал его и коротко доложил о главном.

Мойзель простонал:

— Пятая батарея отошла на юг. Будем надеяться, что ей удастся пройти. Это катастрофа.

— И мы бы выскочили. Но ближний бой в такой ситуации...

— Перестаньте, Хельгерт. У меня же был приказ полка.

Обер-лейтенант пожал плечами.

Когда советские войска приостановили свое наступление для переформирования и над полем боя воцарилось спокойствие смерти, в вездеходе к той горстке людей, которая составляла сейчас второй дивизион, при-

были Круземарк с Альтдерфером. Полковник посовещался с Мойзелем и Хельгертом о том, как использовать обе уцелевшие легкие батареи, и наметил пути возможного отхода.

Круземарк высказал свои предположения относительно обстановки:

— Прорыв у нас и у соседа слева достигает в ширину примерно двадцати пяти километров!

— Я так и думал, — пробормотал Мойзель.

— А на севере и северо-западе, где два больших русских клина, — там даже тридцать километров.

Хельгерт насупился:

— А что же произошло на юге?

Круземарк оглянулся, чтобы убедиться, что никто из солдат не услышит его слов:

— Наше наступление на Курск остановлено.

— А масса танковых дивизий, которые были развернуты? — Мойзель сделал недоверчивую мину.

— Русские наступают на Орловскую дугу десятью армиями, — решительным голосом проговорил полковник.

Хельгерт открыл последнюю пачку сигарет — неприкосновенный запас.

— Но ведь их армии по численности значительно меньше наших.

— Верно. Но танки остаются танками. По левому стыку нанесла удар третья танковая армия. Перед нашим фронтом — шестьдесят третья. А что справа — пока не ясно.

Подошел шофер командира обер-ефрейтор Шнеллингер и протянул полковнику бланк радиодонесения:

— Сводка верховного командования. Принята людьми из отделения связи артиллерийского полка.

Круземарк пробежал сводку глазами. Потом начал читать вслух:

— «Севернее Белгорода немецкие войска при поддержке авиации разгромили две танковые группы противника и продвигаются вперед. Контратаки крупных пехотных и танковых соединений, которые русские подтянули с других участков фронта и из тыла, по флангам наступающих немецких войск, а также сильные отвлекающие контратаки в районе восточнее и севернее Орла отбиты с тяжелыми для противника потерями».

Мойзель и Хельгерт молчали.

— Значит, причин волноваться нет. Отвлекающие контратаки в районе восточнее и севернее Орла отбиты с тяжелыми для противника потерями.

В это время советская артиллерия, по всей вероятности, начала пристрелку по новым целям. Стало неспокойно.

Полковник Круземарк решил, что настало время проститься с офицерами.

— Поехали, Альтдерфер, нам ведь еще надо в тяжелый дивизион. Посмотри, все ли в порядке у Пфейлера. Между прочим, обер-лейтенант Крюгер из четвертой убит на развилке дорог. Вы, Хельгерт, возьмите под свое командование его людей и орудия. И тогда у вас получится почти полная батарея. До свидания, господа!

Обер-лейтенант Альтдерфер решил не упускать удобного случая и, будто бы обращаясь к Мойзелю, сказал:

— Было бы неплохо, если бы господин Хельгерт в будущем проявлял немного больше заботы о технике. Я думаю, что даже при сравнительно небольших усилиях можно было в полном порядке вывести орудия из Березовца!

Мойзель стиснул зубы.

Полковник влез в вездеход и, подражая фельдмаршалу Роммелю, сдвинул автомобильные очки с фуражки на глаза.

— Бросьте, Альтдерфер. Об этом мы поговорим потом. Поехали, Шнеллингер!

Оставив длинный шлейф пыли, вездеход мгновенно скрылся из виду.

Хельгерт стоял как вкопанный.

Мойзель молча простился и пошел с людьми из своего штаба, чтобы где-нибудь подальше, в тылу, организовать командный пункт дивизиона.

В свинарнике Хельгерт приказал оборудовать главный наблюдательный пункт. Когда стемнело, гаубицы бывшей четвертой батареи уже смотрели своими стволами в сторону деревни.

Хельгерт возвратился только после полуночи. Вошел в свинарник. С толстых балок взлетели тучи мух. Луч карманного фонарика обер-лейтенанта заскользил по грязным, вспотевшим, измученным лицам. Зехтинг, Гей-

деман, Бендер... На несколько секунд луч задержался на его лице и потом погас.

Хельгерт повалился на солому. У него даже не было сил снять снаряжение. Спать, спать, спать... В мозгу стучала единственная мысль: обер-лейтенант Крюгер погиб у Аршакова. Это произошло на глазах у Эбергарда. Но это вовсе не значит, что и с ним должно что-нибудь случиться.

Рудольф Бендер осторожно поднял голову. «Почему старик так долго светил мне в лицо?» Он так и не смог заснуть снова. Долго зло ворочался с боку на бок. Снаружи совсем тихо. Не слышно ни единого выстрела. Лишь изредка откуда-то издалека доносился крик птицы да шаги часового. Бендер смотрел на едва различимую в темноте камышовую крышу свинарника. Перед глазами — Бюргер с разорванными кишками, Нимиш с раной в голове, вычислитель без обеих ног. Повсюду перекошенные от ужаса лица, изуродованные тела. А как изобразят в белоснежном гипсе эту скотскую смерть великие скульпторы — профессор Торак и Арно Брекер? Героически! Выставленные напоказ железные мускулы, достойные стального шлема! Медленно падает юноша, устремив взгляд в безбрежную высь, богатырь угасает под звуки страшного крика мести, вырвавшегося из раскрытых ртов, но их гневные мечи по-прежнему устремлены на восток. Каждый новый «Умирающий воин» олицетворял «великую Германию» и тактику, смысл которой в том, чтобы выстоять.

Ну а что создали народные поэты? Меллер ван ден Брук, добровольно отдавший богу душу после инфляции, Цеберлейн, Бальдур фон Ширах и мифолог Альфред Розенберг? И вот смерть вырвала сталь из его рук. Смерть сладка. Ее украшают цветы и волшебной красоты мелодии...

Бендер сомневался, что все те, кто погибли сегодня, пережили что-то возвышенное.

* * *

В первых лучах утреннего солнца из свинарника в бинокль были видны на горизонте темные силуэты четырех невзорванных стапятидесятимиллиметровых гаубиц двенадцатой батареи. А внизу, у товарной станции в Во-

рошилово, — танки, подорванные, по-видимому, кумулятивными зарядами. Там спали крепким сном солдаты, мотоциклисты, обозники и артиллеристы.

Вчерашний тыл сегодня стал передовой.

«В эти тихие утренние часы дивизии красных, видимо, набираются сил для нового наступления, чтобы следующим ударом сдуть нас, как пушинки, которые, хотя и не хотят лететь, в конце концов поддаются и которые неизвестно куда понесет», — подумал Хельгерт и распрямил ноющее тело. Он не спал и трех часов. Но это все же лучше, чем ничего.

Вокруг назойливо ползали мухи. Они лезли в телефонные трубки, в пакеты с неприкосновенным запасом, в ноздри. Никто не отгонял их — каждому хотелось поспать пару лишних минут.

* * *

Гитлер принял решение прекратить операцию «Цитадель».

Генерал-полковник Модель принял командование второй танковой и девятой армиями. За ночь ему удалось создать восточнее Орла сквозной оборонительный рубеж.

В районе Болхова создалось впечатление, будто советское наступление захлебнулось в ожесточенных боях, которые шли с переменным успехом.

На восточной дуге Модель подтянул две танковые дивизии и одну мотопехотную, чтобы выровнять линию фронта там, где вклинились русские.

В районе шестой батареи было относительно спокойно. Это значит, что в течение нескольких часов десятки тысяч снарядов обрушивались на ее позиции, но зато танковая атака, которой опасались больше всего, не состоялась.

Лейтенант Гегенбах с двумя телефонистами все утро сидел в противотанковых щелях бывшей системы обороны населенного пункта, которая отвечала всем требованиям наставлений. Ее создатели так и не испытали ее в ожесточенных боях. Они просто и быстро покинули ее.

Всякий раз, как только вблизи свинарника разрывались тяжелые снаряды, Хельгерт втягивал голову в плечи. Но вот один из танков нащупал наблюдателя артил-

лерийской батареи. Его башня повернулась. У головы Гегенбаха взметнулась грязь.

Телефонисты отползли в мелкий окоп. Гегенбах спрятался в круглой, сделанной согласно наставлению ячейке, в которой теоретически можно было уцелеть, даже если бы танк наехал на нее. Лейтенант пытался зарыться глубже в землю. Как только танковая пушка замолкала, он высовывался и командовал огнем. Каждый раз, когда ему приходилось прятать голову («тридцатьчетверка» посылала в его сторону новый снаряд), из телефона неслось сдавленное: «Ну поцелуй же меня в... !» Но вот «тридцатьчетверка», кажется, нашла более подходящую цель и оставила его в покое.

В полдень четырнадцатого июля танковые соединения русских снова продвинулись вперед на несколько километров, и свинарник вместе с мухами постепенно стал приближаться к передовой.

Хельгерт ждал сводку верховного командования. Радио «великой Германии» уже дважды объявляло о предстоящей передаче. И вот наконец она началась. Хельгерт прижал наушники поплотнее.

«В районе восточнее и севернее Орла Советы, получив подкрепления, вновь предпринимают упорные атаки. Бои, в ходе которых противнику, несмотря на большие потери, не удалось добиться успехов, продолжаются с еще большим ожесточением после того, как подошедшие немецкие резервы перешли в контрнаступление. За два последних дня здесь уничтожено свыше двухсот танков противника».

Досадливо махнув рукой, Хельгерт снял наушники. «Это же чепуха», — подумал он.

Когда диктор медленно повторял текст «для записи», Хельгерт вторично прослушал это место. Итак, они осмелились солгать тем сотням тысяч, которые участвуют здесь в боях!

* * *

На следующую ночь Моммер обнаружил передки шестой батареи. Ефрейтор был на грани полного изнеможения. Он снова нашел своих ребят, и радость переполняла его. Он одним духом выпалил историю своего удачного бегства, но встретил лишь равнодушные кивки — и не больше. Все были заняты собой.

Моммер с большим трудом держался на ногах, но все же направился к свинарнику. Он непременно хотел видеть обер-лейтенанта Хельгерта, чьим лучшим другом был унтер-офицер Баум. Он знал об этом.

Моммер закончил доклад. Обер-лейтенант молчал. Он даже не пошевельнулся, когда услышал:

— Эбергард Баум убит.

Радист видел, как офицер проглотил комок, застрявший у него в горле. Моммер почувствовал жжение в глазах от сочувствия к горю обер-лейтенанта и еще потому, что ему вдруг стало жалко самого себя.

Командир батареи взял наконец себя в руки. «Хватит, никаких сантиментов,— решил он.— Надо сдержать эти глупые слезы. Я уже ничего не вижу правым глазом. А Моммер выглядит так, будто только сейчас выскочил из могилы».

— Парень, у тебя такой видик...— Голос обер-лейтенанта оборвался.

Моммер махнул рукой. Сделал несколько глотков шнапса. Закурил. После второй затяжки сигарета выпала у него из руки. Обессиленный, он тотчас же заснул.

На следующее утро Хельгерт подсел к Моммеру, который все еще спал на соломе, и попытался разбудить его. Встревоженные мухи тучей взмыли вверх.

Через некоторое время Моммер пришел в себя и рассказал о последних минутах унтер-офицера Эбергарда Баума.

— И ты думаешь, он был мертв?

— Господин обер-лейтенант, туда же можно было засунуть две руки!

— Куда он был ранен? В таз или ниже?

— Это был, наверное, здоровый осколок. Он вошел точно между лопаток и, возможно, потом пошел вниз вправо,— отметил Моммер. «Почему не оставить ему хоть небольшую надежду?»

— Но ты же не был рядом с ним?! Может быть, он просто потерял сознание?

Моммер покачал головой:

— Если он и был без сознания... то наверняка не пришел в себя!

— Ты уверен?

— Я бы с большим удовольствием доложил вам что-нибудь более приятное, господин обер-лейтенант!

Фриц Хельгерт не хотел верить в гибель друга.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Посреди комнаты с голыми стенами, до самого потолка выкрашенными в серо-зеленый цвет, с полом из пластика, на котором видны слабые полосы, будто его только что натерли, стоял громоздкий неполированный письменный стол. Такие столы в мебельных магазинах продают по удешевленным ценам. На столе — телефонный аппарат со скрученным проводом, два остро отточенных карандаша, несколько листов лощеной бумаги и настольная лампа. Массивная черная лампа с пятисотсвечовой лампочкой, направленной на стоящий перед столом желтый стул. Можно было подумать, что вчера или позавчера кто-то работал здесь и, чтобы слишком яркий свет не резал глаза, отвернул лампу в сторону. И, как символ благополучия и роскоши, у стола стояло роскошное кресло с выгнутыми подлокотниками, на котором лежали две шелковые подушки: одна в сине-белую полоску, другая в ярких китайских цветах.

Это была одна из комнат главного управления имперской безопасности, располагавшегося на Принц-Альбрехтштрассе в Берлине. Большинство же комнат находилось в подвале, где, в случае если допрос заключенного не давал желаемых результатов, его подвергали «специальной обработке».

Эсэсовские молодчики, служившие в этом управлении, исполняли свои обязанности скрупулезно. Иначе и быть не могло. Разве может быть предел фанатизму и усердию, если речь идет о повышении оклада, внеочередном отпуске и продвижении по службе?! Да разве иначе здесь, в тылу, заработаешь медаль или орден? Поэтому никакого различия в понятиях «суровость», «жестокость» и «зверство» здесь не существовало.

Унтер-шарфюрер Шульте, присланный сюда для участия в сегодняшнем допросе, ждал гауптштурмфюрера Фидлера. «Молодой, а способный, пес, и с чертовски острым нюхом», — с восхищением и завистью подумал

о нем Шульте. Через несколько минут должны были привести подследственного заключенного. Шульте ни разу не видел его, но знал: если допрос ведет Фидлер, обязательно будет что-нибудь интересное.

Шульте сидел у окна и клевал носом. Он страшно хотел (это было его самым большим желанием) стать когда-нибудь настоящим криминалистом. Прежде он служил в полку СС «Адольф Гитлер», но перед самой войной (по его просьбе) был переведен сюда. За это время Шульте познал почти все тонкости допроса. Но по-прежнему был недоволен собой. То ли дело криминалист, чиновник уголовного розыска! А здесь, в этой дыре, за все время его службы не произошло ничего интересного. Все одно и то же. Каждый раз заключенных приводят на допрос, а после допроса уводят обратно в камеру. Его обязанность заключалась в том, чтобы заставить заключенного заговорить и вытянуть из него несколько нужных следователю имен. Как правило, это удавалось ему без особых хлопот. Как складывалась судьба заключенных после допросов — это унтер-шарфюрера Шульте не интересовало.

Случалось, конечно, и так, что некоторые заключенные, которых считали давно погибшими, вдруг оказывались живыми. Их (конечно, под чужими именами) использовали тогда, когда не удавалось распутать какое-нибудь сложное дело или, наоборот, когда нужно было запутать дело настолько, чтобы и сам черт не нашел концов. На допросах такие люди быстро становились послушными «свидетелями», а если надо, то и «изобличенными злоумышленниками».

В толстых папках главного управления имперской безопасности хранились дела о заговорщиках, связанных с Женевой и Стокгольмом или одержимых надеждой, что покушение на Гитлера когда-нибудь удастся осуществить.

А коммунисты! Везде они лезут, находят с людьми общий язык, агитируют их, что-то организовывают, пока что-нибудь не случится. Всюду, где только можно, они пытаются ставить палки в колеса. Здесь, в застенках, они почти всегда молчат, держатся как железные. Сколько сил тратилось, чтобы заставить их говорить! И все напрасно. Молчат, Скорее язык себе откусят, чем слово вымолвят!

Держа под мышкой папку, через двор быстрой, пружинистой походкой хорошо натренированного спортсмена шел гауптштурмфюрер Фидлер. Увидев своего начальника, Шульте бросился к двери, услужливо распахнул ее, а когда гауптштурмфюрер подошел ближе, доложил:

— Унтер шарфюрер Шульте к допросу арестованного Фердинанда Бекера готов!

Вскинув небрежно руку вверх и бросив на стол папку с надписью «Бекер», гауптштурмфюрер опустился в кресло и начал просматривать материалы предыдущих допросов. Читая, он делал пометки. «Типичный случай. Член КПГ. В прошлом ремесленник. Окончил пять семестров школы Гауса. Почти инженер. Последнее время работал в лаборатории. Отзывы положительные. Одна из птиц с танкового завода «Норд».

С каждым днем это предприятие доставляло ему все больше хлопот. Выход из строя большого генератора. Взрыв шахты на электростанции. Постоянно увеличивающийся брак, из-за которого сильно падает выпуск продукции. Но больше всего гауптштурмфюрера беспокоило то, что даже изделия, прошедшие контроль, вскоре после приемки оказывались никуда не годными.

Гауптштурмфюреру Фидлеру были известны случаи, когда при контрольном отстреле некоторых типов артиллерийских боеприпасов огромное количество снарядов не разрывалось. Он знал, что целые партии танков после сравнительно непродолжительной эксплуатации выходили из строя потому, что какая-то деталь или оказывалась слишком непрочной, или была плохо выполнена в конструктивном отношении. Фидлера ставили в известность о том, что летчики некоторых эскадрилий отказывались летать на машинах того или иного типа потому, что количество самолетов, гибнущих при очень странных обстоятельствах, иногда превышало число боевых потерь. Все это должны были выяснить органы, ответственные за безопасность рейха. В их задачу входило определить причины неполадок, устранить их и, разумеется, привлечь к ответственности виновных.

Фидлер кивнул. Нить, которая вела к раскрытию заговора на танковом заводе, ему все же удалось найти. Все началось с того, что Левандовский, член национал-социалистской партии, после того как сгорел главный

кабель, сообщил фамилии нескольких подозреваемых лиц. Их соответствующим образом просеяли. Некоторых повесили. Но все это была мелочь, тощие красноперки. До жирных окуней добраться не удалось. Гауптштурмфюрер интуитивно чувствовал, что в этой операции ему еще не удалось схватить основного виновника.

Все началось с того, что один из доверенных, постоянно работающий на танковом заводе, однажды утром заметил, как в деревянный ящичек, прибитый в уборной для совершенно определенной цели, кто-то положил бумажку и, спокойно выйдя из будки, не торопясь пошел своей дорогой. Доверенный, решив воспользоваться этой бумажкой, заметил, что это листовка, призывающая к свержению правительства. И когда этот идиот со спущенными подтяжками выскочил из уборной, тот человек, конечно, уже исчез.

По доносу доверенного было арестовано много рабочих, хоть чем-то похожих на положившего листовку. Схватили и Фердинанда Бекера. Членов национал-социалистской партии и штурмовиков, арестованных случайно, Фидлер уже освободил. Его не интересовали и те, которые с готовностью могли дать какие угодно показания и во всем признаться. Нет, такие ему были не нужны. Он хотел докопаться до корня, раскрыть на танковом заводе всю подпольную сеть. В том, что она существует, Фидлер не сомневался.

После этого случая на заводе произошла еще одна странная история. О ней Фидлеру сообщили из дирекции. Генеральному директору завода кто-то прислал по почте конверт с фотокопией листовки и небольшую записку, в которой говорилось, что вот уже в течение нескольких недель на заводе распространяются такие листовки.

Судя по штампу, конверт опустили в почтовый ящик у Силезского вокзала. Текст листовки был уже давно известен Фидлеру, но сам экземпляр представлял особую ценность.

Ввели Фердинанда Бекера. Фидлер не спеша закрыл папку с делом. «Унтер-штурмфюрер Лейстиков не справился со своей задачей, — подумал Фидлер, — не довел дело до конца». Да и вряд ли он мог это сделать. Дело

необычное и под силу только ему, гауптштурмфюреру, хорошему специалисту по таким делам.

Начинать допрос Фидлер не торопился. Он умел подготавливать арестованных к допросу и хорошо знал, что психологическая обработка, пожалуй, самое главное, после чего можно без особых трудов добиться желаемых результатов. Угрозами, порождающими страх, обещаниями, вызывающими иллюзорные надежды, нетрудно заставить заговорить любого человека.

Фердинанд сел на стул, стоявший перед письменным столом. До сих пор с ним обращались довольно сносно. Во всяком случае, не слишком плохо, хотя часовые и надзиратели не упускали случая исподтишка больно ударить его по чувствительному месту. А ведь у человека так много чувствительных мест... Голень, почки, глаза.

Бекер старался оценить своего противника в эсэсовской форме: «Блондин. Благородное лицо. Бледен. Продолговатый череп. Уголки рта слегка опущены. Глаза синие, как у куклы. Брови светлые, с легким изломом. Но какие руки! Как выхолены! Неужели этими руками он бьет людей? Куда? В лицо или в живот? Вероятно, за него это делает унтер-шарфюрер, который, как манекен, застыл у двери. Этот — настоящий сундук неотесанный. Таких вышибал мы видели задолго до тридцать третьего года. Их политический кругозор, как правило, не выходит за пределы боксерского ринга.

Вот гауптштурмфюрер совсем другого типа. Это продукт теории Ницше о «сверхчеловеке». Интеллектуально развитый и в своем воспитании выведенный за тот рубеж, где любые нарушения нравственности со стороны господствующих классов, касты «избранных», считаются вполне допустимыми и легко оправдываются. Это образец будущего носителя власти в новой Европе, которую в бредовых мечтах рисует себе фюрер.

Сидя за письменным столом, такой гауптштурмфюрер убивает людей одним росчерком авторучки, убивает в одиночку и группами. И все это он делает ради профилактики, чтобы уже сегодня ликвидировать своих послезавтрашних противников. Не моргнув глазом, он убивает сотни своих соотечественников во имя торжества морали своего класса».

Фердинанд решил держать с ним ухо востро.

Эсэсовец чувствовал, что Бекер наблюдает за ним. Он предоставил ему эту возможность и со своей стороны попытался проанализировать ход мыслей заключенного. «Его, безусловно, беспокоит то, — рассуждал про себя Фидлер, — что сегодня будет допрашивать старший офицер. Из этого он, разумеется, уже сделал для себя вывод: положение его значительно ухудшилось. Поэтому он обязательно попытается еще раз представить дело безобидным, так, как делал это на предыдущих допросах. Быстро повторит прежние показания, боясь запутаться в деталях, а необходимость быть готовым ко всяким неожиданностям рассеет его внимание. Тогда-то его и нужно как следует обработать — и он заговорит».

Фидлеру нравилась эта немая игра, особенно с людьми, которые еще сохраняли способность сопротивляться.

И чем сильнее оказывалось сопротивление, тем дольше продолжался процесс истязаний и унижений, доставлявший Фидлеру огромное наслаждение, ибо здесь он получал возможность показать свою власть. Наделенный богатой фантазией и изобретательностью, Фидлер находил самые разнообразные формы ее проявления. Видеть перед собой врага и с улыбкой подавлять в себе волну ненависти доставляло гауптштурмфюреру бóльшее удовольствие, чем переспать с хорошенькой женщиной.

На сегодня он поставил перед собой задачу добиться от Бекера хоть какой-нибудь реакции. На большее он пока не рассчитывал.

Другие рабочие с танкового завода, которых он допрашивал раньше, оказались «пустыми орешками». Все они заявили, что читали листовку только из любопытства. Прочитав же, так перепугались, что не только не поняли смысла написанного, но и не заметили этой приписки. Слушая подобные объяснения, Фидлер убеждался, что напал не на того человека, который ему нужен. Но Бекер... Этот слеплен совсем из другого теста.

Чем чаще гауптштурмфюрер поглядывал прищуренными глазками на Бекера, тем сильнее ощущал наполнявшее его грудь чувство удовлетворения своим открытием.

— Я еще сегодня перед обедом хотел отпустить вас, — начал Фидлер, перелистывая дело Бекера. — Но кое-какие неясности в вашем деле заставили меня повременить. Мне очень жаль, что вы впутались в эту глу-

пую историю. Хотелось бы надеяться, что вы мне все объясните.

«Неплохо начал, — подумал Бекер. — Говорит, как начальник с подчиненным, — спокойно, рассудительно. Тем опаснее... Впрочем, это пустые слова. На них и ответить нечего».

— Я думаю, мы быстро решим все вопросы. Вы, конечно, не будете возражать, если мы вас немного задержим. Ведь речь идет о наших общих интересах, о безопасности нашей империи!

Любезно улыбаясь, Фидлер продолжал:

— Начнем с мелочей. Этот вопрос к вам, вероятно, никакого отношения не имеет. Но и его надо решить.

Он открыл дело и повернул папку к Бекеру, но так, чтобы Фердинанд со своего стула ничего не мог разглядеть.

— Пожалуйста, прочтите еще раз!

Медленно подвигая раскрытую папку к Бекеру, гауптштурмфюрер внимательно следил за выражением его глаз.

Увидев на фотокопии слова, написанные от руки, Фердинанд вздрогнул.

В этот момент Фидлер с силой ударил его по лицу. Ударил своей выхоленной рукой. «Значит, текст листовки ему знаком, — сделал вывод Фидлер. — Всю листовку быстро пробежал глазами, а на рукописной строчке почему-то остановился. Если я не ошибаюсь, его реакция свидетельствует о том, что он причастен к этому делу. Удар его нисколько не ошеломил и не испугал. Значит, и это не явилось для него неожиданностью. Он принял удар как боец, который знает, что самое главное еще впереди. Вместо страха в его глазах появились упрямые искорки. Возможно, это уже след, а может быть, еще и нет».

Делая вид, что ничего особенного не произошло, Фидлер закрыл папку и со скучающим видом стал рассматривать ногти на выхоленных руках. На лице — ни малейшего признака торжества.

В левом ухе Фердинанда звенело. Перед глазами все еще стояла строка: «Сегодня в 9 вечера на углу Бреслауерштрассе и Коппенштрассе. Курт».

«В папке у эсэсовца, — размышлял Бекер, — копия листовки, оригинал которой Клавдия получила от Дерн-

берга и передала мне. На листовке были написаны время и место встречи Клавдии с Дернбергом. Листовку я в тот же вечер сжег.

Гауптштурмфюрер тут меня перехитрил. Я был готов ко всему, но только не к этому. Меньше всего я рассчитывал увидеть у него листовку. Поэтому и заволновался. Эсэсовец сразу же заметил это. Но подобного со мной больше не случится! Если этот малый рассчитывает услышать от меня хоть слово о Клавдии, то он глубоко ошибается. Он умышленно тянет, чтобы я стал податливее».

Клавдия или Дернберг? Кто же передал листовку властям? Если это сделала Клавдия, тогда Фидлеру нечего было бы «обрабатывать» его. Значит, Дернберг. Это определенно дело его рук. «Но ведь он совсем не знает меня, — продолжал свои размышления Фердинанд. — Почему я оказался замешанным в это дело? Не понимаю. Ни я, ни Руди не предполагали, что зенитчик может передать фотокопию службе безопасности. Не выдал ли он этим Клавдию? Может быть, мое имя они выжали из нее?» При этой мысли Бекера бросило в жар. Он вытер носовым платком шею, лоб. «Пожалуй, это так и было, — подумал он. — Иначе и быть не может. Бедная девушка!»

«Надо дать ему время подумать, — рассуждал Фидлер. — Спешить не следует. Но ему, кажется, уже стало жарко».

Машинально гауптштурмфюрер бросил рассеянный взгляд на фотокопию листовки. На ее обратной стороне стояла обычная круглая печать войсковой части вермахта: «Авиафотолаборатория». Но номер части был выскоблен. «Почему же, собственно говоря, — рассуждал эсэсовец, — анонимный автор стер номер части, а рукописную строку, раскрывающую место и время встречи двух лиц, при фотокопировании не прикрыл? Может быть, он написал эти слова позднее? Считает ли он их ничего не значащими, или они написаны с определенной целью? Все это пока еще не ясно. Но тем не менее нельзя сказать, что мне не повезло. Во всяком случае, я наконец-то напал на человека, который не только знаком с листовкой, но и — что очень важно — знает значение вписанных слов».

— Не хотите ли вы, господин Бекер, что-нибудь ска-

зать мне? — посмотрев на Фердинанда, дружелюбно спросил Фидлер.

— У вас довольно своеобразная манера беседовать. К ней надо привыкнуть.

— Вы будете иметь такую возможность.

— Не понимаю почему.

«Надо задавать ему больше вопросов и попытаться выяснить, насколько он крепок. — Фидлер стал сосредоточенно рассматривать свой карандаш.— Это, правда, отнимет немало времени, но зато я лучше узнаю его нутро».

«Сейчас он начнет допрос, — думал Бекер. — В тот вечер, когда Клавдия шла с Дернбергом к Силезскому вокзалу, фотокопия была уже отправлена».

— Вы знакомы с Куртом?

— Куртов на свете много.

Нижняя губа Фидлера вытянулась и стала тоньше.

— Знаете ли вы того Курта, которого мы оба имеем в виду?

— Нет.

— Он ваш родственник или хороший друг?

— И ни то, и ни другое.

— Вы когда-нибудь встречались с ним?

— Нет.

— Знаете ли вы человека, с которым Курт хотел встретиться?

— Конечно нет.

Фидлер слегка прищурил глаз.

Через секунду Шульте нанес Бекеру удар, который оборвал мысли Фердинанда. Ему показалось, что голову рассекло что-то нестерпимо горячее. Судорожно сжимая руками край сиденья стула, он подумал: «Как в тысяча девятьсот двадцать девятом, на майской демонстрации. Но тогда меня выручили товарищи».

Рассматривая свои красивые ногти, гауптштурмфюрер продолжал:

— Вам знакома эта листовка?

— Нет. Впервые вижу. — Голос Бекера стал хриплым.

— А вам случайно не известно, кто печатает эти листовки?

— Нет.

— Или распространяет?

— Нет.

— Мы, пожалуй, смогли бы с вами договориться, господин Бекер. На всем этом деле будет поставлен крест, если... Чем занимаются ваши друзья?

— Большинство из них сидит сейчас в концентрационных лагерях. Там вы можете поговорить с ними в любое время. — Упорство Бекера росло.

Фидлер снова прищурился.

Моментально среагировав, Шульте взмахнул стальным прутом и трижды ударил Фердинанда по затылку.

«Только не кричать, — уговаривал себя Бекер. — Крепись! Если закричишь, можешь выкрикнуть имя. Возьми все на себя. Пусть терзают. Ты же сильнее их. У них власть, но не победа! Если он еще раз ударит по тому же месту, все равно...»

— Ну, а другие? Другие, которых мы еще плохо знаем?

«Как сладко пахнет кровь. Почему здесь не висит портрет Гитлера? Надо надеяться, он не включит эту проклятую лампу? От света будет так же больно, как от горящих ран на затылке. Свет будет резать глаза. А если это будет продолжаться несколько часов, он сведет меня с ума».

— Что вам дали ваши товарищи? Одни только неприятности. Мы были бы рады, если бы смогли изъять из вашего дела документы, свидетельствующие о том, что вашим вождем некогда был Эрнст Тельман.

«Лицо эсэсовца стало большим. Расплылось. Под левой бровью маленький шрам... Точно, в уголке века... Наверно, в детстве наскочил на что-нибудь... Он был, пожалуй, красивым ребенком... Кудрявый, краснощекий... И всегда сытый...»

— Мы могли бы с вами сотрудничать. Отлично сработались бы. Например, на танковом заводе.

Бекер сжал губы и отрицательно покачал головой.

Следующий удар пришелся по правой щеке, оставив на ней рубец до самого виска. На мгновение Фердинанд потерял равновесие. Большая настольная лампа вдруг поплыла у него перед глазами. Но это быстро прошло. Только лицо сидящего за столом эсэсовца стало еще больше. На лице появилась улыбка, которая становилась все шире... и шире... Улыбка исказила глаза, нос, рот... Какой отвратительный циничный рот...

— Никто не сможет упрекнуть нас в том, что мы не стремимся идти в ногу с требованиями эпохи. — Голос Фидлера стал тихим и мягким. Медленно натягивая кожаную перчатку, он продолжал: — Вы, конечно, понимаете, что сегодня ваше освобождение не может состояться по техническим причинам. Я искренне сожалею об этом и предлагаю — надеюсь, вы не будете возражать — продолжить наш разговор завтра. А пока я с удовольствием предоставляю вам время, чтобы вы могли прийти в себя и немного подумать.

Фердинанд молчал. «Разговор между нами кончится только тогда, когда будет положен конец кровавой работе тебе подобных. Или когда вы затянете веревку на моей шее. Но дело не во мне. За мной стоят миллионы. Объективный закон развития общества, определяющий вашу неизбежную гибель, на моей стороне».

Небрежно кивнув своему помощнику, гауптштурмфюрер направился к выходу. Шульте схватил Фердинанда за шиворот и рванул вверх. У дверей Фидлер обернулся.

Он уже сбросил с себя маску, и сейчас на его лице застыло выражение звериной жестокости:

— Знай же, поганая свинья! Один раз ты от меня ушел. Но только раз. На следующем допросе ты будешь визжать и просить разрешения говорить. Ты познакомишься с такими штучками, какие тебе и во сне не снились. На коленях будешь ползать передо мной и умолять, чтобы тебя пристрелили!

На следующий день тюремщик решил, что тащить Фердинанда Бекера в камеру после допроса не имеет смысла.

— У нас здесь не морг, — недовольно пробормотал он. Такого же мнения были и выводные.

Коммунист Фердинанд Бекер ничего не сказал и на этом, последнем, допросе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Под мощными ударами советских войск, наступавших с севера, востока и юга, фронт на орловском плацдарме все сокращался. С каждым часом нарастала сила натиска советских танков. Сметая на своем пути все, они врывались в опорные пункты немецких войск,

метким огнем и гусеницами уничтожали живую силу и технику. Советская авиация наносила бомбовые удары по главной полосе немецкой обороны и по путям отхода потрепанных гитлеровских частей. Артиллерия беспрерывно сыпала град снарядов, разрушая систему обороны и лихорадочно возводимые по ночам новые оборонительные сооружения, уничтожала транспортные колонны и боевую технику. Повсюду валялись трупы, убирать которые было некогда и некому.

В середине июля советские танковые части начали наступление в южном направлении. Прорвав немецкую оборону, они вышли в тыл группировке немецких войск в районе Орла и перерезали главную коммуникацию — железнодорожную линию Брянск — Орел, по которой осуществлялось снабжение немецких войск.

За несколько дней советские войска оттеснили вражескую группировку и восстановили положение, которое занимали до начала наступления, а затем начали развивать свой успех.

Немецкие дивизии уже не маршировали стройными колоннами и не шли уверенным шагом. Они теперь беспорядочно отходили на запад. Каждую ночь на несколько километров. Отходили и днем.

С лихорадочной поспешностью главное командование немецких сухопутных сил стягивало с других фронтов все, какие только можно было, войска и перебрасывало их в район Орла, все еще рассчитывая остановить наступление Красной Армии. Тот, кто еще был способен носить оружие, несмотря на крайнюю усталость, продолжал сражаться. Десять атак и контратак на одном участке в один день не были редкостью.

Всем было ясно, что исключительно важные тысячи квадратных километров территории, вырванные у немецкого вермахта, в недалеком будущем могут увеличиться.

Генерал-полковник Модель, всегда носивший короткое кожаное пальто, тросточку и совершенно лишний в боевой обстановке монокль, в последних числах июля добился наконец разрешения фюрера отвести войска с орловского плацдарма.

Скрепя рессорами и подпрыгивая на ухабах, по широкой полевой дороге шла открытая легковая маши-

на. После проливных дождей и непогоды наступили солнечные дни, и грязь на дорогах быстро подсохла. Для гусеничных и колесных машин, и прежде всего для артиллерийских тягачей, штурмовых орудий и танков, это имело немаловажное значение: темп их передвижения повысился. Густая пыль, длинными шлейфами тянущаяся за машинами, стелилась над изрытой землей и медленно оседала на желтые, чахлые поля.

Жаркое августовское солнце и пение птиц напоминали о том, что на свете существует не только война, несущая с собой смерть и разрушения. Есть еще и жизнь, светлая и радостная.

Фриц Хельгерт чувствовал, как постепенно исчезало напряжение последних недель. Ему стало жутко оттого, что здесь, в каком-нибудь десятке километров от передовой, он может спокойно ехать на машине. Сюда почти не долетают снаряды русской артиллерии, и ему не надо бегать в укрытие. И тем мучительнее становилась та душевная боль, которая не оставляла Хельгерта с тринадцатого июля, когда погиб его друг Эбергард. Иногда ему казалось, что уже прошло несколько лет, что он снова слышит последние, доносящиеся издалека слова Эбергарда. Слова, произнесенные им в ту ночь, когда на старой огневой позиции все зависело от телефонной связи. Сегодня, немного успокоившись, Хельгерт быстро сел в машину и поехал в тылы, чтобы написать письмо родителям Эбергарда — все, что ему оставалось сделать как товарищу.

Он сидел в полуразрушенной крестьянской избе и писал. С улицы доносились голоса солдат, деловито обсуждавших трудности солдатской жизни. Внизу у пруда другие солдаты кричали на лошадей. С громким ржанием стреноженные кони устало плелись по полю. Несколько немецких самолетов, тяжело груженных бомбами, надрывно гудя, медленно ползли по небу в сторону фронта.

Подперев голову руками, Хельгерт задумался. Все окружающее его вдруг потеряло свое прежнее значение.

Он положил на стол лист бумаги, разгладил его рукой и начал писать. Скрип пера доставлял ему почти физическую боль. Буквы ложились неровно. Фразы получались какие-то деревянные, сухие. Казалось, они не хотели передавать страшный смысл случившегося.

Сколько раз приходилось ему писать такие письма! И каждый раз он писал: «Он был счастлив, что судьба поставила его в первые ряды творцов новой империи. С непоколебимой верой в счастливое будущее вступил он в бой и был до конца предан фюреру, который делает все для достижения блистательной победы!» Да, примерно так он и писал всегда. «А Эбергард Баум?» Хельгерт задумался. «Может быть, следует написать, что осколком снаряда ему перебило позвоночник и, истекая кровью, он скончался? Но ведь самое страшное, пожалуй, не это. Лучше написать, что Эбергард давно понял бессмысленность происходящего, но не нашел в себе мужества... Может быть, унтер-офицерские погоны и Железный крест удерживали его от решительного шага... Но этого никто не должен знать. Тем более родители и невеста».

Хельгерту ничего не оставалось, как написать, что в лице Эбергарда он потерял друга, которого никогда не забудет.

По щеке скатилась одинокая слеза. Хельгерт вытер ее рукавом и закурил. Подошел к окну. На востоке в голубое небо поднимались столбы черного дыма.

«Проклятые письма о геройской смерти! — Невидящим взглядом Хельгерт смотрел в сторону пожаров.— Тот, кто пишет, что здесь, за тысячи километров от родины, смерть — высшее проявление исполненного долга, врет!»

Хельгерту вдруг показалось, что через запыленное окно крестьянской избушки на него смотрит мертвыми неподвижными глазами обер-вахмистр Зенфлебен в пробитой осколком каске и с глубокой кровавой раной через все лицо.

И хотя обескровленное лицо обер-вахмистра оставалось неподвижным, Хельгерт отчетливо услышал звонкий голос Зенфлебена: «Вы не забыли, господин обер-лейтенант, что написали моему отцу в Дегерлох? Вспомните-ка: «Обер-вахмистр Зенфлебен, верный своему долгу перед фюрером, народом и империей, пал смертью героя на Восточном фронте. Личный состав батареи навсегда сохранит о нем светлую память. Он был одним из лучших! Хайль Гитлер! Подпись: командир батареи обер-лейтенант Хельгерт». Почему же вы не написали, господин обер-лейтенант, что в момент гибели я был мертвецки пьян? Нализался, как парши-

вая... Да что об этом говорить! Вы это сами знаете. А написать, что именно вы загнали меня под этот адский огонь, у вас, господин обер-лейтенант, конечно, не хватило духу!

Кто виноват, что я не остался в окопе? Разве я сам оттуда ушел? Если бы я остался в окопе, со мной ничего не случилось бы. Всю ответственность за мою смерть вы, значит, с себя сняли. Но совесть вас все же немного мучит, не правда ли? Вместо того чтобы гнать меня из окопа для укрепления морального духа, вам следовало оставить меня в покое, дать мне возможность проспаться где-нибудь в уголке. Тогда я снова был бы в строю. А сейчас?.. Сейчас мне дьявольски холодно, господин обер-лейтенант. Давно... Да и глазам больно. Ведь оба глаза мне как железными когтями вырвало. Теперь я могу обещать вам только одно, господин обер-лейтенант: когда вы сюда попадете, мы славно отпразднуем ваш приход».

Обер-вахмистр громко рассмеялся, но лицо его осталось неподвижным.

Резкая боль вернула Хельгерта к действительности: горящая сигарета больно обожгла ему палец.

— Нервы сдают! — прошептал он. — Этого никогда не забудешь. Так же как и тринадцатое июля.

Утром тринадцатого июля, сидя на своем наблюдательном пункте на высоте 228 и наблюдая в стереотрубу за полем боя, он знал, что русские пытаются прорвать немецкую оборону и захватить Орловский выступ. Когда же в этой безнадежной обстановке майор Мойзель приказал им держаться до последнего человека, а сам со штабом дивизиона сбежал в тыл, обер-лейтенанту пришла в голову шальная мысль показать всем, на что он способен. В тот момент в нем говорило тщеславие.

Батарея, разумеется, понесла большие потери. Часть личного состава погибла. «И во имя чего?» — тяжело вздохнув, спросил себя Хельгерт. Он не знал, как ответить на этот вопрос. Он еще многого не знал. Стрелять, бить, колоть, рубить, ходить строевым шагом — единственное, чему он до сих пор научился.

Он посмотрел на письмо. Последняя строчка уже давно высохла. Вдали снова послышался рокот моторов — самолеты возвращались с бомбежки.

Хельгерт долго думал, стоит ли писать о происшедшем Клавдии. Еще совсем недавно она прислала Фрицу письмо, в котором просила позаботиться об Эбергарде. Наконец он решил, что родители Эбергарда сами сообщат девушке о случившемся.

Хельгерт еще раз посмотрел на запечатанный конверт и, ссутулившись, вышел на улицу. Ни с кем не прощаясь, он сел в машину и поехал выбирать новую огневую позицию для батареи.

Над городом вот уже несколько дней висело густое черное облако дыма. Бесконечные взрывы то и дело вздымали в воздух новые столбы дыма и пыли. Офицеры штаба армии и корпуса, которым было поручено разрушить города, проводили эту операцию с большим усердием. Опыт «выжженной земли», накопленный за последние годы, нашел здесь свое применение.

Через весь город на запад торопливо шли колонны. По шоссе, ведущему в сторону тыла, вот уже несколько дней ехали машины тыловых учреждений, торопясь как можно быстрее укрыться за Десной. Угроза окружения надвигалась с неумолимой быстротой. Многие считали, что после разрушения города пройдет всего несколько дней — и Орловский выступ будет полностью ликвидирован.

«Война пожрала столько людей, — думал Хельгерт, — почему бы ей однажды не проглотить и меня? Может быть, это было бы даже к лучшему. Тогда, по крайней мере, не нужно было бы решать никаких проблем. Так пышно, как хоронили Мельдерса или Рейхенау, меня хоронить не будут. Придет пастор, скажет несколько слов о царстве небесном и господе боге. А что такое, собственно говоря, бог? Для меня бог — это дрозд, который бесконечно сидит на ветке и поет во время боя и не стреляет в меня. Бог — это цветы, красивые и таинственные, от которых не надо прятаться в блиндаж. Бог — это мерцающий свет звезд, с которых не сыплется фосфор, заживо сжигающий людей. Разве я могу поверить, что это человек с вьющейся седой бородой, имеющий где-то за облаками свое утопическое небо, в то время как это самое небо день и ночь бороздят штурмовики и бомбардировщики?!

Но что же тогда есть? Неужели только долг, верность, честь, дисциплина и повиновение? Или, может

быть, эти выкрашенные в теплые тона вывески, на которых написано «родина» и «отечество»? Не должен ли я избавить своих солдат и их семьи хотя бы от тех бед и страданий, которые мы здесь каждый день причиняем другим? Мы — это не только моя батарея и не только наш полк. Мы — это каждый из нас. Мы — это все, и прежде всего эсэсовские команды особого назначения, орудующие в тылу. Найдется ли хоть один человек, который может без содрогания смотреть, как горят охваченные огнем деревни, как женщины, старики и дети с глазами, полными ненависти и слез, сидят на краю поля, забыв в своих страданиях даже гложущий голод? И все это, как неумолимое возмездие, когда-нибудь придет и к нам, в Германию.

А тогда? Что будет тогда? Тогда Германия покроется густым лесом виселиц. Тогда каждого офицера спросят: «А ты? Что делал ты? Ты ведь тоже вторгся в чужую страну, сеял там смерть, разрушал города и села!»

От этих мыслей у Хельгерта по спине пробежали мурашки. Но он быстро подавил внезапно охватившее его чувство страха, которого он еще не знал.

— Да и кого в этой суматохе может интересовать то, что будет позже? — вслух спросил себя Хельгерт.

Он остановил машину, слегка замаскировал ее и спустился к реке. Здесь, в километре от берега, Хельгерту предстояло выбрать новую огневую позицию.

Русская артиллерия, видимо, сменила огневые позиции и теперь вела пристрелку. На поле то и дело рвались снаряды легких орудий.

Хельгерт долго смотрел на понтонный мост через реку, у которого скопились люди, повозки, машины.

Второму дивизиону полка было приказано оставаться на восточном берегу до последнего момента и переправиться через реку не раньше ночи. Выше по течению реки был шоссейный мост. И через него сплошным потоком шли отступающие войска. На северной окраине города саперы спешно наводили еще одну переправу.

Ежеминутно счетверенные зенитные установки выплевывали снопы трассирующих пуль, стремясь не допустить к переправам беспрерывно атакующих русских штурмовиков. Саперы, нетерпеливо ожидавшие приказа на отход, с завистью поглядывали на погрузочные платформы, от которых эшелоны с последними немец-

кими танками уходили на запад. До восточной окраины города начал доноситься хотя и слабый, но уже хорошо слышимый шум моторов советских танков.

Танки вызывали у фронтовиков беспокойство. Они уже прочувствовали разницу между немецкими танками с кричащими наименованиями и скромным советским танком Т-34, который со все большей убедительностью доказывал, что он — самый совершенный из всех типов современных танков. В то же время хваленые «фердинанды», «носороги», «тигры», «пантеры», «шершни» и «ягд-пантеры» с каждым днем появлялись все реже и реже. Количество же танков, построенных на Урале, в Казахстане и еще где-то, непрерывно увеличивалось.

С понтонной переправы до Хельгерта доносились обрывки брани, крики. Какая-то колонна с боеприпасами направлялась на восточный берег, но ее остановила сплошная масса спешащих в тыл повозок и машин.

По разъезженной дороге Хельгерт спустился вниз, к реке, и, вытащив из кобуры пистолет, начал орать на ездовых, торопящихся на запад. Через несколько минут их лошади были загнаны в прибрежный песок — и тогда повозки, тяжело груженные боеприпасами, прошли на восточный берег реки.

«Снаряды для стапятимиллиметровых гаубиц», — подумал обер-лейтенант.

В колонне оказались и повозки взвода боепитания дивизиона. На предпоследней повозке чинно восседал унтер-офицер Гейдеман. Осколком ему оторвало левую руку, но капрал ни за что не хотел идти в лазарет: боялся активно действующих в немецком тылу советских партизан. Оставшись в своем дивизионе, он нашел себе место во взводе боепитания.

Узнав командира батареи, Гейдеман спрыгнул с повозки и доложил:

— Унтер-офицер Гейдеман с боеприпасами, продовольствием и почтой следует на огневые позиции!

— Для меня ничего нет?

Этот вопрос Хельгерт задал так же механически, как каждую ночь менял огневые позиции.

Второй ездовой, ехавший с Гейдеманом, вытащил парусиновый мешок, развязал его и вынул оттуда боль-

шую пачку писем. Быстро перебросив ловкими пальцами несколько конвертов, он нашел письмо, адресованное Хельгерту. Писала Ильза.

Пофыркивая, лошади натянули постромки и, подгоняемые ездовыми, тяжелым шагом пошли за своей колонной. Посмотрев им вслед и почему-то тяжело вздохнув, обер-лейтенант разорвал конверт со штампом берлинской почты. Написанное женой плохо укладывалось в голове, и самое важное он прочитал еще раз.

«...Я много думала, — писала Ильза, — и пришла к выводу, что для нас обоих будет лучше, если наши пути разойдутся. Тогда ты будешь независим во всех своих решениях и на тебя не будет больше давить груз прошлого. Что же касается меня, то и мне не нужно будет свою дальнейшую жизнь ставить в зависимость от твоего великодушия и самоотречения.

Между прочим, хочу тебе сказать, что сейчас я добиваюсь пересмотра нашего дела...»

С большим трудом Хельгерт заставил себя успокоиться. «Этого я ожидал меньше всего. Разве я давал Ильзе хоть какой-нибудь повод предлагать мне подобное?»

Обер-лейтенант даже намеками никогда не говорил своей жене о суде чести. К тому же сейчас он и сам толком не знал, как обстоят их дела. Неужели она что-то знает? Но откуда?

Ильза добивается пересмотра дела. Может быть, за это время появились какие-нибудь новые факты? Но почему же в таком случае она именно сейчас решила отказаться от него? Она, видите ли, не хочет зависеть от его великодушия! Хорошо, это понятно. Но при чем здесь самоотречение? Странно... И почему вдруг Ильза предложила развестись? Война и так каждый день рвет тысячи брачных уз.

Погруженный в свои мысли, Хельгерт остановился у дороги, не видя и не слыша ничего вокруг.

Вдруг земля задрожала, и в городе со страшным громом в небо поднялось огромное облако дыма. Стена одного из многоэтажных домов отделилась, медленно повернулась и с грохотом рухнула на землю, подняв тучу пыли.

Откуда-то слева доносились сухой треск пулеметных очередей и резкие хлопки танковых пушек. Русские пе-

решли в наступление. Раскаленный августовским солнцем воздух наполнился гулом разгоревшегося боя.

Линия фронта оказалась прорванной. Немецкая оборона распадалась на отдельные очаги сопротивления.

Обер-лейтенант Хельгерт быстро сел в машину и уже через несколько минут был на огневой позиции. Убедившись, что все другие батареи готовы к открытию огня, Хельгерт пересел на лошадь и поскакал на наблюдательный пункт.

Обер-ефрейтора Гейцера все еще мучили сомнения. Ничего в нем не изменила даже гибель Эбергарда Баума. Скорее, наоборот! Вот уже месяц он носился со своими бесконечными сомнениями, постоянно приводя разного рода «веские» доказательства.

Во-первых, Гейцер был твердо убежден, что новичок рядовой Бендер — болтун и ненадежный человек. К этому заключению он пришел после того, как Бендер предложил втроем сдаться русским в плен. Гейцер вспомнил, что тогда, в траншее, он принял это идиотское предложение, но уже направляясь на огневую позицию, почувствовал сомнение.

И во-вторых, почему Бендер сам, один, до сих пор не перебежал к русским? Разве у него не было такой возможности? Такая возможность у него была, и не раз. Он мог бы просто остаться на огневой позиции, когда они отходили, и сдаться в плен русским. Мог бы спрятаться в любой блиндаж — сколько их там было! — и пересидеть. Сначала Гейцер принял все это всерьез. Но русские, как сумасшедшие, неожиданно открыли огонь с фланга, и его вместе с другими как ветром сдуло в противотанковый ров. Впереди лежал Хельгерт, сзади — Гегенбах, да и Бендер был тут. Этот подстрекатель тоже рванул оттуда, забыв о своем предложении, удрал без оглядки.

Каждый раз, когда Гейцер сопоставлял оба эти факта — предложение Бендера втроем сдаться в плен и явное отсутствие у него желания перейти к русским одному, — он приходил к одному и тому же выводу: Бендер или провокатор, или тайный агент.

После гибели Баума Гейцера постоянно мучила мысль, что из оставшихся в живых только у него были

близкие отношения с человеком, который раньше был членом коммунистической партии. За это время Бендер ни разу не заводил разговора о сдаче в плен, хотя в суматохе отступления их дороги пересекались не раз.

Не напоминал об этом, конечно, и Гейцер. К тому же за последние три недели ему пришлось перевязать больше раненых, чем за весь сорок второй год и первую половину сорок третьего. В свою медицинскую сумку он набивал столько бинтов, сколько ему удавалось получить на складе. Теперь все знали, за что санитар обер-ефрейтор Гейцер еще в начале войны с Россией получил Железный крест II класса. Разумеется, у него был и крест «За военные заслуги».

Вчера, когда с обозом и орудийными передками они проезжали через небольшую деревеньку, на них обрушился такой град снарядов, что Гейцеру до сих пор не по себе. После этого на пыльных улицах села не появлялось ни души. Пехотинцы организовали жиденькую круговую оборону вокруг населенного пункта. Вместе с ними разместились и наблюдательные пункты батарей первого и второго дивизионов. Многие понимали, что все это бесполезно: через несколько дней так или иначе придется отходить.

Облюбовав на окраине разбитого городишка один из пустых домов, Гейцер вывесил в окно грязную белую тряпку с красным крестом и, сидя у дверей, стал ждать пациентов. Артиллеристы, если надо, сразу увидят, где расположился их передовой перевязочный пункт, а когда они будут менять свои наблюдательные пункты, то и его захватят с собой.

Пока снаряды русских пролетали мимо и не беспокоили его, Гейцер предался своим мечтам. «Как было бы хорошо, — размышлял он, — если бы удалось пережить реакцию и войну, а потом справедливыми парламентскими выборами легально установить новый строй, при котором и я занял бы подходящий пост. Но этот Бендер мне все-таки не нравится. Он явно опасен. К этим ребятам, которые раньше были в КПГ, я еще до войны относился с осторожностью, можно сказать, даже отрицательно. А этот так ловко зажал меня!»

Смеркалось. На переднем крае поднялась такая стрельба, что Гейцеру стало тошно. С соседней улицы

доносился топот мчавшихся галопом лошадей. «Наверно, передки подают, — подумал обер-ефрейтор. — Но как же так? Разве была команда отходить? Скорее всего, это пехотные орудия перемещаются куда-нибудь за гребень высоты, в укрытие», — пытался успокоить себя санитар.

Над головой один за другим прошуршало несколько снарядов. За ними еще и еще. Снаряды рвались на улицах, в садах. Они пробивали крыши, срывали заборы... Там, где несколько минут назад промчались упряжки, что-то страшно загрохотало. Встревоженный Гейцер прыгнул в открытый картофельный погреб — выложенную камнем яму за крепким сараем.

«Укрытие как по заказу, — переводя дыхание, подумал довольный обер-ефрейтор. — Тут меня не только русские, но и сам черт не достанет. В чем другом, а в этом деле я толк знаю».

Неподалеку через неравные промежутки разорвалось еще несколько снарядов, и после этого стрельба начала стихать. Стало совсем темно. Перестали тявкать и минометы.

«Сейчас пехотинцы, наверно, как суслики вылезли из своих нор и спокойно сидят у окопов, — с усмешкой подумал Гейцер. — Теперь они наконец хоть смогут сходить в отхожее место».

Одиночество постепенно становилось невыносимым, и, когда артиллерийская канонада окончательно утихла, Гейцер вылез из душного погреба и пошел по огородам. Выбравшись из густых зарослей подсолнечника, он перебежал через пустынную улицу и присел на завалинке какого-то дома. В воздухе еще не рассеялись пороховой дым и гарь непогасших пожаров. Откуда-то доносился сладковатый запах крови. «Кажется, и здесь была мясорубка», — подумал санитар.

Гейцер прислушался. Его внимание привлек странный шорох. Гейцер еще сильнее напряг слух. Вдруг ему показалось, что на противоположной стороне дома кто-то выдергивает сухую солому. Может быть, лошади? Санитар осторожно прошел между домами и выглянул из-за угла. Перед ним выросли два силуэта. Лошади! Их очертания четко вырисовывались на фоне светлого ночного неба. Одна из лошадей казалась неподвижной. Лишь ветер раздувал ее гриву. Другая после несколь-

ких безуспешных попыток подняться опустила голову, и снова послышался шорох выдергиваемой соломы.

По земле распластались две темные тени: одна была неподвижна, а другая все еще беззвучно металась.

Гейцер выполз на улицу, и спазма сжала ему горло. На дороге стояло тяжелое пехотное орудие... И шестиконная упряжка... Да, когда-то это были орудие и упряжка. А теперь? Теперь ствол задран к бледным звездам. Спицы в колесах перебиты. Станина изрешечена. Передок опрокинут и исковеркан. Прямым попаданием разбросало заряды, ящики. Тут же, скорчившись, лежали два солдата. Санитар быстро подскочил к ним, но тут же понял, что они уже не нуждаются в его помощи.

Ползая на коленях около убитых, Гейцер посмотрел вверх. В трех шагах от него стоял вороной конь с разорванной осколком снаряда грудью; с шеи красными хлопьями на землю падала пена. Рядом с ним лежал битюг рыжей масти, видимо, коренной. У этого уже начал раздуваться живот. Неподалеку, запутавшись в постромках, почти на спине лежал мерин с перебитыми передними ногами, и около него — истекающий кровью гнедой жеребец.

Гейцер поднялся, достал из кобуры пистолет. Раздалось несколько сухих выстрелов — санитар помог и здесь: не мучаться же беднягам.

Гейцеру вдруг стало жутко, и он пошел на поиски людей. Гулко стуча огромными сапогами по искореженной мостовой, часто спотыкаясь о клубки спутанных проводов и постоянно попадая в воронки, он после долгих блужданий вышел на северную окраину села. Звук его шагов эхом отдавался в пустых оконных проемах. Где-то на ветру поскрипывала дверь. Устав, Гейцер осторожно переступил порог какого-то дома и сел. «Интересно, как там у русских? А что, если представится удобный случай?.. Перебежал бы я к ним или нет?» Уже от одной этой мысли по спине у него побежали мурашки.

Гейцеру вспомнился день, когда он в первый раз оказался на сборном пункте военнопленных... Едкий запах пота, крови, грязных повязок, махорки и голода... Да, голод тоже имеет свой запах! А глаза военнопленных! Они до сих пор преследуют его во сне.

По противоположной стороне улицы, часто останавливаясь, бежал человек. Связной или телефонист. «В чистом поле он чувствовал бы себя, пожалуй, лучше», — подумал санитар.

Взошла луна. Ее бледный свет разлился по крышам разрушенных домов. В окнах с выбитыми стеклами метались похожие на призраки изорванные занавески.

Через нагромождение домов тащили свои тени темные облака. Гейцер решил, что об этой необыкновенной фронтовой ночи он когда-нибудь расскажет своим ученикам, когда они будут писать классное сочинение. Например, о колокольне вот этой церквушки. Кажется, что она прислушивается к тоскующим голосам людей, согнанных с насиженных мест. Разве ночь не наполнена таинственными голосами? Они слышатся в каждой подворотне и звучат как суровое обвинение; доносятся из остывших очагов, опрокинутых шкафов, разрушенных стен, растоптанных фотографий. «Вот об этом и будут писать мои мальчишки и девчонки. Образно, ярко...»

Мои мальчишки и девчонки... А разве здесь не было детей? Разве они так же, как и наши дети, не играли в садах и на улицах? Разве здесь не трудились люди? Вряд ли все они были коммунистами. Но война выгнала из домов всех. Где они сейчас и живы ли вообще?

«Дома я расскажу об этом, — решил Гейцер. — Расскажу об этой проклятой бойне. Даже если война — проявление закона природы».

Гейцер вдруг почувствовал всю тяжесть своей прошлой жизни и неопределенность будущей. На какой путь встать? Как теперь выбираться из всего этого?

Неожиданно тишину ночи нарушил быстро нарастающий вой. На улице, во дворах и домах с сильным треском начали рваться десятки снарядов. На небольшой участок местности обрушился мощный шквал огня орудий разных калибров.

Три прыжка — и Гейцер очутился за покосившейся каменной стеной. Прижавшись к еще теплым после знойного дня камням, он пожалел, что оставил свое роскошное убежище — погреб для картошки.

Вскоре Гейцер понял, что по селу вела огонь своя артиллерия. Немецкие батареи! Может быть, даже его

батарея! Пока он здесь бродил и мечтал, его дивизион быстро снялся с позиций и отошел назад. «Представляю, что они подумали, когда не нашли меня на «передовом перевязочном пункте», — с тревогой думал Гейцер. — Они, наверно, решили, что я струсил и сбежал, и, конечно, проклинали меня».

Снаряды все еще рвались, перемалывая развалины разрушенного села.

Артиллерийские познания обер-ефрейтора позволили ему определить, что он оказался в расположении продвинувшегося вперед противника.

Мысль о переходе на сторону русских неожиданно стала реальностью, фактом, который отнюдь не обрадовал Гейцера.

Обер-ефрейтор хотел перебежать за дом, чтобы укрыться от снарядов, но тут его настиг один из тысячи пятисот осколков, образующихся, как говорилось в наставлении, при разрыве стапятимиллиметрового снаряда. Гейцеру показалось, что грудь его пробила молния. Руки обер-ефрейтора судорожно вцепились в черную землю, но силы стали быстро покидать его, и он потерял сознание.

На фоне посеревшего предрассветного неба вырисовывался силуэт небольшой церквушки, чем-то напоминавший крышку гроба.

Когда Гейцер пришел в себя, почувствовал невыносимую жгучую боль в груди и горле.

Собрав остаток сил, он повернулся и попытался понять, что с ним произошло. Пульс учащенно бился, виски сдавило словно тисками. Устремив вдаль неподвижный взгляд, он тщетно пытался что-нибудь разглядеть. Откуда-то издалека доносился шум моторов приближающихся русских танков.

Когда сознание прояснилось полностью, Гейцер понял, что в груди у него прочно засел осколок и рана смертельна. Сил бороться за жизнь у него не было.

Сельский учитель Ганс Гейцер неправильно понял тему, и это явилось причиной его роковой ошибки.

Умирал он мучительно.

Кожаная санитарная сумка Гейцера, которую он прижимал к груди, наполнилась кровью.

В то же утро его подобрали и похоронили русские санитары.

В ночь на четвертое августа русские части вплотную подошли к некогда живописному Орлу.

Ночью немцы подготовили к взрыву один из последних шоссейных мостов. Подступы к нему удерживал арьергард. Он обеспечивал переправу танков, самоходных установок и бронетранспортеров, пока еще действовавших на восточном берегу Оки. Время от времени у моста раздавались одиночные выстрелы.

Саперы, выделенные для взрыва моста, ждали приказа. Около полудня мощные своды моста должны были на глазах у русских взлететь на воздух.

В городе царила паника, вызванная поспешным бегством. Бывшая базарная площадь, где когда-то пестрела шумная толпа людей, превратилась в настоящий военный лагерь. Обе понтонные переправы, наведенные саперами на северной и южной окраинах города, фактически не разгрузили основных путей отхода, и на дорогах по-прежнему царил хаос.

По понтонному мосту переправляли орудия второго дивизиона, которые на западном берегу реки сразу же вливались в общий поток отступающих немецких войск. Артиллеристы знали, что пункт сосредоточения дивизиона находится в восемнадцати километрах по шоссе, куда они должны прибыть не позднее трех часов дня.

В начале четвертого на понтонах еще суетились солдаты саперной роты. На берегу стояли их машины, на которых они надеялись вывезти громоздкое переправочно-мостовое имущество, лодки, трофеи и в первую очередь, конечно, себя.

К понтонному мосту со связным мотоциклистом подъехал Хельгерт. Ему было приказано обеспечить переправу на западный берег разведчиков и связистов дивизиона, оставшихся на наблюдательных пунктах. Хельгерт был доволен, что его батарея уже переправилась на другой берег и сейчас под командованием лейтенанта Гегенбаха движется к автостраде. С наблюдательного пункта с минуты на минуту должен был подойти Зехтинг со своими людьми.

Хельгерт все чаще бросал озабоченные взгляды в ту сторону излучины Оки, где должен был находиться шоссейный мост. Вот уже несколько минут оттуда доносились частые хлопки танковых пушек. «Видимо, наши «фердинанды» еще сдерживают русских», — подумал он.

На восточном берегу реки показался телефонист с катушкой на груди, торопливо сматывающий последние метры телефонного кабеля. Добежав до телефонной двуколки, он ловко снял с себя катушку и бросил ее на повозку. Подпрыгивая на бревнах настила, двуколка спешила догнать батарею.

Телефонист спустился к реке, смыл пот, вытер носовым платком лицо и вразвалку пошел по понтону. Увидев у моста командира батареи, ускорил шаг. Это был рядовой Рудольф Бендер.

В последние недели Хельгерт редко видел его, и прежде всего потому, что тот почти все время дежурил у телефона на огневой позиции.

Бендер подошел к командиру батареи.

— Почему вы не поехали с телефонной повозкой? — спросил Хельгерт.

— Жду телефонистов с наблюдательного пункта. У них моя лошадь. — Бендер невозмутимо смотрел на обер-лейтенанта.

Хельгерт протянул Бендеру сигарету. В этот момент командиру батареи почему-то вспомнился последний разговор с Эбергардом Баумом. «Вот оно в чем дело! Знаю, что ты задумал, парень! — подумал про себя обер-лейтенант, но заводить сейчас разговор об этом не хотел. — Нужно выждать. Горячиться нельзя. А прощупать все же можно». Он бросил спичку в воду.

— Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Пройдя несколько десятков метров вдоль дороги, они вышли на автостраду, по которой с грохотом и лязгом шли машины.

«И это — «планомерный отход войск на новые, заблаговременно подготовленные позиции»? Бегство — вот как это называется. Самое обыкновенное бегство, слегка замаскированное малопонятными словами!» — подумал Бендер.

По автостраде нескончаемым потоком шли машины, танки, мотоциклы, гаубицы, вездеходы, самоходные установки и конные повозки, облепленные солдатами. Велосипеды, противотанковые орудия, стада скота. Прожекторы, тягачи, радиостанция и конные повозки. Минометы, бронеавтомобили, орудийные передки, зенитные орудия, понтоны, полевые хлебопекарни и пушки. А между ними — кучки раненых с грязными, окро-

вавленными повязками. И опять самоходные установки, минометы, санитарные машины, тракторы, дезинсекционные станции, полевые кухни, цистерны, телефонные двуколки, счетверенные зенитные установки, крестьянские подводы. Повсюду, насколько охватывал глаз, тянулись военная техника и люди, люди: солдаты, рабочие службы трудовой повинности, вольнонаемные вермахта, железнодорожники.

Двумя параллельными колоннами отступали из окутанного дымом города немецкие войска. Их гнали советские танки и гнев советских людей.

— Ну как? — Хельгерт с иронией посмотрел на Бендера. — Надо надеяться, потом все разберутся и найдут свои места?

— Конечно. Ведь все знают, где их пункты сосредоточения.

Поток постепенно спадал. Кое-где между машинами уже появлялись разрывы.

Хельгерт и Бендер отошли от автострады и спустились к переправе.

Мимо домов с ревом проползли несколько старых танков. Их очертания быстро поглотил туман, густым покрывалом опустившийся на луга и деревья.

— Старое барахло, а не танки, — заметил обер-лейтенант.

— Последний батальон на полях сражений в этой войне будет немецкий! — Бендеру пришлось взять себя в руки, чтобы удержаться от интонации фюрера.

— Это ваши слова?

— Нет. Это слова фюрера, господин обер-лейтенант!

«Он меня разыгрывает, — подумал Хельгерт, — а закрыть ему рот я не могу».

Саперы уже подняли первый якорь, когда последние пехотинцы и артиллеристы нервно сбежали к реке.

Прискакал и Зехтинг со своими людьми.

— Сзади нас, видимо, никого уже нет, господин обер-лейтенант.

— Как же? А русские?!

Понтонный мост таял буквально на глазах. На берегу оставалось лишь несколько лодок. В воздухе уже появились первые самолеты.

— Все на месте? — Хельгерт повернулся в седле.

К нему подскакал Зехтинг:

— Санитара нет.

— Гейцера?!

— Уходя с наблюдательного пункта, мы не нашли его в будке. Я подумал, что он раньше нас пошел на переправу. — Зехтинг ждал, что скажет командир батареи.

Обер-лейтенант покачал головой и прикусил губу. «Значит, так оно и есть!» — мелькнуло в голове Хельгерта.

— Может быть, он переправился вместе с пехотой? — В голове Зехтинга не было ноток подозрения.

— Возможно, — хриплым голосом ответил обер-лейтенант и бросил взгляд на слышавшего весь этот разговор Бендера. «Пока мы здесь ломаем голову, он, наверное, уже шагает на сборный пункт военнопленных», — подумал про себя Хельгерт.

С раздражением и злостью он дернул коня и поскакал от реки. А когда увидел, что в город уже начали входить русские танки, моментально забыл об этом неприятном инциденте. «Кто знает, — засомневался Хельгерт, — смогут ли несколько наших танков хотя бы на час задержать русские Т-34!»

Обер-лейтенант посмотрел на часы. Ровно пять. Как летит время! С восточной окраины города доносились отзвуки ожесточенного боя. «Дерутся за первые развалины», — подумал обер-лейтенант и, махнув солдатам рукой, помчался по обочине дороги. Артиллеристы, проскакав галопом около километра, влились в общий поток отступающих войск.

Кивком головы Хельгерт подозвал к себе Бендера и попытался завязать с ним безобидный разговор о Берлине.

Километрах в четырех западнее города на шоссе образовалась пробка. У восемнадцатитонного тягача, буксировавшего подбитый танк, сорвало гусеницу. Водитель, нервничая, суетился у машины.

— Наш долг — всегда быть на страже родины! — иронически улыбаясь, проговорил Бендер.

— Это ваши слова?

— Альфреда Розенберга.

Хельгерт полунасмешливо-полусердито покосился на Бендера уголками глаз. «Цитирует наизусть правителей империи, — подумал он, — и всегда к месту!»

— Что вы можете сказать об Эбергарде Бауме?

— Сегодня двадцать второй день, как он погиб.

— Мы потеряли хорошего товарища. Не правда ли?

Солдат ничего не ответил.

Слева, за дубовой рощицей, послышался какой-то шум, который, быстро нарастая, скоро превратился в оглушительный гул. Штурмовики с красными звездами на крыльях как смерч пронеслись над колонной, ведя огонь из пулеметов. Израсходовав боеприпасы, они улетели.

Артиллеристы в какой-то мере рассредоточились.

Бендер никак не мог понять обер-лейтенанта. К чему он завел этот светский разговор? Хотелось поболтать? Бендер решил на всякий случай держать с ним ухо востро. «Неужели Гейцер на самом деле перебежал к русским? — спрашивал себя Бендер. — Если Хельгерту что-нибудь известно, он теперь с меня глаз не спустит. Перейти на ту сторону мне удастся только лишь в том случае, если меня никто не будет подозревать. Но слишком спешить не следует... Ради матери... В остальном все остается без изменений...»

Хельгерт ехал молча, стараясь разобраться в охвативших его противоречивых чувствах. «Значит, Гейцер перебежал. Сомнений быть не может. Этот Бендер — тоже ненадежный человек. Мне, как командиру батареи, который обязан следить за своими подчиненными, это известно, но я не знаю, как поступить. Чертовски сложная ситуация! И все это именно сейчас, когда голова должна быть свободной от подобных мыслей. Ильза, безусловно, чем-то очень расстроена и потому предлагает развод».

На небольшой высоте, в стороне от дороги, по которой отходили немецкие войска, появилось несколько групп самолетов. Около ста двадцати машин.

В одно мгновение колонны смешались. Люди в панике стали бросать свои машины и повозки и, словно одержимые, бросаться влево и вправо от дороги в поисках убежища.

Но самолеты пролетели над дорогой, не сбросив ни одной бомбы.

Хельгерт долго смотрел им вслед. Он никак не мог смириться с мыслью, что немцы потерпели поражение.

Повернувшись к Бендеру, Хельгерт прямо, без обиняков спросил:

— Как вы думаете, Гейцер успел уйти с передовой?

Бендер машинально натянул повод. Лошадь храпнула и закинула голову в сторону.

— Может быть, он ранен...

Для обер-лейтенанта этот ответ был настолько неожиданным, что некоторое время он молчал. Он как-то не подумал об этом.

— Вы правы, — пробормотал он. — Видимо, так оно и было.

— Гейцер, как мне казалось, был примерный солдат и добросовестный санитар. Он в любой обстановке сохранял присутствие духа. Да и смелости ему не занимать. Он, пожалуй, смелее многих.

Обер-лейтенант подумал, что, намекая на смелость Гейцера, Бендер самым бессовестным образом издевается над ним.

Западное крыло вокзала в Орле прикрывали шесть противотанковых орудий. Командир взвода обер-фельдфебель напряг слух. Он даже снял каску, чтобы лучше слышать.

Шум боя, разгоревшегося за северо-западными кварталами города, с каждой минутой нарастал. На восточной окраине ожесточенная перестрелка, не прекращавшаяся всю ночь, сейчас достигла еще большего накала. Напряжение боя росло и на юге города. Но бывалому обер-фельдфебелю казалось, что шум моторов танков, доносящийся с северо-запада, все же значительно ближе. Кто может быть там, почти в самом тылу? Возможно, это всего лишь горстка партизан, которым сейчас здорово достается. Не исключено, что там суматошно кружат «тигры» или «пантеры», а может, «фердинанды» ведут огонь по каждому человеку.

Он прислушался еще раз. Что бы там ни происходило, причины для беспокойства были: пути отхода под серьезной угрозой. А он стоит здесь со своими шестью спринцовками и несколькими солдатами и прикрывает вокзал, хотя им давно пора убираться отсюда.

Обер-фельдфебель снова надел каску и посмотрел на часы. Ровно шесть. Теперь уже совсем отчетливо слышался лязг гусениц приближающихся танков.

Здание вокзала было изуродовано немецкими бомбами еще в начале войны. Перед длинной деревянной постройкой, похожей на барак, где разместилась комендатура, то и дело сновали люди. Обер-фельдфебелю вспомнилось, как в начале декабря сорок первого года он ночевал в этом доме. Тогда его с несколькими солдатами в тридцатиградусный мороз поместили в какую-то холодную комнатушку. Ночью к ним втиснулся очень потешный военный чиновник — обер-цальмейстер Зоммерфельд, только что прибывший на фронт. Выступавшая из стены голландская печь была чуть теплой. Зоммерфельд разыскал в коридоре целую поленницу дров. Обрадованный своим открытием, он притащил дрова в комнатушку и начал топить, но от этого теплее не стало.

Утром от писаря комендатуры они узнали, что ближайший поезд на Тулу пойдет только завтра. Писарь сказал им, что ночевавший в соседней комнате подполковник уехал и они могут перебраться туда.

Забрав свои пожитки, они направились в освободившуюся комнату. Но едва они открыли дверь, как из комнаты, почти четверть которой занимала печь, на них пахнуло жаром. Ничего не подозревавшие казначей и солдаты всю ночь по очереди жарили бедного подполковника...

Неожиданно раздался резкий взрыв. Обер-фельдфебель испуганно вскочил. За первым взрывом последовал второй. Третий... В воздух взлетели камни и комья земли. Стреляли из танка. Один из снарядов угодил в левое орудие. Несколько человек из орудийного расчета лежали на земле. Раненые, крича от боли, ползли к зданию вокзала. Некоторые пытались укрыться на противоположной стороне улицы.

На вокзальную площадь, ведя огонь из пушки и пулемета, на большой скорости выскочил танк Т-34.

Обер-фельдфебель бросился к стоявшему рядом орудию, но пулеметная очередь скосила его. Через несколько секунд стальной колосс был уже у левого орудия. Он промчался по огневой позиции на пятидесятикилометровой скорости, взрывая гусеницами асфальт и уничтожая пушки и остатки орудийных расчетов. За ним подошли другие.

Оставшиеся в живых артиллеристы бросились через железнодорожные пути к депо, где дымили паровозы.

Час освобождения, которого с таким нетерпением ждали укрывшиеся в подвалах и развалинах жители Орла, пробил.

Через полчаса советские танки, наступавшие с севера, вышли на западную окраину города.

Ночью из Орла бежали последние немцы.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Операция «Цитадель» длилась почти два месяца. Планируя ее, гитлеровское командование рассчитывало свести на нет успехи, достигнутые Красной Армией в зимней кампании, и взять вновь стратегическую инициативу в свои руки. Но операция с позором провалилась.

В первую декаду сорок третьего года на участках прорыва — южнее Орла и севернее Белгорода — еще можно было встретить немецких солдат, готовых отмечать на лоскутках карт, вырезанных из газет «Фелькишер беобахтер», ежедневное продвижение немецких войск на восток. Но в последующие недели успешное наступление русских на фронте шириной более двух с половиной тысяч километров окончательно подорвало уверенность в разрекламированной непреодолимости немецкой обороны.

Попытки верховного главнокомандования вермахта представить неудачи как хитрый шаг, сделанный с целью именуемого «выигрыша времени», старание укрепить немецкую оборону и вселить в войска веру в ее непреодолимость разбились о постоянно растущий страх перед надвигающейся катастрофой. Радио и печать, кричавшие об истощении противника, почти на всех участках фронта были изобличены во лжи. Это стало ясно и фронтовикам, и офицерам штабов.

Оттянутая в тыл зенитная батарея Дернберга заняла позицию у небольшой деревни. Два орудия командир батареи расположил справа и слева от шоссейной дороги. Земляная насыпь перед орудиями защищала их от огня наземных средств. Третье орудие заняло позицию почти на окраине деревни. От этой пушки до командного пункта батареи было около трехсот метров. Четвертое орудие стояло у карьера, откуда хорошо про-

сматривался изгиб дороги и обеспечивался почти круговой обстрел. Все орудия были замаскированы настолько хорошо, что даже низко летящие самолеты не беспокоили батарею.

Маскировка была предметом особой заботы капитана Дернберга. Он носился от орудия к орудию, заставляя расчеты постоянно обновлять маскировку.

Капитан не спешил на тот свет и боялся, что батарею обнаружат русские самолеты. Он не переносил стрельбы. Каждый выстрел, доносившийся до его слуха, действовал ему на нервы и портил настроение.

И все же он завидовал другим батареям. Те, находясь ближе к переднему краю, по крайней мере, имеют возможность вести огонь по русским танкам, а потом рисовать на стволах орудий белые кольца и получать ордена.

Зато здесь тихо. Во дворе стоит корова. Можно пить молока сколько хочешь. К завтраку ему подают свежие куриные яйца, мед, масло, сало. Гаупт-вахмистр батареи исправно следит за дисциплиной солдат. О чем беспокоиться командиру батареи?

Капитан Дернберг скучал по Гамбургу, как капитан парусника тоскует по родной гавани. Тосковал он в основном по ночным барам с их сумасбродными женщинами. Чтобы немного развлечься, он каждый свободный час дулся в скат. А свободных часов у него столько, сколько их имеется в каждом дне. Как бы ни складывались обстоятельства, за стол всегда садились одни и те же: лейтенант Арльт, гаупт-вахмистр батареи Флетер и казначей Зоммерфельд, находившийся вместе с тыловыми подразделениями дивизиона.

Казначей был на редкость несуразен. Дернберг еще ни разу в жизни не встречал такого олуха, как этот померанец, старающийся своей легкой походкой походить на приму-балерину.

Его быстрые мышиные глазки под бесцветными бровями, казалось, постоянно отсортировывали нужное из ненужного. Он носил очки без оправы, которые ломались в самые неподходящие моменты. Поэтому про запас он всегда носил с собой в противогазовой коробке с полдюжины очков такой же модели.

За картами Зоммерфельд выпивал пятнадцать рюмок коньяку или восемнадцать ликеру. Напившись, он

уже ничего не мог делать, кроме одного. В таком состоянии он обладал поразительным искусством считать, причем это его искусство было настолько совершенным, что он всегда оставался в выигрыше.

Кроме того, он всегда, правда не в одно и то же время, пел «Лежит корона в глубоком Рейне». Каждый из его партнеров, садясь за стол, знал, что ему наверняка придется слушать гнусавый голос Зоммерфельда. Затянув песню, он обычно клал голову на стол, или обеими руками отбивал такт, или дирижировал растопыренными пальцами.

Каждый раз казначей приносил с собой массу спиртного, курева и жратвы. Все это он, не моргнув глазом, брал с продовольственного склада дивизиона. Дернберг же выделял в распоряжение казначея людей, которые сортировали на складе консервы, считали буханки хлеба и, конечно, выполняли все желания Зоммерфельда.

На прошлой неделе солдаты батареи Дернберга поставили вокруг дома, где жил казначей, забор из тонких березовых палок, а на клумбе перед окном его спальни аккуратно выложили из гальки Железный крест.

Растроганный до слез Зоммерфельд расценил это как символическое зачисление его персоны в славную когорту фронтовиков.

Арльт, без особого блеска окончивший ускоренные курсы, совсем недавно был произведен в лейтенанты.

К основным качествам, которых фюрер требовал вчера от членов «гитлерюгенда», сегодня от эсэсовцев, а завтра наверняка потребует от резервистов второй очереди — «быть твердым, как крупповская сталь; выносливым, как кожа; ловким, как собака», — Зоммерфельд, говоря о лейтенанте Арльте, обычно добавлял: «Быть глупым как пробка!»

Играть в скат Арльт научился лишь в последнем классе средней школы. И поскольку его теперешние партнеры весь свой многолетний опыт и выдержку направляли на то, чтобы обязательно выиграть, ему, как правило, приходилось отдавать лейтенантский оклад вместе с фронтовыми на покрытие своих карточных долгов. Стараясь сэкономить, Арльт каждую неделю давал себе зарок бросить курить, но каждый раз после

второй рюмки забывал о своем обещании. Офицерская карьера начала складываться у него явно неудачно.

Гаупт-вахмистр батареи Флетер был убежден — и никто не мог его переубедить, — что ему, старому опытному вахмистру, начавшему службу еще при императоре Вильгельме, все офицеры, не исключая даже самого командира дивизиона, не годятся даже в подметки. Кроме того, он считал, что, как бы офицеры ни отличались один от другого, все они продажны.

Флетер вел «учет слабостей». Он знал, кто из них «не курит», и, угощая таких офицеров сигаретой — по их просьбе, разумеется, — не забывал пошутить. Он знал и тех, кто отказывался от невыгодных назначений или опасных командировок, ссылаясь на нездоровье. И при случае Флетер не забывал спросить у такого начальника, не улучшилось ли его здоровье. Гаупт-вахмистр знал, кто из командиров любит поесть, и не упускал случая приказать повару немедленно приготовить любимое блюдо того или иного начальника. Довольный тем, что ему удалось подобрать к офицеру ключик и что теперь начальник прочно сидит у него «на крючке», он отдавал честь подчеркнуто молодцевато. Однако, несмотря на это, он всегда предпочитал держаться от начальства на почтительном расстоянии, так что его широкой нахальной улыбки никто не замечал.

Подкупив подобным образом почти всех своих начальников, гаупт-вахмистр никого не боялся. Не боялся он и своего командира батареи капитана Дернберга. Передав Флетеру бразды правления батареей, капитан занимался лишь собственной персоной и воображал из себя фронтовика, прошедшего огонь и воду.

В этот день Дернбергу особенно везло: карта шла как по заказу. Сопротивление Арльта и Флетера было парализовано настолько, что они лишь молча перебирали карты, а Зоммерфельд записал уничтожающий итог еще до того, как капитан забрал последнюю взятку.

Вдруг с улицы донесся знакомый стрекот русских пулеметов, в который вплетались глухие разрывы ручных гранат и сухой треск винтовочных выстрелов. Длинными очередями застрочил «максим». Затрещали автоматы.

— Русские!

Втянув голову в плечи, Дернберг первым опрометью бросился к двери. Страх моментально отрезвил его. Противник был уже в деревне. Из окон со звоном вылетали осколки выбитых стекол. Охваченные паникой солдаты метались по деревне.

Выпрыгнув через окно на улицу, Флетер со злобой крикнул:

— Ну, если это растяпы-часовые прошляпили, пусть помилует их бог!

И бог уже помиловал их!.. Один уже отдал богу душу и лежал на земле, а другой под охраной двух русских автоматчиков понуро шагал по тропинке, ведущей через болото.

Гаупт-вахмистр заметил, что часть деревни, где стояли орудия, еще не занята противником. Как одержимый, он бросился туда. «Партизаны!» — мелькнуло у него в голове. Сзади горел тяжелый орудийный тягач. В пламени вырисовывался его уже бесформенный остов. Рядом с тягачом начало гореть еще что-то.

Стрельба усиливалась. По восточной окраине деревушки открыли огонь легкие минометы. Уцелевшие зенитчики укрылись у орудий.

Чтобы его не приняли за русского, Флетер, еще не добежав до орудия, заорал:

— Не стреляйте, это я!

Солдаты узнали его голос. Вахмистр удивился, увидев, что зенитчики уже повернули орудие на деревню. Еще во время своего бега к огневой позиции он прикинул в уме установки прицела и взрывателя — в этом деле он был мастак. Подбежав к орудию, Флетер скомандовал уже готовые данные.

Первый снаряд пошел в ствол. Лязгнув, затвор закрылся — и через мгновение ночь прорезал резкий звук пушечного выстрела. Ствол откатился назад и затем снова плавно подался вперед. Посреди улицы яркой вспышкой взметнулся разрыв. Черт возьми! Неплохо! Гаупт-вахмистр скомандовал небольшую поправку и дал еще очередь в три снаряда. «Надеюсь, не по своим. Наши ребята, наверно, уже успели удрать оттуда», — подумал Флетер.

Неожиданно ночной воздух наполнился нарастающим воем. Проклятые минометы! Они бахали где-то совсем близко. Гаупт-вахмистр сразу понял, что они

стоят в кустарнике, метрах в четырехстах от западной окраины деревни. За первой группой мин быстро последовала вторая. Мины рвались у самых орудий. Флетер перебежал улицу и прыгнул в окоп второго орудия.

Там своим тонким голоском командовал лейтенант Арльт. Скудные знания, вынесенные им из военной школы, окончательно выпали у него из головы.

— Высокие разрывы... Азимут...— растерянно мямлил командир взвода.

Прошло несколько минут, прежде чем был сделан первый выстрел. Снаряд, перелетев болото, упал где-то далеко за ним и совсем не в том направлении.

Вмешался Флетер — и дело пошло на лад. Уже третий снаряд упал рядом с кустарником, откуда били русские минометы.

— Десять снарядов! Беглый огонь! — скомандовал главный вахмистр.

Расчет лихорадочно работал. Горячие гильзы со звоном ударялись о станину.

Но огонь минометов не прекращался.

Флетер ввел поправки, но успеха не добился. Русские мины стали рваться у самого бруствера. Все понимали, что укрыться от почти отвесно падающих мин вряд ли возможно.

Тем временем Арльт решил, что подчинение вахмистру слишком затянулось и ему самому пора командовать взводом.

— Огонь! — срывающимся голосом крикнул лейтенант.

В этот момент за его спиной разорвалась мина и с десяток осколков впилось ему в ягодицы и поясницу. Команда «Огонь!» слилась с воплем рухнувшего на дно окопа Арльта.

Исход боя решило первое орудие. Стрельба в деревне постепенно стихала. Слышались лишь крики раненых. Догорали орудийные тягачи и две легковые машины.

Когда все утихло и в воздухе перестали выть осколки, Дернберг и Зоммерфельд выбрались из картофельного погреба и вложили свои пистолеты в сверкающие глянцем кобуры. В этот момент они и услышали дикие вопли Арльта.

Когда рассвело, выяснилось, что партизаны, выйдя из болот, пробрались на северную окраину деревни и

бесшумно сняли часовых. Один из них, обер-ефрейтор Бергандер, был заколот штыком, а другой, ефрейтор Буркхард, бесследно пропал. Хорошо зная деревню, партизаны забросали гранатами и обстреляли дома, где беспечно спали зенитчики.

Итог: пять человек убито, двое пропали без вести, одиннадцать ранено; все тягачи и несколько автомашин выведены из строя. Теперь батарея не могла двинуться с места.

Капитан Дернберг кое-что придумал, чтобы подобное не повторилось в будущем. Прежде всего вместе с Флетером, которого за отличную стрельбу ночью он решил представить к Железному кресту I класса, капитан разработал план на случай тревоги, по которому половина личного состава батареи в ночное время должна бодрствовать и быть в полной боевой готовности. Надев фуражку, Дернберг в сопровождении гаупт-вахмистра вышел на улицу.

В деревне были найдены только трое русских. Один лежал около взорванного тягача: видимо, преждевременно сработал детонатор подрывного заряда. Другой, раненный автоматной очередью в живот, дополз до радиостанции и под машиной умер. Третьего, тяжело раненного, но еще живого, они добили прикладами. Все трое были в гражданском, но хорошо вооружены. Партизаны, видимо, понесли большие потери, но им удалось унести почти всех раненых.

Дернберг решил до полудня основательно прочесать деревню и ее окрестности. Он все еще надеялся, что ему удастся схватить хотя бы одного партизана и допросить его. Главное поймать, а уж заговорить он заставит кого угодно! Но заходить далеко в болота капитан не решался. Он знал, что такая вылазка — бессмысленная затея.

Рыская по деревне, Дернберг приметил нескольких жителей, которые по различным причинам не понравились ему, и указал на них гаупт-вахмистру.

Через четверть часа семь мужчин со связанными руками стояли перед капитаном. Наслаждаясь своей властью, Дернберг представил себе, как через несколько часов по его приказу крестьяне будут повешены или расстреляны. Жизнь каждого из них была в его руках.

Дернберг лично допрашивал крестьян.

Все они уверяли, что не имеют с партизанами никакой связи и никого из них не знают.

Медленно переводя взгляд с одного на другого, капитан выбирал первую жертву. Когда заложников повели, Дернберг остановил молодого парня и сказал ему:

— Ты можешь остаться жить, Иван, если скажешь, где находятся партизаны.

— Я комсомолец! — В глазах парня горела ненависть.

Через час пятеро крестьян были повешены на деревьях перед домом, где жил Дернберг. У каждого на шее болтался кусок картона, на котором русскими буквами было написано: «Меня повесили вместо партизан».

Двум оставшимся крестьянам было дано двадцать четыре часа на размышление.

Через старосту деревни капитан Дернберг объявил, что сохранит им жизнь, если будет пойман хотя бы один партизан. В противном случае он прикажет повесить и этих двух.

Прошли сутки. Флетер выполнил еще одно приказание своего командира. Теперь на деревьях висело уже семеро.

Гаупт-вахмистр считал, что за один изуродованный зад лейтенанта Арльта следовало бы повесить еще одного русского. Но эта мысль пришла к нему с опозданием. «В конечном счете и это должно послужить русским хорошим уроком»,— решил про себя Флетер.

Гаупт-вахмистр вдруг поймал себя на мысли, которая показалась ему очень странной. Русские воюют, чтобы изгнать немцев из Советского Союза. Так кто же, собственно говоря, может осуждать их за то, что они везде нападают на нас? Винить их не в чем! Странно, что до сих пор он над этим как-то не задумывался. Когда вешали русских, он даже злился на своих солдат, которые, как ему показалось, действовали нерешительно. Сам-то Флетер был на высоте и орудовал со знанием дела.

Гаупт-вахмистр побрызгался одеколоном — знал, что Дернберг питает слабость к душистым веществам, — и пошел играть в скат.

За карточный стол Зоммерфельд сел так, чтобы смотреть не в окно, перед которым на деревьях висели повешенные, а на печку.

Гаупт-вахмистр Флетер не скрывал своей радости по поводу того, что ночной бой позволил ему избежать награждения крестом «За военные заслуги», этой проклятой награды, которую получают даже тыловые крысы. В комнате командира батареи он уже трижды прочитал реляцию, которую написал капитан Дернберг, представляя своего главного вахмистра к Железному кресту I класса. Сейчас он чувствовал себя героем дня и полагал, что было бы неплохо предварительно отметить предстоящее награждение.

Из игры в скат Арльт выбыл надолго. Его место на огневой позиции и за карточным столом занял только что окончивший училище обер-фенрих.

После привычной игры в скат Дернберг под охраной часового, ящиками пускавшего осветительные ракеты, спал безмятежным сном.

Следующую ночь Дернберг провел уже менее спокойно. И повинны в этом не партизаны и не повешенные. Причиной волнений было письмо, которое он получил от Петера Корнелиуса. Инженер писал, что, насколько ему известно, пресловутое дело Хельгерта, по всей видимости, снова всплывет.

«На повторном допросе я строго придерживался нашей договоренности и давал такие же показания, что и в первый раз. Тогда мне показали выдержки из письменного заявления пенсионера Виланда Альтдерфера. Между прочим, Альтдерфер ослеп: во время каких-то испытаний слишком далеко сунул свой нос. А сейчас эта развалина постоянно твердит о тщетности человеческой жизни. И если он и дальше будет нести такую же чушь, какую он написал в своем заявлении, нам придется худо. Этот тип (твой бывший друг!) сообщил, что дал ложные показания по твоему наущению, но полностью виновным считает только себя. Он заявил, что виновен и в том, что уговорил свидетеля Корнелиуса, то есть меня, дать ложные показания. Вот идиот! Теперь нам предстоит как-то доказать суду правильность всех наших прежних показаний. Ну, а в остальном всего тебе хорошего в твоей фронтовой жизни...»

Дернберг бросил карты на стол.

— Зоммерфельд, принеси-ка чего-нибудь выпить!

Через пять минут казначей прошмыгнул в комнату, точно дрессированная крыса. В карманах френча и брюк

торчало по бутылке. Взгляды игроков скрестились на четырех глиняных сосудах с наклейками «Штейнхегер».

Дернберг сразу же предложил в быстром темпе закончить игру. Пытаясь найти выход из опасной ситуации, возникшей в связи с вероятным возобновлением процесса, он рассуждал так: «Дело серьезное. Эта пустяковая постельная история теперь может легко вылиться в дело о подстрекательстве к даче ложных показаний. Если процесс возобновится, тюрьмы мне не миновать. Этот зрячий слепец, конечно, выболтал все, и об этой проклятой истории теперь знает черт знает сколько людей. А я, как идиот, сижу здесь и подставляю зад под партизанские пули. И самое обидное то, что я ничего не могу сделать. Написать? Но такие вопросы перепиской не решаются. А впрочем... Если дело всплывет, оно, по всей вероятности, будет слушаться в военном трибунале нашей дивизии. Свидетель Виланд Альтдерфер явиться на суд, безусловно, не сможет, а его письменные показания окажутся эффективными лишь наполовину. Ну и, кроме того, так быстро это не делается».

Глядя на озабоченного командира батареи, Флетер думал: «Если бы знать, что так угнетает его... Я бы ему помог. Может быть, ночью мне удастся что-нибудь разузнать. А сейчас пока важно не напиться. Ведь еще не было случая, чтобы капитан видел меня валяющимся под столом!»

Казначей Зоммерфельд действовал умнее других. Когда вешали пятерых русских, Зоммерфельд поехал в тыл за продуктами. Когда разделывались с двумя остальными, он был у командира дивизиона. Довольный собой, казначей тогда сказал себе: «Во всяком случае, я здесь не был и свои руки к этому грязному делу не прикладывал. Когда-нибудь за все это придется рассчитываться!»

В этот вечер Зоммерфельд впервые в своей жизни выпил немногим больше положенной нормы. В три часа ночи ему предстояло встречать продовольственную машину и принимать продукты; Флетер был уже не дееспособен, а Дернберг все еще о чем-то думал. Вспомнив Арльта, они выпили и за тех, кто стал жертвой минометного обстрела.

Через две минуты капитан Дернберг без лишних объяснений выставил двух своих невнятно бормочущих партнеров за дверь.

На улице гаупт-вахмистр на прощание махал казначею рукой до тех пор, пока тот не растворился в ночной мгле. Проводив Зоммерфельда, сам Флетер не собирался идти спать. «Если я, обер-вахмистр Флетер, гаупт-вахмистр батареи, что-нибудь вобью себе в голову, то уж добьюсь своего,— решительно сказал он себе.— Это ночное происшествие касается и меня лично. Да, да, лично меня! И если Дернберг считает, что ефрейтора Буркхарда увели русские, то, пожалуйста, пусть так и будет. Но увели его не у меня! Нет, не у Флетера случился такой ляпсус! Я докажу командиру батареи, что Флетер, этот старый испытанный волк...»

— Ерунда на постном масле,— вслух пробормотал он, когда уже вышел на узкую тропинку.— Буркхард ушел в самовольную отлучку, только в самовольную отлучку... И сейчас он наверняка сидит где-нибудь неподалеку. Не улетучился же он!

Эта мысль развеселила Флетера. Он представил себе, как этот урод Буркхард летает по воздуху и с высоты приветственно машет ему рукой. Представив себе эту картину, гаупт-вахмистр уже хотел было громко засмеяться, но в этот момент в лицо ему брызнула солоноватая вода.

— Стоп, господин Флетер, стоп! — Гаупт-вахмистр старался устоять на едва приметной тропинке.— Смотри, какая шикарная дорога. И совсем твердая!

Занимавшееся утро окутало заболоченный лес мутной пеленой тумана. Дважды Флетер падал на колени и, бранясь, с трудом поднимался.

— «Штейнхегер» неплохо согревает тело. Но, конечно, лучше всего он греет душу,— бормотал про себя Флетер, вытирая глаза от вонючих болотных брызг.

Вдруг Флетер остановился и затаил дыхание. Там! В тридцати шагах отсюда! Там сидит этот Буркхард! Там! Прислонился к сосне! Наверно, опять спит, сукин сын!

Гаупт-вахмистр Флетер дважды глубоко вздохнул и закачался.

— Ну, дорогой Буркхард,— бормотал он,— сейчас я тебя! Сейчас!

Флетеру показалось, что туман вот-вот закроет от него Буркхарда и сосну, к которой тот прислонился. Быстрее! Нельзя терять ни минуты! Флетер, как одержимый, устремился вперед. Шлепая по воде, раздирая кустарник, падая и снова поднимаясь, шел он к сосне, у которой сидел ефрейтор Буркхард. «Надо было бы взять с собой винтовку»,— подумал вахмистр и тут же по колено провалился в болото. «Такой хороший куст — и такая обманчивая лужа»,— мелькнуло в его хмельной голове. Работая руками и ногами, он все сильнее увязал в болоте. Вода доходила ему уже до пояса. Собравшись с силами — а силы у него были,— Флетер, пыхтя и сопя, выбрался из трясины.

До сосны оставалось пройти столько же. Посмотрев на себя, Флетер с усмешкой проговорил:

— Грязный, как кабан. Ну ничего, Буркхард приведет меня в порядок! Будет чистить зубной щеткой и мыть туалетным мылом! Флетер попытался прыгнуть на кочку. Правая нога увязла в грязи. Вытаскивая ее, Флетер потерял сапог.

— Ну, голубчик, теперь на мою сентиментальность можешь не рассчитывать.

Над головой вдруг что-то щелкнуло. Гаупт-вахмистра охватил ужас: под ним не было ничего, кроме жидкой болотной кашицы, выбраться из которой было невозможно.

Но ему еще раз повезло: под слоем вонючей жижи он снова нащупал твердый грунт.

— Пока руки свободны, ничего со мной не случится. Ничего! — успокаивал он себя.

Утром, не найдя гаупт-вахмистра в постели и узнав от денщиков Дернберга и Зоммерфельда, что командир батареи и казначей всего лишь полчаса назад закончили лечение «Штейнхегером», дежурный по батарее выслал людей на поиски Флетера. Слово «партизаны» наводило на всех страх. Четыре группы, по десять человек в каждой, вооруженные до зубов, вышли на поиски.

Часовой, стоявший на дороге у въезда в деревню, сообщил, что видел, как гаупт-вахмистр батареи, громко разговаривая сам со собой, шел по дороге в сторону болота. Группе, которой руководил орудийный ма-

стер, это помогло сразу же напасть на правильный след. Дойдя до болота, они услышали доносившиеся издалека крики:

— Помогите!.. Помогите!.. Я не виноват!.. Я этого не хотел!..— Группа осторожно шла по зыбкой тропе. Крики о помощи на какое-то время утихли, но через несколько минут до них донесся рев:

— По-мо-ги-и-и-те!.. Тону-у-у!.. Помогите!.. Бо-ло-о-о-то!..

Группе оставалось пройти менее пятидесяти метров до того места, где коварное болото с неумолимой беспощадностью засасывало Флетера.

Собравшись с духом, солдаты шаг за шагом пробирались вперед.

Воздух снова прорезал душераздирающий крик:

— Я не виноват!..

Слышались лишь глухое клокотание и плеск.

— В этом месте он сошел с тропы,— заметил орудийный мастер.

И вдруг, как гром среди ясного неба, раздались выстрелы. Охваченные паникой, зенитчики бросились по тропинке назад.

Стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась.

Капитан Дернберг никого не повесил в отместку за гибель своего гаупт-вахмистра. Он был уверен, что тот, будучи пьяным, сам утонул в болоте. «Партизаны стреляли лишь для того, чтобы не дать солдатам спасти Флетера»,— решил командир батареи.

Но в донесении о потерях он писал, что в бою с партизанами гаупт-вахмистр Флетер выполнил свой долг и, по всей вероятности... В этом месте Дернберг выразился очень неопределенно.

Вместо Флетера на батарею вскоре назначили нового гаупт-вахмистра. Дернбергу оставалось только вымуштровать его.

Капитан Дернберг не перегружал своей головы скорбными мыслями о Флетере, зато много думал о предстоящем процессе. Как легкомысленно он поступил, сняв фотокопию с листовки, на которой стоит его собственноручная приписка о месте и времени свидания с Клавдией! От страха его стало знобить.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

От Брянска до Орджоникидзеграда — километров десять. Длинное бурое облако соединяло в то время эти два города. Постоянно питаемое многими тысячами ног, колес и гусениц, оно толстым слоем пыли оседало на потоках машин и людей, направляемых в Оржоникидзеград для разгрузки железнодорожной станции Брянск.

Брянск. В устах военного чиновника или в мечтах завшивевшего солдата-фронтовика это слово значило многое. В те дни оно было известно всем.

Здесь, в тылу, для оборудования блиндажей использовались двойные оконные рамы, в то время как на фронте оконные отверстия в убежищах завешивались рваной мешковиной.

Здесь, в тылу, для огораживания стоянок автомобилей использовались толстые брусья из прочного дерева, в то время как там, на фронте, куда, собственно, эти материалы и адресовались, о существовании таковых и не слышали.

Изменить назначение грузов не составляло большого труда. Для этого достаточно было небольшого исправления в сопроводительных документах. Господа интенданты были большие мастера в этом деле. Они умело оказывали начальству небольшие любезности, хорошо зная закон: «Жертвуй малым ради большого».

Здесь, в тылу, белые шубы, теплые стеганые плащи, меховые шапки и маскировочные костюмы на подкладке получали все — от фельдфебеля до генерала, в то время как там, в двухстах километрах восточнее, солдаты третью русскую зиму коченели от холода.

Здесь кишмя кишели разного рода закупщики и заготовители. Им все требовалось — для «фирмы» и для себя,— и они брали все, что только могла представить их фантазия. А фантазия у них была поистине неистощима.

Здесь были огромные хранилища: склад санитарного имущества, склад-база автоимущества, склады снабжения войсковых лавок, склады боеприпасов. На этих складах хранились также вещи, каких войска никогда и в глаза не видели.

Здесь было представлено все, что смогла выдумать, изобрести и почти полностью осуществить на практике бюрократия войны.

В городе хозяйничал зондерфюрер, упорно добивавшийся признания и почитания своих узких погон.

Большинство из тех, кто сумел здесь окопаться, изо всех сил держались за свои теплые местечки. Они хорошо знали, что никто еще не умирал здесь от снарядов или пули, что порядок предоставления очередных и внеочередных отпусков здесь ни разу еще не нарушался.

Поэтому сейчас, когда фронт так неожиданно пришел в движение, всех тыловиков охватило странное чувство неопределенности и беспокойства. Что же будет, если фронт придвинется настолько, что придется свернуть госпитали, солдатские клубы и телефонные станции с очаровательными телефонистками? И все это эвакуировать куда-то в неизвестное, неподготовленное, неосвоенное?

Как можно нарушить порядок, когда в жилых помещениях все постели заправлены по уставу и застланы белыми и синими одеялами и везде стоят вещевые шкафы на одного или двух человек? Это же немыслимо! Катастрофа!

Или, может быть, позаботиться, пока не поздно, о сидячем месте в каком-нибудь поезде, идущем на запад, и, напевая, заранее убраться отсюда? Сейчас, пока фронт с вонючими от пота колоннами и едким запахом порохового дыма еще не подошел сюда, место в поезде можно достать без особых усилий.

Спокойная тыловая жизнь кончилась. И не только в Брянске. Конец тишине и спокойствию наступил в тот самый момент, когда в город на погрузку начали прибывать первые, пока еще наполовину боеспособные части, которые командование перебрасывало с Курской дуги на другие, ставшие еще более неспокойными участки Восточного фронта.

Никогда прежде люди не слушали так открыто и регулярно сообщений московского радио на немецком языке, как в дни после пятого августа, когда Красная Армия овладела Белгородом и Орлом.

Орел. Раньше до него было сто тридцать километров по прямой, и каждый чувствовал себя здесь в безопасности. А сейчас жизнь в армейском тылу с каждым днем становилась все тревожнее.

В лаконичной сводке немецкого верховного главнокомандования от пятого августа тысяча девятьсот сорок третьего года в спокойном тоне говорилось, что в ночь на пятое августа на Орловской дуге в ходе сокращения фронта, производимого согласно заблаговременно разработанному плану, был оставлен город Орел. Вся боевая техника эвакуирована. Важные в военном отношении объекты полностью разрушены.

Официальный военный обозреватель генерал-лейтенант Дитмар, выступая по радио, своим вкрадчивым голосом сообщил, что немецкие войска, умело применяя в обороне тактику маневрирования, нанесли в районе Орла большой урон противнику и добились огромных успехов.

Таких «успехов» с каждой передачей становилось все больше и больше. На самом же деле русские все дальше продвигались на запад.

Слухи распространялись с неимоверной быстротой. У прибывающих на погрузку войск с помощью ловких на выдумки шептунов за короткое время создавалось соответствующее настроение.

Куда бы войска ни направляли, их путь никогда не лежал на родину. Редким исключением были такие случаи, когда какая-нибудь часть с Восточного фронта попадала в желанную Францию или в Болгарию. Но зато почти всегда их бросали туда, где складывалась наиболее тяжелая и опасная обстановка.

Такие мысли занимали и обер-ефрейтора Шнеллингера, когда он на своем вездеходе вез командира полка и адъютанта в отдел военных перевозок армии. В этом отделе Шнеллингер однажды столкнулся с одним фельдфебелем. Стычка, едва не кончившаяся дракой, произошла из-за того, что обер-ефрейтор запросто, не по-уставному, поздоровался со старшим по званию — фельдфебелем. Взъерепенившийся тыловик потребовал от обер-ефрейтора отдать ему честь по всей форме, как положено по уставу. Это в свою очередь обидело Шнеллингера, и он хотел было отвесить фельдфебелю оплеуху. Но едва он замахнулся, обладатель фельдфебельских нашивок трусливо бежал и, спрятавшись в проходной будке, начал грозить, что доложит кому следует

и даже посадит зарвавшегося обер-ефрейтора на гауптвахту.

Вспомнив об этом случае, Шнеллингер улыбнулся и посмотрел на два автомата, которые он постоянно возил с собой как дополнительное вооружение командира полка. Полковник Круземарк ни разу не брал их в руки, но чувствовал себя увереннее, когда автоматы были с ним.

Проезжая мимо каменной ограды, обер-ефрейтор пытался угадать, какая часть расположена за ней. В этом районе города были временно расквартированы части только что снятой с фронта пехотной дивизии. «Наверно, и эту дивизию снова бросят в мясорубку, — рассуждал Шнеллингер. — А ее, сильно потрепанную и уставшую за последний месяц, стоило бы отвести куда-нибудь в Голландию или Венгрию, дать ей там как следует отдохнуть и по-настоящему пополниться».

Уходя вместе с командиром полка в отдел военных перевозок, адъютант бросил водителю на сиденье раскрытый журнал. Покосившись на него, Шнеллингер подумал: «Наверно, опять об одном и том же: о героическом фюрере, который всегда знает, что делать». И вдруг... «Армия истекает кровью, — читал он в журнале. — Сейчас каждый должен доказать свою готовность принести в жертву во имя «великой Германии» свою жизнь. Те, кто уже доказали это, будут теми упавшими на русскую землю зернами, из которых со временем вырастут молодые побеги новой империи».

Далее шло что-то слишком заумное, вымученное неистощимыми на выдумки мастерами геббельсовской пропаганды: «Германская нация прониклась сознанием своей новой исторической роли».

Повернув ключ зажигания и запустив двигатель, обер-ефрейтор соскочил с сиденья и распахнул обе дверцы. Хотя прошло вот уже четыре года, как Шнеллингер надел военную форму, он все еще не переставал удивляться, как это полковнику Круземарку удалось сделать из флегматичного деревенского парня, каким обер-ефрейтор был до военной службы, предупредительного шофера с манерами придворного слуги.

С раздражением говоря что-то адъютанту, полковник Круземарк вышел из здания и сел в машину. Шнеллингер захлопнул дверцы, ловко снял серый чехол с

флажка командира полка, бегом обежал вокруг машины и скользнул за руль.

— На вокзал! — высоким дискантом бросил полковник водителю. Затем, не поворачиваясь, глядя прямо перед собой, он, как бы рассуждая, обратился к Альтдерферу: — Туда мы лучше пошлем Хельгерта. Пока все соберутся в Ельне, он успеет вернуться. И откровенно говоря, мне хотелось бы, чтобы в управлении кадров нашими делами занимался строевой офицер. Полковник Шнейдевинд, который ведает там артиллерийскими кадрами, в этом отношении человек очень щепетильный. Я его знаю, дорогой, очень хорошо знаю. Мы с ним немало послужили вместе.

Альтдерфер знал, что шестая батарея с Хельгертом и Гегенбахом была единственным подразделением, в котором уцелели оба офицера. Все остальные батареи полка уже несколько недель лишены такой роскоши. Поэтому адъютант сразу же поспешил подтвердить правильность решения своего командира и в знак согласия кивнул.

— Кстати, — продолжал Круземарк, — Шнейдевинд будет иметь возможность посмотреть на нашего рыцаря. Своим делом с женой он прославился на всю армию.

— Господин полковник, решение господина генерал-фельдмаршала Кейтеля, видимо, хотят объявить Хельгерту до его отъезда?

Занятый уже другими мыслями, Круземарк не слышал вопроса адъютанта. Сейчас он думал о том, как бы ему отсюда убраться, если русские прорвутся сюда раньше, чем прибудут батареи его полка.

— Что вы сказали? — спросил полковник.

— Я говорю об ответе господина генерал-фельдмаршала Кейтеля по делу Хельгерта.

— Ах вот вы о чем? — Немного подумав, Круземарк ответил: — Да, конечно. Наконец-то мы покончим с этим щекотливым делом. Возможно, и генерал вспомнит о своем намерении перевести Хельгерта в штаб дивизии. Представляете, какой поднимется тарарам, если Хельгерт узнает о решении по его делу не сейчас, а позже?! Кстати, как там сформулировано?

Альтдерфер порылся в своей планшетке и извлек оттуда бумагу с большим красным штампом «Секретно». Нагнувшись к уху полковника, он прочитал:

«Честь обер-лейтенанта Фрица Хельгерта считать не затронутой. Командира полка обязываю соответствующим образом воздействовать на его жену, решительно потребовать от нее на будущее строгого соблюдения принципов чести жены немецкого офицера».

«Этого еще не хватало», — недовольно подумал Куземарк.

Адъютант не знал, радоваться ему решению верховного командования или нет. С одной стороны, он хотел, чтобы Хельгерта наказали и тем самым сбили бы с него спесь. С другой — он отлично понимал, что положительное решение верховного командования по делу Хельгерта принято только благодаря хитро составленному им представлению, а это позволяло ему надеяться на еще большее доверие со стороны командира полка.

— Глупо, — прошептал Круземарк, — что на заседании офицерского суда чести мы сказали Хельгерту, что только развод с женой может спасти его от больших неприятностей. Теперь, после решения Кейтеля, он поднимется, как феникс из пепла. Он может даже сделать вывод, что верховное командование приняло решение, чуть ли не противоположное постановлению суда чести.

— Я думаю, он будет доволен, что так легко отделался.

— Не ошибитесь еще раз, — сердито закончил разговор полковник и стал думать, как лучше объявить командиру батареи содержание секретной бумаги.

Шнеллингер обычно по отрывочным фразам улавливал суть всего разговора. Но о чем говорил командир полка с адъютантом сейчас, он так и не понял. Он понял только то, что полк по железной дороге перебрасывают в Ельню, а обер-лейтенанту Хельгерту, командиру шестой батареи, предстоит командировка в Берлин, в управление кадров, и что он замешан в каком-то деле, связанном с оскорблением чести.

В то время как батареи полка под почти непрерывными бомбежками находились на марше, обер-лейтенант Альтдерфер стоял на железнодорожной станции и смотрел на бесконечный ряд платформ.

А полковник Круземарк тем временем начищал тряпочкой свой Рыцарский крест и думал о том, что, не-

смотря на явные успехи полка под Орлом (потери-то понесены немалые!), получить «дубовые листья» нелегко, пока в главной ставке не повесят на шею крест командиру дивизии. Однако он все же верил в свою счастливую звезду и рассчитывал, что в предстоящих боях получит желанную награду.

Сосредоточенно изучая крупномасштабную карту, Круземарк пришел к выводу, что расстояние до Москвы с каждым днем, видимо, будет увеличиваться все больше и больше. «Вероятно, это одна из основных задач последней советской операции, — подумал полковник Круземарк. — Другая задача, которую поставили перед собой русские, состоит, по всей видимости, в том, чтобы прикрыть с севера правое крыло своих войск, наступающих на Брянск».

Все это полковник хорошо понимал. А вот зачем понадобилось его полк, выведенный из боя из-за больших потерь, сразу же, без пополнения и отдыха, перебрасывать на другое направление и привлекать для участия в новой крупной операции — этого Круземарк постичь не мог.

Закурив новую сигару, Круземарк выпустил большой клуб дыма и продолжал рассуждать. Он пришел к выводу, что русские не остановятся на полпути хотя бы потому, что Ельня — последний бастион на юго-восточных подступах к Смоленску — имеет большое оперативно-стратегическое значение. При этом он не мог отделаться от впечатления — и оно полностью подтверждалось новым приказом, полученным полком, — что летнее советское наступление далеко еще не закончилось.

Облако пыли, вздыбившееся над тянувшимися в Орджоникидзеград колоннами, становилось все плотнее. Даже мягкий влажный воздух ночи не мог опустить его на раскаленные августовским солнцем поля и луга.

В эту ночь части Красной Армии еще ближе подошли к Брянску.

Обер-ефрейтор Шнеллингер нашел обер-лейтенанта Фрица Хельгерта в нескольких километрах от Брянска и быстро доставил его к командиру полка.

Хельгерт ожидал чего угодно, но только не этого. Разве мог он предположить, что командир полка даст ему задание срочно выехать в Берлин, в управление кадров сухопутных войск, где он должен передать письмо Круземарка его старому однокашнику — полковнику Шнейдевинду?! Обер-лейтенант сунул в потертую полевую сумку лист бумаги со списком офицеров, которых Круземарк считал достойными для замещения образовавшихся в полку вакантных должностей, и уже подумал, не следует ли поблагодарить полковника за оказанное ему доверие.

Но тут Круземарк встал и уже более официальным тоном проговорил:

— Хельгерт, я должен сообщить вам кое-что такое, что, безусловно, будет вам до некоторой степени приятно. — Он достал из папки листок бумаги и вытянулся.

Командир батареи принял стойку «смирно».

— Это не надо... Это тоже... Это вас не интересует... Вот здесь. — Его голос стал звонче и тоньше: — «Честь обер-лейтенанта Фрица Хельгерта считать незатронутой».—Круземарк посмотрел на окаменевшего командира батареи и очень быстро, как будто читал что-то малозначащее, продолжал: — «Командира полка обязываю соответствующим образом воздействовать на его жену, решительно потребовав от нее на будущее строгого соблюдения принципов чести жены немецкого офицера. Подписал Кейтель, генерал-фельдмаршал». Вот и все. Поздравляю вас с благополучным решением вашего дела и полагаю, что на этом следует поставить крест.

— Так точно, господин полковник! — механически ответил Хельгерт.

— Есть у вас вопросы?

Да, у Хельгерта был один вопрос, и даже очень важный.

— Ваш адъютант, господин полковник, после прорыва русских заявил, что орудия шестой батареи можно было бы отвести назад. По этому поводу вы, господин полковник, хотели при случае поговорить со мной.

Круземарку пришлось немало подумать, прежде чем он вспомнил об этом эпизоде.

— Дорогой Хельгерт, ваше вполне понятное негодование тогда, кажется, сильно подвело вас. Никто не осуждал и не осуждает ваших действий. Господин Альт-

дерфер хотел только одного: чтобы вы приняли орудия четвертой батареи. — В глазах командира полка появились насмешливые искорки.

— Так точно, господин полковник!

— Ну, тогда — до свидания!

Хельгерта охватило страшное волнение и смятение. Берлин... Честь считать незатронутой... потребовать строгого соблюдения принципов чести жены немецкого офицера...

Как одурманенный, сел он в машину рядом со Шнеллингером. Двигаясь навстречу нескончаемому потоку войск, забивших всю дорогу, они медленно поехали к Брянску.

Шнеллингера несколько озадачило то, что обер-лейтенант, который был таким разговорчивым, когда они ехали к полковнику, сейчас всю дорогу молчал. Бросив косой взгляд на сосредоточенное лицо офицера, Шнеллингер подумал: «Его явно укусила какая-то муха».

В ту же ночь Хельгерт с одним из эшелонов выехал из Брянска в Минск. С трудом превозмогая валившую с ног усталость, он пытался осмыслить суть пережитого. Кое-что ему уже становилось ясно. После высказываний полковника Круземарка и майора Пфейлера на суде чести у него не было никаких оснований сомневаться, что верховное командование даст по его делу отрицательный ответ. Тем не менее в течение последних месяцев он надеялся, что господин Кейтель все же решит его вопрос положительно—тогда честь его и жены будет восстановлена. Более того, он даже верил, что там, наверху, те, кому поручено оберегать честь офицера, не ограничатся реабилитацией и примут решительные меры против насильников, грубо нарушивших закон и поправших элементарные правила человеческой морали. А теперь оказалось, что Дернберг, безусловно виновный, остался ненаказанным, и в ответе Кейтеля о нем не говорится ни слова. Обер-лейтенант не раз пытался убедить себя, что ему безразлично, как кончится это дело. Но сейчас он почувствовал, как глубоко задел его ответ Кейтеля.

Если перевести по-канцелярски гладкую формулировку на общепонятный язык, то она будет выглядеть так: «Ты нам безусловно нужен. Нужен, пока ты в состоянии убить хотя бы одного русского. В остальном

решение гамбургского военного трибунала законно и остается в силе. Чтобы ты в этом убедился, посылаем тебе письменное подтверждение генерал-фельдмаршала. А теперь иди подальше со своей реставрированной честью и больше нам не надоедай».

Колеса мерно отбивали такт, унося Хельгерта на запад. Тяжелые мысли не давали ему уснуть. Он смутно чувствовал, что его последняя надежда на справедливость была самообманом.

Когда Алоиз Альтдерфер получил письмо, его охватило неприятное чувство: на конверте стоял обратный адрес гамбургской больницы. Еще не дочитав письма, он почувствовал приступ слабости. Виланд ослеп!

Ясно представляя подробности случившегося, он все еще никак не мог до конца осознать несчастье. Он выпустил из рук письмо и тяжело вздохнул. Да, теперь, наверное, всю жизнь брат будет висеть у него на шее. Всю жизнь терпеть около себя беспомощного человека, постоянно заботиться о нем! Но может быть, удастся купить для него место в доме для слепых? Он быстро дочитал письмо до конца:

«Кроме того, ваш брат хотел бы сообщить вам, что он, чувствуя ответственность перед богом и собственной совестью, возбудил ходатайство о пересмотре одного хорошо известного вам, господин обер-лейтенант, дела. О результатах ваш брат поставит вас в известность по окончании повторного процесса. С почтением. Доктор Фельгентрегер, главврач».

Последние строчки встревожили обер-лейтенанта значительно больше. Он сразу понял, что Виланд в интересах третьего лица давал на процессе по делу Хельгерта ложные показания и теперь, мучимый угрызениями совести, хочет, невзирая на последствия, морально очиститься.

— Доброе утро, господин полковник!

— Доброе утро! Как спали? — Круземарк небрежно бросил трость с серебряным набалдашником на ломберный стол.

— Покорнейше благодарю! Хорошо!

Вместе с адъютантом в комнату к командиру полка вошли командир штабной батареи и полковой ветеринар.

В это утро Круземарк пребывал в веселом настроении: уже сегодня штаб полка будет погружен в эшелон.

Адъютант же был молчалив и немногословен. За завтраком он все время думал о Виланде и предстоящем пересмотре дела Хельгерта. Альтдерфер понимал, что в любом случае от этого выиграет только Хельгерт. И эта мысль причиняла ему боль. Если он не может помешать реабилитации Хельгерта, то надо подорвать его авторитет хотя бы в полку. И он решил, что настало время пустить в ход свой кондуит.

Альтдерфер быстро составил план, как поднасолить этому щепетильному Хельгерту. Когда командир штабной батареи и ветеринар, хорошо позавтракав, ушли наблюдать за погрузкой, адъютант спросил командира полка:

— Разрешите узнать, господин полковник, как Хельгерт воспринял решение по его делу?

— Все обошлось как нельзя лучше. У командира батареи теперь наверняка отлегло от сердца. Что же касается жены, то в Берлине за время командировки Хельгерт, безусловно, уладит с ней все недоразумения, — заключил Круземарк. — Все же это была великолепная идея — послать в Берлин именно Хельгерта! Как вы считаете?

Альтдерфер чуть заметно наклонил голову:

— Тем не менее, господин полковник, я считаю своим долгом поделиться с вами своими наблюдениями и доложить вам некоторые сведения.

— Какие? Что-нибудь касающееся Хельгерта?

— Имеющиеся у меня сведения дают полное основание предполагать, что обер-ефрейтор Гейцер, санитар шестой батареи, перебежал к противнику! — Он ждал, какое впечатление произведет на полковника его сообщение.

— Не хотите ли вы этим сказать, что Хельгерт плохо следил за своим подчиненным?

— Конечно нет, господин полковник!

— Тогда что же? В такой неразберихе, какая была в то время под Орлом, нельзя требовать от людей слишком многого, не правда ли?

— Разумеется, господин полковник. Но до аншлюса Австрии Гейцер был членом австрийской социалистической партии.

Полковник тихо свистнул сквозь зубы:

— Это придает делу несколько другой оттенок.

— Я тоже, господин полковник, считал этот факт малозначительным.

Круземарк не знал, как прекратить этот ставший ему неприятным разговор, и сделал вид, что думает совсем о другом.

После такой подготовки Альтдерфер решил, что пора пустить и свою собственную стрелу.

— Господин полковник, вы, видимо, помните пополнение, которое мы получили в начале июня?

— Вы имеете в виду несколько жалких запасников?

— Так точно, господин полковник! Рядового Рудольфа Бендера мы направили в пятую батарею.

Теперь Круземарк не понимал, куда клонит адъютант, и начал сердиться.

Заметив это, Альтдерфер почтительно продолжал:

— Беседуя однажды с лейтенантом Гегенбахом о моральном состоянии батареи, я узнал, что у него сложилось впечатление, будто рядовой Бендер не прочь сдаться русским в плен.

— А как у Гегенбаха на огневой позиции оказался солдат из пятой батареи?

— Бендер по настойчивой просьбе обер-лейтенанта Хельгерта был переведен в его батарею!

— Тысяча чертей! — воскликнул полковник. — Два случая в одном и том же подразделении! — Он хлопнул тростью по сапогу, от которого тотчас же отделилось облачко пыли.

— Господин полковник, этот Бендер раньше был членом коммунистической партии!

Круземарк порывисто вскочил, и Альтдерфер понял, что его стрела попала в цель.

— Черт возьми! — Полковнику стало страшно продолжать разговор. — Так ведь это же верные симптомы сознательного подрыва военной мощи! Ну неужели Хельгерт, этот верблюд, не видел, что у него творится в батарее?! — В гневе Круземарк заходил по комнате.

Альтдерфер подумал, что сейчас самое время упомянуть еще об одном факте, который наверняка заставит полковника сделать для себя кое-какие выводы.

— Разрешите, господин полковник, высказать одно небезынтересное предположение?

Круземарк очнулся от своих мыслей и приготовился слушать.

— А что, если Бендер не случайно попал в батарею Хельгерта? А что, если он пришел туда с определенными намерениями и добивался конкретной цели, выполняя чьи-то задания?

Полковник испугался. И это в его полку! А ведь еще вчера он думал, что с неприятным делом Хельгерта покончено навсегда.

— Обер-лейтенант Альтдерфер! У вас политический нюх!

В ответ на похвалу командира полка Альтдерфер лишь скромно щелкнул каблуками.

— Продолжайте ваши наблюдения и никому ни слова! Я вам помогу. Можете на это рассчитывать!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

В Минске Хельгерт пересел в пассажирский поезд. Еще несколько часов — и он будет в Берлине. Над горизонтом показались первые лучи солнца. Исчезали ночные тени. Тускнел серебристый серп луны. В купе офицерского вагона пахло потом, порошком от вшей и плохими сигаретами. Часы тянулись мучительно медленно.

Хельгерт уже не мог сидеть в купе: раздражал спертый воздух и теснота. На нервы действовали разговоры не скрывающих своего жадного любопытства соседей по купе, их безудержное хвастовство своими подвигами. Он вышел в коридор, закрыл за собой скрипучую дверь и закурил, хотя язык уже горел от никотина.

Обер-лейтенант Хельгерт еще раз продумал все, что ему предстояло сделать в Берлине, и, чтобы не забыть, решил записать:

1) к полковнику Шнейдевинду по вопросу кадров;

2) навестить мать Баума с цветами, поговорить с Клавдией Занден;

3) подала ли Ильза на развод?

О чести.

Указание Круземарка.

Возбуждать ли повторный процесс?

Во-первых, нужно было договориться с Шнейдевиндом о нескольких вернувшихся из госпиталей офицерах,

которые под командованием полковника Круземарка пойдут на героическую смерть.

Во-вторых, необходимо было рассказать матери Баума о последних днях ее сына. Хельгерту стало как-то не по себе от сознания, что он еще раз заставит родителей Баума пережить горе.

В-третьих, следовало решить все те вопросы, которые могли повлиять на его будущее. Стоит ли возбуждать повторный процесс? Никаких новых фактов у него не было, так что суд вряд ли отменит свое прежнее решение. А если бы такие факты даже и были, суд принял бы другое решение, но тогда совсем в другом свете стало бы выглядеть заключение Кейтеля. Ильза, конечно, поможет ему найти правильное решение.

Фриц вернулся в купе. Мерный стук колес, усталость — результат нескольких бессонных ночей — вызвали в нем блаженное чувство полного безразличия ко всему и лишили его желания о чем-либо думать. Лица попутчиков по купе расплылись словно в тумане, и Хельгерт погрузился в полудремотное состояние. Время от времени он подолгу смотрел на часы.

Солнце уже начало клониться к закату, когда поезд подошел к перрону Берлинского вокзала и шумный поток пассажиров захлестнул обер-лейтенанта и потащил его на вокзальную площадь.

Вокзал остался позади. Погруженный в свои мысли, обер-лейтенант Хельгерт, ничего не видя и никого не замечая, шел по мостовой. Вдруг раздался гудок — и, как сказочный гигант, перед ним вырос радиатор завизжавшего тормозами автомобиля. Под рассерженным взглядом водителя он отскочил в сторону и быстро зашагал дальше.

Взяв себя в руки, Хельгерт подумал: «Прежде всего надо выполнить поручение командира полка».

Бендлерштрассе.

Здесь находилась ставка верховного главнокомандования вермахта.

Здесь планировалось создание новой государственной иерархии мирового масштаба, возглавляемой Германской империей и Адольфом Гитлером.

Здесь создавались новые каноны стратегии.

Здесь стряпались сводки верховного главнокомандования, призванные поднимать дух немецких граждан.

Здесь в несколько раз сокращались данные о потерях своих войск, чтобы не поколебать в немцах веры в окончательную победу.

Здесь каждый день генштабисты переставляли цветные флажки армий, корпусов и дивизий в сторону Берлина.

Когда обер-лейтенант Хельгерт проходил мимо часовых, стоявших у подъезда, и те, отдавая ему честь, взяли винтовки «на караул», он обернулся и подумал, что часовые приняли его за какую-то важную персону. Скользнув взглядом по длинному серому фасаду, он вошел в лабиринт сумрачных коридоров.

Остаток дня походил на пестрый калейдоскоп: мундиры с иголочки, на шелковых подкладках, украшенные орденами; белоснежные подворотнички; изящные шпаги с львиными головами на эфесах; лакированные полуботинки, сверкающие шпоры со звоном; многочисленные адъютанты; лоснящиеся лица офицеров, сдержанный шепот генштабистов; постоянные намеки на то, что здесь все знают, но ничего не могут сказать.

Генштабисты украдкой бросали косые взгляды на большую заплату на правом сапоге Хельгерта, на его кавалерийские бриджи и помятый галстук армейского образца. С удивлением косились на манжеты его рубашки, на которых не было запонок, хотя кому, как не им, знать, что на полевых рубашках они вообще не предусмотрены.

Хельгерту пришлось преодолеть немало барьеров, прежде чем он оказался перед кабинетом полковника Шнейдевинда, но и тут дорогу ему преградил капитан, адъютант полковника. От него Хельгерт узнал, что полковник находится в казино. Сегодня, впрочем, как и всегда, чтобы не попадать на глаза людям, ожидавшим его в приемной, Шнейдевинд прошел через другую дверь кабинета.

Капитан посоветовал Хельгерту прийти завтра, — кстати, и он сейчас собирается обедать. И вообще, все это дело следовало направить по команде, официаль-

ным путем, — и тогда через несколько дней документы, возможно, будут у полковника на столе.

Хельгерт все же не ушел и сел.

Но адъютант не собирался пускать к своему начальнику этого неотесанного вояку, не узнав истинной цели его прихода.

Хельгерт развернул «Фелькишер беобахтер». Капитан начал его забавлять.

— Через несколько дней я должен быть в Ельне. Вы, случайно, не знаете, где находится этот город? — ехидно спросил обер-лейтенант.

Адъютанту Шнейдевинда пришлось задуматься.

В это время дверь распахнулась и насытившийся полковник Шнейдевинд вошел в свои апартаменты.

Хельгерт встал и поправил оттягивавший ремень пистолет.

Пройдя за спиной капитана, Хельгерт направился к двери. Но адъютант встал и загородил дверь. Обер-лейтенант решительно и не слишком деликатно отодвинул его в сторону и громко постучал. Не дожидаясь ответа, он бесцеремонно вошел в кабинет.

Первое, что он заметил на лице полковника, — это высоко поднятые брови, одновременно выражавшие и удивление, и недовольство.

Хельгерт четко, по-военному, представился и передал привет и письмо от господина полковника Круземарка.

— Смотрите-ка! — начал сразу смягчившийся Шнейдевинд. — Старина Круземарк специально прислал этого молодца, чтобы передать мне привет! Очень-очень мило с его стороны! Его почтительность я очень ценю.

Пробыв у Шнейдевинда час, в течение которого капитан беспрерывно вносил в кабинет полковника папки с личными делами, Хельгерт понял, что особенно рассчитывать полковнику Круземарку не следует.

Возле целого ряда фамилий офицеров, стоявших в списке командира полка, Шнейдевинд ставил небольшие крестики, свидетельствующие о том, что этих людей уже нет в живых, а об отправке на фронт остальных обещал подумать.

— Вообще ваш полк придется пополнять за счет ветеранов первой мировой войны и кандидатов в офицеры. Вы, я думаю, понимаете, что эта информация —

для моего друга Круземарка. Остальное я направлю, как положено, через отделение кадров дивизии.

— Все ясно, господин полковник!

— Может быть, господин полковник беседовал с вами еще по каким-нибудь вопросам?

— Если господин полковник имеет в виду решение по моему делу о восстановлении чести, — ответил Хельгерт, — то по этому вопросу мне все сообщено.

— Ну вот и хорошо. По-моему, дорогой Хельгерт, решение принято правильное. Нам все же удалось добиться, чтобы к вам отнеслись со всей доброжелательностью. Я не думаю, чтобы в мирное время все обошлось так благополучно. — Он дружески хлопнул Хельгерта по плечу. — Передайте привет старому вояке Круземарку и скажите, что недавно им интересовался один большой артиллерийский начальник!

С этими словами Хельгерт был отпущен. Не удостоив адъютанта даже взглядом, он снял с вешалки фуражку и вышел.

Казалось, все трамваи на Потсдамерштрассе своим дребезжанием повторяли одну и ту же нудную фразу: «Нам удалось добиться, чтобы к вам отнеслись со всей доброжелательностью!» Но это больше не волновало обер-лейтенанта. Сейчас он пребывал в состоянии полного безразличия и равнодушия.

Стоит ли так переживать из-за всего этого? И что можно предпринять против такого гигантского аппарата власти, по гулким коридорам которого он сегодня столько ходил? В военном училище их заставляли учить наизусть организацию этого аппарата. Хельгерт стал вспоминать: над всем военным комплексом стоит верховное главнокомандование вооруженных сил во главе с Адольфом Гитлером, верховным главнокомандующим вооруженными силами. Ему подчинены три вида вооруженных сил: главное командование сухопутных сил, главное командование военно-воздушных сил и главное командование военно-морских сил. Каждый вид вооруженных сил возглавляется соответствующим главнокомандующим. Технический руководитель всего этого предприятия в ранге министра — начальник главного штаба вооруженных сил — его «друг» Кейтель, которого некоторые фронтовые офицеры втихую называют «Лакей'тель» или «Осел». Самой важной частью, где

планируется каждый выстрел, является штаб оперативного руководства вооруженными силами, возглавляемый Альфредом Йодлем; его заместитель и начальник отдела обороны страны — генерал Варлимонт. Далее тянется крысиный хвост огромного числа других отделов, таких, как общий отдел вермахта с его начальником, небезызвестным господином Рейнике, которому подведомственны все лагеря военнопленных, или военно-правовой отдел. Но это всего лишь частичка того, что создано войной!

Убежать от всего, вырваться из этих всесильных когтей! Боже мой! Напиться бы! Но нет, не стоит.

Долго бежал Хельгерт по улицам центра города. Фабрики, конторы и учреждения, должно быть, нарочно открыли свои двери и выплеснули потоки людей, чтобы он не сразу добрался до телефонной будки. Несколько раз он набирал номер, но никто не отвечал. Наконец, когда он уже хотел повесить трубку, в ней что-то щелкнуло и он услышал ее голос.

— Ильза! — хрипло крикнул он, не зная, с чего начать разговор.

— Ты здесь? — растерянно спросил голос на другом конце провода. — Откуда ты говоришь?

— С Линкштрассе.

— Значит, через полчаса будешь здесь?

— Мне еще надо кое-что сделать. Это займет примерно час.

— Сколько ты будешь в Берлине? У тебя отпуск?

— Нет, конечно. Потом все расскажу!

— Ты ведь скоро придешь, Фриц? Правда? — умоляюще спросила Ильза.

— Да, конечно! — Хельгерт положил трубку, и ему стало страшно перед чем-то неведомым, решающим. Может, это только нервы?..

И снова он торопливо шагал, не зная, куда и зачем. Он оказался в Тиргартене, где стояли каменные памятники героям прусской истории. О некоторых из них он слыхал еще в школе. «Вот эти Вольдемары и преемники Альбрехта, видимо, — второй сорт, иначе их бы часто цитировали, — подумал Хельгерт. — Королева Луиза упоминается часто...»

Позади остались Бранденбургские ворота с их колоннами и триумфальной колесницей.

Станция городской железной дороги «Фридрихштрассе» представилась ему гигантским ковшом, вычерпывающим людей из грохочущих туннельных труб. Одних ковш ссыпал в катящиеся поезда, других выбрасывал на освещенные бледным светом подземные перроны. Работая без устали с начала столетия, этот «ковш», как и строительные работы на этой станции, ни разу не останавливался.

У Ораниенбургских ворот появились первые проститутки. Обер-лейтенант видел, как их окантованные черным глаза с длинными накленными ресницами жадно высматривали добычу, а ярко накрашенные рты маняще ворковали, обещая мимолетное забвение за соответствующую мзду: продовольственную карточку на жиры и мясо, бутылку французского коньяка, брюссельские кружева, а если запросы желающего получить удовольствие оказывались слишком высокими, то и русскую «лейку».

По левую сторону Шоссештрассе тянулись казармы Ведингa, красного Ведингa, который видел рабочие демонстрации и баррикады, построенные бастующими вокруг желтокаменной церкви на Рейникендорферштрассе; видел Ведингa и убитых.

Наконец Хельгерт подошел к кварталу, где находился его дом. В темноте дом показался ему похожим на монашенку в сильно накрахмаленном чепце.

Хельгерт долго смотрел на Ильзу, глаза которой излучали радость.

До поздней ночи говорили Фриц и Ильза: об Эбергарде Бауме и Орловской дуге, об этой неожиданной командировке, о переброске их полка на новый участок фронта — между Смоленском и Калугой, о предстоящем посещении родителей Баума и о последних воздушных налетах на Берлин, о работе Ильзы в Вирховской больнице и бог знает о чем еще. Оба чувствовали, что пора поговорить о самом главном, но ни один из них не решался.

— Я получил твое письмо, Ильза! — осторожно начал Хельгерт.

Она давно уже была готова к этому разговору.

— Ну и что ты думаешь о моем предложении?

— Считаю его беспочвенным.

Ильза спокойно ответила:

— Сегодня ты весь вечер говорил о чем угодно, но только не о том, что тебя волнует больше всего, прости меня, — о случае с Дернбергом. Ты рассказывал о своей жизни, но ничего не сказал о процессе, который все еще тянется. Мне кажется, что ты просто не доверяешь мне. Не имеет никакого смысла строить какие-то иллюзии. Все надо решать сразу: так, по-моему, безболезненнее и лучше. — Ее лицо побледнело.

«Значит, о процессе она уже знает, — удивился Фриц. — Но откуда?»

Немного помедлив, он ответил:

— Процесс, о котором ты говоришь, уже закончился. Решение верховного главнокомандования такое: «Честь обер-лейтенанта Хельгерта считать незатронутой». — Все сильнее возбуждаясь, он продолжал: — По-моему, я поступил совершенно правильно... Лучше держать тебя подальше от этой истории, пока она не закончится.

Фриц пытался сформулировать ответ, какой он даст полковнику Круземарку, когда тот спросит, наставил ли он свою глубокоуважаемую супругу на путь истинный. И тут же дал себе слово никогда не рассказывать Ильзе об указании Кейтеля.

— «Держать подальше...» — Голос Ильзы задрожал от обиды. — По этому поводу могут быть, конечно, разные мнения. Но если бы мы по-прежнему доверяли...

— При чем тут доверие, Ильза? Я просто не хотел тебя волновать. Вот и все.

— Но ведь этот вопрос касается нас... и только нас с тобой.

Хельгерт покачал головой.

— Но ведь в наших отношениях ничего не изменилось. Я рад, что война помогла всему так быстро зарубцеваться. Для меня это дело уже кончено! — сказав это, Фриц почувствовал, что слова его прозвучали фальшиво и неубедительно.

Заметила это и Ильза. Она решила наконец поставить точки над «и».

— Если тебя не тяготит, как ты говоришь, ни судебный процесс, ни то, что произошло в Гамбурге, тогда мое письмо было напрасным, — сказала она и подума-

ла: «Надо ли теперь, когда Фриц заявил, что для него это дело уже кончено, говорить ему, что сейчас решение гамбургского трибунала по заявлению Виланда Альтдерфера снова пересматривается?»

— В таком случае не будем больше говорить об этом, — заключил Хельгерт.

Но и после этого он не мог считать, что теперь ему все ясно, что их отношения стали прежними. Сейчас Хельгерт не испытывал потребности откровенно поговорить с женой о своих политических сомнениях, считая, что она все равно не поймет его.

Ильза чувствовала, что вот-вот заплачет. Трещина в ее отношениях с мужем после этого разговора скорее увеличилась, чем уменьшилась. Оба чувствовали, что разговор явно не получился и не принес облегчения.

В четыре часа утра Ильзе нужно было идти на работу, и потому они легли спать.

«Хорошо ли ей сейчас? Счастлива ли она, что я хоть на несколько часов приехал к ней? — думал Хельгерт, лежа рядом с Ильзой. — Может, она, как и я, не спит и старается отгадать, что у меня на душе? Почему я не могу простить случившегося? Разумом я понимаю, что обвинять ее было бы несправедливо, а сердцем... Правильно говорят, что чувствами командовать нельзя! Действительно ли я люблю Ильзу? Трудно сказать. Во всяком случае, сейчас мне уже многого недостает. Пять месяцев назад я отказывался от нее—тогда события были еще слишком свежи в памяти. А сейчас?»

Фриц повернулся на другой бок.

Дыхание Ильзы было почти неслышным.

Она тоже не спала. Хотела протянуть к мужу руку, погладить его, но не смела. «Он не поцеловал меня, когда пришел. Не поцеловал и сейчас, когда ложились спать. Но я всегда буду любить его, даже тогда, когда ничего не буду значить для него».

На следующий день Хельгерт поехал к родителям Баума.

На станции «Фридрихштрассе» он вышел из метро, решив до Шпительмаркта пройти пешком. Предстоящая встреча угнетала его еще больше, после того как он поговорил по телефону с отцом Баума. Усталый голос, ставший старческим от скорби по единственному сыну...

На массивных фасадах Подворья и Центрального отеля с зимним садом-варьете виднелись следы бомбежек. Многочисленные увеселительные заведения, расположенные на левой стороне Фридрихштрассе, как пасти ненасытных чудовищ, проглатывали людей в военных мундирах.

Солнце уже склонилось над Бранденбургскими воротами и бросало свои блеклые лучи на огромные опустевшие здания посольств, окружавшие Парижскую площадь: на левой стороне, напротив гостиницы «Бристоль», — русское со строгим фасадом, за ним — слишком самоуверенные английское и французское и рядом с монументом — резиденция американских дипломатов.

Обер-лейтенант постоял немного на Центральной аллее, лишь в тридцать шестом году обсаженной деревьями, за которыми теперь никто не ухаживал, и подумал: «Здесь, на углу Фридрихштрассе и Унтер-ден-Линден, стояли с Эбергардом в тот день, когда бегун с олимпийским огнем пробегал сквозь толпу болельщиков к новому олимпийскому стадиону. Отсюда мы смотрели, как воздушный корабль «Граф Цеппелин» кружил над головами десятков тысяч людей. «Я призываю молодежь мира!» — звонил тогда колокол вон с той башни. А теперь? А теперь молодежь почти всей земли проливает кровь, чтобы снова восстановить мир, так коварно нарушенный жителями этого же самого Берлина.

Да, вот еще вспомнил: здесь мы были с Эбергардом еще раз. Это было, кажется, в тысяча девятьсот тридцать восьмом году. Тогда здесь проходили колонны легиона «Кондор». Все улицы, идущие от Высшей технической школы в Шарлоттенбурге до Люстгартена, были оцеплены штурмовиками. Торжественным маршем проходили уцелевшие вояки господина Варлимонта, который по поручению Гитлера немало сделал для того, чтобы усадить на трон генерала Франко. Главный итог их деятельности в Испании был таков: немецкое оружие испытано в боях и потому может быть использовано в большой войне. Помнишь, Эбергард, мы увидели тогда одного нашего одноклассника? Он был уже лейтенантом, летчиком-истребителем, и воевал в составе этого легиона. Его звали Вендигкейт. Когда он, загорелый, с надменной физиономией, в рубашке оливкового

цвета, украшенной несколькими орденами, проходил мимо нас, я, в восторге и восхищении, выкрикивал его имя и махал руками. А ты, Эбергард, даже не шевельнулся. Я хотел спросить тебя, почему ты так странно себя ведешь, но забыл. Наверно, ты уже тогда был знаком с Руди Бендером...»

Обер-лейтенант медленно пошел по направлению к Дворцовому мосту. Государственная библиотека, университет... Сколько раз они спорили с Эбергардом, кому поставлен памятник справа, а кому слева от входа в университет: где Александр, а где Вильгельм Гумбольдт? «Я и сейчас еще толком не знаю, кто где стоит»,— подумал Хельгерт. А теперь их, закрытых от бомбежек кирпичными кладками, вообще невозможно было отличить даже от гордо восседавшего на коне Фридриха Второго. Хельгерт шел мимо дворца кронпринцессы, Государственной оперы, Цейхгауза, в котором хранились реликвии всех побед, одержанных немецкими королями и кайзерами. На другой стороне улицы высились помпезный евангелический собор и замок Гогенцоллернов, внешним видом олицетворявший чванливость, высокомерие и кичливость своих хозяев.

«Так же высокомерна и кичлива вся шумная жизнь имперской столицы»,— подумал Хельгерт. Как будто ее ритм, несмотря на заметные разрушения, навечно определен неизменным высшим порядком с его многочисленными знаменами, штандартами и военными парадами.

Трудно было представить, что однажды этот привычный ритм может быть нарушен.

«К воронкам от бомб, к пожарищам и развалинам, на которых уже пробивается бурьян, наш Берлин, должно быть, уже привык. Привык он, видимо, и к тому, что тысячи людей гибнут в его развалинах. Их смерть ужаснее, чем гибель солдат на фронте.

Неужели есть такие люди, которые не думают о том, что и этот город, как и многие русские города, которые мне довелось видеть,— Харьков или, например, Орел,— может превратиться в груды пепла и развалин?! Но, странное дело, судя по лицам прохожих, вряд ли можно сказать, что берлинцы много думают об этом».

Обер-лейтенант пересек Шлоссплац и Гертрауденштрассе и оказался на площади Шпительмаркт. Здесь

в это время, за час до наступления темноты, особенно оживленно. Многие берлинцы, работающие в ночную смену, уже спешили на работу. Одни шли в большую типографию, некогда принадлежавшую Моссе, другие— к тискам, токарным и сверлильным станкам, клепальным молоткам, сварочным аппаратам и подъемным кранам.

Пропаганда, направленная на поддержание морального духа населения, велась в этом большом городе планомерно и хитро. После пережитых берлинцами ночных бомбардировок пышные обещания имперского министерства пропаганды действовали на сознание людей непосредственнее, и мысли о реванше и победе высказывались громче.

«Когда-то мы с Баумом,—вспоминал Хельгерт,— подхваченные молодежным движением двадцатых годов, с копьями и вымпелами, палатками и котелками, гитарами и гармошками отправлялись в туристские походы, пели песни о смерти, о бедных ландскнехтах, ставших никому не нужными, о последнем стакане искрящегося вина, выпитом ими перед смертью. Но то была смерть обыкновенных людей. Наши симпатии были на стороне героев, которые всегда оставались победителями и никогда не умирали. У нас с тобой, Эбергард, были свои мечты, смелые и таинственные, свои целеустремленные планы. И вдруг тебя не стало. Ты мертв. Мертв, как и этот большой Берлин. Да, город похож сейчас на мертвого. Пошатнулся фундамент, который казался нам таким прочным.

Мы не разорвали нашу дружбу даже тогда, когда в дубовой рощице под Лесками Эбергард впервые рассказал мне о своей подпольной работе. Скрытность и недоверие ко мне сначала показались мне не только обидными, но даже оскорбительными. Но через несколько дней я смотрел на это дело уже иначе. Да, Баум всегда был моим настоящим другом и оставался им до самого последнего часа».

Боже мой! Вот уже и дом!

Хельгерт позвонил.

До него донеслось шаркание чьих-то торопливых ног. Через секунду в дверях вырос отец Эбергарда. Изборожденное бесчисленными морщинами лицо. Сжатые губы. Глаза, светящиеся каким-то суровым блеском.

Вошли в комнату. Сели. Каждый думал о том, как бы начать разговор. Неожиданно твердым голосом Баум спросил:

— Правда, что мой сын умер мгновенно?

Ответ обер-лейтенанта, видимо, несколько успокоил старика.

— Большое вам спасибо. Я боялся, что моему сыну пришлось долго мучиться...

Вошла мать Баума. Хельгерт встал. Не поздоровавшись, она уткнулась лицом в его плечо и зарыдала. Не зная, чем помочь горю матери, обер-лейтенант осторожно гладил ее руку.

Через несколько минут старушка успокоилась, и они разговорились. Родители вспомнили детство Эбергарда, его юношеские увлечения. Неожиданно Хельгерт почувствовал, что в этом доме ему стало как-то легче и даже веселее.

Родители Баума попросили его рассказать о фронте. «О чем же им рассказать? — подумал Хельгерт. — О жестокости и бессмысленности войны? О Германской империи, ввергнувшей в войну весь мир? О страшной мясорубке? Ради погибшего Эбергарда надо бы рассказать о чем-нибудь таком, что осталось бы в памяти стариков. Может быть, стоит даже кое-что приукрасить. Я знаю, что поступлюсь своей совестью. Но что такое гордая скорбь, которую я собираюсь пробудить в них? Это ложное чувство! И сейчас, когда я вижу глаза его матери, мне кажется, что стать трусом — не так уж позорно!

Не получится ли так, что я буду говорить голосом ханжи и лицемера, как я, может быть, говорил бы полгода назад? Нет, этого делать нельзя! Иначе у стариков появится призрачное чувство гордости и они уверуют, что, потеряв своего сына, они принесли во имя «великого дела» святую жертву».

Сделав над собой усилие, Хельгерт прервал ход мыслей в момент, когда в его памяти встали высота 261.1 и маленький холмик земли на могиле Эбергарда.

— Эбергард был хорошим другом, солдатом, который верил, что исполняет свой долг. Но лично я все больше сомневаюсь в справедливости этой войны. Меня все время убеждали, что она ведется во имя высоких идеалов. На самом же деле мы ведем войну, чтобы за-

хватить руду, нефть и зерно. Об этом цинично заявил, кажется, Геббельс. Закрывать на это глаза нельзя.

«Как сильно потрясла бедного Фрица гибель моего Эбергарда! — подумал отец Баума. — То, что он сейчас говорит, просто чудовищно!»

Бауму нужна была ощутимая замена своему погибшему сыну — смысл его смерти. И этот смысл, по его убеждению, должен был состоять совсем в другом.

— Твердость! Именно сейчас нам нужно твердо стоять, стоять до последнего патрона! Нет, до последнего человека! — произнес старик.

Вильгельм Баум хорошо помнит первую мировую войну. Тогда он служил в гвардейском уланском полку. Он был под Верденом. Дважды участвовал в боях на Марне — в четырнадцатом и шестнадцатом. Воевал во Фландрии, Галиции. Под Камбре познакомился с танками, когда англичане и американцы пустили на прорыв немецкой обороны свои стальные чудовища.

Считая своим долгом помочь молодому офицеру снова встать на путь служения отечеству, убеленный сединой Баум рассказывал эпизоды из первой мировой войны, не забывая при этом подчеркнуть свой личный героизм. Он говорил красноречиво, убедительно, порой даже забывая о тяжелой утрате.

Слушая старого ветерана, Хельгерт думал: «Как бы отнесся Эбергард к словам отца? Может быть, большинство немцев думают так же, как этот старый господин, — и не только старшее поколение, а и Зенфлебен, и Зехтинг, и, возможно, даже Эйзерберг? Если смерть Эбергарда и имеет какой-то смысл, то он заключается только не в том, чтобы затянуть войну. Наоборот, его смерть должна приблизить окончание этой бойни». Но у Хельгерта не было сил убедительно доказать старику Бауму, что тот заблуждается. Слова Баума, словно мерный шум, доходили до его ушей, но смысла их он не понимал.

Пока мужчины разговаривали, мать сидела, не проронив ни слова. У нее было одно-единственное желание — обнять своего мертвого мальчика, отбросить с холодного лица волосы и еще раз заглянуть в его глаза.

Когда Хельгерт поздно вечером возвращался домой, по черному небу, словно призраки, шарили бледно-хо-

лодные лучи прожекторов — световая реклама второй мировой войны.

Утром Ильзе надо было идти в больницу. Последние дни она все время дежурила. Ей предстояло дежурить и сегодня ночью, когда Хельгерт поездом, следовавшим до Смоленска, должен был выехать на фронт, на новый участок под Ельню. Муж поцеловал ее на прощанье в щеку, и она ушла без слез.

Фриц же сел за стол и, строго соблюдая все формальности, написал завещание, по которому Ильза в случае его смерти оставалась единоличной наследницей всего принадлежащего ему имущества. Делал он это не потому, что предвидел свою смерть, а потому, что считал это необходимым.

После обеда он привел себя в порядок и отправился разыскивать Клавдию Занден. Он надеялся, что ему удастся утешить Клавдию. Но прежде чем он открыл рот, чтобы выразить свое соболезнование, она сказала:

— Я очень рада, что вы пришли.

«Какое самообладание! — с восхищением подумал обер-лейтенант. — И виду не подает, что взволнована. Ведь я почти до самого последнего момента был с Эбергардом! Бледное строгое лицо! За время, прошедшее с тех пор, как я видел ее последний раз, она очень изменилась: юркая девчонка превратилась в серьезного человека».

Клавдия стала накрывать на стол. Принесла печенье:

— Это печенье очень любил Эбергард.

Хельгерт искоса посмотрел на нее. Клавдия наливала чай, и рука ее не дрожала.

«Интересно, о чем она сейчас думает? Что ее волнует? Конечно, она думает о том, кто же виновник ее несчастья. Раньше люди принимали свое горе как нечто неизбежное. Теперь же многие начинают думать о том, кто же виновен в гибели многих тысяч людей».

— Расскажите мне... о нем, — попросила Клавдия.

Хельгерт отодвинул стул от яркой лампы. В сумерках было легче скрыть свои чувства. «Знает ли она о существовании Бендера?» — мелькнуло у него в голове.

Клавдия положила на стол большую пачку писем:

— Он прислал мне много фотографий.

Оба молча начали рассматривать снимки, сделанные в июне: Эбергард с товарищами у блиндажа, церковь и орудия шестой батареи на ОП. Несколько снимков, сделанных во время подготовки к операции «Цитадель».

Потом Клавдия протянула Фрицу самые последние снимки. На одном из них была изображена часть опустевшего окопа с еще не убранными трупами солдат. Лицо девушки судорожно передернулось.

Хельгерт пожал плечами. «Кому это надо? — спрашивал себя пораженный обер-лейтенант. — Кто на фронте станет смотреть на трупы? Только тот, кто давно переступил границу нормального, кто ради сохранения собственной шкуры готов выполнить любой приказ. Да, такие смогут стрелять даже в своих. Если какой-нибудь солдат попытается перебежать к противнику и его поймают, дезертиру грозит неминуемая смерть. Но чтобы расстрелять его, нужны люди. И они находятся. Их не мучит совесть, когда они целятся в такого же немца. Правда, у них есть возможность утешить себя — загнать в патронник холостой патрон, давно приготовленный для очищения совести, выстрелить им, а потом сказать себе: «Не я убил, а мой сосед!»

Но такие люди могут быть только на фронте. Здесь же совсем другое дело. Клавдия знает фронт по рассказам да по раскрашенным героическими красками сообщениям газет. Поэтому-то эти фотографии и произвели на нее жуткое впечатление: каждый убитый напоминает ей о ее Эбергарде. Присылать ей такие снимки — слишком жестоко».

Вдруг Хельгерт заметил, что Клавдия уже давно молча смотрит на него. Он протянул ей фотографии, и его рука нечаянно коснулась ее руки. Он резко поднялся и, взволнованный, начал беспокойно ходить по комнате. Отрывисто и сухо, как для самого себя, рассказывал он о событиях тринадцатого июля. Каждый раз, когда он поворачивался, его взгляд скользил по хрупкой фигуре Клавдии.

— Он, наверно, предчувствовал?..

Хельгерт отрицательно покачал головой:

— Эбергард был уверен, что выживет.

— Он ничего не говорил вам? — спросила Клавдия, пристально посмотрев на Хельгерта.

Обер-лейтенант насторожился:

— Говорил о вас, о свадьбе и... — «Сказать ей, какими восторженными словами говорил Эбергард о своей Клавдии?» Но он тут же отбросил эту мысль и, прислонившись плечом к затемненному окну, стал ждать, о чем будет говорить Клавдия.

Она начала монотонно рассказывать:

— Телеграмма из Берлина застала меня в Линдау, где мы были с мамой. Сначала я думала, что сойду с ума. Я тогда кричала: «Нет! Это неправда! Этого не может быть! Вы ошибаетесь! Он сказал, что вернется... Он обещал вернуться...»

Она долго сидела молча, глядя перед собой. Потом едва слышно проговорила:

— А я продолжаю жить... Как и многие женщины... Ни в чем не виноватые... Своими страданиями они искупают часть своей вины.

Стиснув зубы, обер-лейтенант смотрел на маскировочную штору.

Клавдия подняла глаза и посмотрела на широкую спину Хельгерта, неподвижно стоявшего у окна со скрещенными на груди руками. Широко раскрытыми глазами она впилась во внезапно показавшийся ей знакомым силуэт. Разве это не Эбергард? Она поднялась и протянула к офицеру руки.

Хельгерт обернулся.

Галлюцинация у Клавдии сразу же прошла.

На глаза навернулись слезы, и она упала в кресло.

— Успокойтесь, Клавдия. — Он впервые назвал ее по имени. — Возьмите себя в руки. Эбергард всегда говорил о вас как о мужественной женщине.

— Мужественная? Это я-то? — с горечью проговорила она. — Кто сейчас мужественный? Может быть, те, что воюют на фронте и гибнут? А вы мужественный? Или ваши родные, которых вы оставили дома?

Хельгерт был потрясен. В этих горьких словах было выражено нечто большее, чем боль женщины, скорбящей о гибели своего жениха.

— Вы когда-нибудь спрашивали себя, Хельгерт, ради кого и во имя чего ведется эта война? Во имя чего, скажите мне, ради бога?! Я — мужественная, говорите? Мужественный тот, кто что-то делает, чтобы положить конец этой бойне!

Обер-лейтенант невольно подумал о своих солдатах. Никто из них не хочет войны, никому она не нужна, но все воюют. И каждую минуту, каждую секунду на фронтах гибнут люди, виновные в том, что своим равнодушием и безразличием они, часто помимо своей воли, способствовали войне.

Совсем другое дело русские, которые защищают свою родину. «Нет, — заключил обер-лейтенант, — правда не на нашей стороне».

— Вы правы, — заметил Хельгерг и едва заметно кивнул.

Это согласие с ее мыслями удивило Клавдию. «В своей жизни ему пришлось пережить немало трудностей, — думала она. — Видимо, смерть товарищей сделала его таким жестким. До сих пор он еще ничем не выдал своих мыслей. О чем он сейчас думает? Но ему можно многое доверить. На него можно положиться. Он всегда и во всем поможет, как настоящий друг. — Ее мысли разбегались. — Кто у меня еще остался? Только мать Рудольфа. Эбергард погиб. И кто знает, похоронили ли его вообще. Руди Бендер где-то на фронте. Фердинанда арестовали и увели».

Ее охватила дрожь, когда она вспомнила об этом. «Как смело борется коммунист Фердинанд Бекер! Люди, подобные ему, гибнут не только на фронте, но и здесь, на этом бесшумном фронте. Но это бойцы уже совсем другого рода. Вот они-то по-настоящему мужественны. Здесь слово «героизм» приобретает совсем иное содержание, значение которого будет понятно, пожалуй, только после войны. Ну, а до тех пор, пока она кончится, я буду копировать чертежи на кальку и приносить их тетушке Бендер, чтобы она передавала их дальше».

Клавдия тяжело вздохнула. «Неужели Эбергард больше ничего не сказал? — Ее мысли вернулись к Бендеру. — Разве он не помнил о нашем очень важном разговоре, когда был здесь в последний раз? Он, наверно, только не решился поговорить об этом с Хельгертом. Но ведь об этом он должен был помнить каждую минуту».

«Если Клавдия думает то же, что говорит, — размышлял обер-лейтенант, — она знает Рудольфа Бендера или ей, по крайней мере, известно о связях Эбергар-

да с Бендером. Только она, как мне кажется, последовательнее, чем ее жених».

— Вы очень похожи на Эбергарда! — прервала молчание Клавдия.

— Да? Я этого не знал. Наши мысли и взгляды часто были очень похожими. Идеалы, пожалуй, тоже. Только пути достижения этих идеалов были разными. Эбергард одним махом прыгал через каждое препятствие и никогда не скрывал своих мыслей.

— Расскажите что-нибудь о себе, — тихо попросила Клавдия.

Хельгерт покачал головой:

— Что я могу рассказать? Ничего особенного в моей жизни не было. Обычная жизнь. Сухая, как анкета. Расскажите-ка лучше вы.

— Пока я, видимо, останусь в Берлине и буду копировать чертежи, — охотно начала Клавдия. — Потом мне хотелось бы снова заняться рисованием. Может быть, когда-нибудь и мне удастся чего-нибудь добиться. Иначе...

Хельгерт все больше восхищался Клавдией. «У нее хватает смелости после войны начать все снова, — думал он. — У нее есть твердое мнение о войне, оно такое же, как у...»

— Не знаете ли вы Рудольфа Бендера? — неожиданно спросил Хельгерт.

Этот вопрос испугал Клавдию, но она быстро взяла себя в руки:

— Бендера? Нет, я никогда не слышала этого имени.

Хельгерт вдруг почувствовал какое-то внутреннее беспокойство. Он быстро почти холодно простился.

С улицы посмотрел на окно ее комнаты и поклонился еще раз.

Клавдия медленно закрыла створки окна. «Завтра он снова уедет на фронт. Война никого не оставляет в покое. Какая безнадежность! Но почему он спросил о Бендере? Если Эбергард не откровенничал с Хельгертом, то тот говорил о Бендере как об одном из общих знакомых. И почему он так поспешно ушел? Кстати, перед этим он согласился с моим резким осуждением войны. Да, это было, конечно, согласие. Или нет?» На нее нахлынула волна неуверенности и беспокойства.

Да и мыслимо ли вообще, чтобы кадровый офицер интересовался идеями какого-то рабочего, да еще отождествлял их со своими?

Она сразу успокоилась. Вероятно, все это от нервного напряжения. Эбергард наверняка ничего не говорил Хельгерту о политических убеждениях Бендера.

Матери Рудольфа она ничего не сказала о визите обер-лейтенанта.

Поезд отходил почти в полночь. Хельгерт подсчитал, что из двух с половиной суток его пребывания в Берлине он лишь один неполный день потратил на служебные дела. Это обстоятельство сильно беспокоило его.

Неделю спустя полковник Круземарк наверняка скажет ему, что эту командировку он мог бы использовать лучше и добиться значительно больших результатов. «Вам следовало бы изложить нашу просьбу моему другу Шнейдевинду в письменной форме и каждый день справляться, как продвигаются наши дела. А вы?»

Как потерянный, шел Хельгерт по темным улицам большого города. Казалось, что и здесь все от него отделяется, уходит куда-то.

В эти минуты Хельгерт чувствовал себя совсем одиноким, но это его нисколько не огорчало.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Сидя на своем неудобном, но зато обеспечивающем хорошее наблюдение за воздухом месте, унтер-офицер Генрих Гейдеман пытался определить, насколько больше людей можно было бы сейчас перевозить в Германию, если на каждое крыло всех грузовых автомобилей сажать по одному человеку. Его расчеты прервала обычная на фронтовых дорогах неприятность: грузовик влетел в воронку и, сильно перекосившись, остановился в десяти метрах позади ямы. Гейдеман дал водителю пачку сигарет за то, что тот довез его до этой воронки, и пошел к городу, до которого оставалось километра два, пешком.

Гейдеман уже видел длинную переправу через Десну и ее старое русло. Здесь, у истока, река со своими

многочисленными озерками и притоками казалась такой безобидной и мирной.

— Ну и жарища, черт бы ее побрал! — зло выругался Гейдеман и расстегнул форменную куртку и нижнюю рубаху, обнажив белую безволосую грудь. Из-за одного этого вовек не забудешь эту поганую солдатскую службу. Как все прилипает: на бедрах, под мышками, на пояснице! Черт бы побрал это эрзац-сукно! И эти обшитые кожей галифе, и сапоги со шпорами в двадцатом веке! Смех один! А носки-то, парень, ты забыл? Носки, благоухающие, как рокфор!

За следующим поворотом шоссе показалось солдатское кладбище с выстроившимися, как буквы в книжной строке, могилами.

Пораженный, Гейдеман остановился.

— Ах, ребята, ребята, — пробормотал он, — почти все в сорок первом... Наверно, их носили сюда с передовой, чтобы лежали все вместе... для порядка.

Гейдеман долго смотрел на бесчисленные ряды могил. Кресты, кресты, кресты... Большинство — березовые. К некоторым прибиты дощечки с аккуратно выжженными именами. Немало могил украшено изображениями Железного креста и буквами «SS». Но много, очень много могил безымянных. Взволнованный, Гейдеман глотнул воздуха, громко высморкался и попытался думать о чем-нибудь другом. Но это ему никак не удавалось.

Гейдеман пытался по-своему, по-солдатски оценить теперешнюю обстановку. Противник — с трех сторон. Боеприпасов становится все меньше. Жратва с каждым днем все скуднее. Жара — чуть ли не сорок градусов. Мучительная жажда и страх. А ведь как солдаты думали вначале? Война с Россией не продлится и нескольких недель. Она будет состоять из одних побед. А что из этого вышло? Ничего. Никаких побед. Ни здесь, под Ельней, ни там, дальше на севере, ни под Ярцевом. Зато днем и ночью ожесточенные атаки русских. А теперь вдобавок ко всему можно еще и самим оказаться в окружении! «Все равно что воткнуться носом в дерьмо!» — заключил Гейдеман и зашагал к переправе.

«Все батальоны и дивизионы, которые воевали здесь в то время, — продолжал размышлять унтер-офицер, —

полностью перебиты. Но ведь в какой-то момент должны же были люди осознать безвыходность своего положения! Почему же они не поднялись, не швырнули на землю свои карабины и не сдались иванам?» Сейчас, два года спустя, эти вопросы казались Гейдеману более актуальными, чем когда-либо раньше.

Он сдвинул пилотку на затылок и серо-зеленым солдатским платком вытер со лба пот. Потом плюнул через перила в воду и подумал: «Когда-нибудь после войны я перечислю тыловикам или молоденьким студентикам на лекции все реки, в которые мне довелось плевать за годы войны. Уверен, они услышат такие названия, какие им ни разу в жизни не встречались ни в одном, даже самом трудном, кроссворде!»

Показались первые дома — крытые соломой и с темно-красными железными крышами. Интересный город — эта Ельня. Чем-то она очень напоминала немецкие провинциальные городки.

Здесь удивительно тихо. Еще на прошлой неделе, когда они в пригороде выгружались из эшелонов, Гейдеман обратил на это внимание. Вот и сейчас то же. Ни стрельбы, ни разрывов. Не только люди, но и, казалось, все живое, затаив дыхание, чего-то ждало.

На армейском складе имущества связи Гейдеман получил несколько катушек телефонного кабеля, отремонтированные микрофоны, полевые аппараты, моток изоляционной ленты, нож для резки кабеля и даже два комплекта ламп для радиостанции. Он попросил начальника склада сложить все это в угол и великодушно бросил ему пачку сигарет, которую — он знал — гауптвахмистр батареи потом наверняка возместит ему. Одновременно он незаметно сунул в свои объемистые карманы кое-что из полученных вещей и на прощание сказал начальнику склада:

— Завтра утром или сегодня вечером я это барахло заберу. А ты добавь, чего там не хватает.

Как истолкует начальник склада его слова, Гейдемана не интересовало. Закончив дела, он решил поискать заведение, где можно развлечься и отдохнуть. До того часа, когда он должен был встретить своего командира батареи, чтобы отвезти его на основную позицию, у него оставалось много времени. Ему казалось, что в этой дыре единственная достопримечательность, достой-

ная его внимания, — это расположенный на западной окраине города склад боеприпасов, точнее, штабеля снарядов и зарядных гильз. Трофейный хлам: французские стопятидесятимиллиметровые снаряды, чехословацкие и югославские боеприпасы. Большинство орудий, к которым подходили эти снаряды, или давно разбиты, или из них вот уже несколько месяцев неплохо стреляют русские.

«Кто будет стрелять этими снарядами, трудно сказать, — рассуждал унтер-офицер. — Если русские поднажмут, получат их без накладной и доверенности. Здесь их определенно никто не остановит, в том числе и наш артиллерийский полк. Десна — живописная канава, но отнюдь не серьезная преграда для русских саперов. Они наведут переправу быстро».

В личных делах Гейдеману в Ельне не повезло. В жалком подобии солдатского клуба, где он рассчитывал удовлетворить свои жизненные потребности и наверстать упущенное из-за войны, ему предложили лишь чуть теплый немецкий чай, попахивающий мылом, да пачку сигарет «Энштейн». Ни спиртного, ни девочек... Тут-то он и вспомнил свою службу во Франкфурте...

Погрузившись в свои печальные раздумья, Гейдеман задремал. Голова его попеременно падала то в одну, то в другую сторону. Но вдруг он испуганно вскочил, едва не упав со стула, — кто-то положил ему руку на плечо и строгим голосом проговорил:

— Именем закона вы арестованы!

На него смотрел смеющийся Фриц Хельгерт.

Унтер-офицер не сразу пришел в себя.

— Господин обер-лейтенант! Как вы здесь оказались? — удивился Гейдеман, а про себя отметил: «Какой же ты, парень, бледный».

— Вот так и оказался. Дрезина подбросила.

Через полчаса подошла легковая машина штаба дивизиона. Забрав со склада имущество, Гейдеман и Хельгерт поехали на новые огневые позиции.

Спустился вечер, и тишина стала еще прозрачнее.

Сидя в машине, обер-лейтенант погрузился в свои мысли: «Сегодня уже двадцать четвертое августа. За время, пока меня не было, произошло столько событий». Позиционная война превратилась в гигантские маневренные сражения.

У обер-лейтенанта не выходила из головы потеря Харькова. В ходе зимнего наступления советские передовые соединения после ликвидации шестой армии на Волге с боями прошли на запад более шестисот километров. «Где их удастся остановить? Конечно, со временем осенняя распутица прекратит всякое движение! — с тревогой думал Хельгерт. — Остается еще Брянск. Слабое утешение!»

Гейдеман коротко рассказал Хельгерту о положении под Ельней. И обстановка показалась обер-лейтенанту удивительно похожей на ту, что была под Орлом. Как только не называли этот город на Оке!

«Поворотный пункт. Бастион. Становой хребет!» А что осталось! Сломанный хребет группы армий «Центр».

А здесь? Блиндажи строить нельзя. В лучшем случае можно отрыть мелкие окопы: слишком высок уровень грунтовых вод. Обширные луга, перемежающиеся с болотами, всегда мокрые. Чтобы иметь хотя бы минимальную защиту от осколков мелких бомб, которые каждую ночь сбрасывали «летающие тракторы», солдаты обкладывали свои шалаши дерном.

Чтобы сразу же доложить Круземарку о результатах своей командировки, Хельгерт начал приводить в порядок свои записи, сделанные у полковника Шнейдевинда.

Не успел обер-лейтенант прибыть на огневую позицию своей батареи, как ему пришлось вступить в безуспешную борьбу против мошкары и каких-то зловонных тварей. Не помог и накомарник. Обливаясь потом, он через некоторое время убедился в бесполезности этой изнурительной борьбы.

Изучая район, где предстояло действовать его батарее, Хельгерт немало удивился, когда увидел, что оборона здесь организована с некоторым отклонением от уставных положений — первая траншея была сплошной. Она проходила вдоль насыпи у восточной окраины города. Маскировать траншею не имело смысла, и все же она была занята какими-то подразделениями, правда сильно потрепанными, которые недавно сменили полностью обескровленную часть. «Неужели это оперативные или даже стратегические резервы? Боже мой!» — с горечью подумал командир батареи.

У русских же, напротив, большие участки местности, казалось, не были заняты совсем. Лишь метрах в шестистах — восьмистах через поле прошел человек и скрылся в домике. Очевидно, здесь находился их опорный пункт. И больше никаких признаков жизни.

«Русские здесь долго не засидятся, — решил Хельгерт. — Кроме того, они, кажется, и не думают, что мы можем начать наступление на их очень жидкую оборону. Или командование противостоящей дивизии, а может быть, и армии слишком легкомысленно? Или же оно знает о наших жалких силенках? Не исключено, что они и в самом деле имеют такое превосходство в силах, которое дает им возможность строить свою оборону именно таким образом».

Хельгерт все больше убеждался в том, что стратегическое, равно как и тактическое, планирование командования красных намного реалистичнее немецкой шаблонной мысли, порочность которой с каждым днем становилась все более очевидной.

Там, где передний край немецкой обороны под большим углом отходил от насыпи, весь день шла ожесточенная перестрелка. Хельгерт еще в первый день внимательно изучил этот выступ, особенно близко подходивший к позициям русских. Сегодня он снова направился туда, взяв с собой Бендера. Теперь Хельгерт все чаще искал случая сблизиться с этим интересным солдатом.

Участок, который должна была прикрывать шестая батарея, был очень трудным. Стволы орудий были направлены строго на восток. Вдоль дороги узким рукавом длиной в километр в немецкую оборону вклинивались позиции русских. И когда батарее Хельгерта нужно было вести огонь по этому рукаву, приходилось не только поворачивать орудия на девяносто градусов, но и дьявольски точно стрелять, чтобы ни один снаряд не упал на противоположные позиции своей пехоты, расположенные в каких-нибудь пятистах метрах.

На этом выступе был оборудован наблюдательный пункт лейтенанта Гегенбаха.

Справа от него на боковом наблюдательном пункте, с которого хорошо просматривался соседний участок и можно было управлять огнем батареи при необходимо-

сти оказать соседу огневую поддержку с фланга, сидел унтер-офицер Гейдеман.

Основной наблюдательный пункт находился впереди, на самой насыпи. Здесь обосновался Зехтинг.

Хельгерт долго беседовал с вахмистром и в конце разговора заметил, что место для НП выбрано не совсем удачно:

— Мышеловка!

Зехтинг тут же добавил:

— Справа, у поворота дороги, есть высотка. На ней расположились три станковых пулемета и противотанковое орудие. — Он подмигнул. — Если русские пойдут в атаку, они не только расчехвостят нашу пехоту в первой траншее, но и с тыла начнут дырявить черепки всем, кто сидит за насыпью.

— Тогда не надо их сюда подпускать, — мудро заметил Бендер.

— Ну, это уж во власти господа бога и пулеметчиков, — язвительно ответил кадровый вахмистр.

Решив прекратить этот ненужный разговор и успокоить своих начавших горячиться подчиненных, Хельгерт твердым металлическим голосом сказал:

— Все батареи полка пристреляны по этому участку. Если сюда сунутся русские, мы будем действовать по принципу старика Гудериана: «Бить так бить!» На пути русских встанет сплошная завеса массированного огня.

— Сюда бы парочку штурмовых орудий, — заметил Зехтинг.

— Будут... После дождичка в четверг.

Обер-лейтенант сунул в карман вахмистру бутылку ликеру и со связным Рудольфом Бендером пошел дальше вдоль переднего края.

В двух километрах юго-западнее основного находился боковой наблюдательный пункт унтер-офицера Гейдемана. Насыпь была почти не видна отсюда: наблюдению мешала расположенная слева высотка.

Унтер-офицер считал, что до переднего края русских не меньше тысячи метров, и был недоволен этим. В деревне, раскинувшейся перед наблюдательным пунктом, до сих пор никакого движения.

Стояла такая тишина, будто все вокруг замерло.

Под вечер обер-лейтенант со своим связным снова

шел через заросшие сорняками поля. Не доходя до деревни, они свернули с шоссейной дороги вправо и через редкий лесок пошли к огневой позиции батареи.

— Не знакома ли вам, Бендер, Клавдия Занден? — Задав этот вопрос, Хельгерт церемонно сел на траву и сбоку злорадно посмотрел на солдата.

— Насколько мне известно, это невеста унтер-офицера Баума, — растягивая слова, ответил Бендер и подумал: «Сейчас он снова будет допрашивать меня».

— Несколько дней назад, будучи в Берлине, я спрашивал о вас у Клавдии Занден.

Солдат насторожился.

— Ну и что же вы, господин обер-лейтенант, узнали? — холодно спросил солдат.

— Так, ничего. Она ведь вас совсем не знает.

«Что ему, собственно говоря, от меня надо?»

— Почему вы вступили в коммунистическую партию? Надо полагать, вас туда что-то тянуло?

— Но это было давно, — уклонился от ответа Рудольф.

«Или ты хочешь положить меня на обе лопатки, или сам тоже сыт по горло, — прикидывал в уме Бендер. — Действительно ли он встречался с Клавдией в Берлине? А почему бы, собственно, и нет? Вероятно, он был у родителей Баума и там встретился с Клавдией. Что, если он, использовав этот случай, поймал ее на провокационных вопросах и она все рассказала ему?»

— Но в то время, когда вы вступали в КПГ, у вас, наверное, были свои политические мотивы? «Кто был ничем, тот станет всем» или что-нибудь подобное? — Хельгерт с нетерпением ждал, что ответит Бендер.

— В начале тридцатых годов обстановка в стране была довольно сложная.

— Да, конечно. Миллионы безработных.

— Коммунистическая партия тогда прямо указала на действительные причины...

— Мировой экономический кризис.

— Экономический кризис — это не причина, а лишь следствие, порождение капиталистической системы.

Обер-лейтенант задумался:

— Я, может быть, смог бы поверить тому, кто сумел бы убедительно доказать мне это. — Ответ на свой вопрос его интересовал теперь меньше, чем сама суть

его. Поэтому он продолжал провоцировать: — Разве национал-социалистская партия после захвата власти не заявила: «Никто не должен голодать, никто не должен мерзнуть!», «Каждому работа и хлеб!»?

— Помнится, Гитлер до, а главным образом после тридцатого января получал поддержку и помощь со стороны крупных монополий.

— Ну и что же из этого?

— Я думаю так: сначала монополии ему помогали, а потом он им. Милитаризация, появление инфляционных тенденций и трофеи из ряда стран, Саар, Австрия, Судеты, Чехословакия, аризация — все это дало концернам возможность заработать бешеные деньги и завуалировать некоторые проблемы.

«Может, он ничего дурного и не замышляет против меня? Наверно, просто интересуется», — строил догадки Бендер.

«Парень говорит ошеломляющие вещи. Я и понятия о них не имел, — думал Хельгерт. — Но мне нельзя его больше слушать, иначе, чего доброго, подумает, что его аргументы я считаю убедительными».

— А как вы смотрите на это дело сейчас?

— По указке монополий Гитлер развязал эту паршивую войну, и доходы подскочили до небес...

Хельгерт грубо прервал его:

— Меня интересует ваше теперешнее отношение к КПГ!

— Партия ликвидирована еще в тридцать третьем году, — уклончиво ответил солдат.

«Так до него не доберешься, — отметил про себя командир батареи. — Надо попытаться подойти с другой стороны».

— «Паршивую войну», говорите? Но ведь вы тоже воюете! И, насколько я могу судить, совсем неплохо!

— Меня мобилизовали и послали выполнять «долг перед отечеством». Так, по крайней мере, было написано на мобилизационном предписании.

«Он хочет прижать меня к стенке, — со злостью подумал Бендер. — Теперь уже я не сомневаюсь, что Эбергард наговорил ему слишком много».

Обер-лейтенант ухмыльнулся:

— Для вас, коммуниста, теперь слово Москвы, видимо, значит больше, чем раньше. Каждый день на ко-

роткой волне вы слышите: «Красная Армия борется за правое дело, за будущее всего человечества».

— Вы говорите то же, что думают о нас они, национал-социалисты.

— Ну, ладно! Меня вы можете не бояться! Мы же говорим всего лишь о мнении противника.

— Хорошо! Если вы такой уж любитель слушать передачи на коротких волнах, то ничего нового я вам не скажу. Основная задача русских состоит в том, чтобы очистить свою землю от агрессоров и уничтожить германский империализм, а вместе с ним и систему кровавого террора, которая угрожает всему миру.

— Громкие слова, господин телефонист...

В это время батареи дивизиона открыли беглый огонь. Судя по разрывам, опять что-то началось в рукаве перед третьей ротой. Очереди беглого огня следовали одна за другой.

Обер-лейтенант вскочил:

— Бежим, Бендер! Там опять началась заваруха.

Через поле они помчались к огневой позиции. Но когда прибежали, все уже было кончено. С наблюдательного пункта лейтенант Гегенбах доложил, что в рукаве группа русских танков прощупывала оборону. Один танк подожжен прямым попаданием снаряда и сейчас горит метрах в пятидесяти от НП. Остальные отошли.

— Дьявольски беспокойное место, — жаловался лейтенант. — Неплохо было бы попросить командира полка отметить хорошую стрельбу орудия, уничтожившего танк. Может быть, подбросит парочку орденов.

Вечером того же 27 августа не было, пожалуй, ни одного клочка земли, который не прощупала бы советская артиллерия. Ее огонь не был беспрерывным, но не имел и больших пауз.

Хельгерт приказал всем, без кого можно было обойтись на передовой, вернуться на огневую позицию и окопаться.

Ночью он опять отправился к Гегенбаху, опасаясь, что на его участке русские снова будут атаковать. «Там, впереди, на выступе, они так просто не полезут», — рассуждал он.

Перед наблюдательным пунктом Гегенбаха расположил свой командный пункт лейтенант Эйзерберг,

командир третьей роты. Рядом с этим отчаянным офицером Гегенбах всегда чувствовал себя увереннее. Но артиллериста постоянно беспокоило то, что в бою командир роты никогда не придерживался правил, которым учили в военном училище. Нередко казалось, что во время боя он не признавал никаких тактических принципов, даже тех, которым обычно учат унтер-офицеров. Можно было подумать, что он командовал на авось и все его действия — бравада.

Когда луна спряталась за тучу, Хельгерт с Гегенбахом направились к пехотинцам. В блиндаже Эйзерберг выворачивал карманы, пытаясь найти сигарету. Во время таких процедур пехотный лейтенант обычно старался как бы случайно вытащить свои многочисленные ордена. Но на этот раз наград он не показал, и это очень удивило Хельгерта.

— Где же ваши регалии? — спросил Хельгерт.

— Не носить же их в старых штанах, — недовольно бросил командир роты.

Глядя на Эйзерберга, Хельгерт отметил, что тот за последние месяцы постарел на несколько лет и стал еще самоувереннее.

— Знаете, Хельгерт, кто сейчас командует второй ротой? Фельдфебель! — Пехотинец лукаво улыбнулся и до краев наполнил алюминиевые стаканы шнапсом. — Строит из себя, болван, полководца, рисуется! — Он одним духом выпил содержимое стакана и поморщился.

— Надо надеяться, завтра утром он не забудет продемонстрировать свое полководческое искусство.

— А что может быть завтра утром? — растягивая слова, спросил Эйзерберг.

— Я полагаю, именно завтра произойдет встреча с русскими!

Эйзерберг пренебрежительно махнул рукой:

— Чепуха! Нет ни малейшего признака. Они уже получили здесь по носу. И вообще, мне кажется, вы еще не знакомы с последней информацией генерал-полковника Йодля. — Он вызывающе посмотрел на артиллериста.

«Пожалуй, я ошибся в Эйзерберге, — подумал Хельгерт. — Он ничем не отличается от других, так же заносчив и упрям».

— Если будет спокойно, тем лучше, — сухо проговорил Хельгерт и встал.

— Ну вот видите? — засмеялся пехотинец. — Вы уже правильно оцениваете обстановку. Надо как-нибудь выбрать время и хорошенько обдумать теперешнюю ситуацию. — Он поднялся и снял френч. — Через два часа сделаю обход позиций. Надеюсь, все будет в порядке!

Хельгерт молча смотрел, как Эйзерберг расстилал грязное одеяло.

— Знаете ли, глубокоуважаемый вышестоящий коллега от артиллерии, если бы я не был столь незначительным реквизитом в великогерманском вермахте, я давно предложил бы перейти на «ты». Спокойной ночи.

Хельгерт протянул ему руку.

Возвращаясь неестественно светлой лунной ночью на свой наблюдательный пункт, он пытался внушить себе, что слишком волноваться и беспокоиться не следует. Может, и правда утром все будет спокойно. Он лег в короткий ровик, устланный свежей травой. Ее дурманящий запах долго не давал ему уснуть.

Дрозды своим пением славили наступающее утро, предвещая мирный день. Обер-лейтенант потянулся и, спасаясь от жадной мошкары, вкатился в палатку. «Эти черти еще не скоро принесут завтрак», — подумал он.

Вдруг на передний край обрушился мощный огонь советской артиллерии. Огневой налет! Нервы у Хельгерта сразу напряглись до предела. Он пулей вылетел из палатки и стал пристально смотреть вперед. Над высоткой светилась лучистая корона. Десять минут не прекращался оглушительный грохот. Что стало с позициями на насыпи, трудно было сказать. Связь с Зехтингом прекратилась еще в начале налета.

Когда дым над высоткой рассеялся, Хельгерт увидел, что там, где должны были быть немецкие станковые пулеметы, стояли русские танки и вели огонь из пушек и пулеметов. Несколько минут спустя высотку начали обходить солдаты в зеленых гимнастерках.

Гегенбах, скорчившись у телефонного аппарата, вызывал огонь. Прямо на позиции третьей роты шли семь советских танков.

Лейтенант заорал так, что телефонисту, сидевшему в пяти шагах от него, можно было не повторять его команду — она и так была слышна в трубке телефонного аппарата.

— Взрыватель осколочный! Заряд третий! Основное направление — влево один двадцать! Прицел триста двадцать! Уровень двадцать девять шестьдесят! Батарея! Огонь!

Примерно через двадцать секунд разорвались первые четыре снаряда. Но в это время порвалась связь.

Теперь русские перебежками спускались с высоты. И тут произошло неожиданное. Они повернули не к насыпи — там вели заградительный огонь тяжелые минометы и строчили пулеметы, — а пошли по шоссейной дороге.

«Противник стремится прорваться в глубину немецкой обороны, — быстро прикидывал в уме Хельгерт. — Оставшиеся на своих позициях немцы, наверно, уже заняли круговую оборону. С этими русские разделаются, как видно, потом. Но вот беда: наблюдательный пункт Гейдемана слишком далеко справа, и там из-за высоты не видят, что́ здесь происходит. Самое большее через четверть часа участок Гейдемана отрежут. Отсюда до него ровно тысяча метров. Русские уже гонят нашу пехоту с высоты. Немного погодя то же самое будет и здесь».

Обер-лейтенант вызвал огневую позицию и приказал вахмистру Бернштейну:

— Немедленно подтянуть передки. Огневую позицию переместить на западную окраину деревни. Если наша пехота заняла там отсечную позицию, орудия поставить на прямую наводку. Направление стрельбы — деревня. Если пехота отойдет, переходите на запасную позицию. Ясно?

— Так точно! Господин обер-лейтенант, я хотел бы...

— Что еще там?

— Лейтенант Гегенбах сообщил, что вахмистр Зехтинг со своими людьми пробился к нему.

— Спасибо. Все!

Шум боя нарастал, приближаясь к наблюдательному пункту. Быстро свертывалась связь. Снимались приборы.

Адский вой русских снарядов, казалось, сосредоточился над жалкой кучкой артиллеристов. Группа снарядов, разорвавшихся в зловещей близости, заставила артиллеристов прыгнуть в мелкие ровики.

«Как под Березовцом, — подумал обер-лейтенант. — Они и здесь дают нам прикурить. Вот и еще один прорыв! Но о нем ни словом не обмолвятся в сводке верховного главнокомандования. На этот раз все происходит на наших глазах. И откуда только у них берутся силы?! А мы все время увертываемся и вывертываемся. И ничего больше. Мы только реагируем на то, что нам навязывают русские... Справа — Гейдеман со своими людьми. С моими солдатами. Проклятая высота! Из-за нее они ничего не видят».

Обер-лейтенант вдруг выскочил и стремглав побежал вперед, по направлению к Гейдеману, рассчитывая вывести своих солдат из мышеловки. Удачно пробежав через боевые порядки советских передовых подразделений, он через несколько минут оказался позади них.

Неподалеку от наблюдательного пункта в окопе он увидел Гейдемана, державшего автомат наготове. Тяжело дыша, Хельгерт бросился к нему:

— Где телефонисты?

— Прямым попаданием!..

— Всех?!

— Нет! — Унтер-офицер дрожал.

— Бежим! Русские прорвались слева!

В этот момент справа показались три танка Т-34. Волоча за собой длинные шлейфы густой пыли, они катились прямо на них.

Оба артиллериста прижались к земле.

Танки проскочили мимо. Автоматчиков на них не было.

По изрытому снарядами полю обер-лейтенант и унтер-офицер бросились к шоссейной дороге. По глинистой корке бежать было легче.

Русская пехота уже давно овладела высотой и продвигалась к деревне. Теперь русские были впереди, справа от них.

Повсюду трещали автоматы.

— Быстрее, Гейдеман!

Все громче кашляя, Гейдеман уже думал о тех многочисленных березовых крестах, что остались позади,

за Десной. Он почти не чувствовал на ногах тяжелых сапог.

Танки, не дойдя до первых домов деревни, остановились в кустарнике. Русская пехота была уже в пятистах метрах от населенного пункта.

Оба артиллериста, с трудом добравшись до окраины, прыгнули в огромную воронку от бомбы глубиной почти в четыре метра. У Гейдемана глаза лезли из орбит. Смертельно уставший, он не мог произнести ни слова.

Хельгерт выбрался на край воронки. По деревне, где между домами суматошно сновали немецкие солдаты, с неравными промежутками вели огонь советские танки. Длинными очередями строчили станковые пулеметы, но откуда — Хельгерт не видел.

Справа от дороги рос кустарник, подходивший к деревенским садам. Но в этом месте не пройти: там стояли танки. Слева, вдоль шоссе, тянулась неглубокая сухая канава. Это, пожалуй, единственная возможность пробраться в населенный пункт.

Обер-лейтенант, оглянувшись, окинул взглядом поле боя. Повсюду развернутым фронтом наступали русские. От рубежа к рубежу, преодолевая уже ослабевшее огневое сопротивление, продвигалась советская пехота. Тяжелая артиллерия перенесла огонь в глубину и теперь поражала цели, расположенные в немецком тылу. Штурмовая авиация, казалось, тоже перестала интересоваться ходом наступления своих наземных войск и обстреливала немецкие колонны, метавшиеся в поисках безопасных путей отхода.

Командир батареи кивнул Гейдеману:

— Вылезай первым, я тебя подсажу!

Пыхтя и сопя, унтер-офицер выбрался из воронки. Выждав несколько секунд, он вскочил и опрометью побежал через дорогу. Пули танкового пулемета подняли около него цепочку пыльных фонтанчиков. Но унтер-офицер был уже в канаве и, довольный собой, улыбался какой-то странной улыбкой.

Ждать больше было нельзя. Хельгерт глубоко вздохнул и начал выбираться, цепляясь за осыпавшиеся комья земли. Когда он уже оперся рукой о край воронки, земля под ногой обрушилась, и он едва не сполз вниз. Не медля ни секунды, он поднялся и одним ма-

ком проскочил расстояние до шоссе. Где-то захлопало. Он кубарем скатился в канаву, где его ждал Гейдеман. Обер-лейтенант хотел встать, но тут же упал.

Стрельба заметно усилилась. Русская пехота перешла в атаку.

— Господин обер-лейтенант, вы ранены?!

Гейдеман рывком спустил Хельгерту брюки и разрезал сапог ножом. По колену маленьким ручейком сбегала кровь. Дрожащими руками унтер-офицер стал перевязывать рану. Нога на глазах надувалась и синела. Натянуть брюки снова оказалось не так-то легко.

В ста метрах от них штормовой волной прокатилось русское «ура!». Громыхали надвигавшиеся танки.

— Быстрее, господин обер-лейтенант!

Унтер-офицер бросился вперед. Хельгерт попытался встать, но не смог. Распухшая нога стала чужой. Он еще раз попытался подняться, но в глазах у него потемнело, и последние силы оставили его.

Гейдеман ползком вернулся к нему.

— Господин обер-лейтенант! — В глазах Гейдемана застыли страх и растерянность.

— Бегите! — пробормотал Хельгерт.

Унтер-офицеру показалось, что он ослышался.

— Приказываю идти на батарею!

Забыв всякую субординацию и чинопочитание, Гейдеман силой рванул на себя начальника и взвалил его себе на спину, но не смог пронести его и несколько шагов. Тогда он поднял его еще раз, но сил уже не было. Руки тряслись.

Хельгерт вытащил из кобуры пистолет:

— Теперь ты пойдешь?! Ты ж видишь — ничего не выходит!

С глазами, полными отчаяния, унтер-офицер бросился к центру деревни. Может быть, еще удастся вытащить обер-лейтенанта отсюда. К нему подкатывалось мощное русское «ура!». Мимо со свистом пролетали пули. С пистолетом, зажатым в кулаке, готовый защищаться до последнего, он благополучно добежал до поворота улицы и помчался дальше.

Вдруг кто-то громко окликнул его по имени. Гейдеман со страхом оглянулся и увидел лейтенанта Гегенбаха с двумя радистами и несколькими солдатами из третьей роты. Они стояли за домом, держа автома-

ты наготове. Гейдеман одним прыжком подскочил к лейтенанту и, задыхаясь, рассказал, что командир батареи ранен и лежит в придорожной канаве у самой окраины деревни.

В это время русские уже подходили к первым домам.

Бендер сунул Гейдеману свой карабин и, преследуемый мыслью, что обер-лейтенант может погибнуть, бросился к нему на помощь.

— Стой! — заорал Гегенбах. — Остановись!

Бендер ничего не видел и не слышал.

Гегенбах вскинул автомат и уже хотел было нажать на спусковой крючок. Но в этот момент стоявший через два дома от них лейтенант Эйзерберг выскочил наперерез Бендеру и бросился ему в ноги. Тот несколько раз перекувырнулся. Подскочив к солдату, лейтенант схватил его в охапку и под градом воющих пуль затащил за каменную стенку.

Обер-лейтенант Хельгерт, беспомощно лежа в своем ненадежном укрытии, смотрел, как солдаты в серо-зеленом по-кошачьи пробираются через сады к центру деревни. Он достал свой «вальтер» и повернул флажок предохранителя вверх. С вороненого пистолета на него издевательски-насмешливо смотрела предупредительная красная точка. Левая нога Хельгерта до самого бедра налилась свинцом. Шок отнял у него способность мыслить, сделал его вялым и безразличным ко всему. Сейчас он хотел сосредоточиться на одном: прежде чем его найдут русские... Он свернулся в клубок, правой рукой сжал холодную сталь пистолета. Но стоит ли? Может, он должен сделать совсем другое?

Вдруг до его слуха донеслись обрывки команд, топот чьих-то ног. В двадцати шагах от него, пробираясь к центру деревни, по канаве бежало четыре... пять... шесть русских. В населенном пункте уже пошли в ход ручные гранаты. До Хельгерта никому не было дела. Никто не обращал на него никакого внимания.

Хельгерт двигал флажок предохранителя то вверх, то вниз. Повернулся на спину. Левая штанина намокла и натянулась. Только сейчас он увидел, что Гейдеман разрезал брюки сверху до колена и сапог до щиколотки. Боли он не чувствовал: все тело онемело, как после

сильного удара. Шум боя удалялся, а светлые круги перед глазами становились все светлее и ярче.

Обер-лейтенант очнулся, когда кто-то взял его за ноги. Кто-то другой подхватил его сзади под руки. Двое русских вытащили его из канавы и понесли к импровизированной санитарной повозке, оборудованной для транспортировки четырех раненых: двух на дне повозки и двух на установленных носилках. На одних лежал русский солдат, видимо уже потерявший сознание. Рядом с ним сидел санитар и ловко накладывал повязку. На другие носилки — не слишком нежно, но и не очень грубо — уложили Хельгерта.

Под ним, на дне повозки, стонал и корчился немецкий фельдфебель, и рядом с ним с широко раскрытыми глазами лежал советский капитан.

Ездовой щелкнул языком, взмахнул хлыстом — и запряженная двумя приземистыми лошадьми повозка тронулась.

Хельгерт открыл глаза. Шоссе, по которому он с Гейдеманом совсем недавно пробирался на батарею, убегало назад. Рядом с ездовым висели полевая сумка и поясной ремень обер-лейтенанта. Из кобуры торчала рукоятка «вальтера»; пистолет стоял на предохранителе — красной точки не было видно.

В деревне, около которой еще сегодня утром был наблюдательный пункт Гейдемана, сейчас царило деловое оживление: приходили и уходили советские танки, пехота, противотанковые орудия и тяжелые минометы.

На западной окраине деревни в одном из крайних домов на свежей соломе лежали тринадцать раненых немцев. Все молчали, хотя многим было плохо. Каждый по-своему переживал ранение и плен.

У Хельгерта было такое ощущение, будто все в нем погасло. Его новое положение — положение военнопленного — сейчас не казалось ему слишком удручающим. Не испытывал он и особой радости от того, что все мучившее его в последние месяцы теперь кончилось.

В дом, где лежали раненые, вошла русская женщина — врач. Обер-лейтенант встретил ее безразличным взглядом. Вся в белом, молодая, она на ломаном немецком языке спрашивала каждого о подробностях ранения.

Хельгерта охватил страх, и былая враждебность к противнику вернула ему прежнюю энергию. «Ногу! — с ужасом думал он. — Вдруг она сразу отрежет мне ногу!» Лоб его покрылся крупными каплями пота. Руки судорожно сжимали хрустящую солому.

Врач подошла к нему и, подбирая немецкие слова, что-то спросила. Ничего не поняв, Хельгерт отрицательно покачал головой.

Она повторила свой вопрос:

— Сменить вам повязку?

— Нет. Не надо. У меня только ушиб!

Когда она переходила к следующему раненому, в глазах у нее поблескивали иронические искорки.

Обер-лейтенант тяжело вздохнул.

Под вечер пожилой солдат с обвисшими усами принес небольшой котел с дымящимся супом. Он перед каждым поставил полную миску и дал деревянные ложки.

Перед окном размеренно ходил часовой. Наступила мучительная ночь. Стонали раненые.

Хельгерт несколько раз пытался заснуть, но каждый раз его будили стоны и крики раненых. Временами он погружался в блаженную дремоту и тут же испуганно просыпался.

«В плену, в плену! — Хельгерт никак не мог примириться со своим новым положением. — Но пока никто меня даже пальцем не тронул. А ведь они могли бы прикончить меня, как паршивую собаку. Черт возьми, как болит это проклятое колено! Противостолбнячный укол-то еще не делали. Вот так и приходит конец. Бедная Ильза! Как ей теперь сообщат? «Пропал без вести». Это будет для нее самым страшным, что только может быть. У меня, кажется, жар.

Добежал ли Гейдеман? А что, если батарее не удалось выбраться из клещей? Но теперь это уже не имеет значения. Важно выдержать все это и не сойти с ума. Или ты уже ждешь меня, Зенфлебен? Значит, уже пришла пора платить по счету? Как говорится, кровь за кровь. Что ж, ничего не поделаешь».

Вдруг Хельгерт оторвался от своих мрачных мыслей и стал прислушиваться. В окна со всех сторон вползал размеренный и низкий, но пока еще далекий рокот. Хельгерт немного приподнял голову. На бледном небе

уже обозначилось утро. Рокот все приближался, усиливался. Теперь он знал, что это. Самолеты! Тяжелые машины. Видимо, с бомбами! Но низкий гул моторов полз в сторону востока. Немцы? Как давно он не слышал этого гула! Если это тяжелые бомбардировщики, то они летят низко.

Стекло едва прикрытого окна начало дребезжать. Конечно, это немецкие «штуки». Пикирующие бомбардировщики! Да нет, не может этого быть! Откуда им взяться? Этих косолапых птиц последний раз он видел под Орлом. И все. Больше они не появлялись ни разу.

Но тут рокот сменился характерным воем бомбардировщиков, перешедших в пикирование. Хельгерту молниеносно представилась много раз виденная картина: от фюзеляжа отделяются черные капли бомб и летят вниз; взревев почти у самой земли, машины снова взмывают ввысь.

Сильный взрыв потряс землю. Задрожали стены дома. За первым взрывом последовал второй... третий... Потом они слились в сплошной гул. С улицы доносились крики. Кто-то куда-то бежал...

Обер-лейтенант приподнялся. Всю тяжесть тела он пытался перенести на здоровое колено. Получилось! Тогда, волоча за собой онемевшую ногу, он на руках и здоровом колене пополз к двери. Дверь оказалась открытой, и он, не слыша стонов и воплей других раненых немцев, выбрался в сени. Входная дверь и здесь была не заперта.

В деревне все еще ухали разрывы бомб. На улице ни души. Прилагая отчаянные усилия и превозмогая боль, Хельгерт лихорадочно полз к спасительной придорожной канаве. Будь что будет! Если погибать, то лучше уж в открытом поле. Сила страха перед смертью заставляла его руки волочить неподвижное тело. Так, падая и снова упираясь руками в землю, он метр за метром приближался к заветной канаве. Перед глазами плясали разноцветные круги. Со лба крупными каплями скатывался пот. Он прополз уже тридцать, сорок метров...

Вдруг вдалеке показались стальные громады. Танки! Немецкие танки! Они приближались, ведя огонь на ходу. На их броне четко вырисовывались черные кресты, обрамленные белым. Хельгерт смотрел на них ши-

роко раскрытыми глазами и не верил тому, что видел. Что это? Мираж?

Нет! Это действительность! Танки стреляют! Контратака! Мы снова наступаем! Наши выручат, не оставят обер-лейтенанта Хельгерта в беде. «Бендер — подстрекатель, обманщик! Нет, правда не на его стороне!» — кричало все в нем.

Обер-лейтенант не видел русской пехоты, которая, с боем оставив деревню и не переставая оказывать упорное сопротивление, медленно отходила справа и слева от шоссейной дороги. В небе показалась новая волна пикирующих бомбардировщиков, с воем приближавшихся к деревне. Слезы текли по лицу Хельгерта. Ну, вот и опять все хорошо!

Рыдая от радости, он бессильно упал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Гауптштурмфюрер был в плохом расположении духа: дело с танковым заводом «Норд» за несколько недель не продвинулось ни на шаг. Добиться сколько-нибудь ценных показаний от арестованного Бекера ему до сих пор не удалось.

Он снова и снова принимался изучать материал, собранный им по этому на редкость сложному делу. Листовок было собрано немало. Значит, на самом деле их еще больше. Но этот загадочный экземпляр с рукописной припиской, как удалось пока выяснить, знаком только Фердинанду Бекеру. Следовательно, когда-то и где-то он видел или фотокопию, или оригинал этой листовки. Может быть, он видел, как писал эту фразу Курт? Знает ли он, кому адресована эта приписка? Является ли адресат тем, кто должен был явиться в условленный час в назначенное место? И вообще, открытый ли это текст? На все эти вопросы мог ответить только коммунист Бекер.

Если кто-то решил использовать листовку в качестве писчей бумаги, то он или бесконечно глуп, или хотел причинить неприятность какому-то третьему лицу. Однако в любом случае мотив остается неясным. Уже на основании этого факта предполагаемыми виновника-

ми может явиться бесчисленное множество людей. Но какую же роль играет в этом деле Бекер?

Фидлер понимал, что ему удастся напасть на след только в том случае, если Фердинанд Бекер признается. Конечно, можно было рассчитывать и на счастливую случайность, что было наиболее вероятно, — на скрупулезный сбор многочисленных и самых разных сведений как на самом заводе, так и вне его.

Все попытки заставить Бекера говорить результатов не давали. Избитый и измученный до такой степени, что порой, казалось, жизнь уже оставила его, Бекер упорно молчал.

С тех пор как Фидлер свою детскую протестантскую веру принес в жертву черепу с костями и буквам СС, он меньше всего рассчитывал на ниспослание богом счастливого случая, если речь шла о выполнении задания или о какой-нибудь важной работе.

Когда Гиммлера назначили министром внутренних дел, гауптштурмфюрер Фидлер сделал для себя вывод: сопротивление и саботаж в тысяча девятьсот сорок третьем году заметно усилились, и потому сейчас необходимы еще более жесткие контрмеры. Он часто вспоминал многозначительное обещание имперского министра пропаганды доктора Геббельса, сделанное им еще до тысяча девятьсот тридцать третьего года: «Будут катиться головы». Сознавая необходимость осуществления этих слов на деле, гауптштурмфюрер считал, что в реализации обещания доктора Геббельса должен принять участие прежде всего он сам, офицер СС.

Он понимал, что это дело нелегкое, что для того, чтобы распутать, например, дело, связанное с танковым заводом «Норд», нужна систематизация фактов, научно составленная из них мозаика, — одним словом, филигранная работа. Подумав обо всем этом, гауптштурмфюрер снова начал с вопроса: кто такой Курт и кто из рабочих танкового завода с ним связан?

Фидлер привел в движение целую армию своих помощников, гласных и негласных. И вскоре он уже удивлялся тому, как много жителей имперской столицы носят скромное немецкое имя «Курт»! Лишь немногие после допроса попадали под надзор. Большинство же никакого интереса для Фидлера не представляло. Многих из них он даже забыл отпустить домой.

Как-то среди служащих танкового завода, допрошенных в ходе очередной операции, промелькнула некая Клавдия Занден, явившаяся к нему в глубоком трауре. Раньше она была знакома, даже почти помолвлена, с одним военным по имени Курт, но давно уже потеряла с ним связь. Траур она носит как невеста погибшего унтер-офицера, бывшего архитектора Эбергарда Баума.

К листовке, по мнению Фидлера, Клавдия не имела никакого отношения, ибо, когда он показал ей листовку, Занден без интереса посмотрела на нее. Но ее самообладание и ответы, с одной стороны, и скорбь по погибшему герою — с другой, никак не вязались. Он был склонен объяснить это не совсем естественное поведение шизофренией, причина которой его заинтересовала.

Особых подозрений у Фидлера не было, но тем не менее... После короткой беседы он изысканно извинился перед дамой и сказал, что вопросов по этому делу у него больше нет, и попросил ее ни дома, ни на танковом заводе никому об их разговоре не рассказывать. Она, конечно, понимает, почему это необходимо. Ну и, конечно, поблагодарил за готовность оказывать бескорыстную помощь. Ни при каких обстоятельствах он беспокоить ее больше не будет и желает ей всего наилучшего.

У него даже мелькнула мысль, что неплохо было бы как-нибудь поболтать с этой прехорошенькой штучкой в неофициальной обстановке, разумеется, не о танковом заводе «Норд». У нее дома, например.

Гауптштурмфюрер Фидлер был доволен своим планом. Ну, а если у этого, черт бы его побрал, Курта помолвка действительно сорвалась и девушка почему-то отдала предпочтение Бауму, то обиженный, естественно, по какой-то причине мог решиться пустить в ход листовку с подобной припиской. Может быть, это и есть тот самый счастливый случай?!

Времени у гауптштурмфюрера было достаточно. Никто его не подгонял. «Первое сентября началось неплохо, — рассуждал довольный собой Фидлер. — Фу, черт! Проклятое совпадение: еще одно первое сентября! Але, гоп! Бегом — марш в пятый год войны!»

Ворота главного управления имперской безопасности на Принц-Альбрехтштрассе в Берлине открылись перед Клавдией Занден, и часовые беспрепятственно выпусти-

ли ее на улицу. Она напрягала все свои силы, стараясь сохранять спокойное и безразличное выражение лица.

Теперь сомнений не было: перед тем как встретиться с ней у Силезского вокзала, Дернберг снял с листовки фотокопию и передал ее в руки СД.

«Значит, каким-то образом я попала в поле зрения, — подумала Клавдия. — Один уже тот факт, что меня вызвали в управление безопасности, дает полное основание предполагать, что меня подозревают в чем-то конкретном. Если бы Дернберг сообщил мое имя, допрос проходил бы совсем иначе. А тут такая вежливость! Некоторые «незначительные детали пустячного дела»! И вдруг: «Можете идти домой. Все в порядке».

В своих размышлениях она не пришла к чему-то определенному. Кое-что оставалось нелогичным. И в то же время она с каждым разом все сильнее ощущала гнетущее чувство страха при воспоминании о том страшном моменте, когда гауптштурмфюрер подвинул ей фотокопию листовки с припиской Дернберга, назначавшего свидание. Как заблестели похотливые глаза этого эсэсовца! В тот момент ей показалось, что она проваливается в глубокую пропасть. Сейчас она уже не помнила, как ответила на вопрос, знакома ли ей эта листовка.

В почтовом ящике на двери своей маленькой квартирки Клавдия нашла письмо от Хельгерта, посланное им три недели назад. После его возвращения на фронт это было уже второе письмо. Он снова извинялся за то, что поспешил уйти от нее, не объяснив причины своей поспешности. Письмо явно было написано наспех. В конце Хельгерт писал, что часы, проведенные у нее, навсегда останутся в его памяти как самое светлое воспоминание.

«Я как околдованная, — говорила себе Клавдия Занден. — Сейчас мне кажется, что не было ни допроса в управлении безопасности, ни беспокойства за судьбу арестованного, а может быть, уже казненного друга. Страх начинает исчезать. Я тоже никогда не забуду того вечера, несмотря на то что Хельгерт напомнил мне о моем горе. Да, с тех пор этот вечер не выходит у меня из головы. И когда я закрываю глаза, меня охватывает

странное чувство... Меня так и тянет к Фрицу Хельгерту... Да, это так, и я рада этому».

Вечером, когда стало совсем темно, Клавдия отправилась к матери Бендера. За десять дней ей удалось сэкономить для нее немного масла и достать три яйца.

Лицо тетушки Бендер заострилось, глаза ввалились.

Часто и надрывно кашляя, она не переставала уверять, что чувствует себя хорошо, что у нее ничего не болит и даже прошла слабость в ногах.

Клавдия незаметно положила маленький сверточек на кухонный шкаф и задвинула его за ящик для хлеба. Она знала скромность тетушки Бендер, порой доходившую до упрямства.

Клавдии не терпелось с кем-нибудь поделиться своими переживаниями последних дней. Старая женщина, как и обычно, слушала ее молча. Но когда Клавдия произнесла имя Фидлера, ее глаза наполнились гневом.

— Товарищи узнали, что этот самый Фидлер... нашего Фердинанда... Фидлер — не человек, это зверь!

Клавдия испугалась:

— Что, если Фердинанд мое имя...

Тетушка Бендер внимательно посмотрела на нее:

— Дитя мое, Фердинанд — коммунист. Имена друзей... Предать? — Она покачала головой. — Нет, это исключено!

— Простите меня, тетушка Бендер, я не так сильна, как все вы.

— Никто не упрекает вас в том, что вы выросли в мире, где главное не убеждение, а деньги. Фердинанд никогда не поступался своими убеждениями. За них он готов отдать свою жизнь...

Клавдия чувствовала себя пристыженной. Но страх не покидал ее.

— Что же мне теперь делать? — робко спросила она.

— Мужество и страх — чувства не всегда противоположные. Я тоже боюсь — меньше всего, конечно, за себя: я стара и многого сделать уже не могу, — боюсь за моего мальчика. А теперь, Клавдия, идите домой и всегда помните, что вы не одиноки.

Раздвинув темно-зеленые портьеры, в ресторан «Хижина» на Шоссештрассе в Вединге вошел хорошо оде-

тый господин лет сорока. На минуту остановившись в дверях, он снял очки и неторопливо протер их носовым платком. Господин оценивающим взглядом осмотрел полупустой зал и, слегка прихрамывая на правую ногу, направился к расположенной напротив входа на кухню двери с эмалированной табличкой «Правление ферейна».

В небольшой изолированной комнате за столом сидел всего один человек. Перед ним стояла еще не начатая кружка пива. Вошедший повесил на вешалку свой плащ и, подсев к столу, попросил заглянувшую в комнату лукавую официантку принести и ему кружечку пива.

— Добрый вечер, Пауль!

— Здравствуй, доктор. Не сердись на меня за то, что я попросил тебя прийти сюда.

— Я не сержусь. — Доктор Бервальд положил на стол пачку французских сигарет и прикурил от едко пахнувшей спички.— Думаю, у тебя на то есть причина.

Пауль начал сразу:

— Клавдию допрашивало гестапо или СД. Мы полагаем, что в связи с недавними происшествиями на танковом заводе сейчас проводится повальная облава.

— Но ведь они ее отпустили! — быстро проговорил доктор Бервальд.

— Да. Но это сильно напугало ее, и она сейчас страшно переживает.

— Ну и что же вы намерены предпринять? — Доктор Бервальд отпил глоток пива. — Какая дрянь! Помои, а не пиво.

— Мы хотели бы убрать Клавдию из Берлина и направить ее к родителям в Швейцарию.

— Но это не так просто! Что требуется от меня?

Наклонившись вперед, Пауль тихо спросил:

— Ты не мог бы дать ей такое врачебное заключение, по которому ее освободили бы от повинности работать на танковом заводе?

Врач начал протирать стекла своих очков:

— Дорогой Пауль, такие заключения дают только в случае беременности.

— А если дать ей больничный лист? Например, в связи с хронической желчнокаменной болезнью или чем-нибудь другим?

Доктор Бервальд покачал головой:

— Я могу дать ей больничный лист самое большее на шесть недель. Потом вопрос решает врач государственной поликлиники.

Лицо Пауля вытянулось:

— Вряд ли мы успеем все уладить за шесть недель.

Врач задумался.

— А что, если мы сделаем так. Сначала я дам ей больничный лист на две недели. После этого она выйдет на работу и немного поработает. Потом под предлогом ухудшения состояния здоровья я еще раз дам ей больничный лист. На этот раз уже на шесть недель.

— Вот так пойдет!

— Тогда завтра же пошли ее ко мне на прием.— Доктор Бервальд встал и снял с вешалки свой плащ.— Пусть с ней придет и тетушка Бендер. Я уже с полгода не видел ее.

Пауль засмеялся:

— Она часто рассказывает о тебе. Как ты, еще мальчишкой, забрался к ней за яблоками и она стянула с тебя штаны.

— Замечательная женщина. Благодаря ей я нашел вас! — Он посмотрел на часы.— Извини, мне еще надо навестить больного.

На следующий день утром Клавдия Занден и тетушка Бендер пришли на прием. Врач рассказал девушке о характерных признаках желчнокаменной болезни, о том, как следует вести себя, если ее заставят явиться в государственную поликлинику.

Пользуясь случаем, доктор Бервальд тщательно осмотрел тетушку Бендер. Просвечивание показало, что у нее открытая форма туберкулеза, поражены оба легких.

Клавдия побледнела:

— Надо срочно что-то делать!

Доктор Бервальд горько улыбнулся:

— Самые лучшие туберкулезные санатории — в Шварцвальде, но все они заняты под госпитали. Найти где-нибудь место у частника? Но на это уйдут месяцы. Разве вы не знаете, что там все «забронировано»? — Голос Бервальда дрожал от презрения и ненависти.— На-

цисты, крупные государственные чиновники и генералы давно уже эвакуировали своих жен, дочек, всяких там родственничков в безопасные районы. Там, разумеется, в порядке особого исключения места для них бронируются официально. Они прибрали к рукам самые комфортабельные санатории и пансионаты. Там буйно веселятся и развратничают, спекулируют и копят сказочные богатства. Неудержимым потоком плывет туда со всех фронтов награбленное добро в качестве подарков за оказанные любезности. А в это самое время трудовой люд не разгибаясь работает за жалкие гроши, чтобы выкупить свой голодный паек. А здесь, в Берлине? Медикаменты? Специальное питание для больных? Конечно есть. Но не про нашу честь. Паек по карточкам снова урезали. Так что, если вам не помогут ваши товарищи, ничего сделать не удастся...

Ночью Клавдия советовалась с Паулем. Она предложила отправить тетушку Бендер к своим родителям, которые жили в Арозе.

Пауль считал, что первую остановку надо сделать в Вене. Оттуда легче выехать в Швейцарию. В Вене много опытных товарищей, которые переправили через границу немало людей.

— Значит, наша задача состоит в том, — сказал в заключение Пауль, — чтобы помочь тетушке Бендер попасть в Базель. Там ваши родители сразу же устроят ее в санаторий.

Затем Пауль разъяснил Клавдии, почему она должна уехать из Германии.

•

Мучительно медленно тянулись дни. Клавдия с нетерпением ждала часа, когда выедет в Вену. Через несколько недель Клавдия исчезнет. Вместо нее появится жительница Вены некая Штеффи Линдмайер, фотограф по профессии.

Когда все будет готово для переезда из Австрии в Швейцарию, фотограф Штеффи Линдмайер станет рисовальщицей в журнале мод Гели Альтендорфер, проживающей по адресу: Вена, Рингштрассе, 17. В документах, которые Клавдия получит в Вене, будет сказано, что ей, подданной Швейцарии, официально разрешено властями выехать на время отпуска за границу, в город

Лозанну, к своим родителям. Анкетные данные обеих женщин Клавдия знала наизусть. Они мало отличались от ее собственных.

Товарищи сказали ей, что сразу по прибытии на место она получит небольшое задание, о котором более конкретно узнает позже. Это ее радовало.

В дни беспокойства и беспрерывных хлопот, связанных с подготовкой к планируемому на конец октября побегу, у Клавдии все чаще появлялось желание написать Хельгерту. В своих прежних письмах она почти не писала о своих переживаниях и чувствах. Обычно она рассказывала о событиях какого-то одного дня. Теперь же она писала о своей жизни. Она очень удивилась, когда почувствовала, что мысли о Хельгерте волнуют ее не меньше, чем все то, что еще связывало ее с медленно угасающим прошлым. Она пыталась подыскать объяснение этому — сегодня одно, завтра другое, — но найти его не могла. С тех пор как Хельгерт написал ей, что в конце августа был ранен в бою в левую ногу, ее не покидало чувство тревоги и беспокойства. Хельгерт сообщил, что сейчас пишет ей длинные письма только потому, что находится на излечении в тылу и у него много свободного времени. Но это не могло успокоить Клавдию. Путаницу в своих чувствах она объясняла слишком большим перенапряжением нервов.

Мысль о том, что однажды ей снова придется давать показания в гестапо, преследовала Клавдию. И теперь, перед отъездом в Австрию, где ей предстояло получить указания партии, ей казалось, что многое в Берлине она видит в последний раз. Предположение, что ее отъезд оборвет всякую связь с Хельгертом, причиняло ей почти физическую боль. Клавдия начала лихорадочно думать, как бы сообщить ему свой новый адрес в Вене.

А вдруг его переведут в другую дивизию и номер полевой почты изменится? Тогда — конец. А что, если попросить его написать ей хоть раз в Вену на имя Штеффи Линдмайер? Почему бы не сообщить ему, что Штеффи Линдмайер ее подруга, которая сможет передавать ей его письма? Нет, это исключено. Эти два имени — Клавдия Занден и Штеффи Линдмайер — нельзя называть вместе. Но как бы его предупредить, чтобы он понял все правильно?

Только один человек мог помочь ей. Ильза Хельгерт.

Во второй половине сентября солнце грело по-летнему жарко. Со станции городской железной дороги «Штадтмитте» Клавдия поехала на метро. Францезишештрассе — Фридрихштрассе. Каждый раз, когда поезд, замедляя движение, въезжал на очередную станцию, стена пассажиров распадалась на отдельные группки, которые устремлялись к вагонам. Их жесты и глаза говорили об одном желании: как можно быстрее попасть домой. У всех были серые заострившиеся мышиные лица.

Ораниенбургские ворота — Штеттинский вокзал. Когда же окончится эта война?

Шварцкопфштрассе — Рейникендорферштрассе. Поезд, казалось, врезался в толпу.

Станция «Веддинг». Люди теснятся, как колонки цифр в статистическом отчете. Все они, независимо от их желания, — статисты фюрера. Обезличенные. Поставленные перед необходимостью выстоять до конца.

Когда Ильза предложила ей войти, Клавдия Занден не знала, как объяснить причину своего прихода. Они сели друг против друга.

«Какое у нее бледное лицо, — подумала Клавдия. — Видимо, много работает. Ей ведь всего двадцать четыре года, а выглядит она намного старше. Кажется, наш разговор будет слишком общим. Не чувствуется, что в этой комнате живет замужняя женщина. Даже его портрета нигде не видно».

«Почему, собственно, — в свою очередь думала Ильза, — я всегда представляла себе Клавдию Занден девчонкой, много внимания уделяющей своей внешности? Она действительно красива. Правда, сейчас выглядит очень печальной. Видимо, не глупа. Очевидно, пришла поделиться своим горем, найти утешение. Не покажутся ли ей мои слова слишком сухими? Странное дело, все, с кем был знаком мой муж, оказались по ту сторону счастья. Вот и эта Клавдия тоже. Она наверняка пришла с определенной целью. Иначе зачем бы ей искать меня?»

Ильза Хельгерт решила первой нарушить затянувшееся молчание:

— Что делать, с неприятностями приходится мириться. Когда все зарубцуется? Когда снова можно будет надеяться на будущее без опасностей и тревог?

А пока одни только страдания, которым нет конца.— Последние слова она произнесла едва слышно.

Клавдия сразу поняла, что обращаться к Ильзе Хельгерт с просьбой переслать Хельгерту ее венский адрес было бы просто глупо. «Страдания, которым нет конца». Раздумывая над этой фразой, она вспомнила слова Дернберга. «Ильза охвачена такой же безнадежностью, как и ее муж. И у нее, как и у всех нас, нет счастья».

— «Будущее без опасностей и тревог»,— повторила Клавдия.— Когда-нибудь оно придет. А пока нам приходится рыться в обломках прошлого. Но у нас обязательно появятся надежды!

Ильза покачала головой:

— Смысл своей будущей жизни я уже определила. Помогать. Помогать другим людям.— Она задумчиво посмотрела перед собой.— А сейчас хочу только одного... чтобы война пощадила его...

«Это желание каждой замужней женщины,— подумала Клавдия.— Не означают ли ее слова, что она отказывается от своего мужа, Фрица Хельгерта? Но это было бы противоречием. Может, она его больше не любит? В чем же тогда причина такого разочарования в жизни, такой покорности судьбе? Разве для того, чтобы помочь людям, нужно обязательно от чего-то отказываться?»

— Да, страшное сейчас время,— заговорила Клавдия.— Кстати, мы, женщины, хотели бы во многом помочь, но часто не знаем, как это сделать. Думаю, и вашему мужу в этой войне пришлось немало вынести. В ближайшее время я не смогу написать ему. Много работы...— В этот момент ей стало не по себе. Что, если Ильза не знает об их переписке? Краска залила ее лицо.

Наступило мучительное молчание.

Ильза, отвернувшись от Клавдии, думала о своем. Значит, в жизни мужа есть много такого, о чем она не знает. Почему он никогда не говорил ей о переписке с Клавдией? Ильза с трудом скрывала волнение.

Клавдия видела, как изменилось лицо женщины. Не думает ли Ильза, что здесь замешаны чувства? Это предположение ошеломило ее настолько, что она сразу же попыталась объясниться:

— Ваш муж дружил с Эбергардом. — «Это она знает. Зачем я это говорю?» — Я была так благодарна ему, когда он пришел ко мне. Ведь он незадолго до этого видел Эбергарда... говорил с ним...— Клавдия нервно комкала носовой платок. Ее объяснение прозвучало как извинение.

«Теперь все стало ясно, — подумала Ильза. — Когда Фриц последний раз был здесь, меня не на шутку волновал вопрос, любит ли он меня. До сих пор я гнала мысль, что жребий брошен и все решено. А теперь? Эта переписка лишний раз доказывает, что пути наши разошлись».

Ее глаза неподвижно смотрели на стену. «И все же я его люблю. Так хочется во всем разобраться, найти истинную причину нашего разрыва. Может быть, случившееся и заставило его сблизиться с Клавдией? Возможно, для него она сейчас значит больше, чем когда-либо значила я».

«Ревность? — Ильза украдкой, уголками глаз смотрела на красивую темноволосую девушку. — Неужели правда, что жена, от которой ушел муж, предпочитает видеть его мертвым, чем в объятиях другой? У меня никогда не будет детей. По моей вине. Фриц всегда так хотел иметь ребенка! Может, в этом и кроется причина разрыва?» — Она почувствовала режущую боль в груди.

Ильза опустила маскировочную штору и включила свет. Теперь девушка показалась ей какой-то чужой.

— Ваши планы на будущее теперь, конечно, несколько изменились?

Клавдия испуганно посмотрела на нее. Это была уже явная насмешка. «Ну вот. Она поняла меня именно так, как я и предполагала. Этого-то я и боялась. Теперь она будет бороться против того, что в ее представлении кажется несомненным. Теперь уже ничего не объяснишь. Остается только уйти».

Твердым голосом она сказала:

— Позже я думаю заняться рисованием. Разве сейчас можно прожить этим?

«Я сама напишу Хельгерту», — решила Клавдия и, поблагодарив Ильзу за добрые слова, быстро простилась.

Когда Ильза закрывала дверь, ей показалось, что Клавдии здесь не было и весь этот разговор нарисован ее воображением.

«Теперь мне ясно, — как бы продолжая разговор, рассуждала Ильза, — что я лишь звено цепи Дернберг — Клавдия — Эбергард — Фриц. На протяжении всех этих месяцев я старалась никого не видеть (конечно, кроме себя и Дернберга). Но если Фриц видит выход только в своем сближении с Клавдией и если их отношения сейчас стали более близкими, чем я могла бы предположить, то это не только злая ирония судьбы, но и вина моего мужа. Насильно мил не будешь. Упущенного не вернешь. Мне остается одно: отказаться. Отказаться от своего мужа... от Фрица... Это так тяжело...

Но что делать? С неприятностями приходится мириться. Так, кажется, сказала Клавдия?

Теперь я совсем одна. — Ильза тяжело вздохнула. — Но я еще найду свое место в жизни. Буду работать, учиться. У меня будет специальность. Учиться никогда не поздно».

Это было самое длинное письмо из всех, которые Клавдия когда-либо писала Хельгерту.

В большом и опасном деле ей нужна была его поддержка, и она искала ее.

О разговоре с Ильзой в письме не упоминалось. Было лишь несколько туманных намеков.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Везде, где медсанрота дивизии, окружив себя флажками с красными крестами, развертывала свой медицинский пункт, там неизбежны были и страдания, и надежды.

Здесь царствовала хирургия, перечеркнувшая многие казавшиеся некогда незыблемыми каноны медицинской науки. Она штопала и ремонтировала людей и снова возвращала их на фронт.

Здесь рядом с подлинным гуманизмом соседствовали безразличие и хладнокровие. Главную роль игра-

ла смерть. И виной тому была в первую очередь война и лишь во вторую — несовершенство человека.

В то время как одни — в Биаррице или Ницце — делали косметические операции, у других — западнее Ельни — не было средств облегчить страдания окровавленных тел.

Одни, следуя принципу «старые люди знают, что делать», жрали — «на случай, если ранят» — биогенные стимуляторы, способствующие заживлению ран, в то время как другие из-за недостатка самых необходимых медикаментов умирали отнюдь не героической смертью.

И надо всем этим гордо стояла на кончике хвоста змея, обвивающая жезл Эскулапа.

Она видела, как из медицинского спирта делается почти первоклассный ликер.

Она видела, как раненые с серыми лицами и трясущимися синими губами лежали под дождем на носилках перед дверями переполненных лазаретов.

Она видела, как тупились скальпели и у врачей от усталости дрожали колени.

На фронте движения рук хирурга грубее, а разрезы на теле менее аккуратны, чем в городской платной больнице. Узлы на швах затягиваются резче и туже, а удаление аппендицита — духовное отдохновение.

Молодые потомки Эскулапа поначалу чувствовали себя здесь как на седьмом небе: всех их, независимо от чина, называли «дорогой доктор» или, в худшем случае, просто «доктор».

Раненым, лежавшим где-нибудь на тонкой соломенной подстилке, оставалось только одно: надеяться.

«Выжить» всегда значило сначала остаться в живых, а потом вовремя попасть в санитарный поезд. «Вовремя», в свою очередь, означало успеть выбраться из прифронтового района, пока русские не перерезали дорогу.

Слово «выжить» выражало также стремление получить продолжительный отпуск в связи с ранением, который, может быть, удастся провести где-нибудь в горах Таунуса или Шварцвальда. С этим словом связывалась надежда получить на длительное время заключение медкомиссии «Годен для гарнизонной службы внутри страны», а если уж совсем повезет, то, может, и такое: «Для военной службы не годен».

Медпункт санитарной роты был своеобразным шлюзом, который мог открываться как в одну, так и в другую сторону.

Капитан медицинской службы доктор Ребер оперирует. Вот уж которую неделю подряд. Начиная с конца августа, когда на ельнинском выступе разгорелись ожесточенные бои, в операционную беспрерывно поступают все новые и новые раненые. Хирург смертельно устал. У него рябит в глазах.

День уже догорал, когда в операционную внесли еще одного раненого. Помощники уже насыпали врачу тальк в перчатки и раскладывали наспех стерилизованные инструменты, когда он с удивлением услышал шепот. Ребер всегда педантично следил за тем, чтобы даже во время подготовки к операции в помещении царила абсолютная тишина. Он требовал, чтобы все работали, как бесшумный механизм.

Шептал лежавший на операционном столе офицер. Ему давали наркоз, а он не хотел считать.

На позеленевшее лицо раненого наложили маску, и на нее крупными каплями полился эфир. Офицер лежал с закрытыми глазами. Рядом с ним на спинке стула висел его френч без знаков различия.

— Живот, — прошептал ассистент.

Доктор Ребер посмотрел на крохотное пятнышко, оставленное осколком чуть ниже пупка. На секундомер.

Хирург еще раз сосредоточил оставшуюся после напряженного дня энергию и приступил к операции. Он работал быстро и уверенно. Все окружавшее перестало для него существовать.

Вскрыв живот, он несколько секунд смотрел неподвижными глазами на безнадежно изорванный осколком кишечник. Надежд на спасение никаких. Врачу оставалось беззвучно вынести свой смертный приговор.

Вены на висках у него вздулись. Доктор Ребер торопливо зашил вспоротый живот, как бы желая побыстрее спрятать там смерть. Но с помощью быстро размножавшейся кишечной палочки она с каждым часом надвигалась все ближе и ближе.

Это был последний раненый, который сегодня не вышел живым, из-под скальпеля доктора Ребера.

Выйдя за дверь, хирург в несколько глубоких затяжек жадно выкурил сигарету. Сегодня он настолько устал, что не мог думать о чем-нибудь связно. Он едва ли мог представить себе лица тех, кому сегодня пришлось перевязывать сосуды, накладывать шины, переливать кровь или ампутировать конечности. Как далеко то время, когда он после трехчасовой работы в запасном артиллерийском дивизионе во Франкфурте-на-Одере мог щеголять перед чиновниками и пенсионерами в своей с иголочки новой военной форме.

К доктору Реберу подошел фельдшер.

— Кто бы мог подумать, что его шлепнет так далеко от передовой!

— Кого?

— Ну, этого отчаянного малого, лейтенанта Эйзерберга. Сегодня после обеда он был еще в штабе дивизии. Кажется, давал показания в трибунале по какому-то делу. А когда ехал на мотоцикле обратно, наш бомбардировщик высыпал бомбы на своей территории: за ним гнались русские истребители. И бомбы-то разорвались не так уж близко — метрах в двухстах!

— Эйзерберг? Уж не тот ли, которого недавно наградили дубовыми листьями?

— Он и есть. Но осколок, видимо, этого не знал!

— Эйзерберг — это, выходит, тот, которого мы только что оперировали?

Фельдшер утвердительно кивнул.

На следующий день ранним утром капитан медицинской службы доктор Ребер обходил ряды своих пациентов. Ему не терпелось поскорее увидеть лейтенанта Эйзерберга, который, по его предположению, вряд ли мог протянуть эту ночь.

Но лейтенант был еще жив. Лицо его сильно изменилось. Стало безжизненным.

Врач с трудом узнал его:

— Ну как себя чувствуете, лейтенант?

Командир роты спокойно посмотрел на врача ввалившимися глазами.

— Спасибо вам, доктор. Спасибо, что спасли мне жизнь. Моя жена и маленькая Агнесса тоже будут благодарить вас. Здесь ведь почти никто не знает, что у меня есть семья. — В голосе Эйзерберга не было и следа от его прежнего цинизма и ухарства.

Ребер, как бы защищаясь, поднял руку. Потом дружески похлопал лейтенанта по плечу. К горлу подступил комок.

Рядом с Эйзербергом прошлой ночью умер солдат, у которого не оказалось ни документов, ни даже личного знака. Его уже не нужно направлять в госпиталь — достаточно куска брезента или одной плащ-палатки.

Хирург, ссутулившись, направился к следующим раненым, но по-прежнему чувствовал на себе пристальный взгляд умирающего лейтенанта.

— Ну, Хельгерт, вы счастливчик! Вам просто повезло! В моей медицинской практике подобных случаев еще не было. — Врач присел около обер-лейтенанта. — Я вводил вам зонд с одной стороны колена, а он вышел наружу с другой.

— Пусть теперь кто-нибудь скажет, что русские плохо стреляют!

— Что правда, то правда. Попал точно между сухожилием и костью. Крови вы потеряли немного, поэтому процесс выздоровления идет вполне удовлетворительно.— Ребер нагнулся к Хельгерту и прошептал: — Идите к Эйзербергу. Вы же его давно знаете. — Он кивком головы показал на лейтенанта. — Осколком в живот. Не выживет. Конец.

Хельгерт кивнул и тяжело вздохнул. Эйзерберг — и конец?! Не может быть! Ребер, наверно, ошибается! Он ведь понятия не имеет, что представляет собой Эйзерберг. Это же не какой-нибудь пехотинец. Это — Эйзерберг, плевавший на все трудности и опасности. Эйзерберг, которого не берет ни штык, ни пуля. Эйзерберг — воплощение неуязвимости и стойкости. «Кстати, что такое «стойкость»? — подумал обер-лейтенант. — То, что называют «залогом победы»? Или я придумал это для своего утешения, потому что мне страшно?»

— Тебе, парень, страшно! Страшно оттого, что умирает Эйзерберг! — тихо проговорил Хельгерт.

Он почувствовал жжение в глазах, как в начале двадцатых годов, когда впервые в своей жизни увидел мертвую девушку, утонувшую в озере Тегелер-зее, что на северной окраине Берлина.

Между рядами корчившихся от боли раненых санитары пронесли к двери мертвого солдата, лежавшего по соседству с Эйзербергом. Полушепотом Ребер приказал

им переложить на освободившееся место обер-лейтенанта Хельгерта.

В этот теплый сентябрьский день в импровизированной палате дивизионного медицинского пункта произошли события, которые показались командиру батареи не совсем обычными.

Неожиданно в помещении, наполненном стонами, блеснул Рыцарский крест. Хельгерт не сразу узнал его владельца — полковника Круземарка.

— Дорогой Хельгерт! — Полковник не жалел слов, чтобы как можно демонстративнее выказать расположение к «своему» обер-лейтенанту. — Как себя чувствуете? Я привез вам привет от нашего славного полка, который гордится вами!

Он осторожно коснулся кончиков пальцев Хельгерта.

— Будьте, как всегда, молодцом и делайте все, что велит доктор. Я потом поговорю с Ребером. — Он приветливо кивнул лежавшему рядом с Хельгертом тяжелораненому.

— Видите ли, — начал Круземарк, — ваш побег из плена — яркое проявление исключительных качеств немецкого солдата, высокой воинской дисциплины и сознания долга перед родиной. Вы подали блестящий пример того, как можно проявить непоколебимую веру в дело нашего фюрера, вы показали, как нужно сохранять в чистоте высокую честь немецкого офицера. Об этом должно быть сообщено в «Рейхе»!

Эту игру Хельгерт воспринял как попытку полковника добиться победы.

Круземарк подвинулся ближе и тихо, чтобы не слышали другие, сказал:

— Мне надо поговорить с вами по одному небольшому служебному вопросу.

Служебный вопрос? Хельгерт ничего не понимал. Какие могут быть сейчас служебные вопросы? Ведь батареей-то теперь командует Гегенбах. Кроме того, он понятия не имеет, что сейчас происходит у них там, на передовой.

— Как вы считаете, можно ли предположить, — Круземарк пытался говорить мягким голосом, — что две недели назад рядовой Бендер в деревне... Как же она, черт бы ее побрал, называется? Иванское, что ли? Или еще как-то...

— Евланские Усташки, господин полковник! — подсказал командир батареи.

— Вот, вот. Правильно. Можно ли предположить, Хельгерт, что этот Бендер, телефонист вашей батареи, действительно хотел попытаться выручить вас, когда вы, окруженный врагами, лежали на окраине этой поганой деревни? Причем никакого оружия у него с собой не было! Совсем безоружный! — Он грозно огляделся.

— Каким же образом он мог узнать, что я там остался? — с недоверием в голосе в свою очередь спросил Хельгерт.

— Его встретил унтер-офицер Гейдеман. Он-то и рассказал ему обо всем.

Обер-лейтенант лихорадочно строил догадки: «В этой сумятице Бендер, безусловно, осуществил бы свою давнишнюю заветную мечту. К тому же командир батареи ранен! Ну, каков подлец!» — Хельгерт удивился, что подумал об этом без злобы.

Командир батареи посмотрел на полковника и спокойным голосом, как будто говорил не он сам, а какой-то другой Хельгерт, ответил:

— Я абсолютно уверен, что ради меня он всегда готов рисковать своей жизнью.

Полковника Круземарка сразу покинуло то радостно-веселое возбуждение, которое он испытывал в это безоблачное утро, находясь в шестнадцати километрах от фронта под защитой Красного Креста.

— Вы чересчур легковерны, мой дорогой, слишком доверчивы. Это может навлечь на вас еще одну неприятность.

«Еще одну», — с горечью подумал обер-лейтенант.

— Рядовой Бендер пытался дезертировать, хотел перебежать к русским! Лишь энергичное вмешательство двух высокосознательных офицеров позволило предотвратить этот позорный случай! Что теперь будет — ясно: военный трибунал! — Уголки его рта опустились.

— Господин полковник...

— Хорошо, сын мой! Хватит об этом. Вам сейчас нельзя волноваться. Тут лейтенант Эйзерберг, надеюсь, раненый. Он сможет более подробно рассказать вам обо всем том, что произошло с Бендером.

— Так точно, господин полковник!

Полковник Круземарк вытянул шею, поправил Рыцарский крест:

— Я еще навещу вас, дорогой Хельгерт. Держитесь молодцом, выздоравливайте!

Круземарк размышлял над предположениями своего адъютанта: Хельгерт заодно с коммунистами. Все это, конечно, чистейшая чепуха, особенно сейчас, когда он таким потрясающим образом вырвался из плена, чтобы снова вернуться в полк. Но все же в батарее этого идиота Хельгерта действуют темные личности, о которых он ничего не знает. Теперь в назидание другим он, как командир полка, прикажет этого парня расстрелять. Баста. Пора наводить в полку порядок.

Поскрипывая кожаными ремнями снаряжения, полковник прошел между рядами лежавших на соломе раненых. Возле двери он встретил капитана медицинской службы Ребера. О чем они говорили, Хельгерт не слышал.

В углу, возле выбитого окна, медленно умирал коренастый фельдфебель-танкист. Он уходил из жизни так тихо, что никто даже не замечал этого.

После визита полковника Круземарка в этот день произошло еще одно немаловажное событие.

«В одну воронку два снаряда не падают. Значит, я не отдам здесь богу душу», — подумал обер-лейтенант Хельгерт, когда его перекладывали на освободившееся рядом с лейтенантом Эйзербергом место.

Они поприветствовали друг друга степенным «хэлло», и Хельгерту сразу же бросилось в глаза, что нос у командира роты как-то неестественно заострился. Лицо у раненого лейтенанта было восковое, как у человека перед смертью.

— Странно, — тихо проговорил командир роты. — Сейчас, когда все уже позади и жить осталось каких-нибудь два часа, в голову лезут глупые мысли.

— Ты о чем? — В этот тяжелый для пехотинца момент Хельгерт старался говорить спокойным и даже несколько беспечным тоном. — С чего это тебе вдруг взбрело?

— Дорогой мой! Может, ты думаешь, так здорово стрелял только я один?

Обер-лейтенанту Хельгерту было известно, что как стрелок Эйзерберг не знал себе равных. Но что пехотинец хотел сказать сейчас, командир батареи понять не мог.

— Ручной гранатой я мог любого выкурить из окопа... На сорок шагов бросал... Дальше нельзя... Запал рассчитан на четыре с половиной секунды. — Глаза Эйзерберга в задумчивости остановились. Казалось, сейчас он представил себе этот бросок. — Иногда некоторые из них... разорванные гранатой... снились мне... Вот и сегодня ночью тоже... Всех нельзя упомнить... Кого лопаткой, кого из автомата... Но они стоят передо мной и спрашивают...

— Успокойся, Эйзерберг. Это же было на фронте, на передовой. Кто из нас не убивал! По-моему, мы с тобой не так уж часто мазали. А когда попадешь в цель и потом увидишь на поле несколько убитых, разве разберешь, кто в них попал, — ты или я. Впрочем, нет! Когда лежишь за пулеметом и из ящика змеей выползает лента, видно, как твой свинец впивается противнику в брюхо.

Хельгерт испугался. Сам того не желая, он напомнил Эйзербергу о его смертельной ране.

Но пехотный лейтенант был слишком занят своими мыслями и не слышал последних слов командира батареи. Голос его стал еще тише.

— Нет, это не то. На войне... не только жрут, таскаются по бабам... и получают повышения. Есть, в конце концов, и такие, которые стреляют. Но скажи мне, Хельгерт, мы ведь знаем друг друга уже несколько лет... Тебе никогда не приходила в голову мысль, что в этой гигантской бойне ты работаешь на горстку сумасбродов?.. — Немного помолчав, он тихо добавил: — Я сказал это просто так, в шутку.

Обер-лейтенант посмотрел по сторонам — не слышал ли кто. Раненый солдат, лежавший по другую сторону от него, только что выполз во двор.

За Эйзербергом на спине лежал солдат с развороченным ртом и тихо хрипел.

Следя за взглядом Хельгерта, Эйзерберг иронически улыбался:

— Немало нашего брата израсходовали они здесь на топку... Пожгли в огне войны... И сами здорово погрели на этом руки.

— Знаешь, Эйзерберг, если ты снова встанешь на ноги, ты наверняка на все будешь смотреть другими глазами!

— Если мне удастся выкарабкаться, я с гордым чувством исполненного долга и национал-социалистского достоинства вернусь домой и уступлю свое место здесь, на фронте, моему ортсгруппенлейтеру. — Эта мысль, как показалось Хельгерту, долго занимала пехотного лейтенанта.

— Дай нам бог выбраться отсюда живыми, — в раздумье проговорил Хельгерт.

— «Дай бог»! Бог милостив. Его именем на всех фронтах благословляют оружие, чтобы оно калечило как можно больше солдат противника. С крестом в руке попы шепчут в ухо умирающим, что те отдают жизнь за великое дело. Именем господа бога одни народы натравливаются на другие.

— Да, но на русских милость божья не распространяется, — заметил Хельгерт.

— На русских? — Глаза Эйзерберга помрачнели. Появившиеся в них живые искорки угасли. — К сожалению, им приходится идти в бой без благословения. Но зато они хорошо знают, на что благословляют служители божьи нас...

Хельгерт покачал головой:

— Так же нельзя...

Не дав ему договорить, Эйзерберг пренебрежительно махнул рукой:

— Пусть теперь все будет без меня. Я ухожу. Но прежде я вместе со своими барахляными орденами засуну в карман и ту повязку, которой долгие годы мне завязывали глаза! Хочу посмотреть на мир своими глазами.

Хельгерт вдруг вспомнил, что Бендеру грозит суд военного трибунала. Он осторожно начал:

— Что там произошло с Бендером?

— А кто такой Бендер?

— Солдат, который хотел меня вытащить!

— А, это, должно быть, тот, по делу которого вчера меня допрашивали в дивизии?

— Думаю, что так.

— Если судить по-пехоти́нски, то этот малый — желторотик, необученный птенец. Как бы он тебя, тюфяка такого, вынес, если деревня уже кишела русскими?

— Ты думаешь, что у него действительно было такое намерение?

— Ну конечно! — оживился Эйзерберг. — В том, что он хотел помочь своему начальнику, сомнений быть не может. О чем речь!

— Тебе, значит, не кажется, что этот желторотик хотел махнуть к русским?

Хельгерт с нетерпением ждал, что ответит пехотинец.

— Не думаю. Во всяком случае, ты-то тут ни при чем. Попробуй загляни ему в башку. Чужая душа — потемки. Но пытаться удрать при такой ситуации мог только идиот. Я хотел лишь уберечь его от верной гибели. Так я и сказал в трибунале. Парню ничего не будет. До суда дело не дойдет.

«Тогда почему же полковник утверждает, что в этом деле все ясно? Что-то здесь не так!» — подумал Хельгерт.

— Нет, нет. Повязку с глаз надо сбросить, — размышлял вслух Эйзерберг, глядя через мутные стекла окна на улицу. — Мы идем к катастрофе, Хельгерт! Потому что мы все — военные и гражданские — вечно кричали «хайль» и бездумно шли за тем, кто нас вел. Все мы радовались, когда наш любимый фюрер делал очередной шаг к этой войне. Мы еще только вели разговоры о «национальной независимости», когда Адольф уже втыкал флажки своих армий на Урале и в Африке. Мы кричали «Долой Версальский договор!», а у рейхсмаршала Геринга уже были готовые планы, как надуть страны, победившие в первой мировой войне. Почему же, собственно, мы не хотели понять, что кровь у нас лилась еще до того, как началась война? Мы ограничивались лишь тем, что про себя отмечали: «Такого-то они забрали» или «Евреев они упрятали в концентрационный лагерь». Был ли хоть один случай, чтобы кого-то выпустили оттуда?

Руки кавалера Рыцарского креста с дубовыми листьями, несмотря на следы глины, налипшей при падении с мотоцикла, казались прозрачными.

— А ты не преувеличиваешь? — спросил Хельгерт.

— Преувеличиваю? — Дыхание Эйзерберга стало прерывистым. — Может быть, ты думаешь, что, когда нас расчехвостят в пух и в прах — неважно где: на Во-

сточном или Западном фронте, — победители не отвернутся даже от тех немногих, у кого была действительно добрая воля?

— Что значит: «Когда нас расчехвостят в пух и в прах»?

— А ты что, еще надеешься выиграть войну?

«Это какая-то ирония судьбы, — думал Хельгерт. — Эйзерберг раскрывает свою душу только теперь, в свой смертный час.

Что ему ответить? На таком коротком пути — от соломенной подстилки до березового креста — не должно быть никакой лжи. И все же я вынужден лгать, хотя прекрасно понимаю, что он прав. Было бы глупо говорить ему сейчас, что все сделанное им за годы военной службы напрасно и не нужно. Не могу же я сказать ему, что из-за его отваги и героизма пролилось немало крови — немецкой и русской, что своей стойкостью и выдержкой он способствовал разрастанию этой катастрофы. Сейчас, когда ему осталось пройти последний отрезок пути, его надо как-то утешить».

— Во всяком случае, в этой войне наше положение не безнадежно.

— Не безнадежно... — Эйзерберг попытался улыбнуться, но лицо его исказилось от мучительной боли. — Слышь, парень, мне надо быть поосторожнее со свежим швом. Не дай бог, разойдется — тогда я не скоро попаду домой. — Он подтянул колени почти к подбородку. — Знаешь, почему я был таким бешеным псом и не боялся лезть на рожон?

— Потому что ты смелый человек!

— Чепуха! Поначалу мне льстило, когда меня называли героем, чудо-парнем. Потом, привыкнув к такому лестному мнению, старался оправдывать его. Но постепенно во мне рос страх: а что, если однажды и нам придется испытать то же, что мы делаем здесь с другими?! Боясь, что и мне не сдобровать тогда, я и старался, как мог, предотвратить это. Вот, милейший, и вся мораль!

Хельгерт испугался. Значит, эта мысль мучит и других, и даже людей с более крепкими, чем у него, нервами. Едва слышно он сказал:

— Нам, пожалуй, следовало бы поговорить об этом раньше!

Эйзерберг посмотрел на артиллериста так, словно видел его впервые:

— Мы слишком часто с тобой заряжали и стреляли, заряжали и стреляли. Все время одно и то же. Делали это не думая, не размышляя. Мы привыкли... Привыкли к мертвым. К несправедливости. К отупению. В этом мы все одинаковы.

Эйзерберг закрыл глаза. В уголках его рта показалась пена. Дыхание стало прерывистым.

Вошел фельдшер и сделал ему укол морфия.

Губы Эйзерберга еще некоторое время шевелились. Потом он заснул...

Заснул и больше не проснулся.

Командир пехотной роты лейтенант Эйзерберг направился в свой последний путь на носилках. Путь длиной не более сорока шагов. Это даже меньше того расстояния, на которое он в свое время мог бросить ручную гранату.

Ни носилки, ни мелкая могила, вырытая для него еще утром, не явились для солдат пехотной роты основанием считать своего командира героем.

— Подсудимого рядового Рудольфа Бендера, обвиняемого в дезертирстве, лишить всех прав и приговорить к смертной казни — расстрелу.

Высокомерный, недовольный и злобный председатель суда советник юстиции Шейбе еще раз строго взглянул на осужденного. У Шейбе было достаточно причин для того, чтобы быть злым и недовольным. Он до сих пор не мог простить себе, что двадцать лет назад не сумел получить ученую степень и при новом строе, где положение людей определяли их служебное положение в СС, количество орденов и, наконец, — пусть в третью очередь — сумма академических титулов, оказался не в числе привилегированных, а попал в группу «сосисок», то есть в разряд обычных военных чиновников. После войны, которую, с божьей помощью, может быть, удастся выиграть, он расстанется со своим более чем скромным воинским званием и в лучшем случае получит право печатать на визитных карточках «в запасе» или «в отставке». А сам он, как и его личное дело, будет обрастать пылью в каком-нибудь районном суде.

Такую мрачную перспективу он скрашивал жесткостью приговоров. В нем горело желание с помощью таких приговоров обратить на себя внимание высших судебных инстанций и когда-нибудь устроиться на работу туда, где под руководством Роланда Фрейслера несут свою нелегкую службу облаченные в красные мантии жрецы правосудия. Там косвенные улики всегда принимались за абсолютные доказательства, если этого требовало национал-социалистское движение. А движение это было далеко не прямолинейным: в нем было не меньше поворотов и углов, чем в самой свастике.

Приговор Шейбе обосновывал так:

— Тринадцатого июля в населенном пункте Березовец, расположенном примерно в ста километрах восточнее Орла, во время тяжелых оборонительных боев подсудимый рядовой Рудольф Бендер пытался остаться на огневой позиции своей батареи, которая под натиском атакующих большевиков должна была временно оставить позицию. Старший на батарее, лейтенант Гегенбах, помешал подсудимому осуществить свой замысел, но должного значения описанному случаю не придал. — Шейбе снял очки и взором, полным укоризны, оглядел присутствующих. — Преднамеренное дезертирство! Вы представляете, что это такое?! — Поучающим тоном он продолжал: — К сожалению, на следствии господин лейтенант Гегенбах не смог с полной серьезностью оценить этот поступок.

Гегенбах сидел на скамейке в углу около печки; из всех свидетелей он был дальше всех от Шейбе. С усердием стирая с огневого планшета давно нанесенные и теперь ставшие ненужными положения целей, огневых позиций и наблюдательных пунктов, он меньше всего внимания обращал на судебное заседание. Услышав свое имя и комментарий председателя трибунала, он повернулся к сидевшему рядом с ним обер-лейтенанту Альтдерферу и тихо сказал:

— Пусть-ка этот пар-р-ршивый осел лучше поцелует меня в задницу! — Раскатистое «р» лейтенант произнес так же тихо, как некогда покойный обер-вахмистр Зенфлебен из Дегерлоха, что под Штутгартом.

— Двадцать восьмого августа, — продолжал советник юстиции Шейбе, — в населенном пункте Евланские Усташки подсудимый Рудольф Бендер еще раз пред-

принял попытку осуществить свое намерение. В этот день он оставил только что занятый немецкими войсками промежуточный оборонительный рубеж и пытался перебежать к ворвавшимся в деревню русским. Приказу лейтенанта Гегенбаха, крикнувшего «Стой!» и «Остановись!», подсудимый Рудольф Бендер не подчинился и, напротив, даже ускорил бег. Только благодаря инициативе свидетеля лейтенанта Эйзерберга, сбившего Бендера с ног, явную попытку подсудимого перебежать к противнику удалось пресечь.

Утверждение подсудимого Рудольфа Бендера, что он будто бы хотел вынести с поля боя своего командира батареи обер-лейтенанта Хельгерта, который, будучи раненным, в этот момент лежал за боевыми порядками русских передовых подразделений, следует признать абсурдным. Абсурдность этого утверждения подсудимого подтверждается показаниями обер-лейтенанта Альтдерфера. Занимая должность адъютанта командира полка, господин Альтдерфер тщательно следил за действиями подсудимого со дня прибытия его в артиллерийский полк. Как офицер, преисполненный чувства высокой ответственности, обер-лейтенант Альтдерфер не мог оставаться безразличным к тому факту, что в прошлом Рудольф Бендер был активным членом запрещенной коммунистической партии. О своих сомнениях господин обер-лейтенант своевременно доложил командиру полка, а сейчас сам дал суду исчерпывающий материал по этому делу.

Господа! Обвести нас вокруг пальца не удастся никому. Мы ясно представляем, с кем имеем дело. Этот дезертир был активным коммунистом. Активным коммунистом он остается и сегодня. Здесь, на фронте, он сам неопровержимо доказал это! Подобным элементам нет места в национал-социалистском государстве. Сейчас, когда наша армия ведет тяжелые бои за наше будущее, когда решается судьба немецкой нации, мы должны уничтожать их со всей беспощадностью! Вырывать с корнем! Поэтому для них может быть только одно наказание. Смерть!

Советник юстиции Шейбе делал все, чтобы силой своего красноречия, в чем он, конечно, не сомневался, создать в крестьянской избе за линией фронта атмосферу важности и значительности происходящего. Сунув

роговые очки в нагрудный карман и для солидности вставив вместо них монокль, он встал из-за стола и с важным видом вышел.

Бендер неподвижно стоял перед стулом и немигающим взглядом смотрел на мундиры, ордена и холодные лица людей, гуськом выходивших через низкую дверь на улицу, где приветливо светило все еще жаркое сентябрьское солнце. В тягостной тишине, которую нарушало лишь шарканье ног выходивших солдат, ему казалось, что он слышит гулкие удары своего учащенно бьющегося сердца.

К нему подошел дежурный унтер-офицер и, слегка подтолкнув его в спину, коротко бросил:

— Пошли!

Стоявшие на улице двое конвоиров вопросительно посмотрели на унтер-офицера. Тот жестом показал: расстрел. Безмолвно шли они за ним, пожилые солдаты, с глазами, полными участия и сочувствия.

Дверь маленькой избушки, ставшей теперь камерой Бендера, со скрипом закрылась за ним, и четырехугольник пустого помещения заполнился бледным полумраком. Обессиленный, он сел на стоявшую вдоль печи лавку.

«Рудольфа Бендера, обвиняемого в дезертирстве... приговорить к смертной казни». Нет, этого не может быть! Здесь какое-то недоразумение. Ну разве можно тот случай в Евланских Усташках считать попыткой дезертировать?! Что-то явно должно произойти — и тогда все выяснится. Он долго неподвижным взглядом смотрел в землю, хотел все обдумать, но сосредоточиться не мог.

В ушах все еще стояли обрывки фраз, сказанных на суде. Слышался противный голос Шейбе, этого живого воплощения самых отвратительных качеств палача, рожденного фашистской системой. Бендеру представилась огромная рука, вытянутая для присяги. Ему виделись скрипящие виселицы, поблескивающие на солнце, топоры гильотины... Слышалась глухая дробь барабанов... «Залпом — огонь!»

Бендер вскочил.

Над пыльной деревенской улицей дрожал, поднимаясь кверху, разогретый воздух. В этот месяц изобилия он казался каким-то очень тяжелым. Бендер давно

любил эту страну, но за те десять недель, которые он провел здесь, ни разу не думал об этом.

Бендер подумал, как бесконечно долго тянется день. Но тут же заметил, что стрелки его часов безудержно бегут по кругу, безжалостно и неумолимо дробя тот ничтожно малый остаток времени, который ему еще суждено было прожить.

Этот приговор, конечно, не будет утверждаться господами верховными судьями. Его просто приведут в исполнение. Вероятнее всего, рано утром, на рассвете, как это обычно бывает в романах.

— «...Приговорить к смертной казни — расстрелу», — прошептал Бендер. Он хотел разобраться в событиях последних дней, понять, что же все-таки произошло. Пытался найти хоть какой-нибудь выход из этого круговорота, но не мог.

Лишь через несколько часов ему удалось собраться с мыслями и более или менее ясно представить себе то положение, в котором он оказался. Когда Бендера мобилизовали на службу в вермахт, партийное руководство дало ему задание: или вести антифашистскую работу в войсках, или перейти на сторону Красной Армии. Обстоятельства складывались так, что первое оказалось невозможным. Следовательно, оставалось второе — переход через линию фронта. В Березовце это не удалось. За последующие недели обстановка осложнилась еще больше. Из зашифрованного письма, полученного от товарищей, Бендер узнал, что партийное руководство приняло решение о роспуске его группы: преемник Фердинанда Бекера арестован и уже казнен, сам же Фердинанд пока еще находится в лапах СД, а его, Бендера, мать в скором времени будет переправлена за границу, в одну из нейтральных стран. Таким образом, Бендер становился более свободным в принятии решений. И он понимал, что его долг теперь — действовать быстро и энергично. Но когда? В каких условиях? При каких обстоятельствах?

А теперь за попытку дезертировать его приговорили к смертной казни.

Почему же он все-таки бросился очертя голову бежать? Может быть, он хотел вытащить с поля боя раненого офицера и тем самым подлатать свою репутацию, чтобы вместе с гитлеровцами продолжать эту раз-

бойничью войну? Нет! Этого у него и в мыслях не было. Он давно решил склонить этого обер-лейтенанта на свою сторону. Если бы смелость, мужество и знания Хельгерта, а также его порядочность и честность не служили больше целям преступной войны, а были направлены на достижение истинно патриотических целей, то в его лице Бендер приобрел бы надежного союзника и стойкого борца. Во всяком случае, он, коммунист Бендер, перебегать на ту сторону фронта не собирался.

«И что же в результате? — думал Бендер. — Через несколько часов меня расстреляют. За что, собственно? Фердинанд — тот знал, за что погибал. Знал об этом и казненный товарищ, заменивший его. А я? Неужели я должен стать жертвой роковой ошибки? Нет, нет и еще раз нет! Если уж погибать, то смерть должна иметь какой-то смысл».

Руди Бендер, прислонившись горячим лбом к оконному стеклу, думал, как выбраться из своей тюрьмы.

Вдали послышались гулкие раскаты орудийных выстрелов, вскоре слившихся в не прекращавшийся более часа сплошной гул. «Должно быть, Т-34 прорвали жиденькую оборону и сейчас уничтожают наспех оборудованные опорные пункты, — подумал Бендер. — Теперь советские войска уже скоро подойдут к Десне».

За рубцеватыми стволами берез угасал багряный закат. Тени становились длиннее — ночь медленно покрывала истерзанную землю своим черным пологом. Фронт долго еще ворчал, но потом уснул и он.

Часовой принес два тоненьких ломтика хлеба, намазанных едва заметным слоем жира, и кружку пахнущего мылом чая. Бендер снова попытался побороть внутреннюю инертность.

«Ты же приговорен к смерти, Руди! — шептал он себе. — Делай же что-нибудь! Хоть что-нибудь! Надо действовать! Действовать, даже если все кажется безнадежным!

Для побега нужен план. А что, если махнуть через окно? Пока часовой очухается, он успеет раствориться в ночи. Или потихоньку открыть дверь... Или... Или...» Он устал.

Топ... топ... топ... Пауза.

Потом снова: топ... топ... топ... Пауза. Ничего не понимая, Бендер поднял голову. Прислушался. Ну конечно, это часовой ходит под окном.

На востоке сквозь листву деревьев робко пробивались первые лучи занимающегося дня.

Одним рывком Бендер вскочил с лавки, потер глаза. «Что такое? Неужели я спал? Сколько часов пропало зря! Последняя ночь! Прошла!» Его вдруг охватил страх. Сейчас уже, наверное, четвертый час.

Он подбежал к двери. Подергал. Потом бросился к окну. Голова глухо ударилась о раму. Над землей стелился редкий туман. По траве серебряными зернами рассыпалась роса.

Шаги затихли. Часовой, видимо, прислушивался. Через минуту он зашагал снова.

Тихое дыхание утра прервал глухой орудийный выстрел. Высоко над домами тонкой нитью протянулось свистящее пение. Где-то далеко за деревней послышался разрыв, и снова все наполнилось тишиной раннего утра.

Наконец Руди Бендер решил предпринять попытку вырваться на свободу. Уцепившись ногтями за оконную раму, он попытался открыть ее.

Снова раздался орудийный выстрел, на этот раз уже ближе и резче. Снаряд с пронзительным воем пронесся над деревней и с сухим треском разорвался где-то на окраине. Совсем близко пролетели еще три снаряда. Их разрывы потрясли стены избушки, где сидел Руди.

Деревня сразу проснулась. Захлопали двери. Крики слились в сплошной гвалт. Где-то завязалась ружейно-пулеметная перестрелка.

К происходившему в деревне часовой отнесся несколько иначе, чем охраняемый им осужденный, которому теперь нечего было терять: в любом случае его ждала смерть. Охранявший Бендера солдат старался держаться как можно дальше от костлявой спутницы фронтовиков, безжалостно размахивавшей своей нетупеющей косой.

Ожесточенно дергая оконную раму, Бендер не спускал глаз с часового. На дворе стало совсем светло. Деревня уже кишела солдатами. Пытаться бежать теперь было бы просто глупо.

И все же Бендер не пал духом. У него появилась новая надежда. Разве не слышно, что советские батареи находятся сейчас намного ближе, чем они были вчера к вечеру? Может быть, советские войска продвинутся сюда, и тогда штабу дивизиона придется отсюда сняться и отойти дальше в тыл? И что тогда?

— Тогда они убьют тебя раньше, чем снимутся! — вслух сказал Бендер.

Может быть... Может быть...

Было уже часов пять. Где-то поблизости с жужжащим скрежетом заработал стартер автомобиля. Мотор взревел и стих.

Может быть...

На окраину деревни обрушился еще более мощный артиллерийский огонь.

Неужели штаб дивизии будет сидеть здесь, так близко от противника?

Вдруг послышались торопливые шаги. Бендер увидел дежурного. Дежурный о чем-то поговорил с часовым — и солдат куда-то побежал. Вскоре он вернулся — и дверь сразу же открылась.

У входа стоял священник. В серой форме военного слуги господа бога, с фиолетовой окантовкой, без погон. На груди на серебряной цепочке болтался крест — печать смерти.

Неподвижным взглядом смотрел Бендер на пастора. Десять лет назад он порвал с верой и церковью, а теперь должен принять участие в спектакле, который лишь подчеркивал трагикомичность и нелепость всего этого суда военного трибунала.

— Мой дорогой юный друг, — сразу начал священник. Он втянул голову в плечи, чтобы не стукнуться о дверную перекладину. Его лицо выражало нескрываемое стремление побороть страх и сохранить выработанное в течение долгих лет профессиональное спокойствие.

Бендер смотрел на представителя церкви в кавалерийских сапогах и думал: «Как он будет благодарить своего господа бога потом, когда кончится эта пальба, за то, что он его пощадил и позволил проводить до темных ворот потустороннего мира еще одну грешную душу. Аллилуйя! Аминь! А позже для отдохновения он, наверно, засядет за карты и будет дуться всю ночь напролет с католическим пастором и дивизионным ап-

текарем, безбожно облапошивая этих двух агнцев божьих».

— Вас постигла суровая участь, сын мой, и теперь вы должны подготовить себя к тому, чтобы вскоре предстать перед нашим господом богом Иисусом Христом.

Вдруг, как кнутом, по деревне хлестнула танковая пушка, и почти сразу же за выстрелом последовал разрыв. Потом еще и еще! Стрекот присоединившихся к оружию пулеметов на куски разорвал сентябрьское утро.

Несколько слабых разрывов донеслось от старого амбара. «Наверно, легкие мины или ручные гранаты», — подумал Бендер.

Водянистые глаза духовника растерянно бегали по избе. Остановив наконец свой взор на окне, он увидел, как солдаты в сумятице метались по деревне, выводили из конюшен наспех оседланных лошадей. Ящики, оружие и прочее имущество летело на машины и повозки. Пехотинцы с пулеметами и патронными ящиками спешили навстречу противнику. А вскоре по улице прокатил вездеход командира дивизии. На запад. Без черно-бело-красного командирского флажка.

«Самые жирные крысы бегут первыми», — с ненавистью подумал Бендер.

Открыла огонь и немецкая артиллерия. Ее снаряды рвались далеко сзади.

Где-то противно затявкала противотанковая пушка. Затрещали станковые пулеметы.

Испуганный священник снова обратился к Бендеру:

— Сын мой...

Солдата так и подмывало сказать в лицо этому слуге божьему что-нибудь язвительное, посмеяться над ним.

Но в этот момент в избу ввалился пожилой капитан, мокрый и запыхавшийся, в каске, сползшей на затылок.

— Господин пастор! — едва переводя дыхание, прошипел он.

— Да. Сейчас кончаем!

Бендер подумал: «Значит, вот этот будет командовать «Огонь!». Конечно, с тревогой в голосе. Этот мелкий буржуйчик с лентой Железного креста, заработанного еще в первую мировую войну, тоже заодно с ними. И он оказался при деле. Дьявольская отвага помогла

ему пробраться аж до штаба дивизии. Серое от страха лицо! По его подергиванию можно считать, сколько разорвалось снарядов. Верхняя губа усеяна мелкими капельками влаги. От пота подбородочный ремень каски стал совсем темным».

Рудольф Бендер трясся от ярости.

— Просите еще раз господа бога простить вам ваши грехи.

Осужденный сжал кулаки так, что ногти врезались в ладони.

— Повторяйте за мной. Господи, ты на небесах...

Закусив нижнюю губу, Бендер упрямо молчал.

Немного помедлив, как того требовала механика привычного ритма, пастор продолжал:

— Свято имя твое...

Перед глазами Бендера замерцали красные огоньки.

— Замолчите! — теряя самообладание, процедил он сквозь зубы.

Священник посмотрел на Бендера отсутствующим взглядом и настойчиво продолжал:

— Да будет царствие твое, да будет воля твоя...

— Идите же скорее! — закричал вдруг капитан, понявший, что торжественность пастора сейчас, когда атакуют русские, не совсем уместна.

В многолетней практике евангелического пастыря не было случая, чтобы какой-то офицер германского вермахта вмешивался в его духовные дела. Это считалось особенно недопустимым, когда он исповедовал своих подопечных грешников. Вот и сейчас лицо священника недовольно сморщилось, и он бросил сердитый взгляд на капитана, своим вмешательством оскорбившего господа бога. И в то же время он был рад, что эта процедура закончилась раньше, чем положено.

Рядовой Рудольф Бендер надел пилотку и, твердо решив использовать любую возможность для побега, вышел вслед за пастором и капитаном. «В спешке они забыли связать мне руки», — подумал Бендер и, чтобы это упущение не было замечено, заложил руки за спину. Оба конвоира держали винтовки в положении «на ремень». Из этого Бендер заключил, что расстреливать его будут не здесь, возле дома, в котором он провел свою последнюю ночь, а где-то в другом месте. Значит, у него еще есть время.

Рядом с разбитым колхозным сараем он вдруг увидел группу солдат, выделенных для приведения приговора в исполнение. Лиц он не различал. Только каски и карабины — больше ничего. Оторопев, он остановился. До конца жизни ему осталось пройти всего сотню шагов! Гигантским валом показался ему желтый песок, лежавший за только что вырытой ямой. Его могила!

Там кончится все: его жизнь, борьба за будущее, которого у него теперь не будет. Там кончится то, чем он все эти годы был всегда готов пожертвовать ради своей партии, своего народа. И все же оставалась какая-то отчаянная надежда. Появилось удивительное ощущение прилива духовных и физических сил.

Быстро нарастая, на деревню надвигался воющий шум тяжелых снарядов, а через несколько мгновений все потонуло в клокочущем гуле мощных разрывов. Казалось, на деревенскую улицу, на дома, на людей и на все вокруг обрушился огненный кулак. Тяжелые реактивные минометы! Как гигантские грибы, взвились повсюду облака дыма.

Страшная сила бросила Бендера на землю, прижала его. Справа и слева в землю с шипением впивались раскаленные осколки. Неподалеку кто-то вскрикнул. Потом еще кто-то. Лихорадочно работая руками, Бендер пополз в сторону, стремясь укрыться от огненного смерча.

Он не видел, как из березовой рощицы на деревню в атаку пошли советские танки. Не видел он и наступавших по ржи пехотинцев с красными звездами.

И хотя осколки снарядов еще не кончили своего свистящего пения, он, как подброшенный пружиной, вскочил и помчался вперед. Напряжение и надежда придавали ему силы, подгоняли его. Позади раздался винтовочный выстрел. Потом длинной очередью хлестнул автомат. К нему присоединился второй и сразу же — третий. Над головой пчелиным роем полетели пули.

Из дыма и пыли, словно призрак, вырос силуэт танка Т-34. Бендер машинально бросился на землю. Блеснула вспышка — и танковая пушка выплюнула очередной снаряд.

Где-то сзади с шумом рухнула каменная стена.

Бендер снова вскочил, промчался мимо брошенной повозки, перепрыгнул через убитого. Перед его глазами

мелькали чьи-то лица, кто-то куда-то бежал; проносились обрывочные картины.

Кусок телефонного кабеля, подобно свистящему лассо, запутал ему ноги. Больно ударившись, он упал, но тут же вскочил и, надрывно дыша, снова бросился вперед. К танку! Только бы добежать до этого танка! Вдруг он почувствовал, что сапоги его словно налились свинцом, мышцы расслабли, онемели.

Стальной колосс, изрыгая из себя темно-серые клубы дыма, прошел мимо него. Танковые гусеницы прогремели, как бетономешалка.

В голове у Бендера стоял невообразимый шум. Глаза застилала пелена. Напрягая последние силы, он бежал вперед. В изнеможении упал на руки наступавших за танком советских пехотинцев.

Его залитое слезами радости лицо светилось счастьем. Рудольф Бендер был у цели, хотя и не у последней.

После обеда свежевырытая яма около колхозного сарая уже не казалась Бендеру такой страшной и зловещей. Из той команды, которая должна была расстрелять его, многие остались лежать на месте. Не избежал этой участи и пожилой капитан.

Только пастора здесь не было. Видимо, провидением ему была уготована более солидная участь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

В один из жарких дней, когда прокаленные солнцем тени кустарника уже не могли защитить от палящих лучей ни уставших лошадей, ни охваченных постоянным страхом — как бы в этой гонке на запад не отстать от своих и не оказаться в тылу советских дивизий! — солдат, прифронтовую тишину прорезал треснувший неподалеку винтовочный выстрел. До переднего края было километров десять, а обозы артиллерийского полка находились далеко отсюда — в полукруглом выступе леса, по ту сторону выгоревшего за лето луга. Поэтому одинокий выстрел насторожил всех.

Несколько минут спустя к палатке гаупт-вахмистра батареи, спотыкаясь, подошел штабс-ефрейтор Эрдмансдорф. Примерно час назад гаупт-вахмистр выставил его на пост к оврагу, тянувшемуся южнее расположения обоза батареи, и приказал вести наблюдения за этой непросматриваемой балкой. Войдя в палатку, позеленевший штабс-ефрейтор доложил:

— Гаупт-вахмистр, меня обстреляли партизаны.

Повернув кашлявшего Эрдмансдорфа левым боком к свету, тот вскрикнул:

— Парень, да ведь из тебя кровь хлещет, как из недорезанной свиньи! Смотри-ка... левое плечо!

Куртка и рукав нижней рубахи были разорваны. Кровь струилась вдоль руки и стекала с пальцев. Штабс-ефрейтор, с самого начала войны с Россией числившийся в батарее шорником, упал как подкошенный и со стоном начал кататься по траве.

Вызванный помощник санитара — до войны сапожник — прошел всего лишь трехдневные курсы санитаров и до сих пор еще не имел возможности показать себя в деле.

Неловкими, трясущимися от волнения руками он стал пытаться снять с раненого куртку.

В это время гаупт-вахмистр бросился к командиру батареи и в нескольких словах доложил о случившемся.

Обер-лейтенант Хельгерт, едва дослушав доклад гаупт-вахмистра, приказал:

— Немедленно усилить пост! Выделить две группы и поставить им задачу: пройти до места, где был ранен Эрдмансдорф, затем осторожно продвинуться через балку до расположения полкового обоза.

Гаупт-вахмистр скороговоркой повторил приказание и побежал обратно, выкрикивая какие-то имена. Вскоре, возглавив отряд, он скрылся в кустах. Выйдя на опушку, он разделил отряд на две группы.

Хельгерт осторожно повернулся на другой бок. Проклятая нога! Рана заживала очень медленно. Но он ни за что не хотел из-за простреленного колена валяться в каком-нибудь странствующем полевом госпитале, где, как говорили фронтовики, не столько лечат, сколько калечат. Здесь, в обозе своей батареи, он чувствовал себя как у Христа за пазухой.

Вскоре после смерти Эйзерберга Хельгерт вернулся в дивизион. Днем вместе с обозом он укрывался в какой-нибудь рощице и следил за тем, чтобы все было тщательно скрыто под зелено-коричневым морем срубленных ветвей: русские самолеты быстро обнаруживали малейшее движение на местности, вплоть до отдельной повозки, если она была плохо замаскирована. По ночам, лежа на пустой снарядной повозке, в которую были брошены охапки соломы и две провонявшие конским потом попоны, он вместе с обозом отходил назад. И каждый раз, всматриваясь в звездное небо, он отмечал, что направление движения войск остается неизменным: на запад.

Теперь у Хельгерта было достаточно времени поразмыслить над волновавшими его вопросами. Его беспокоил ход боевых действий и задержки почты. Он с нетерпением ждал писем от Клавдии Занден.

Вначале их переписки она еще спрашивала о Эбергарде. Позже они касались в своих письмах самых различных вопросов, но все же оставалось еще много неясного, недоговоренного. Вчера, например, она написала ему, что смысл своей жизни она видит в служении искусству и что в Вене есть все условия серьезно заняться рисованием.

«Ваши пожелания заманчивы, но у меня самой пока еще нет какого-то определенного желания. Вернее, есть одно. Но оно пока несбыточно. Таким несбыточным оно, видимо, и останется. Иногда я даже чувствую себя счастливой. А порой мне кажется, что вам недостает безграничной веры во что-то очень большое, быть может, в близкого человека...»

Прочитав последнюю фразу, Хельгерт почувствовал, что Клавдия догадывается о многом из того, что его волнует и о чем он никогда ни с кем не делился.

На память пришла ему одна древняя индийская легенда о таинственной магической силе, помогающей встретиться двум сердцам. И хотя Хельгерт ни в какое провидение не верил, он подсознательно чувствовал, что с Клавдией его связывает что-то таинственное и необъяснимое. Что это — обер-лейтенант пока не знал.

Вдруг Хельгерту почудилось, что где-то вдали раздался еще один выстрел. Напряженно прислушиваясь, он смотрел на зеленовато-золотистую букашку, торопливо бежавшую по одеялу.

Мысли Хельгерта снова остановились на событиях последних недель.

Могила Эйзерберга и еще одна частица надежды на окончательную победу остались на востоке. Там же остался и Бендер, о котором точно никто ничего не знал: то ли его расстреляли немцы, то ли он погиб во время внезапного налета русских на штаб дивизии. Не исключено, что ему удалось сдаться русским в плен, куда его так тянуло. Во всяком случае, жалко парня. Очень жалко. Как это ни странно, но именно сейчас Хельгерту очень недоставало этого человека.

Стиснув от боли зубы, Хельгерт лежал на повозке. Бинты и тряпки, которыми он время от времени обматывал простреленное колено, через несколько минут пропитывались кровью.

Вдруг его подбросило вверх, и в тот же самый момент на горизонте вспыхнуло яркое зарево, оторвавшее от черного ночного неба почти половину. Прошло добрых тридцать секунд, прежде чем громовые раскаты взрыва догнали артиллерийский дивизион. Гневная волна взрыва покатилась дальше.

Багровые вспышки бесконечных взрывов ускорили марш артиллерийского дивизиона, поспешно отходившего на юго-запад. Сильнее врезались в грудь лошадей ременные упряжки. Ускорился солдатский шаг. Ездовые стали чаще посматривать назад, где пламенело небо. В отблесках гигантского пожара Красная Армия продолжала настойчиво расширять прорыв, который превратился в огромную брешь.

Кто знает, когда и где нанесут русские новый удар? Когда и где замкнут они новое кольцо окружения? И вообще, когда кончится эта война и удастся ли дожить до ее конца?

«Окружение», «котел», «клещи», «прорыв» — эти слова не давали покоя фронтовикам. Однообразный круговорот мыслей могли нарушить лишь изнуряющий голод и мучительная жажда или партизаны, когда их действия становились особенно дерзкими, когда на дорогах отступления рвались их самодельные мины, а из темноты

неожиданно раздавались автоматные очереди — тогда солдаты в форме мышиного цвета с воплями падали на землю.

По вечерам неистовствовали немецкие команды подрывников. Они взрывали и жгли дома и лихорадочно минировали дороги, когда войска отходили еще на несколько километров на запад. И здесь, как и на многих участках бесконечного фронта, русские полки, как тени, неотступно следовали за отступавшими немецкими частями.

И чем дальше отходили немцы на запад, тем сильнее росла надежда, что за широким Днепром они обретут наконец — пусть даже на короткое время — желанный отдых и прежде всего надежную безопасность. Ведь начиная с июля Красная Армия гнала их со своей территории, не давая передышки.

Другое дело Днепр с его километровой шириной! Это тебе не какой-нибудь ручеек. Фронтовиков радовали радужные перспективы. Оборона будет усилена артиллерией, которая своим мощным огнем лишит противника возможности даже приблизиться к переднему краю. Наконец можно будет выспаться и набить брюхо!

Размышления обер-лейтенанта прервали громкие голоса. К Хельгерту подбежал гаупт-вахмистр и доложил о своем возвращении. Молча протянул начальнику полбуханки хлеба. Хельгерт взял краюху в руки и, пока еще ничего не понимая, бегло осмотрел ее. Вдруг он нахмурился. Лицо сразу стало сосредоточенным. На верхней корке обер-лейтенант заметил круглое, с опаленными краями отверстие. Он разломил хлеб пополам. На обеих половинках был заметен след пули. Хельгерт вопросительно посмотрел на вахмистра.

— Это мы нашли в нескольких метрах от его поста. А вот еще.— Гаупт-вахмистр бросил на походный столик длинный шнур.

Обер-лейтенант схватил шнур и, секунду помедлив, спросил:

— Членовредительство?

Гаупт-вахмистр утвердительно кивнул:

— Повесил карабин на ветку, привязал шнур к спусковому крючку, а потом направил ствол в плечо и через хлеб выстрелил.

— Кто еще знает об этом?

— Все, кто там был.

Хельгерт стал смотреть в землю.

— Допросите его. Если ваша версия подтвердится, отведите его в штаб дивизии. Будет препираться — пошлите ко мне.

Но штабс-ефрейтор препираться не стал и во всем сознался. Свой поступок он объяснил тем, что не мог больше жить в постоянном страхе, ожидая, когда его настигнет пуля. К тому же он больше пятнадцати месяцев не был дома. Стреляя в себя, он рассчитывал убить сразу двух зайцев: спасти себе жизнь и побывать дома.

К письменному рапорту Хельгерт приложил характеристику, в которой отмечал, что штабс-ефрейтор Эрдмансдорф, толковый и дельный солдат, сейчас вследствие психического перенапряжения несет несусветную чушь.

Гаупт-вахмистру он велел объяснить батарейному шорнику, что за такое дело его могут приговорить к смертной казни или в лучшем случае к нескольким годам тюремного заключения. Все зависит от него самого. Если он, Эрдмансдорф, будет вести себя по-умному, то, может быть, ему даже удастся отделаться легким испугом.

«Вот и еще у одного пропало желание воевать,— подумал Хельгерт.— Мотивы его не слишком оригинальны. Считать Эрдмансдорфа ярым сторонником национал-социализма так же мало оснований, как и причислять к его противникам. Но как ему помочь? Что можно сейчас предпринять? Ничего. Возможности чем-нибудь помочь ему были исчерпаны в тот самый момент, когда Эрдмансдорф во всем признался».

Случай с Эрдмансдорфом заставил Хельгерта снова задуматься над вопросами, которые не давали ему покоя вот уже много дней подряд.

Пока начальник оперативного отделения подполковник фон Венглин повторял приказ командира дивизии, полковник Круземарк, бледный от волнения, тщетно пытался унять мелкую дрожь в коленях. Ему предписывалось с несколькими солдатами и одним опытным офицером, отсутствие которого в настоящее время не причинило бы полку большого ущерба, двенадцатого октября выехать на машинах в район Могилева. Восточнее желанного Днепра! Здесь полковнику Круземарку предстояло принять на себя руководство подготовкой новой

полосы обороны дивизии. Круземарк поблагодарил начальника оперативного отделения за добрые пожелания и, простившись, направился в своей «амфибии» на командный пункт полка.

Полковник твердо решил использовать на сей раз свои обширные связи, чтобы отделаться наконец от артиллерийского полка и перебраться в какой-нибудь штаб, поближе к начальству.

Кого же с собой взять? Альтдерфера? Это, конечно, наилучший вариант. Но тогда майор Мойзель, который после гибели майора Пфейлера стал старшим командиром дивизиона и теперь, во время его отсутствия, должен будет исполнять обязанности командира полка, останется без хорошего помощника. Правда, если в полку вдруг возникнет острая необходимость в адъютанте, то его можно будет отправить обратно. И что же тогда? Оставаться одному? Нет, этот вариант не подходит: не может же он, полковник Круземарк, лишить себя, пусть даже на короткое время, личной охраны. Значит, Альтдерфера лучше оставить в полку.

Хельгерт — вот подходящая кандидатура! Странное дело, почему этот молодой офицер все время попадается ему на пути? Сейчас он все еще мучится со своим раненым коленом и в строй вернется не раньше чем через несколько недель, а может быть, и позже. В моральном отношении обер-лейтенанту Хельгерту следовало бы, по мнению Круземарка, подтянуться. «Это обстоятельство,— рассуждал командир полка,— безусловно, заставит его стараться, и в предстоящей командировке он будет работать как вол». К тому же обер-лейтенант смел и решителен, что особенно импонировало полковнику, которому ни днем ни ночью не давала покоя мысль: партизаны!

Даже подполковник фон Венглин просил Круземарка быть осторожным.

Альтдерфер — и партизаны! Боже милостивый! Хельгерт — совсем другое дело. Этот и из трофейных русских автоматов будет стрелять так же уверенно и метко, как и из немецких пулеметов.

«Все же нельзя сказать, что мне не повезло»,— с удовольствием подумал Круземарк. Там, в ста километрах от фронта, он в течение нескольких недель сможет наслаждаться ни с чем не сравнимым чувством

безопасности и покоя; ему не придется при каждом артиллерийском налете, как суслику, лезть в щель; у него не будет этих проклятых забот, связанных с приближающейся осенней распутицей и быстро наступающей суровой зимой. А своим Рыцарским крестом он будет производить на тыловых крыс совсем другое впечатление, чем здесь, на фронте, где, как известно, кавалерам этого ордена особых почестей никто не оказывает. Ну и, помимо всего прочего, в тылу полковник рассчитывал заняться личными делами.

Круземарк стал чувствовать себя бесконечно счастливым. Он был доволен собой, тем доверием, которое оказал ему командир дивизии, и не в последнюю очередь — войной, которая и на этот раз не обошла его своими милостями.

Свое настроение он отразил в приказах и приказаниях, которые личному составу полка предстояло выполнить за время его отсутствия.

Организационная работа в штабе особого назначения все же оставляла Хельгерту достаточно времени для размышлений. Здесь, в тылу, как это ни странно, война казалась нереальной, а те многочисленные информационные сообщения по радио, которые Хельгерт слушал днем и ночью, включив военный радиоприемник, давали о ней лишь приблизительное представление.

События, развернувшиеся на Восточном фронте за прошедший месяц, своим размахом затмили сражения под Орлом и Ельней. До имперской границы русским оставалось пройти всего пятьсот километров.

В начале октября бои шли примерно в тех же районах, что и в сорок первом году. Значит, почти две трети территории, завоеванной некогда «славным» германским вермахтом, были снова отданы противнику. Восточная часть Украины, эта житница Европы, теперь уже не снабжала продовольствием немецкие войска, действовавшие на центральном участке Восточного фронта. А это, в свою очередь, отразилось на обеспечении продуктами питания гражданского населения страны: паек в тылу снова был урезан.

Последние оборонительные рубежи, заблаговременно подготовленные восточнее Днепра, под мощными уда-

рами непрерывно наступавших советских войск рвались на куски. Киев уже находился в пределах досягаемости огня русской артиллерии. От столицы Украины вниз по течению Днепра почти на всем его протяжении части Красной Армии вышли к реке, от которой теперь зависела судьба Германии. Ожесточенные бои уже шли в окрестностях Днепропетровска.

В те же дни можно было ожидать всего, но только не того, что произошло. Не успел штаб особого назначения под командованием Круземарка приступить к работе, как дьявольски смелыми действиями советские передовые части в трех местах — севернее Киева, в районе Переяслава-Хмельницкого и юго-восточнее Кременчуга — форсировали Днепр. Отбивая непрерывные контратаки немецких войск, они не только удерживали захваченные плацдармы, но и постоянно расширяли их, создавая условия для последующих наступательных сражений.

На повестке дня стоял вопрос: сможет ли теперь Днепр обеспечить неприступность подготовленных на зиму позиций и спокойную, сытую жизнь, о которой после всех мучений, перенесенных за время осенней распутицы, так мечтали немецкие солдаты.

Оборонительные позиции за последней крупной естественной преградой на русской территории уже были безнадежно продырявлены. Прорыв южнее и западнее Гомеля! Прорыв в излучину Днепра юго-восточнее Кременчуга! И все это после непрекращавшихся почти четыре месяца боев!

А немецкое радио все чаще и чаще — чтобы слышал весь мир! — передавало концерты «по заявкам воинов вермахта». Цель концертов — создать впечатление, будто на Восточном фронте немецкие солдаты сидят на передовой в жарко натопленных блиндажах, не пробиваемых не только снарядами, но и бомбами, и от нечего делать слушают, как луженые глотки истошно орут: «На лугу растет маленький цветок... бум, бум, бум... и зовут его... бум, бум, бум... ве-е-е-реск!» Или «Спокойной ночи, мама, спокойной ночи» в исполнении Вильгельма Штринца. И все это — под искусным руководством профессора музыки Гермса Ниля.

Это было такой же издевкой, как и десять месяцев назад рожденный Герингом некролог по поводу гибели

еще живых немецких солдат и офицеров, окруженных в районе Сталинграда.

Обер-лейтенанту Хельгерту было ясно, что война может кончиться только полным уничтожением немецкой армии. К такому выводу он пришел несколько недель назад, и все это время страшная тревога не покидала его. В московских радиопередачах все чаще и чаще говорилось о каком-то Национальном комитете «Свободная Германия», образованном немецкими антифашистами и пленными солдатами и офицерами.

В конце сентября этот Национальный комитет обратился к германской армии и народу с манифестом, в котором призывал свергнуть Гитлера, немедленно прекратить войну, отвести войска в Германию и начать мирные переговоры. Только это, говорилось в манифесте, сможет сохранить жизнь сотням тысяч немецких солдат и положить конец кровавой бойне.

Это была разумная альтернатива. Но обер-лейтенант сомневался, есть ли в самой Германии сила, способная свергнуть Гитлера.

Прошли последние дни октября, и наступил на редкость теплый ноябрь: один-два градуса мороза. На полях почти не было снега.

События августовского дня, когда Хельгерт был ранен, уже начали сглаживаться в его памяти, и теперь этот случай стал для него лишь одним из многочисленных эпизодов, предшествовавших его ранению.

В это утро полковник Круземарк вернулся из штаба корпуса, куда он ездил по каким-то делам, на свой КП. И здесь, в тылу, он оставался верен себе: приказал на дверях дома, где расположился его штаб, повесить табличку с надписью: «Командный пункт». Полковник пребывал в отличном настроении.

— Ну, дорогой Хельгерт, держитесь! — Круземарк медленно, освобождая палец за пальцем, снял замшевые перчатки, положил их в фуражку, украшенную серебряным шнуром, и, с удовольствием глядя на своего теперешнего адъютанта, вытянувшегося и с напряженным вниманием смотревшего на своего начальника, спросил:

— Как продвигаются дела с оборудованием позиций на правом фланге?

С трудом скрывая свое удивление по поводу не совсем обычной формы разговора, Хельгерт четко, в нескольких словах доложил о том, что, по его мнению, могло интересовать полковника: о количестве метров отрытых траншей, о проволочных и минных заграждениях, о размещении пулеметов и других огневых средств, а также о количестве завезенных на позиции боеприпасов.

Круземарк, слушая Хельгерта, одобрительно кивал головой. Когда тот кончил свой доклад, полковник заключил:

— Значит, уже за неделю до прибытия частей и подразделений дивизии у нас все будет готово.

— Так точно, господин полковник!

Командир полка поправил свой Рыцарский крест и, достав новую сигару, попросил спичку.

— Эти позиции дивизия никогда занимать не будет! — Правую руку Круземарк по-наполеоновски засунул между третьей и четвертой пуговицами своего новенького мундира, загородив поблескивающий на груди золотой Германский крест.

Хельгерт не сразу понял смысл слов своего начальника.

Тоном прощающего превосходства полковник пояснил:

— Дивизия вместе с остатками своих частей расформировывается. С нашим полком будет так. Тяжелый дивизион, как самостоятельная единица, войдет в состав резерва главного командования. Первый и третий дивизионы сольются в один. Вновь созданное подразделение, укомплектованное по штатам военного времени, будет передано дивизии, занимающей оборону слева от нас. Остатки четвертой и шестой батарей образуют новую шестую батарею, которая также будет подчинена командованию одной из частей резерва главного командования. Кого назначат командиром этой батареи, пока еще не известно. Пятая батарея, штабная батарея Мойзеля и штаб полка — только не упадите! — погрузятся в эшелон и двинутся из этой холодной страны в направлении Балкан. Все, что я сказал,— совершенно секретно.— Полковник Круземарк сел и налил себе стакан вина. С наслаждением отпивая маленькими глотками вино, он выжидающе смотрел на обер-лейтенанта.

«Значит, кто будет командиром шестой батареи, пока еще не известно,— первое, о чем подумал Хельгерт.— Если ее отберут у меня, оборвутся все нити, связывающие меня с батареей, с людьми, рухнет то, что с самого начала войны на востоке росло вместе со мной. Но почему же, собственно, я должен отдавать ее?»

— Что же вы молчите? — Замкнутость обер-лейтенанта раздражала сейчас командира полка больше, чем когда-либо раньше.

«Лицо такое же,— думал про себя полковник,— как во время суда чести. Та же самоуверенность. В верхах все же поддержали наше решение, и ему удалось выйти из этой истории почти сухим. Только припугнули немного. Но этого парня нельзя упускать из виду. Оставлю его у себя. У меня он будет ходить по струнке! Пусть только попробует открыто выражать свое неудовольствие! Я быстро прижму его к ногтю!»

— Господину полковнику, конечно, скажут, когда и как объявить полку об этих изменениях и связанных с ними мероприятиях?

— Хельгерт! Сейчас это не имеет абсолютно никакого значения. Кому это надо? Радуйтесь, что наконец-то удастся выбраться из этого дерьма! Хотя бы тем немногим, которых отсюда вывозят!

Хельгерт кивнул. Все ясно. Вопросов нет. Воздух без снарядного воя, белоснежные постели для офицеров — от лейтенанта и выше, всевозможные увеселения — если есть деньги, конечно. Может, даже отпуск... По лицу обер-лейтенанта пробежала мрачная тень. Отпуск...

Превратно поняв причину молчания Хельгерта, Круземарк, еще более оживившись, добавил:

— Ах, да! Забыл вам сказать, что вы, разумеется, тоже поедете. Я хотел бы, чтобы в будущем вы работали в штабе полка.

Командир батареи смотрел на полковника непонимающим взглядом. Ему казалось, что земля уплывает у него из-под ног. «Значит, на самом деле придется оставить своих ребят!—с горечью подумал обер-лейтенант.— Гейцер, Бендер, Эрдмансдорф — вот в чем, видимо, причина. Мне больше не доверяют командовать батареей на фронте. Теперь моих ребят израсходуют здесь на топку, и вряд ли кто из них останется в живых». Обер-лейтенант стиснул зубы.

— Где-нибудь на Балканах, а возможно, в Италии или во Франции я сформирую полнокровный артиллерийский полк, который войдет в состав новой дивизии! Что вы на это скажете, дорогой Хельгерт? — Лицо Круземарка приняло торжествующее выражение.

«Как это говорил Эйзерберг перед смертью? — вспоминал Хельгерт. — «Если мне удастся выкарабкаться, я с гордым чувством исполненного долга и национал-социалистского достоинства вернусь домой и уступлю свое место здесь, на фронте, своему ортслейтеру!» А я? Я останусь здесь, начну все сначала и буду думать, думать и думать. Когда я последний раз разговаривал с Бендером, он сказал мне, что главная задача русских состоит в том, чтобы освободить свою родину, а также уничтожить германский империализм и вместе с ним кровавую систему террора, угрожающую всему миру. Сейчас я уже начинаю понимать это. А я, идиот, после случая в Евланских Усташках, когда я был «освобожден» лишь по чистой случайности, думал, что Бендер неправ, и поносил его последними словами.

Теперь, когда я, с трудом поборов в себе сомнения, наконец решил положить всему конец, переброска на Балканы или еще куда-нибудь лишит меня этой возможности. Поднять руки вверх можно только на переднем крае,— конечно, если ты уверен, что в задницу не угодит снаряд. Но бежать из штаба Круземарка? Да еще при Альтдерфере? Пустые мечтания!»

Обер-лейтенант пристально посмотрел на полковника. «Если бы ты знал, как я тебя ненавижу! — мысленно говорил Хельгерт.— Ты же радуешься только тому, что тебе снова предоставляется возможность некоторое время отсидеться в тылу. Гадина ты поганая! Что будет с другими — тебе безразлично. Пусть все подохнут! Что тебе! Ты и глазом не моргнешь. Мой командир! Образец воинской доблести! Какое счастье закрыть в бою тебя своим телом и ради спасения твоей бесценной жизни самому разлететься на куски! Тьфу, какая гадость! Хоть бы тебя черт побрал!»

— Это было бы великолепно, господин полковник! И как только господину полковнику удалось добиться для всех нас такого блага?! Когда и где мы будем грузиться? — польстил обер-лейтенант заждавшемуся ответа Круземарку.

Командир полка остался доволен ответом своего подчиненного.

— Окажите любезность, Хельгерт, прибуксируйте сюда Альтдерфера. До прибытия подразделений надо все подготовить, подробно расписать им задачи, чтобы все было ясно.

Круземарк начал бегло просматривать служебную почту. Делал он это с тем безразличием, которое ясно говорило, что теперь ему на все наплевать и что до всех этих бумаг ему нет никакого дела. Но вдруг его осенила мысль. Сейчас самый подходящий случай избавиться от всех, кто знает о нем слишком много. Командиры дивизионов, слава богу, остаются здесь. Большинство командиров батарей — тоже. Впрочем, эта мелкая сошка никакого вреда не принесет. Плевать ему на них. Его денщик знает о нем куда больше, чем все офицеры полка. Сейчас он в отпуске. Когда вернется, ему сообщат, что он переведен в тяжелый дивизион, который послезавтра переходит в резерв главного командования и потому остается здесь, на востоке. Ему будет немного не по себе, когда он вдруг снова окажется в линейном подразделении. Но это ничего. Только на пользу...

Остается Шнеллингер. Шофер он неплохой. Но уж слишком давно ходит с ним в одной упряжке. С сорок первого года! И что только не доводилось парню за это время увидеть и услышать! Конечно, для полковника он сделал немало хорошего. Организовывал такие вещи! Но кто на его месте не делал бы то же самое? Нет, нет. Шнеллингер тоже заслужил право продолжать службу на центральном участке Восточного фронта. Полковник Круземарк окажет своему шоферу последнюю любезность: подыщет для него приличную батарею. Ну, какую, например? О, есть! Шестая! Бывшая батарея Хельгерта! Лучшего места для него и не сыщешь.

Круземарк потирал руки. Все они марионетки! Висят на невидимых нитях. Им, куклам, все равно, кто ими командует. Их дело танцевать. Один сюда, другой туда. К теплу, на солнышко, или... Все зависит от его желания.

На следующий вечер прибыл обер-лейтенант Альтдерфер. Вместе с ним полковник разработал грандиоз-

ный приказ по полку, в котором до мельчайших подробностей были расписаны задачи и предстоящие действия подразделений полка.

Поначалу полковой адъютант относился к Хельгерту довольно холодно. Но когда заметил, что полковник симпатизирует командиру шестой батареи, резко изменил свое отношение к нему и из кожи лез, стремясь на каждом шагу показать, что питает к нему дружеские чувства.

Значит, этот Хельгерт теперь будет работать в штабе полка. А раз так, то отныне он становится угрозой и Альтдерферу, и его влиянию на командира полка. Что ж, адъютанту не остается ничего другого, как отстаивать свое былое положение в полку. Но для этого... «Для этого надо как можно быстрее доконать этого Хельгерта,— решил Альтдерфер,— без ложных сомнений и излишних церемоний!»

На следующий день после обеда начальство вызвало полковника Круземарка в Гомель. Когда он уехал, сияющий Альтдерфер предложил Хельгерту забыть все плохое, что было между ними в прошлом, и сейчас, когда в этой великой битве решается судьба рейха и немецкой нации, идти вместе, плечом к плечу.

Уже немного подвыпивший Альтдерфер открыл литровую бутылку рому и, налив себе и Хельгерту, поднял свой стакан.

Не глядя на адъютанта, командир батареи выпил и подумал: «Вот этой самой рукой ты стрелял русскому в затылок. Этой же рукой ты писал донесение, по которому вынесли смертный приговор Бендеру». Ром огнем обжег Хельгерту горло.

Альтдерфер налил еще и, слегка покачиваясь, принял эффектную позу:

— Выпьем за здоровье и благополучие достопочтенного господина обер-лейтенанта Альтдерфера, который бескорыстно помог своему товарищу, обер-лейтенанту Хельгерту, вылезти из лужи.

Хельгерт с удивлением посмотрел на него:

— Как это понимать: «Помог вылезти из лужи»?

Альтдерфер как-то по-козлиному засмеялся.

— Наивный же вы человек, Хельгерт. Неужели вам никогда не приходило в голову, что это я представил ваше дело о восстановлении чести так, что господин

Кейтель принял наше предложение? Сделано, скажу вам, чисто, комар носа не подточит!

Хельгерт стукнул стаканом по столу:

— До сих пор я думал, что моим делом занимались только члены суда чести!

— Вы, кажется, слишком наивны. Они довели бы вас до ручки. Не будь меня, дорогой...

Хельгерт громко хлопнул за собой дверью.

Он смотрел на раскинувшиеся вдали луга, лишь местами, словно лоскутьями, покрытые снегом, на сгорбившиеся, растрепанные ветром кустарники. Через несколько дней, а может быть, даже через несколько часов его батарея приковыляет сюда, чтобы занять новую огневую позицию.

«Оставить здесь своих ребят, обреченных на верную смерть, на уничтожение,— думал Хельгерт,— а самому укатить куда-то на юго-запад, где, быть может, и боев-то никаких нет, где люди спокойно маршируют по казарменному плацу, занимаются боевой подготовкой, как в мирное время? Разве не правы будут солдаты — Гегенбах, Зехтинг и другие,— если подумают, что работу в штабе Круземарка я использовал для того, чтобы улизнуть с фронта?

«Мои ребята...» Может быть, это только фикция? Если я считаю их своими товарищами, то это еще далеко не значит, что и они видят во мне своего товарища. Все они, конечно, зависят от меня. Вокруг моей личности даже создан своего рода ореол, потому что мне несколько раз удавалось выводить батарею из очень сложных переплетов почти без потерь. Но если говорить по совести, разве не должны они меня ненавидеть хотя бы потому, что мне дана власть заставлять их делать то, что, может быть, противоположно их желанию? Да, меня, обер-лейтенанта Хельгерта, заставляли самого, а я заставлял других, своих подчиненных, вести эту войну, наступать и отступать, делать все, что было угодно тем, кому нужна эта война.

Хочу я этого или нет, но я заставляю, принуждаю. Они вынуждены делать все, что от них требуют, и практически лишены возможности противиться этому. Возможно, большинство из них даже обрадуется, когда узнает, что я исчезну отсюда.

Но через несколько дней пришлют нового офицера,

и, боюсь, их положение не улучшится, а, наоборот, станет еще хуже.

Я, пожалуй, мог бы что-то сделать, чтобы сохранить им жизнь. Надо только найти возможность остаться в своей батарее».

Несколько дней спустя штаб Круземарка получил приказ прибыть в Могилев, где ему вместе с остатками полка, снятыми с фронта, предстояло грузиться в эшелоны.

Хельгерт сидел рядом со Шнеллингером. Полковник Круземарк, развалившись на заднем сиденье большого «вездехода», о чем-то тихо разговаривал с Альтдерфером.

Машина с трудом шла по раскисшему проселку. Хельгерт распечатал полученное сегодня утром письмо от Клавдии. Он немало удивился, увидев на конверте незнакомый ему адрес отправителя. Но его удивление возросло еще больше, когда он начал читать последнюю страницу:

«С горячим участием смотрим мы на наших храбрых защитников отечества, с исключительным героизмом отражающих непрерывные атаки красных. Ни на одно мгновение не теряем мы непоколебимой веры в непобедимость германского вермахта.

А вы, мой дорогой Фриц? С самого первого дня вы воюете на Восточном фронте, каждую минуту подвергаясь опасностям. Если бы я хоть чем-нибудь могла помочь вам, защитить вас от этих опасностей! Я думаю, ваше место под другими знаменами.

Всеми моими мыслями я всегда с вами. Ваша К.».

Ниже стояла приписка:

«P. S. Последние недели своего отпуска я провожу в Вене. Пожалуйста, пишите мне сюда, на имя Штеффи Линдмайер: Вена, Верингерштрассе, 34. Штеффи — моя старая приятельница, которая при необходимости быстро найдет меня и передаст ваше письмо. Сейчас я пока точно не знаю, где остановлюсь».

В открытую машину валил густой мокрый снег. Хельгерт поднял воротник и еще глубже втянул голову в шинель. Это в высшей степени странное письмо сильно взволновало его. Ни одна цензура или любое другое

учреждение, ведающее контролем за перепиской, никогда не узрело бы в этом письме чего-либо предосудительного, хотя между строк делают прозрачные намеки на катастрофическое поражение немецких армий.

Она явно намекает на поражение немецкой армии на Восточном фронте. Но кому она это говорит?! Хельгерт и сам неплохо разбирается в обстановке на фронтах. Крым безнадежно отрезан. Советские соединения уже действуют в ста километрах западнее Киева. Только бросив в сражение все наличные стратегические резервы, немецкой армии удалось вернуть Житомир и несколько деревень.

«Я думаю, ваше место...», — повторил про себя обер-лейтенант.— Какая-то странная фраза!.. Может быть, она имела в виду благодеяния господни?

Не обманывай себя, Хельгерт! Это говорит женщина, беспокоящаяся за судьбу близкого ей человека! А что, если в этих словах выражены ее сугубо личные чувства? Любовь?»

Обер-лейтенант почувствовал, как краска залила ему лицо, и его вдруг бросило в жар.

С одной стороны, Эбергард, с другой — Ильза. Романтика! Но все же приятно сознавать, что кто-то беспокоится о тебе.

— Вы, Хельгерт, оказывается, любитель помечтать! — В голосе Круземарка звучала насмешка.— Сегодня и завтра нам предстоит решить массу дел. Документация готова?

— Не совсем, господин полковник!

— Ну, вот видите! Сразу же беритесь за дело! Не теряйте ни минуты!

— Слушаюсь, господин полковник!

«Видимо, до сих пор не может забыть неприятную историю с женой»,— решил Круземарк.

Он вышел из машины и уже собрался войти в приготовленное для него помещение, последнее пристанище на русской земле.

— Господин полковник...

— Избавьте меня, пожалуйста, от ваших глупых объяснений. Я не хочу их слушать! Какая черная неблагодарность! Никогда еще в жизни не встречал ничего подобного!

Хельгерт приложил правую руку к фуражке.

— Да, чуть было не забыл,— уже спокойным голосом проговорил Круземарк.— Передайте, пожалуйста, Шнеллингеру, что мне он больше не нужен. Его зачислили в шестую батарею, к которой теперь, слава богу, вы больше не имеете никакого отношения. Машину пусть передаст ефрейтору Шмитхеферу. Будьте здоровы!

Хельгерт снова машинально поднял руку к козырьку и немигающим взглядом посмотрел на дверь, за которой скрылся полковник. Немного постояв, он медленно повернулся и с опущенной головой пошел к машине.

При виде Хельгерта обер-ефрейтор Шнеллингер приветливо улыбнулся:

— Как хорошо, что мы поедем одни, без старика. Куда, господин обер-лейтенант?

— На погрузочную площадку.

— Когда старика нет, с вами можно хоть немного поговорить.— Обер-ефрейтор нажал на стартер. Мотор, взвыв, тут же утих, и машина легко задрожала.

Хельгерт молча смотрел прямо перед собой. «Надо же такому случиться! — с досадой думал обер-лейтенант.— Как на грех, именно мне приходится объявлять ему решение Круземарка. Жалко... Симпатичный парень...»

— Шнеллингер...

— Что, господин обер-лейтенант?

— Полковник считает, что вас надо оставить здесь... У вас, видите ли, большой опыт...

Шнеллингер, казалось, сразу все свое внимание сосредоточил на дороге и управлении машиной. Губы слегка вытянулись и стали чуть-чуть тоньше.

— Я так и думал.

— Почему?

— Трудно сказать. Но я всегда чувствовал, что когда-нибудь старик все равно прогонит меня.

Зазвонил полевой телефон. Альтдерфер снял трубку.

— Говорят из штаба дивизии. Обер-лейтенанта Альтдерфера, пожалуйста.

— У аппарата.

— Советник юстиции Вернер.

— Здравствуйте, господин советник.

— Послушайте, господин Альтдерфер. Пока вы не уехали, мне бы хотелось решить с вами один вопрос. Штабс-ефрейтор Эрдмансдорф, обвиняемый в членовредительстве и трусости, военным трибуналом приговорен к смертной казни — расстрелу.

Для приведения приговора в исполнение командир дивизии приказал вашей части выделить команду: одного офицера и десять солдат. О приведении приговора в исполнение приказано доложить завтра до девяти ноль-ноль. Подробный инструктаж получит начальник команды. Выделенного офицера прошу пригласить ко мне к двенадцати часам. Вопросы есть?

— Никак нет, господин советник. Я сейчас же доложу об этом господину полковнику.

— Спасибо. Все.

Альтдерфер медленно положил телефонную трубку. Злорадно улыбаясь, он на цыпочках подошел к комнате полковника и тихо постучал в дверь.

Круземарк безучастно выслушал доклад своего адъютанта, лишь один раз скользнул беглым взглядом по неподвижному лицу Альтдерфера.

— Солдат пусть выделят штабы дивизионов. У меня нет желания этим спектаклем портить настроение солдатам нашего штаба.

— Кого назначить начальником команды? — безразличным тоном спросил Альтдерфер.

Командир полка и адъютант посмотрели друг на друга.

«Абсолютно уверен,— подумал Альтдерфер,— что полковника сейчас занимает та же мысль, что и меня. Я был бы крайне удивлен, если бы это было не так. Вероятнее всего, сейчас он спросит, что могу предложить я. Тогда придется все как следует обосновать. Политически, конечно. Политические доводы не только неопровержимы, но и исключают любую возможность предположить, что здесь какую-то роль могут играть личные отношения».

Полковник Круземарк чувствовал себя сейчас так, будто на его брюках уже алели ярко-красные генеральские лампасы. Правая бровь поднялась, и он, не глядя, поймал выпавший монокль. Досконально изучивший своего начальника, Альтдерфер понял это как недвусмысленное повеление изложить свои соображения.

Начальником команды следовало бы назначить того, кто несет политическую ответственность за это досадное происшествие. С самого начала русской кампании штабс-ефрейтор Эрдмансдорф служил в шестой батарее!

— Значит, начальником команды вы предлагаете назначить...

Не считая пока свою психологическую обработку командира полка полной и желая получить за свою работу все то, на что он рассчитывал, Альтдерфер поспешил заметить:

— Я считаю, господин полковник, что приказать привести приговор в исполнение должен командир батареи, виновный в этом происшествии!

Полковник встал:

— Другого предложения я от вас и не ждал! Через тридцать минут пошлите ко мне Хельгерта.

Не прошло и получаса, как Альтдерфер исполнил приказание командира полка. Ничего не подозревавший Хельгерт стоял перед улыбавшимся Круземарком и думал: «Может, он изменил свое решение и сейчас скажет об этом?» Обер-лейтенанта охватило радостное возбуждение.

— Я должен сообщить вам нечто такое,— фальцетом начал Круземарк,— что вас обрадует. Вы, конечно, знаете, что дело, связанное с вашей женой и честью, в известной степени запятнало вашу репутацию офицера. Неприятное дело с Бендером в глазах целого ряда начальников снова выставило вас — справедливо или нет, сейчас об этом говорить не будем — в довольно-таки неприглядном свете.

Хельгерт стоял навытяжку и видел Круземарка таким маленьким и далским, что казалось, будто он смотрит на него через огромную вогнутую линзу. Полковник визжал, как электрическая пила:

— Сегодня мне стало известно еще об одном случае членовредительства. И снова в вашей батарее! Ну, знаете ли, всé имеет свой предел. Мое терпение лопнуло!

«Но ведь это же произошло два месяца назад. А он прикидывается, что до сих пор не знал об этом!»

— В знак моего личного расположения к вам я решил дать вам еще одну возможность, так сказать, реабилитировать себя. Штабс-ефрейтор Эрдмансдорф со-

вершил тягчайшее преступление перед немецким народом и поэтому приговорен к смертной казни. Вам разрешается привести приговор в исполнение. Полагаю, вы будете благодарны мне за эту возможность. Об остальном вас проинформирует обер-лейтенант Альтдерфер. О технике проведения такой процедуры, если у вас еще нет опыта в этой области, прочитайте в соответствующих наставлениях.

— Слушаюсь, господин полковник!

Хельгерт нахлобучил на взъерошенные волосы измятую фуражку и уставился на полковника. «Это же невозможно! Я должен стрелять в солдата моей батареи?!» Хельгерт неподвижно стоял перед полковником.

— Вам что-нибудь непонятно? — Желтые глаза Круземарка блестели, как у рыси.

— Один вопрос... Нет, я хотел бы...

— Вы, надо полагать, хотели поблагодарить меня за мое отеческое расположение к вам. Я так и понял. Приму к сведению.— С этими словами полковник открыл дверь.

Подготовка к погрузке подразделений до самого вечера не оставляла Хельгерту ни минуты свободного времени. Только когда на город опустились сумерки, он свободно вздохнул и его потянуло к широкой реке. С вечернего неба слабо светил молодой месяц, и его холодные блики играли в свинцовых волнах могучего Днепра. На другой стороне реки безмолвной глыбой высился черный берег. На полях местами проступали белые пятна скудного снега. «В этом году,— подумал Хельгерт,— уже не удастся всю вину за бесконечную цепь поражений свалить на русскую зиму».

Земля покрывалась черным шатром неба. Чужого, холодного и таинственно-недоброго. Вдали, за рекой, фронт надевал свою вечернюю лучистую корону. Незаметно вступая в свои права, ночь медленно прикрывала гигантскую топку войны, в которой по частям сгорал германский вермахт.

«Что будет, если я сейчас выйду на шоссе,— рассуждал Хельгерт,— остановлю какую-нибудь машину с боеприпасами, доберусь с ней до передовой и попробую найти там свою батарею?»

Но он тут же понял бессмысленность такой затеи. Не успеет он доехать до фронта, как в полку узнают, что из штаба исчез обер-лейтенант Хельгерт.

«Завтра в восемь утра я обнажу шпагу и скомандую «Заряжай!». Справа от меня защелкают затворы, а слева, всего в десяти шагах, будет стоять Эрдмансдорф. Его жизнь оборвется по моему слову, последнему слову, которое услышит приговоренный». Не видя дороги и не замечая людей, он возвращался в штаб.

Прошла мучительная, долгая, как вечность, ночь.

Боясь встретиться взглядом с солдатами, обер-лейтенант, бледный, шагал впереди команды. Лощину на северо-западной окраине города далеко вокруг оцепила полевая жандармерия. Между католическим священником и фельдшером стоял советник юстиции. Построив солдат в шеренгу по два, Хельгерт доложил ему о прибытии команды.

Привели Эрдмансдорфа. В утренних лучах солнца на его запястьях поблескивали стальные наручники. Невидящим взглядом Хельгерт смотрел мимо него. К приговоренному к смертной казни подошел священник и что-то тихо сказал ему. Эрдмансдорф стоял как вкопанный.

Казалось, и природа замерла в зловещем молчании.

Жандармы быстро привязали штабс-ефрейтора к невысокому столбу. Советник юстиции едва заметно кивнул.

Щелкнув каблуками, Хельгерт обнажил шпагу и вскинул ее на плечо:

— Смирно!

В мертвой тишине команда прозвучала, как взрыв.

У Эрдмансдорфа подкосились колени.

— Заряжай!

Защелкали затворы. По команде Хельгерта солдаты взяли карабины на изготовку.

У обер-лейтенанта было такое чувство, будто на него, грозя раздавить своим многопудовым грузом, надвигается огромная гранитная плита, а он, теряя последние силы, едва сдерживает ее.

Его правая рука замерла на эфесе шпаги, и он почувствовал между пальцами очертания головы льва. Ле-

вую он, как новобранец на строевых занятиях, плотно прижал к шинели. А гранитная плита давила все сильнее и сильнее.

Губы его раскрылись:

— Огонь!

Треск винтовочных выстрелов раздробил утреннюю тишину.

— К ноге!.. Предохранитель ставь!.. На плечо!..

Солдаты механически выполняли команды.

— Направо!.. Шагом марш!

Вложив шпагу в ножны, обер-лейтенант приложил руку к каске.

«Вот и конец! — подумал он.— Выполнять этот приказ я просто не имел права. Теперь я преступник... Преступник потому, что не сделал ничего, чтобы воспротивиться бесчеловечности, не допустить ее. Смогу ли я когда-нибудь искупить свою вину? Но Эрдмансдорф мертв, и убил его я. А еще говорил все время: честь! честь!..»

Фельдшер робко подошел к безжизненно повисшему у столба телу.

Погрузка подразделений шла полным ходом. В первом часу ночи эшелон со штабом полка должен был отойти от временной погрузочной платформы. Ему предстояло проползти на север вдоль Днепра до Орши, а затем, выйдя на магистраль, покатить через Минск на Брест. А там... А там возможны разные варианты. Эшелон могут направить через Варшаву и Бреславль дальше на юго-запад. Или — что тоже не исключено — через Берлин прямо на запад.

Хельгерт так и не попрощался со своими солдатами, хотя теперь они находились в каких-нибудь пятидесяти километрах от Могилева. В этой спешке он просто не мог выкроить нужные три часа, чтобы добраться до своей батареи и вернуться обратно. И все же, несмотря на эту бесспорно уважительную причину, он не мог отделаться от мысли, что он их предал. Предал своих солдат. Предал погибших товарищей. Предал самого себя.

Круземарк «организовал» для себя пассажирский вагон третьего класса и приказал прицепить его к эшелону, который занимали штаб полка и штабная батарея.

Ночью повалил сырой снег, подул холодный порывистый ветер. Отвратительная погода еще больше усиливала всеобщее стремление поскорее выбраться отсюда.

Наконец эшелон, составленный из «телячьих» вагонов и открытых платформ, тронулся и, постукивая на стрелках, медленно выкатился со станции.

Полковник налил Альтдерферу, Хельгерту, полковому врачу, две недели назад прибывшему сюда с запада, ветеринару и командиру штабной батареи по рюмке коньяку и чокнулся с ними. В этот знаменательный час он не оставил без внимания даже своего денщика — налил и ему рюмку. В последний раз оглянувшись назад, они с минуту смотрели на медленно удалявшиеся бледные огни станции.

— После двух с половиной лет вахты на востоке — за нашего фюрера! — Круземарк произнес этот тост с легкой дрожью в голосе, в котором чувствовалась не прошедшая даже теперь зависть к своим сверстникам, все это время сидевшим на солнечном юге, в глубоком тылу на родине или в больших штабах. Этот подрагивавший голос выражал горькое сожаление по упущенному и меньше всего — скорбь по убитым воинам полка или волнение за судьбы людей, оставленных им на востоке. Настал долгожданный час стремительного наверстывания всего того, что было упущено Круземарком за эти два с половиной года. В мыслях он уже видел тот день, когда исполнятся все его сокровенные желания и заветные мечты. В соседних купе было тихо. Там людей занимали другие мысли. После отступления зимой тысяча девятьсот сорок первого года — проигранные сражения летом и осенью тысяча девятьсот сорок третьего года, а теперь снова отступление. И это на пятом-то году войны! А как она кончится?

Полковник назначил Хельгерта комендантом эшелона, чтобы обер-лейтенанта не было рядом с его купе. Ночью Хельгерт спал вместе с охраной поезда в головном вагоне. «Шесть лошадей или сорок человек» — было написано на табличке, прибитой к двери товарного вагона. Поначалу казалось, что от тряски в этом вагоне душа вот-вот расстанется с телом, но потом он перестал обращать на это внимание и вскоре с удивлением почувствовал, что мерное постукивание колес и раскачивание вагона действуют на него усыпляюще.

Широко раскрытыми глазами Хельгерт неподвижно смотрел в темноту. Еще только начало третьего. До рассвета долго. Утром эшелон будет на старой границе.

Обер-лейтенант подполз к двери, немного отодвинул ее. В узкую щель ворвался сырой холод и ледяными пальцами полез под одежду.

Вдоль дороги тянулись безмолвные поля, лишь местами покрытые снегом.

Мысль о Клавдии, разом вытеснив все из головы, целиком поглотила Хельгерта. Ночью всегда думается лучше. Обер-лейтенант твердо решил положить всему конец. Дальше так продолжаться не может! Да, именно так он и начнет: «Милая Клавдия, дальше так продолжаться не может».

«Милая Клавдия, мы оба хорошо знаем, каковы наши отношения и как может сложиться наша жизнь. Те немногие часы, которые нам довелось быть вместе, видимо, никогда не повторятся. Против нас многое: и наша жизнь, и война. Я женат и связан обязательствами. Может быть, ты думаешь, что кто-то сможет заменить тебе Эбергарда? Нет. Это было бы заблуждением. Такой человек был бы всего лишь фасадом и не принес бы тебе счастья. Давай навсегда останемся добрыми друзьями. Ведь и это приносит тихое счастье. Все же другое лучше забыть».

Он закрыл глаза, и на минуту его охватило блаженное чувство умиротворения и успокоенности. Хельгерт задвинул дверь и лег на нары. Мысли путались в беспокойном полусне. Перед глазами стояла страшная картина казни Эрдмансдорфа. Вот Хельгерт в каске идет впереди команды. Каска, сбиваясь при каждом шаге, неприятно сдавливает голову. Впереди, едва передвигая ноги, идет Эрдмансдорф. Руки по самые локти связаны толстыми веревками. Каждый раз, когда он спотыкается и падает, два дюжих жандарма с хохотом поднимают его и подталкивают в спину. Когда жандармы привязывали штабс-ефрейтора к ярко-белому столбу, Хельгерт обернулся и увидел выстроившихся в огромную шеренгу солдат шестой батареи. Он хотел было крикнуть им, что приказ — это принуждение, что за эту казнь они ответственности не несут. Но тут раздался глухой грохот взрыва, сорвавший Хельгерта с нар.

Заскрипели тормоза. Поезд, лязгая буферами, остановился. Хлестнуло несколько винтовочных выстрелов, и снова стало тихо. Сжав в руке автомат, Хельгерт выпрыгнул из вагона в темноту и, задыхаясь, подбежал к паровозу. За ним опасливо подошли автоматчики из охраны эшелона.

Взрыв большого вреда не причинил. Лишь вырвал полуметровый кусок рельса между двумя груженными песком платформами, как обычно шедшими впереди паровоза.

Кругом — тишина. Ночь теперь уже не казалась такой черной, как несколько минут назад. У Хельгерта было такое чувство, будто он стоит у всех на виду и из-за каждого куста и камня на него внимательно смотрят всевидящие глаза партизан. Он приказал своим солдатам рассредоточиться. Кто знает, может быть, партизаны уже навели на них свои пулеметы и вот-вот нажмут на спусковые крючки.

Внимание Хельгерта привлек мерцавший неподалеку слабый огонек. Он осторожно направился к нему. Загороженный снегозадерживающими щитами, догорал небольшой костер.

Сдвинув автомат на бедро, готовый в любой момент открыть огонь, обер-лейтенант подкрался еще ближе. Возле костра сидели два солдата с винтовками за спиной. «Судя по всему, венгры!» — решил Хельгерт.

— Алло, друзья! — окликнул он.

Солдаты испуганно обернулись. Перед ними стоял немецкий обер-лейтенант без ремня и шинели, с русским автоматом наготове.

— Пошли со мной!

Солдаты переглянулись. До железнодорожного полотна было не больше пятидесяти шагов. Хельгерт, не оборачиваясь, шел впереди. Венгры нерешительно плелись за ним.

Полковник Круземарк, с карабином в руке, с воинственным видом посмотрел вокруг. Машинист только что доложил ему, что без каких-либо осложнений и особой посторонней помощи сможет провести эшелон и что для людей и грузов это не будет представлять никакой опасности.

Альтдерфер стоял за спинами солдат, все еще не решаясь выйти вперед.

С большим трудом подбирая немецкие слова и безбожно коверкая их, венгры рассказали, что стоят здесь на посту, а неподалеку отсюда находится их опорный пункт, гарнизону которого поручено охранять железную дорогу. Партизан они не видели, а взрыв и винтовочные выстрелы слышали хорошо. Подобное случается каждую ночь, и они ничего не могут с этим поделать.

От страха и возмущения полковник побелел.

— Перестрелять бы вас всех! Тогда бы вы лучше охраняли коммуникации германского вермахта! Поганое отродье!

Паровоз хрипло загудел и осторожно тронулся с места, толкая перед собой платформы с песком. Колеса передней платформы сантиметр за сантиметром перекатывались через только что положенный рельс, заменивший взорванный партизанами. Все облегченно вздохнули, когда первая платформа миновала опасный участок.

— Вас надо было бы как следует наказать, чтобы другие знали! — петушился Альтдерфер перед венгерскими солдатами.

Хельгерт почувствовал покалывание в затылке. Плотно сжав губы, он смотрел на Круземарка, медленно возвращавшегося к своему вагону. Полковник не любил принимать решений, результаты которых трудно предвидеть полностью.

Передние колеса паровоза приближались к поврежденному месту. Сейчас у артиллеристов было только одно желание: побыстрее выбраться из этой неприветливой страны. Когда паровоз благополучно прошел повреждение, они быстро скрылись в своих вагонах.

— Мотайте отсюда! — сердито сказал Хельгерт венгерским солдатам и махнул рукой в сторону поля.

Венгры не поняли его слов, но по жесту догадались, о чем речь.

Хельгерт разошелся еще больше. Чувствуя, что его положение становится незавидным, он поспешил добавить:

— Вы что, не слышали, что вам сказано? Мотайте отсюда, пока живы!

В одно мгновение солдаты железнодорожной охраны сорвались, как воробьи с мякины, и исчезли в темноте. Альтдерфер помчался к пассажирскому вагону, до которого было не меньше ста метров. Через несколько се-

кунд где-то совсем близко раздался одиночный выстрел, явно адресованный адъютанту.

Хельгерт машинально втянул голову в плечи и прислушался. Тихо. На ходу прыгнул на подножку своего вагона.

В Кракове полковнику передали несколько секретных пакетов. Его мало интересовало их содержимое. Что там может быть нового? Наверное, опять указывается дальнейший маршрут следования полка, а может быть, сообщаются инструкции о поведении военнослужащих вермахта на территории протектората или еще какая-нибудь чепуха. Круземарк бросил нераспечатанные конверты Альтдерферу.

Быстро пробежав глазами бумагу, адъютант воскликнул:

— Поразительно!

Круземарк оглянулся.

— Господина полковника срочно вызывают в штаб. Господина полковника направляют начальником артиллерии соединения в группу армий «Запад».

Круземарк моментально оценил значительность этого нового назначения. Наконец-то пришло то, чего он так мучительно долго и с таким нетерпением ждал! Полковник более чем прохладно принял поздравление своего адъютанта: он не слишком верил в его искренность — и сразу же начал упаковывать чемоданы.

Как вовремя — перед самым рождеством — фюрер и управление кадров сухопутных войск вспомнили о полковнике Круземарке, офицере с более высоким призванием. Представление на генерала уже наверняка лежит где-нибудь в столе. А в каком именно — это можно будет очень быстро узнать в Берлине.

Круземарк надел шинель и стал думать, как лучше добраться до имперской столицы. От Кракова до Берлина каждый день отходило несколько скорых поездов прямого сообщения. Но полковника не устраивал этот медленный вид транспорта, и он решил поискать более быстрого средства на аэродроме.

Альтдерфер держал в руке еще один пакет. Полковник Круземарк, заметив, что тот ждет от него решения, недовольно крякнул и поднял правую бровь.

Адъютант начал читать:

— «Немедленно выслать в штаб корпуса одного командира батареи».

Это пустячное дело полковник воспринял как личное оскорбление в такой знаменательный час его жизни.

— Кого вы предлагаете? — по привычке спросил он.

— Я бы рекомендовал обер-лейтенанта Хельгерта. Он всегда с благодарностью будет вспоминать господина полковника! — В голосе Альтдерфера слышалась откровенная издевка.

Полковник Круземарк подумал о жарких боях, разгоревшихся на западном берегу Днепра, о том, что и в оставшиеся дни этого года может случиться всякое. Командованию обороняющихся здесь армий придется принимать соответствующие меры и бросать в сражение — или, как метко говорят в народе, «расходовать на топку» — новые войска. Немало еще жизней унесет этот заканчивающийся тысяча девятьсот сорок третий год. Понимая, что сейчас у него уже не будет непосредственной возможности «прижать к ногтю» этого строптивого командира батареи, Круземарк решил, что зимние бои обеспечат обер-лейтенанту самые благоприятные условия для его естественного конца. Поэтому, ни минуты не колеблясь, Круземарк решительно ответил:

— Отлично, Альтдерфер! Превосходно. Мое решение передайте Хельгерту на следующей остановке. Сейчас просто нет времени. Куда нам, пардон вам, приказано теперь ехать? За меня, разумеется, остаетесь вы. Берите командование в свои руки!

Адъютант полка обер-лейтенант Альтдерфер, с сего момента предоставленный самому себе и минимум на несколько дней наделенный единоличной властью, протянул полковнику третий документ:

— В Вену!

Только что сложивший с себя обязанности и полномочия командира полка, Круземарк благосклонно кивнул и надел фуражку:

— Вас я, конечно, не забуду, Альтдерфер! При первой же возможности постараюсь перетащить к себе. Думаю, мы совсем неплохо закончим эту войну. — Круземарк уже сейчас знал, что никогда не выполнит своего обещания.

Со своей стороны Альтдерфер мало верил тому, что Круземарк, который во многом зависел от своего адъютанта, хоть когда-нибудь даст о себе знать. Но в этот момент он был в восторге: ему даже без росчерка пера удалось доконать этого ненавистного Хельгерта. И получилось это, можно сказать, в самый последний момент! Пока они будут ехать до следующей остановки, он тщательно обдумает каждое слово своей речи, с которой выступит перед всеми офицерами штаба и штабных подразделений и сообщит, что из уютного тыла, где не льется человеческая кровь, Хельгерту предстоит срочно вернуться на Восточный фронт, где на правом берегу Днепра сейчас идут тяжелые бои.

Полковник открыл дверь своего купе и спрыгнул прямо на щебень, лежавший между путями.

Альтдерфер тащил за ним его чемоданы.

Круземарк больше не оборачивался. На вокзале, торжественно вставив в глаз монокль, он отпустил своего бывшего адъютанта.

— До скорого свидания! Ни пуха вам, ни пера! Передайте моим солдатам большой привет. Пусть они всегда выполняют свой долг так же, как выполнял его их командир полка, которому, разумеется, было намного труднее. Пусть солдаты знают, что полковник Круземарк будет и впредь, не щадя сил, исполнять свой долг там, где он больше всего нужен отечеству! С нами фюрер! — Он небрежно поднял правую руку к фуражке и двумя пальцами слегка коснулся козырька.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

На дымном перроне Венского вокзала для пассажиров был открыт только один выход. У дверей, широко расставив ноги, стояли патрули — солдаты германского вермахта.

Тут же с беспечным видом расхаживали господа, неброско одетые в гражданское.

Скорый поезд из Берлина, следовавший по расписанию, уже вышел с соседней станции и сейчас находился где-то на перегоне под Веной. Железнодорожники со

своими тележками стояли на перроне и ждали прибытия поезда, чтобы забрать багаж и почту.

Через несколько минут поезд подошел к перрону.

В сером потоке приехавших редкими пятнами выделялись пассажиры не в военной форме. Они-то и были объектом пристального внимания неброско одетых господ. Львиную долю прибывших пассажиров эти господа предоставили в распоряжение полевой жандармерии — здоровенных буйволов с блестящими бляхами на груди, в сапогах и стальных касках.

Громко разговаривая и смеясь, в группе девушек с гитарами шел среднего роста мужчина лет сорока; в руке он нес парусиновую походную сумку, за спиной — туристский рюкзак.

«Отпускник, — подумал гестаповец, ближе всех стоявший к двери. — И как это можно на пятом году войны разрешать какие-то отпуска!»

Он перевел свой взгляд на следующего пассажира в гражданском.

Отпускник распрощался с девушками и с видом человека, предвкушающего удовольствия и радости предстоящего отдыха, весело насвистывая какую-то незатейливую мелодию и не глядя ни вправо, ни влево, направился через большой мрачный зал ожидания на привокзальную площадь. Он взял такси и по Рингу спустился до улицы Принца Евгения. Там он сменил машину, проехал немного назад и, поднявшись к Западному вокзалу, не въезжая на площадь, вышел. В одном из тихих переулков он зашел в маленькое кафе, заказал виноградного вина, тут же расплатился и попросил принести подшивки газет. Бегло просмотрев «Штюрмера», стал внимательно читать «Шварцес кор».

Время от времени он посматривал на часы и незаметно бросал беглые взгляды на улицу. Здесь было не так много людей в военной форме, как, например, на Бульварном кольце.

Около четырех часов вечера — на улице было уже совсем темно — он встал, сунул кельнеру с длинными бакенбардами пятидесятипфенниговую монету и вышел на улицу.

Прежде чем войти в дом — Верингерштрассе, 34 — он быстро оглянулся, чтобы еще раз убедиться, что за ним никто не следит.

В маленькой комнатке Клавдия чувствовала себя почти как дома. Хозяйка ее — очень приветливая пожилая женщина — ни о чем ее не спрашивала. Товарищи в Берлине говорили Клавдии, что в Вене ей будет хорошо, и просили на время прервать связи со всеми своими знакомыми. Из партийного центра ей передали, что подробные инструкции о конкретных действиях в Вене она получит на месте.

Прошло уже несколько недель, а никаких указаний она не получала. Клавдия не находила себе места. Все чаще у нее появлялось желание написать обо всем этом Хельгерту и поделиться с ним своими переживаниями.

Теперь у нее оставалось только рисование. Она работала с утра до вечера, делая эскиз за эскизом. Ее внутреннее беспокойство отражалось на рисунках — штрихи получались нервными и неточными.

Звонок. Испуганно вздрогнув, Клавдия непослушными от волнения руками пыталась подготовить новый лист бумаги. Входная дверь отворилась, и до нее донесся мужской голос, о чем-то спросивший хозяйку. В комнату к ней постучали.

— Ваш двоюродный брат просит разрешения войти к вам, фрейлейн Линдмайер.

В нерешительности Клавдия поднесла руку к бусам, но, быстро справившись с собой, ответила спокойным голосом:

— Да, пожалуйста!

В комнату, улыбаясь, вошел моложавый мужчина и осторожно прикрыл за собой дверь.

Нет... Нет, не может быть...

— Пауль!

Мужчина приложил палец к губам.

Клавдия смотрела и не верила своим глазам. Сковывавшее ее напряжение прошло, и она прижалась к нему.

Осторожно высвободившись, он положил рюкзак и сумку на пол.

— В моем распоряжении, Клавдия, всего один час. Нам надо обсудить один важный вопрос. Давай решим его сразу. — Он сел, вытер носовым платком со лба крупные капли пота и продолжал: — Через два дня ты станешь — как это и предусмотрено нашим планом — Гели Альтендорфер, рисовальщицей из журнала мод.

Твой адрес в Вене: Парк ринг, 17. Сейчас ты едешь на четыре недели к своим родителям в Лозанну, где собираешься провести отпуск. Все это ты знаешь, и я повторяю лишний раз просто так, на всякий случай.

Пауль порылся в своей походной сумке и достал оттуда швейцарский паспорт.

— Посмотри, пожалуйста, и убедись, что описание личности Гели Альтендорфер полностью совпадает с твоим. Все данные ты уже давно выучила. Виза в порядке. Поезд на Базель идет послезавтра в двенадцать пятьдесят восемь. Вот тебе билет. В Базеле тебя встретят прямо на вокзале.

— Спасибо, Пауль.

Они с минуту помолчали, потом он осторожно положил ей руку на плечо и спросил:

— Тебе не страшно будет ехать до границы? Ведь ты не боишься, правда?

Удивленная этим вопросом, Клавдия покачала головой:

— Чего мне бояться? План безукоризненный, все предусмотрено. Уверена, что все будет в порядке и что со мной ничего не случится.

Он задумался и тихо, как бы про себя, проговорил:

— Ничего не случится, конечно...

«Сказать ей? — подумал Пауль. — Может быть, сделать это позже, когда она будет в безопасности? Ведь уже несколько недель у нее не было никаких контактов с товарищами. И все это время она ждала, ждала, а страх с каждым днем становился все больше и больше... Да и то, что ей предстоит, тоже не прогулка. Для этого потребуется немало энергии и выдержки. На каждом шагу ее будет подстерегать опасность. Придется рисковать жизнью...»

— Клавдия, я должен тебе еще что-то сказать.

— Что же?

— Мы потеряли одного друга.

Ее мысль лихорадочно заработала. Кто же из них?

— Кого? — боясь ответа, спросила девушка.

— Товарища Бендер.

— Тетушку Бендер? — переспросила, как ударом пораженная, Клавдия.

Пауль молча кивнул. Его бледные губы вытянулись, сжались.

— Легкие? Мы давно уже должны были позаботиться о ее здоровье. Я ей говорила об этом еще несколько недель назад, когда мы вместе были у врача. Ведь каждый из нас знал...

Пауль покачал головой и с пугающим спокойствием посмотрел на Клавдию:

— Товарищ Ида Бендер расстреляна гестаповцами. Убита, как они говорят, при попытке к бегству.

Клавдия закрыла лицо руками. Тело ее вздрагивало от рыданий. «Не может быть! Бедная старушка! Убита при попытке к бегству! Значит, план раскрыт. Поэтому-то Пауль и спросил, не страшно ли мне».

Пауль снова положил руку ей на плечо.

— В самый последний день во время обыска у нее на квартире гестаповцы нашли швейцарский паспорт с ее фотографией, но на другое имя. Ее арестовали, а через несколько дней нам стало известно, что она расстреляна. Мы уверены, что она не сказала ни слова...

Клавдия уронила голову на стол и зарыдала.

Пауль с беспокойством посмотрел на дверь:

— Ты должна взять себя в руки. Слышишь, Клавдия!

— Я больше не могу. Это уж слишком. Теперь они, конечно, следят и за мной. Они в любой момент могут прийти сюда. Я совершила большую ошибку... Написала Хельгерту, хотя делать этого не имела права. Что теперь будет? — Ее руки теребили волосы.

— Ты написала на конверте свое имя?

— Нет. Штеффи Линдмайер.

На щеках у Пауля проступили желваки. «Тоже плохо, — подумал он. — Значит, Хельгерт знает, что она в Вене. Надо полагать, он ответил ей, Штеффи Линдмайер. Но теперь уже нет смысла упрекать ее: это еще больше собьет ее с толку. Видимо, мы слишком переоценили Клавдию. Она никому не должна была говорить об этом!» .

Он сделал рукой жест, как бы говоря, что ее переписка с Хельгертом не имеет никакого значения.

— Я больше не выдержу, — жаловалась Клавдия.

— Сейчас, Клавдия, ты не имеешь права терять самообладание! Наша борьба с каждым днем становится все более успешной. А ты собираешься сдаваться...

В Швейцарии работать не так опасно. Ты нужна, Клавдия! Подумай об этом!

Клавдия уставилась на узорчатый рисунок скатерти:

— Ты полагаешь, что я нужна?

— Да! И не только нам! Всем! Может быть, это звучит высокопарно, но я скажу. Ты нужна Германии!

— Ты думаешь, что все это имеет смысл?

— Конечно! Мы хотим...

— Вы всегда хотите победить — завтра, скоро, когда-нибудь. Вы все время твердите о новых борцах, которые это сделают. Ну а где же старые? Бендер пропал где-то на востоке. Фердинанд арестован. Его преемник казнен. Мать Бендера расстреляна. Я скрываюсь. Поневоле затоскуешь!

— Когда обстоятельства заставили меня прийти к тебе, я не спрашивал, есть ли в этом смысл. Потому что я знаю, что каждое выступление против нацизма приближает час нашего освобождения. Солидарность товарищей куда сильней службы безопасности.

Клавдия молчала. Спустя несколько мгновений она заговорила:

— Я постараюсь... Наберусь терпения. Ведь так трудно побороть страх!

— Понимаю.

— Узнал что-нибудь о Фердинанде?

Лицо Пауля сразу потемнело, как-то осунулось.

— Нам известно очень немногое. Несколько недель назад группу заключенных перевели с Альбрехтштрассе в Бухенвальд. По дороге поезд попал под бомбежку. Были убитые и раненые. Кое-кому из товарищей удалось бежать. Двоих убили на насыпи... С тех пор мы потеряли Фердинанда из виду...

Клавдия замерла. Пыталась представить себе, какие муки скрывались за этими скупыми фразами.

Пауль встал, потянулся за рюкзаком.

— В один прекрасный день двери тюрем захлопнутся за теми, кто вверг человечество в эту войну. Время «тысячелетнего рейха» почти миновало. Мы выдержим. И в этом нам поможет наша ненависть.

Клавдия протянула ему руку, не вытирая с лица слез.

— Мы увидимся, Клавдия... наверняка! — Пауль улыбнулся.

Дверь тихо закрылась за ним.

Проходил уже последний вагон. Хельгерт махал, пока не заболела рука. Солдаты пулеметного взвода на прощание что-то кричали, но что — разобрать было невозможно. Поезд скрылся из виду.

Обер-лейтенант невольно вспомнил слова Альтдерффера:

— Господин полковник выразил настоятельное желание снова видеть вас в рядах бойцов на самом трудном в настоящее время фронте нашей родины, господин Хельгерт. Я убежден, что мы с вами, как кадровые офицеры, можем только приветствовать его решение. Вы заслужили это.

Все произошло после пятидесятиминутной стоянки на товарной станции на западной окраине Вены, как раз в тот момент, когда локомотив уже подал первый свисток перед отправлением эшелона. Если бы Альтдерфер и полковник Круземарк знали, что этим назначением они давали Хельгерту шанс спасти свою жизнь...

Хельгерт сунул командировочное предписание и приказ о переводе в карман шинели и пошел, спотыкаясь о рельсы. «Самым правильным сейчас было бы направиться прямо на вокзал и узнать, когда отходит эшелон на Брест-Литовск», — подумал он.

Поезд отходил ровно через час.

Обер-лейтенант оставил рюкзак в камере хранения и прошелся мимо вокзала.

Один час... Этого не хватит даже для того, чтобы поговорить с Клавдией. А потом едва ли так рано можно застать ее у Штеффи Линдмайер. Клавдия... Вдруг он остановился.

До отправления поезда оставалось тридцать пять минут. Самое время позаботиться о месте. Иначе многочисленные интендантские советники и прочие тыловые крысы будут валяться на мягких, хотя и грязных диванах, а ему придется согнувшись сидеть в коридоре. Хельгерт повернул к вокзалу.

Но тут ему в голову пришла другая мысль. Он начал изучать расписание поездов. Следующий поезд на восток шел в семь часов десять минут. Значит, только на следующий день. Он снова побрел мимо камеры хранения. Затем полистал план города и нашел Верингерштрассе. Не больше чем в получасе ходьбы от вокзала.

Оставалось всего десять минут.

Хельгерт не мог заставить себя сесть в вагон. Молча смотрел на скорый поезд дальнего следования, предназначенный только для военнослужащих. Около состава царила такая же суета, какая обычно бывает на любом вокзале в Германии. Словно во сне услышал он выкрик «закрыть двери» и даже не повернул головы, когда вагоны поплыли мимо него.

Хельгерт решил задержаться в Вене.

По той же улице он побрел обратно, навстречу бледным лучам зимнего солнца. В голове — пустота.

Хельгерт прочитал на табличке название улицы и почувствовал, как краска залила его лицо. Машинально вынул записную книжку, чтобы проверить номер дома.

И вдруг он почувствовал, что кто-то смотрит на него. Клавдия стояла перед ним меньше чем в десяти шагах.

— Фриц!

Хельгерт неуверенной походкой подошел к ней.

Казалось, все вокруг закружилось: дома, деревья, улица, зимнее небо. В страшном волнении он сжал ее руку, а потом попытался замаскировать свое чувство обычным приветствием. Его слова звучали, как чужие, и никак не передавали того, что он чувствовал.

Они молча поднялись на второй этаж.

Вся суть случившегося дошла до его сознания, лишь когда улеглось волнение от этой неожиданной встречи. «Я в Вене, в комнате Клавдии. Взволнованный, полный противоречивых чувств. Завтра утром поеду на фронтовой распределительный пункт, чтобы среди заснеженных полей найти свою батарею. Где же мне сегодня переночевать? В гостинице? В общежитии для военных?»

На столике — фотография. Смеющийся Баум. Рядом Хельгерт увидел свое фото, которое он недавно послал Клавдии. У окна висел портрет Клавдии, о котором ему когда-то рассказывал Эбергард. Явно сделан руками опытного фотографа. Какая-то классическая красота. Последние лучи зимнего солнца скользили по тонкой рамке. Их отражение придавало большим глазам Клавдии необычный блеск. Хельгерт долго смотрел на портрет и вздрогнул, когда дверь открылась.

Клавдия внесла чай:

— Я не очень долго?

Фриц поспешил заверить ее, что нет. За чаем атмосфера стала несколько непринужденнее. Машинально он похвалил печенье. И тут он вспомнил, что такое же печенье ел в Берлине — это было любимое печенье Эбергарда. Хельгерт засмеялся и мысленно обругал себя.

Смущение снова охватило обоих, когда Клавдия начала убирать со стола. Хельгерт попытался перевести разговор на нейтральную тему.

— Эбергард говорил мне, что вы чудесно играете на рояле.

Клавдия села за инструмент:

— Если вы не будете слишком строги!

Музыка... Когда он в последний раз слышал музыку? Раздавались звучные аккорды. Мотив показался Фрицу знакомым. Он вспоминал. «Во мне звучит песня...» или что-то подобное. Да это же из кинофильма «Прощальный вальс». Хельгерт встал, подошел ближе к Клавдии, заглянул через плечо. «Шопен, опус 10, этюд № 3», — прочитал он. Но мелодия почему-то была знакомой. «Прощальный вальс»... Перед глазами Хельгерта медленно проплыл уходящий поезд... Но сейчас эта мысль уже не тревожила его.

Почти без перехода она заиграла «Грезы» Шумана. «Хорошо, — думал Хельгерт, — когда не думаешь о смерти и о неизбежно надвигающемся поражении. Интересно, что сейчас чувствует Клавдия. Мне кажется, будто я нахожусь здесь уже несколько дней. С Клавдией я могу говорить и об Эйзерберге, и о нашем с ним последнем разговоре. Даже о Зенфлебене. Неужели я действительно послал его на смерть? Его же могло убить и около меня? Разве мало людей погибает в глубоких укрытиях от прямых попаданий? Например, Бюргер. А Эрдмансдорф? Самое ужасное...»

— Вы слушали, Фриц? — Клавдия уже не играла и какое-то время молча смотрела на Хельгерта.

Он смущенно поднял глаза:

— Это было чудесно... Я больше чувствовал, чем слушал...

Легкий румянец покрыл щеки Клавдии. Она медленно закрыла рояль.

— Хотите узнать почему? — допытывался Хельгерт.

— Да, — ответила Клавдия спокойно.

Хельгерт почувствовал ее дыхание и нежно притянул к себе. И вдруг все сразу стало просто и естественно. Фриц начал целовать ее глаза, душистые волосы...

— Эта ночь должна длиться всю жизнь, — проговорил Хельгерт. Его слова звучали грустно.

Где-то тихо пробили башенные часы.

Клавдия машинально считала удары, разносившиеся над черепичными крышами.

— Почему только ночь? — спросила она.

— Потому что ночь вызывает воспоминания. Настанет день — и вернется то, что мы хотели бы забыть.

«Что мы хотели бы забыть... Это Эбергард. Что он думает сейчас обо мне? Сегодня — один, завтра — другой? Разве большинство девушек не стали такими из-за этой войны? Девушки, да и замужние женщины! Пытаются забыться... Но как мне доказать ему, что это не просто приключение, а больше, гораздо больше? Как часто в последние недели я сравнивала Эбергарда с Фрицем. И сегодня, после всего этого! Но разве он поверит мне?»

— Ты думаешь об Эбергарде?

В Хельгерте все замерло: «Она уже может так спокойно произносить его имя?»

— Да.

В ответе не было ни твердости, ни разочарования. Но это «да» сразу разрушило очарование волшебного мира и потребовало немедленного четкого решения.

— Фриц, дорогой, поверь мне, я не мыслю жизни без тебя... Мы можем быть счастливы только вдвоем...

Хельгерт положил голову на плечо Клавдии и закрыл глаза. Ему было приятно чувствовать ее прохладную руку, которой она нежно гладила его лоб. «Мы будем счастливы...» Лицо друга стояло перед ним. Разве он отнял что-то у покойного? Любовь Клавдии? Но эту любовь разрушили годы. Разве воспоминание об Эбергарде вытравил он? Может быть, угрызения совести мучат Фрица оттого, что Баум погиб совсем недавно? Нет. Ее признание было честным.

— Я верю тебе, Клавдия. Я тоже убежден в этом. Наши пути сошлись. Навсегда.

— Фриц, никогда еще я не испытывала такого желания: я хочу ребенка от тебя!

Внезапно он подумал об Ильзе. В его браке с ней все было по-другому: сначала карьера, потом война. Брак был явно неудачным, и, по всей вероятности, Хельгерт должен был взять на себя большую часть вины. Началось все даже не с Дернберга. Эта история только ускорила их разрыв. Война с ее первыми головокружениями от побед, орденами — все это опьяняло. Фронт... короткое свидание с женой... снова фронт... жизнь потом... после окончательной победы... Затем произошли события, под давлением которых прошлое выглядело как глупое заблуждение. Ильза, наверное, тоже поняла это?

Хельгерт знал, что часы, проведенные им в Вене, окончательно все решили. Пути назад не было. Он решил поговорить с Ильзой и сказать ей, что в его жизнь вошло нечто более сильное: любовь, которая стирает годы и рушит все преграды. Неприятный разговор! Но после всего того, что произошло, было бы лучше для обоих, если бы Ильза дала ему свободу.

Клавдия чувствовала, что Фриц думает сейчас о жене. Клавдия увидела перед собой Ильзу такой, какой она ее однажды встретила: женщину, полную разочарования и отрешенности. Разве она, Клавдия, отняла у нее мужа?

— Я должен поговорить с женой, — бросил Фриц. — Хочу, чтобы все было честно.

Бледный свет луны заливал комнату, бросая на стены причудливые тени. Переплетаясь, тени образовывали решетку, которая легла прямо на Фрица.

Клавдия заметила это. Сердце ее учащенно забилось. «Завтра в полдень с фальшивым паспортом я отправляюсь в неизвестность. А что, если гестапо уже напало на мой след?! А завтра ночью меня встретят в Базеле. Фриц ничего не знает. Даже ему, самому дорогому человеку, я не имею права рассказать обо всем этом. Сколько сил он мог бы вселить в меня!»

Перед мысленным взором Клавдии оказались глаза Фердинанда и старушки Бендер.

Клавдия еще теснее прижалась к Хельгерту. Какие строгие черты лица! Фриц — это сильнее, чем эсэсовцы или полицейские на швейцарской границе.

Фриц взглянул на часы. «Я, конечно, ошибался, полагая, что Клавдия знала о нелегальной работе Эбергарда до войны,—думал он.—Разве она не сказала бы ему об этом? Может быть, Клавдию связывало обещание? А разве он сам был достаточно откровенен с ней? Ведь он решил при первой же возможности покончить с войной, поскольку всякое сопротивление стало бессмысленным. Если он скажет ей об этом в последние минуты... поймет ли она его? Может быть, ей это покажется ужасным?»

— Фриц, через час тебе ехать.—Клавдия волновалась. Может быть, несмотря ни на что, попытаться задержать его? В последние минуты, которые еще оставались? Охваченная безумным страхом, Клавдия прижалась к щеке Фрица.

Он ласково высвободился из ее объятий и подошел к окну. Через час...

Рассветало.

Клавдия следила за каждым движением Хельгерта. Через час... он поедет на фронт и будет сражаться, но не на той стороне.

Почувствовав на своих плечах руки Клавдии, Фриц обернулся. Еще раз крепко поцеловал ее в губы.

— Я приеду к тебе, в Вену, когда-нибудь, слышишь... к тебе! И ты станешь моей женой.

Клавдия старалась не заплакать. Она не имела права сказать ему, что его письма будут лежать здесь и на них никто не будет отвечать. Однажды он почувствует себя обманутым и вырвет любовь к ней из своего сердца. Нет! Нет! Товарищи, только товарищи могут помочь ей.

— Тебе уже пора на вокзал! — повторила Клавдия.

Хельгерт начал целовать ее руки. Хорошо, что Клавдия не пойдет на вокзал. По крайней мере, будет не так тяжело. Когда-нибудь он вернется к ней. Но когда?

— Между прочим, я много думал о нашем разговоре в Берлине.

Клавдия затаила дыхание.

— Помнишь, мы говорили о том, кто является героем...

Она едва заметно кивнула.

— Я полагаю, можно понять тех, кто бросает оружие по убеждению, сознавая, что лозунг «жизненного пространства» ложен. Потому что идти на верную смерть ради захвата территории — безумие.

Она прижалась к нему, внезапно уловив маленькую надежду.

Он тихо продолжал:

— Ты очень помогла мне тогда своими словами.

— Фриц...

— Да, Клавдия?

— Обещай, что ты будешь беречь себя!

Хельгерт несколько мгновений испытующе смотрел на Клавдию.

— Конечно.

— Ты должен вернуться!

Он закрыл ей рот долгим поцелуем.

Дверь бесшумно закрылась. Твердые шаги Фрица замерли.

С бьющимся сердцем Клавдия прислушивалась до тех пор, пока звуки шагов не потонули в уличном шуме.

Погруженная в свои мысли, Клавдия начала укладывать чемодан. Затем подошла к печке и сожгла удостоверение на имя Штеффи Линдмайер.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Адъютант осторожно перешагнул через патронный ящик, на котором лежали пропитанный кровью носовой платок, пистолет, обломок личного знака, солдатская книжка и несколько сигарет. Все, что осталось от человека. Он уселся на связку хвороста и, усталый до изнеможения, прислонился головой к одному из неструганных бревен, которыми были обшиты стены блиндажа.

Огонь в железной печке бушевал. Когда артиллерийские разрывы раздавались совсем рядом, блиндаж заполнялся зеленовато-голубым дымом, и огонь на несколько мгновений утихал. Свет от печки падал на испачканные глиной брюки убитого, на лицо коман-

дира дивизиона, рот которого то и дело подергивался. Лоб пересекла резкая складка. Глаза беспокойно бегали по карте.

Из деревни недавно притащили покойного обер-фенриха, который лежал теперь здесь. Его должен был забрать в тыл грузовик, привозящий продукты. За два дня до фенриха погиб офицер для поручений. Сегодня вечером для замены туда нужно будет отправить лейтенанта.

Командир тяжелого зенитного дивизиона капитан Дернберг выругался про себя. И надо же, чтобы именно ему выпало торчать в этом собачьем углу, где русские не дают покоя ни днем ни ночью.

До сих пор Дернбергу, можно сказать, везло. Пиррова победа немцев под Житомиром принесла ему золотой Германский крест. Сам он считал, что два орудия и треть личного состава, которые он потерял в бою, не такая уж высокая плата за орден.

Наконец немцы выдохлись. Причиной этого были решительные действия русских. А тут еще внезапная перемена погоды, происшедшая за несколько дней до рождества. Наступила оттепель. Вся местность за несколько дней превратилась в непролазное болото.

Капитан Дернберг взглянул на своего адъютанта:

— Когда он должен быть здесь?

Вопрос прозвучал угрожающе. Связные, сидевшие у выхода из землянки, насторожились.

Адъютант тяжело поднялся и вошел в узкий круг света:

— Такой огонь... Трудно сказать что-нибудь определенное.

— Если этот тип не прибудет до полуночи, я привлеку его к ответственности, отдам за трусость под суд. Это будет ему маленьким сюрпризом!

Адъютант недоуменно пожал плечами.

Земля дрожала от мощных разрывов тяжелых снарядов. С неторопливой планомерностью русские точным прицельным огнем стирали с лица земли небольшой лесок в нескольких километрах от передовой. Мокрые земляные черви упали с потолка на карту. Капитан инстинктивно смахнул их на разорванную шинель убитого.

Адъютант закурил сигарету:

— Господин капитан все еще считает целесообразным сохранять этот наблюдательный пункт у колхоза? Русские наверняка ударят по флангам. Не думаю, чтобы они пошли напролом. До сих пор все города они брали именно так.

— Запомните раз и навсегда: там, где стоит дивизион Дернберга, ни на флангах, ни где бы то ни было никто не отойдет ни на шаг.

«И это говоришь ты! — подумал адъютант. — Тебя самого я еще ни разу не видел на передовой, когда там пахло жареным». И ответил:

— Восьмидесятивосьмимиллиметровки должны бить по танкам. Значит, их надо поставить там, откуда могут появиться самоходки и танки, а вовсе не там, где русские минометы косят последних офицеров...

Кто-то откинул в сторону плащ-палатку, закрывавшую вход в блиндаж. Внутрь залетели куски земли. Пламя коптилок затрепетало, но постепенно успокоилось. Вошедший сбросил с головы капюшон маскировочного костюма.

— Арльт! — удивленно воскликнул адъютант.

— Разрешите доложить о возвращении из медсанбата и поздравить господина капитана с назначением командиром дивизиона! — Глаза Арльта сияли.

Дернберг, не глядя на лейтенанта, небрежно протянул ему руку:

— Спасибо. — Затем ледяным голосом сказал:

— Садитесь сюда!

Арльт поздоровался с адъютантом и молча присел на патронный ящик. Сейчас лейтенант выглядел гораздо мужественнее, чем до ранения.

— Вы, наверное, понимаете значение наблюдательного пункта у колхоза?

Взгляд лейтенанта неожиданно упал на неподвижно торчавшие сапоги убитого, с которых стекала грязная талая вода.

— Восточнее колхоза я жду атаку танков, которые пойдут прямо на нас.

Резкий тон Дернберга заставил лейтенанта склониться над картой.

— Ваша задача — своевременно обнаружить танки. Не исключено, что и лично вам придется отправиться к большевикам.

Глаза лейтенанта заметались и остановились на окровавленной повязке, скрывавшей грудь человека, который лежал без движения.

— Если русские перейдут в атаку, вы останетесь на месте. Позицию удерживать до последнего человека, чтобы штаб мог спокойно работать.

Внезапно зрачки лейтенанта расширились и уставились на восковое лицо мертвеца. Обер-фенрих... Колхоз... Позавчера офицер связи... Несколько часов назад казначей Зоммерфельд рассказывал ему об этом там, а теперь...

— Вы поняли?

Арльт обернулся и вскочил:

— Так точно!

Их взгляды встретились.

— Благодарю! — Слова Дернберга прозвучали резко.

«Вот что за несколько месяцев стало из партнера по скату. Он всегда казался таким веселым парнем. Товарищество! — Гримаса исказила лицо Арльта. — Хватит, и на нем можно поставить крест. Все».

Арльт вышел из землянки, стиснув зубы. Ему было страшно от неуверенности, которую он испытывал, и стыдно от унижения и сознания того, что его предали. Он решил поступить так, как собирался.

О героической и самоотверженной смерти у колхоза в угоду своему командиру дивизиона он и не помышлял.

Ночью беспокоящий огонь русской артиллерии и минометов не ослабевал ни на час. Он был таким же интенсивным, как и неделю назад. На рассвете, вопреки ожиданиям, стрельба внезапно затихла. Слышались лишь отдельные негромкие разрывы снарядов. К северу было несколько шумнее. А на юго-востоке грохотало вовсю.

«Может быть, русские хотят только выровнять линию фронта», — думал Дернберг.

— Вы не забыли, что завтра сочельник? — спросил он.

Адъютант изумился:

— Забыл.

— Скажите солдатам, пусть принесут сосновых веток да чем-нибудь их украсят. Постарайтесь раздобыть для меня на вечер пуншу. Едва ли найдете что-нибудь лучше.

— Так точно, господин капитан. Я поговорю с Зоммерфельдом. Может быть, он предложит что-нибудь поинтереснее.

— Пойду загляну, что делается снаружи. Сейчас, кажется, немного стихло.

Между березками уже пробивались первые лучи солнца. Капитан медленно шел через лес.

После получения Рыцарского креста акции капитана снова скакнули вверх. Это случилось десять дней назад. Дернберг получил из дивизии извещение, что суд в Гамбурге принял решение в его пользу, а ходатайство инженера Виланда Альтдерфера о пересмотре приговора по делу Дернберга отклонено. Суд установил, что свидетель Альтдерфер невменяем.

Дернберг потер руки. В дивизии ему дали понять, что после награждения его Германским крестом никаких помех для присвоения ему звания майора нет.

На подступах к городу было заметно небольшое движение. По едва видимой тропинке, которая вела от длинного разрушенного фабричного здания к башне, похожей на водокачку, пробирался мотоцикл. Низко над кронами деревьев летели два самолета. На северо-востоке между рекой и лесом были видны позиции минометов. Когда Дернберг огибал холм, идя к радистам, он не заметил ничего особенного.

Командир отделения радистов доложил: Арльт только что передал, что у колхоза снова все успокоилось.

Дернберг побрел обратно, вспоминая рождественские пироги.

Внезапно шквал огня накрыл позиции. Два прямых попадания по входу в землянку в клочья разорвали адъютанта. Обрушившиеся балки раздавили связного и труп обер-фенриха.

Капитан залег за толстым стволом березы и уткнулся лицом в землю.

В этот момент тяжелый снаряд разорвался в расположении коммутатора. В разные стороны взметнулись доски, катушки с проводами, проволока. Град снарядов обрушился на блиндаж связных, оставив после себя

лишь груду обломков и лужи крови. Не переставая грохотали разрывы. Там, где только что находилось отделение радистов, были лишь воронки, изуродованная аппаратура и стонущие раненые.

Продолжительный налет русской артиллерии вспахал весь холм.

«Прочь отсюда, только бы удрать от этих новогодних подарков», — думал Дернберг. Через несколько минут он уже был в открытом поле и сидел в глубокой воронке.

Земля буквально содрогалась от взрывов. Деревня утонула в клубах черного дыма. Из дальнего леса доносились лишь глухие разрывы. На юго-востоке из-за тумана и порохового дыма вообще ничего не было видно.

У Дернберга вдруг перехватило дыхание. Дрожащими руками поднес он к глазам бинокль. В районе главной линии обороны шли танки. Изображение плясало перед глазами. Сомнений не было: Т-34, да еще сколько! Русские перешли в наступление! В такую собачью погоду они наступают по всему фронту! Ведь их теперь не остановить! Кто знает, где находятся наши танки? А пушки? Не пройдет и часу, как русские автоматчики будут здесь, перед холмом, облепив, как гроздья винограда, грохочущие танки.

«Нужно будет приказать штабу сменить позиции. Ничего другого, как видно, не остается. Назад, на холм? Только бы унести отсюда ноги!»

Дернберг прыгал от воронки к воронке. Все быстрее и быстрее, пока не оказался в районе, где обстрела почти не было. Здесь он наткнулся на несколько немецких танков, которые полным ходом удирали на запад. Они удирали, так и не увидев противника.

Дернберг на ходу вскочил на командирский танк и примостился около башни. «Если кто-нибудь вообще выскочит отсюда, — думал он, — так это только танки». Позади образовался хвост из самых разнообразных машин. Сидевшие в них также надеялись, что им удастся избежать окружения.

Неожиданно русские открыли огонь по танковой колонне, но попаданий было мало. Дернберг еще сильнее прижался к башне.

Из-за низко нависших свинцовых туч вдруг выскочили штурмовики. «Черт бы их побрал!» — воскликнул

Дернберг и соскочил с танка, как только первые машины начали пикировать на колонну.

Большая часть немецких танков, пылая и дымя, застряла на заболоченном поле.

Дернберг попал под новый обстрел русской артиллерии. Прыжком он очутился в стрелковой ячейке, упав на скрюченное тело убитого унтер-офицера. Он тяжело дышал. «Я не хочу, чтобы снаряд разорвал меня здесь в клочья. Скоро здесь будут русские. Плен? Я? Никогда!»

Злорадная усмешка растеклась по лицу Дернберга. «Если война будет проиграна — горе тому, кто в ней участвовал. Поэтому все время надо держать нос по ветру: когда нужно — исчезнуть, а затем всплыть. Значит, я должен как можно быстрее выбраться из этого котла!»

Как только артиллерийский огонь прекратился, Дернберг поднялся. Затем набрал в легкие воздуха и выпрыгнул из воронки. Мозг его работал хладнокровно. Он бежал в сторону запада.

Фриц Хельгерт в забрызганной кровью форме лежал у въезда в покинутую деревню. Рядом с ним — Моммер и Шнеллингер. На другой стороне дороги — десятка два людей Хельгерта: телефонисты, радисты, вычислители, и среди них — Гейдеман и Зехтинг. Все, кто остался в живых. Хельгерт не знал, где теперь находятся его солдаты, которые были на огневой позиции. Может быть, их уже нет в живых. Массированный огонь русской артиллерии за день до этого вдребезги разнес батарею Хельгерта.

У Хельгерта пересохло в горле. Вдруг он вспомнил, как ему было жаль батарею, остававшуюся в России, когда он вместе с Круземарком ехал в поезде в Вену.

Через несколько дней уцелевшие батареи передали в распоряжение артиллерии резерва главного командования, а затем, используя многочисленные обходные дороги, срочным порядком перебросили под Житомир.

Хельгерт был счастлив, когда через несколько недель

вновь принял командование своей старой шестой, пополненной людьми из четвертой батареи.

Когда Хельгерт пожимал руку лейтенанту Гегенбаху, бои бушевали все в том же районе. А вскоре Красная Армия предприняла новое мощное наступление.

С потерей батареи в Хельгерте произошла решительная перемена. Он теперь думал лишь об одном: как спасти хотя бы часть своих людей. Только если они сдадутся вместе с ним, у них есть шанс избежать гибели.

Советские войска тем временем начали операцию по окружению Житомира, и все дороги, ведущие к городу с юга и с запада, а также почти все железнодорожные линии были перерезаны. Правда, на севере оставалась еще небольшая лазейка.

Бесконечные вереницы машин, боевой техники, людей и лошадей двигались из деревень, которые еще позавчера были тылом германского вермахта; они то и дело растекались по обе стороны дороги, как только начинался очередной артиллерийский обстрел, пытаясь укрыться на бесснежных лугах и полях.

Оставшиеся в живых пытались по одному, избегая колонн, вырваться на запад. Людям было безразлично, куда идти. Лишь бы идти.

Хельгерт чувствовал себя так легко, как с ним еще не бывало после первого сентября тридцать девятого года. Настало время, когда он сможет наконец бросить оружие.

Штурмфюрер-эсэсовец в каске, сдвинутой на затылок, неожиданно появился с другой стороны дороги и недоверчиво уставился на группу артиллеристов. Приставив автомат к бедру, он ждал.

— Какому чину соответствует этот чин в армии? — спросил Шнеллингер.

— Обер-лейтенанту, — механически ответил Моммер.

Эсэсовец заметил Хельгерта и, как заяц, прыгнул через дорогу.

— Сколько у вас людей? — быстро спросил он обер-лейтенанта.

— Посчитайте сами! — бросил Хельгерт.

Штурмфюрер огляделся.

— Пойдемте со мной к коменданту Бринкману. Ему подчинены все части, находящиеся в этом районе.

Артиллеристы не спускали глаз с командира бата-

реи, который медленно встал и перекинул автомат через плечо.

«Все части — это хорошо», — подумал Хельгерт и, сам того не желая, усмехнулся.

— Зехтинг, смотрите, чтобы тут был полный порядок!

— Так точно, господин обер-лейтенант!

Командный пункт штурмбанфюрера находился в центре деревни, в здании мастерской, вокруг которой в беспорядке стояли заржавленные сельскохозяйственные машины. Эсэсовцы в пестрых маскировочных костюмах полукругом окопались около здания. Кое-кто лежал в ячейках за домами. Хельгерт прикинул, что тут было не более пятидесяти — шестидесяти хорошо вооруженных солдат, которые, видимо, оторвались от какой-то части.

— Что за птицу вы там поймали? — гаркнул комендант, держа в руке чайный стакан, до краев наполненный шнапсом. У дверей стоял станковый пулемет.

— Вы, а ну-ка подойдите поближе! Нам нужны люди, чтобы таскать пулемет.

Обер-лейтенант небрежно вскинул руку к козырьку:

— Хельгерт.

— Бринкман. Вы видели танки у северного выхода из этой дыры?

Хельгерт кивнул и сел на что-то похожее на токарный станок. Начал рыться в карманах в поисках сигарет.

— Вы, видно, плохо разбираетесь в воинских званиях, обер-лейтенант? — недовольным голосом спросил эсэсовец и отпил большой глоток шнапсу.

— А вы, по всей вероятности, позвали меня сюда отнюдь не для того, чтобы сообщить об этом.

Вялым движением эсэсовец как бы отмахнулся от Хельгерта и опрокинул в рот остаток шнапсу.

— Послушайте, вы, артиллерист без гаубиц! Мы будем удерживать деревню. Удивлены, а?

— Отлично. — «Может быть, остальные любители удерживать деревню не так надрызгались, — подумал Хельгерт. — С ними надо держать ухо востро».

— И вы мне поможете. Вы и ваши люди.

— Я знаю, что части СС всегда способны на отчаян-

ные дела. Но может быть, вы все же поделитесь со мной своим планом обороны? Разумеется, в той части, которую я должен знать, чтобы выполнить свою задачу.

Эсэсовец смутился и медленно встал:

— Послушайте, вы, не стройте из себя дурачка!

Где-то неподалеку снова ударили танковые пушки. «Километрах в двух от северной окраины деревни», — прикинул Хельгерт.

Штурмбанфюрер качнулся несколько раз взад и вперед. Потом схватил обер-лейтенанта за плечи и потянул его к воротам.

— Мои люди удерживают центр деревни. Они-то и создадут заслон для любителей драпануть. — Он ухмыльнулся. — Удрать не удастся, господин обер-лейтенант. Этому делу мы обучены.

«Ах, вот о чем ты беспокоишься!» — подумал Хельгерт.

— Пойдемте со мной! — невнятно пробормотал Бринкман, ставя свой парабеллум на боевой взвод и засовывая его в оттопыренный карман маскировочной куртки. — Я вас просвещу.

Хельгерт окинул взглядом своих солдат и несколько раз поднял вверх правую руку. Затем подождал, пока Зехтинг не повел их.

Штурмбанфюрер шел, как на ходулях, широко расставляя ноги и насвистывая какую-то бравурную мелодию.

Эсэсовцы остались далеко позади. С окраины невооруженным глазом в открытом поле были видны русские танки. По подсчетам Хельгерта, их было по меньшей мере тридцать.

Бринкман долго не отводил взгляда от танков. Затем ткнул рукой в сторону пригорка, возвышавшегося примерно в четырехстах шагах от них:

— Вы с вашими головорезами окопаетесь там и будете сдерживать танки, когда они пойдут. Понятно?

— Зехтинг!

— Слушаюсь, господин обер-лейтенант!

— Скрытно выведите людей к пригорку! Мы с Гейдеманом подойдем позже.

Артиллеристы перебежками стали пробираться к пригорку.

Гейдеман сидел на земле в стороне и наблюдал за танками, которые время от времени стреляли с коротких остановок.

Штурмбанфюрер ехидно оскалился:

— Вашим парням только прикажи, а уж они сделают все, что надо.

— Что значит прикажи? Уж не думаете ли вы, что двадцать пять человек смогут долго сдерживать русские танки?!

Бринкман резко повернулся и выдохнул:

— Мне надоело ваше хныканье, понятно?! Вы отвечаете за то, чтобы ни один русский не подошел к деревне, понятно?! У меня нет желания рисковать тут своими людьми.

— Без толку я не стану рисковать ни одним своим человеком, — бросил обер-лейтенант.

Бринкман позеленел от злости:

— Вы что-то сказали?

— Без толку я не стану рисковать ни одним своим человеком. — Хельгерт произнес эти слова тихо, но в голосе его прозвучала решимость.

Штурмбанфюрер сделал один шаг к Хельгерту.

— Значит, вы отказываетесь выполнить мой приказ?! — прошипел он.

— Вы поняли меня совершенно правильно!

— Тогда я пристрелю вас своей рукой как изменника родины! — Эсэсовец вытащил пистолет.

Хельгерт сорвал с плеча свой автомат. Автоматная очередь заглушила и крик, и слабый хлопок пистолетного выстрела.

Штурмбанфюрер повалился на спину. Снег около него стал красным.

«Мои пальцы холодны, как сталь автомата, — подумал Хельгерт, — а я совершенно спокоен. Приказ, который я отдал самому себе, был важнее всех приказов, которые я до сих пор, не задумываясь, выполнял сам. Я отомстил за тебя, Эрдмансдорф, и за тех, кто ждет меня у пригорка, но это только начало».

Хельгерт оторвал взгляд от убитого и посмотрел в глаза Гейдемана:

— А ну, пошли отсюда!

Унтер-офицер вскочил.

Затем обер-лейтенант, не оглядываясь, широким ша-

гом пошел к видневшемуся впереди пригорку. Он провел своих солдат еще на несколько сот метров вперед, навстречу русским танкам.

Впереди горел хутор. Слева мерцали вспышки выстрелов. Все внимательно смотрели в ту сторону.

Гейдеман встал:

— Посмотрю, что там делается!

По грязным сугробам он вскарабкался на гребень. Но артиллерийский залп прижал его к земле.

— Осторожно, Гейдеман!

Тот, ухмыляясь, пошел дальше и вскоре нашел место, откуда была хорошо видна вся местность. Вдруг Гейдеман прислушался. С воздуха доносился какой-то шум. Бомбардировщики? Истребители? Штурмовики? Теперь наконец он разглядел: двухмоторные бомбардировщики. Они летели не очень высоко. Сейчас они накидают яичек в эту дыру.

Ефрейтор Моммер, лежа на спине, смотрел на русские самолеты. Но они почему-то не начинали бомбометания.

— Листовки, — коротко сказал он, когда увидел в воздухе белые крохотные листочки.

Потом протянул командиру батареи пачку сигарет и заметил:

— Был когда-то красивый город. Помните, господин обер-лейтенант, как в сорок первом мы входили в Житомир?

— Помню, Моммер, помню. Перед этим был последний концерт дивизионного оркестра. Играли «Вступление гладиаторов» и еще что-то.

— Как нам тогда, собственно говоря, удалось уберечь свои кости? — спросил ефрейтор некоторое время спустя.

— Слушайте, Моммер...

— Да нет, я просто так!

Хельгерт внимательно посмотрел на него:

— Тогда мы чувствовали себя героями. Никто и не предполагал, что все так может обернуться.

Моммер кивнул и бросил окурок в сторону:

— А мы все драпаем и драпаем.

«Этот тоже долго не навоюет», — подумал Хельгерт. Неожиданно его отвлекли чьи-то шаги.

Это вернулся Гейдеман.

— Помимо танков у русских есть еще минометы. Они спокойненько подтянули их. — Он отцепил от пояса фляжку и протянул ее обер-лейтенанту.

Хельгерт пил, пока его не затрясло. Натуральный картофельный шнапс. Но зато помогает, когда начинают пошаливать нервы. «И каким образом этот плут Гейдеман за несколько минут сумел достать его?!»

Обер-лейтенант задумался. «Не как, а для чего нам удалось уберечь свои кости? Так должен был бы спросить Моммер». Но разве смог Хельгерт правильно ответить ему? Сегодня? Он посмотрел в сторону русских танков. «Те-то наверняка знают для чего. А мы? Но взять хотя бы меня самого?

Для того, чтобы убить Баума, Бюргера, Зенфлебена, чтобы командовать и посылать людей на верную смерть?..

И еще беспокоился за свою офицерскую честь! Нет ее у меня с сентября тридцать девятого года! Что я вообще знаю? Только то, что я больше пальцем не пошевелю ради этого проклятого режима».

Неожиданно Хельгерт вспомнил Клавдию. Ведь из-за нее Баум так и не перебежал к русским. Именно из-за нее Хельгерт должен сейчас сложить оружие. Ради ее любви и ради нее самой.

«Солдаты, что лежали со мной, тоже хотели домой. А я велел расстрелять Эрдмансдорфа и сам лично скомандовал «Огонь!».

А сегодня утром этот случай с Бринкманом! Впервые в жизни я отказался выполнить приказ.

«Убийство товарища» — так это квалифицируется военным трибуналом. На «вынужденную оборону», как и на «неблагоприятное стечение обстоятельств», никто не обратит никакого внимания».

— Господин обер-лейтенант... — Вахмистр снова стоял перед Хельгертом.

— Да, Зехтинг?

— Если мы еще хотим выбраться отсюда, надо поторапливаться! — Зехтингу бросилась в глаза усмешка командира батареи и спокойствие, с каким тот огляделся вокруг.

Внезапно за деревней застрочили пулеметы. Эту трескотню прорезали несколько гулких выстрелов из пушек. Значит, все-таки танки! Может быть, они подошли с другой стороны?!

Хельгерт мгновенно поднес к глазам бинокль и стал смотреть в сторону эсэсовских позиций, которые виднелись кое-где на фоне снега.

Сомнений не было. Русские обошли деревню, и эсэсовцам пришлось теперь развернуться на сто восемьдесят градусов.

По полю в пятнистых маскировочных костюмах в беспорядке бежали солдаты. «Бегство на восток», — подумал обер-лейтенант. Через секунду в самом центре бегущих произошел разрыв. Несколько человек упали. Один солдат бился на снегу.

Хельгерт опустил бинокль. Меньше чем в километре от него к деревне двигались советские танки. С каким-то странным, необъяснимым чувством наблюдал Хельгерт за их продвижением.

По пригорку и по ложбине снова стреляли пушки. Сила огня нарастала с каждой минутой.

Командир батареи поднял руку. Это был условный сигнал, которого давно ждали.

Немного помедлив, солдаты, как кошки, вскочили на ноги и, пробежав несколько сот метров, снова залегли. «Хороший нюх у старика», — думали они.

Обер-лейтенант оглядел всех. Они думали, наверное: «Если мы, старые фронтовики, захотим, то выберемся отсюда. Пусть даже в самую последнюю минуту. Иначе и быть не может!»

Важно преодолеть каких-нибудь пять километров! Русские пока еще не овладели Житомиром. «Если мы окажемся там раньше их, путь на запад будет свободен». Так думали те, кто все еще цеплялся за старую затасканную надежду: «Фюрер нам поможет!» Они цеплялись за чудо, которого не могло произойти. Геббельсовская пропаганда уже не раз сулила им так много чудес...

«А разве я сам не вдалбливал им в головы подобную мысль?!» — думал обер-лейтенант. Но на лицах Зехтинга, Гейдемана, Моммера и Шнеллингера можно было прочитать совсем другое: «То, что делаешь ты, — самое правильное; мы — с тобой, будь что будет!» Они, как

и многие другие, устали от этой бессмысленной войны, продолжать которую было просто безумием.

Главное — не испугаться того, что произойдет в ближайшие часы! Терять им нечего, а выиграть можно все. Отныне мы не сторонники Гитлера. Мы не хотим лизать ему сапоги.

Ефрейтора Моммера обуял такой же страх, как в ту ночь, когда погибли обер-лейтенант Крюгер и Эбергард Баум. Тогда Моммер любой ценой хотел оказаться в безопасности. Но страх перед пленом все время держал его в состоянии неуверенности. Теперь он не хотел еще раз ползти через зловонную трубу, чтобы на другой стороне насыпи снова натолкнуться на русские штурмовые группы. Он не хотел больше цепенеть от страха перед внезапно появлявшимися Т-34. Он не хотел, чтобы огонь своего боевого охранения заставлял его ночью бросаться прямо в грязь. Он не хотел больше даже слышать о военно-полевом суде. Он хотел наконец обрести уверенность в своем будущем и твердо решил перейти к русским, даже если такая мысль не придет в голову другим.

Ефрейтор Моммер был достаточно умен, чтобы не задавать в этой суматохе рискованных вопросов. Плен — плохо. Но в то же время это единственное средство спасти свою жизнь. Ведь когда-нибудь эта бойня кончится, и тогда он спокойно вернется домой.

Там, где ударные клинья советских батальонов все ближе и ближе подходили к Житомиру, плотной завесой стоял дым. Бесновался огонь стрелкового оружия. Полки немецкой моторизованной пехоты лихорадочно пытались развести клещи, но русские упорно продвигались вперед.

Обер-ефрейтор Шнеллингер равнодушно взирал на это страшное представление и спокойно отрезал кривым складным ножом ломоть хлеба от буханки.

«Легкий хлеб», — подумал он. Во Франции и России он ездил с полковником Круземарком в «вездеходе» этаким франтом. Каждую ночь спал в приличной квартире и всегда имел какую-то долю, хоть и небольшую, из того барахла, которое он «организовывал» для господина полковника и офицеров командного пункта. Что значит «организовывал»? Воровал! Грабил! Надо же когда-нибудь называть вещи своими именами.

Шнеллингер раньше не задумывался над этим. Но ведь когда-нибудь за все это придется расплачиваться. Теперь счет предъявлен, и он не хотел увиливать. Есть ли у этих, там, впереди, что-нибудь пожрать? Ох ты боже мой, какое ему до этого дело! Пусть каждый сам думает о себе. А русские? Разве у них всегда было что поесть?

Задумавшись, он откусывал кусок за куском. Кто даст ему следующий ломоть хлеба? Очень может быть, что коммунисты. Послушай, парень, это надо серьезно обдумать!

Бывая с Круземарком в командировках, он видел много лагерей в Германии. О Польше нечего и говорить. Ему всегда действовало на нервы, когда пленных перегоняли из одного лагеря в другой. В башмаках на деревянной подошве, опираясь на самодельные палки, тащились они по пыльным дорогам. Драные штаны, подвязанные бумажной бечевкой. Иногда потрепанное пальто, все в грубых заплатах. На спине — мешок с жалким скарбом. На поясе болтаются пустые консервные банки — их посуда. Изможденные, как скелеты, вечно голодные. Дряблая кожа в цыпках и болячках; на лицах — неизгладимые следы недугов. Их безучастные глаза все время смотрят в одном и том же направлении — они всегда видят только колючую проволоку и часовых, куда бы ни погнал их приказ.

К числу таких же людей, тоскующих по дому, выходит, скоро будет принадлежать и он — вместе с миллионами, которые уже наверняка там. Но что делать? Через это придется пройти и ему.

Быть может, он станет работать в каком-нибудь селе, как крестьянин. Поля повсюду, где похозяйничала война, выглядели страшно. А большинство мужчин, конечно, на фронте.

Хоть таким путем, может быть, удастся немного загладить причиненное зло.

Несколько разрывов тяжелых снарядов и вой осколков отвлекли от нерадостных мыслей обер-ефрейтора Шнеллингера, разбудили дремлющий инстинкт самосохранения. Он втянул голову в плечи, надел каску, которую давно уже не надевал, и методично дожевал хлеб.

В овражке, в нескольких десятках шагов к западу,

еще лежало несколько человек из других подразделений.

Мало кто уцелел из тех, кто прошел через эту преисподнюю.

Вахмистр Зехтинг, этот рассудительный кадровый солдат из Вестфалии, посмотрел на заходящее солнце.

«Завтра канун Нового года. Русские наверняка используют и этот последний день, чтобы поскорее взять город. Сегодня Житомир они, пожалуй, не возьмут, даже если еще раз ринутся на него, собрав все силы. Но когда имеешь дело с русскими, никогда не знаешь заранее, что они предпримут. Если арийцы сейчас опять драпанут, то так же неотвратимо, как «аминь» в церкви, появятся оливково-зеленые стальные жуки с сидящими на них штурмовыми группами. И тогда останется только одна возможность: сорваться с места — и полным ходом из этой петли! Это момент, который предстоит еще пережить. А может быть, есть какой-нибудь другой выход из положения?

Интересно, а что думают другие? Например, обер-лейтенант Хельгерт? Этот сорви-голова, которого не берет ни пуля ни осколок, пожалуй, мог бы сегодня же без труда вывести наш отряд. Почему он, собственно, тогда так странно ухмыльнулся?»

Зехтинг потянулся за одной из бесчисленных листовок, которые валялись вокруг или кружились под порывами ледяного вечернего ветра. «Дай-ка посмотрю», — решил он и, чтобы совладать с волнением хотя бы в первые минуты, принялся медленно читать, шевеля губами:

> «Немецкие солдаты и офицеры! Вы окружены! Все ваши попытки вырваться из окружения обречены на провал.

И мы говорим вам: солдаты Красной Армии не питают к вам ненависти. Сложите оружие и сдайтесь в плен, предъявив этот пропуск первому красноармейцу, который вам встретится!

Никто не будет в вас стрелять!

Сохраните свою жизнь для ваших родных и близких, которые будут благодарить вас, когда вы после войны живыми и здоровыми вернетесь к себе домой!

Многие ваши земляки, солдаты и офицеры, уже поняли, что бессмысленно умирать за Гитлера и его клику,

которые хотят ввергнуть народы мира в рабство и нищету!

Кончайте бессмысленное кровопролитие, и вы обретете лучшее будущее!»

Зехтинг быстро залег, когда совсем рядом раздалось несколько разрывов. Лежа он начал размышлять: «Интересно, как будет в Германии, когда в один прекрасный день замолкнут пушки? Города разрушены. Повсюду поросшие травой руины. Насколько хватает глаз. Повсюду нужда... и старые фронтовики — калеки! С увядшими лицами. В течение нескольких лет люди будут жить чисто животными интересами. Каждый будет лишь механически исполнять свои обязанности. Хилость, пессимизм, разочарование — таким будет будущее. Тогда, в тридцать втором, когда Зехтинг, как кадровый солдат, подписал контракт на двенадцатилетнюю службу в рейхсвере, жизнь рисовалась ему по-другому. Ему надоела безработица. Он решил надеть мундир и приобрести уважение, а затем с удостоверением на право занятия гражданской должности стать чиновником где-нибудь в управлении юстиции или таможенным инспектором. Это была его мечта. Даже представление его к званию обер-вахмистра и то сейчас задержалось. Но Зехтинг все время гнал от себя эту мысль, считая, что, как кадровый унтер-офицер, он, как никто, обязан безропотно выстоять. «Кончайте бессмысленное кровопролитие!» — стояло в этой листовке. А где же путь к новой Германии?»

Артиллерийский огонь оторвал Зехтинга от мыслей. Зехтинг чувствовал, что напряжение возросло до предела.

Он снова уставился на мокрый от снега лист. Ниже в листовке помещалось обращение немецких солдат и офицеров, которые сдались в плен и теперь призывали своих земляков сделать то же самое.

Зехтинг читал одну фамилию за другой. Вдруг глаза его остановились, потом еще раз пробежали по одной и той же строке.

Он посмотрел на обер-лейтенанта. Тот щепкой чертил на снегу кривые линии и, видимо, как и все, ждал, когда начнет смеркаться.

Нетвердым шагом вахмистр подошел к Хельгерту и молча протянул ему листовку.

Хельгерт без интереса взглянул на нее.

— Послушайте, Зехтинг, неужели мы не в состоянии принять решение и без этой листовки? Мы же оба не дети, все давно как следует продумали!

Обер-лейтенант испытующе посмотрел на вахмистра, смял листовку и бросил ее.

Зехтинг покачал головой, осторожно поднял листовку с земли и разгладил на колене. Затем поднес ее к лицу командира батареи, указывая пальцем на одну из подписей.

Хельгерт нехотя начал читать. Вдруг буквы заходили у него перед глазми. Черным по белому было написано: «Унтер-офицер Эбергард Баум, шестая батарея... артиллерийского полка».

Зехтинг, не дожидаясь, пока Хельгерт что-то скажет, обернулся и закричал:

— Ребята! Эбергард Баум жив! Он подписал эту листовку!

Ефрейтор Моммер круто повернулся, в широко раскрытых глазах застыло удивление:

— Баум жив?!

«Я же был рядом с ним, — думал он. — Совсем близко, а потом я отполз в сторону. Правда, я говорил, что Эбергард убит, но где-то в глубине души меня все же грызло сомнение. Баум жив! Если бы я мог увидеть его!»

В разговор вмешался Гейдеман:

— Это еще ни о чем не говорит. Подписи могли сделать по солдатским книжкам убитых. Ничего, скоро мы сами будем иметь возможность убедиться, как это делается! — он мельком взглянул на командира, который лежал всего в нескольких метрах. «Что это, он даже кивает в знак согласия?!»

— Верно, Гейдеман. Этот шанс есть и у вас! — Хельгерт еще раз ободряюще кивнул.

Унтер-офицер подумал: «Я, кажется, сказал лишнее и наверняка влип в историю. Но что я теряю? Кроме очередного отпуска, которого и так не получишь, да капральских нашивок едва ли что-нибудь еще. Или обер-лейтенант именно это и хотел сказать?» Хельгерт был бледнее обычного, но казался спокойным.

«А ловко он ухлопал этого эсэсовца. Стойка-ка, парень! А быть может, командиру эта война тоже осточертела? Старик тоже хочет остаться в живых. А что, если

он сейчас прикажет нам построиться — и поведет нас к иванам?!»

Русские снова начали обстрел, но Хельгерт, казалось, ничего не замечал и все еще держал листовку в руке. Одна мысль владела им: Клавдия!

«Я буду искать Баума, где бы он ни был, и найду его. Буду искать. Я должен рассказать ему все. Мне не стыдно будет признаться, Эбергард, что твои поиски и твои сомнения разбудили меня. Может быть, именно твои упреки в день, когда погиб Зенфлебен, помогли мне понять все. А Клавдия? Я не собирался отбивать ее у тебя. Когда мы снова очутимся дома, она объяснит тебе это сама. Мы любим друг друга, Эбергард, любим вопреки всему!»

— Господин обер-лейтенант, русские перенесли огонь артиллерии в глубину. Сейчас они начнут наступление!

Перед ним было испуганное лицо ефрейтора.

Кто-то с лязгом загнал магазин в автомат.

— Кто хочет к фюреру, пусть поторапливается! Слышали? — Хельгерт обвел взглядом знакомые лица подчиненных. — Остальные ко мне! — прокричал он звонким голосом, который прозвучал как призывный сигнал.

Вдали рокотали моторы русских танков.

Зехтинг поднял вверх правую руку, потом несколько раз махнул ей в сторону и заорал, как на учениях:

— В укрытие!

«Он меня понял, — обрадованно подумал обер-лейтенант. — Зехтинг со мной!»

Теперь удивленные взоры солдат были направлены на Хельгерта. Лишь несколько солдат вскочили, перепрыгнули через гребень, еще раз растерянно посмотрели назад и побежали со всех ног. Первые уже достигли дна ложбины.

— Предатель! — раздался чей-то истерический выкрик. Но он прозвучал слабо и одиноко.

Лязг танковых гусениц становился все громче. Словно по невидимому приказу, надвигался он на исчезающие силуэты.

Обер-лейтенант выпрямился. Он не видел тех, чья свобода будет состоять отныне только из нового насилия и новых поражений, даже если они уйдут отсюда живыми. Он не видел и ясно различимых теперь серо-корич-

невых фигур в стальных касках. Он видел только тех, которые решились.

Он пересчитал их: ...девять, десять. Нет, всего одиннадцать человек. Среди них Зехтинг, Гейдеман, Шнеллингер и Моммер. Они свалили свое оружие в кучу.

Для них, как и для него, это решение было нелегким.

Гейдеман разгладил свой грязный носовой платок и привязал его к стволу карабина. Затем подполз к вершине холма, поставил карабин и обложил приклад большими камнями. Белый платок затрепетал на ветру.

Разрывы снарядов переместились в сторону, лишь изредка раздавались винтовочные выстрелы.

Кто-то бежал по самому дну ложбины, то исчезая за кустами, то снова появляясь. Человек беспрестанно оборачивался.

Хельгерт видел его удивительно четко, словно в стереотрубу. Вдруг он затаил дыхание, инстинктивно вытянул вперед руки, словно хотел защитить себя от страшного противника. «Это невероятно! Это бред, плод фантазии! Дернберг?! Капитан-зенитчик Курт Дернберг? Не может быть?!»

Сильный взрыв швырнул Хельгерта на землю. Бежавший человек тоже упал, но, быстро вскочив на ноги, рванулся к нему... Нет, пробежал мимо.

Это был штурмфюрер-эсэсовец, но только без каски. Взмокшие от пота волосы прилипли к искаженному от страха лицу. Он бежал как угорелый.

Хельгерт, тяжело дыша, провел ладонью по глазам.

Танки медленно приближались, заслонив собой далекий горизонт.

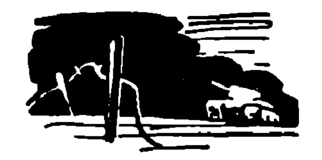
«Почему в августе, когда я всего лишь на несколько часов попал в плен, я так боялся русских? Они меня накормили, перевязали». Перед ним стояли насмешливые глаза молодого врача. «Теперь этот страх уже позади, — думал он. — Наверняка именно они помогут мне найти новую дорогу».

Танки были уже в нескольких сотнях метров от ложбины, совсем близко.

Хельгерт подошел к своим солдатам, которые в этот момент, видимо, впервые до конца поверили ему.

И впервые они спокойно смотрели на стальные громады танков с красной звездой на башнях, которые двигались прямо на них.

Белый платок призывно развевался на ветру.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Глава первая 5

Глава вторая 25

Глава третья 41

Глава четвертая 54

Глава пятая 61

Глава шестая 69

Глава седьмая 81

Глава восьмая 87

Глава девятая 99

Глава десятая 110

Глава одиннадцатая 129

Глава двенадцатая 142

Глава тринадцатая 159

Глава четырнадцатая 168

Глава пятнадцатая 202

Глава шестнадцатая 212

Глава семнадцатая 234

	Стр.
Глава восемнадцатая	247
Глава девятнадцатая	259
Глава двадцатая	278
Глава двадцать первая	298
Глава двадцать вторая	310
Глава двадцать третья	333
Глава двадцать четвертая	363
Глава двадцать пятая	375

Гюнтер Хофе
КРАСНЫЙ СНЕГ
М., Воениздат, 1965, 400 с.

Редактор *Афанасьев Г. Г.*
Литературный редактор
Канищева Т. И.
Художник *Сотсков Г. А.*
Технический редактор
Медникова А. Н.
Корректор *Жильцова Т. В.*

Сдано в набор 25.12.64 г.
Подписано к печати 1.3.65 г.
Формат бумаги 84×108[1]/[32] — 12[1]/[2] печ. л. =
=20,500 усл. печ. л. 21,054 уч.-изд. л.
Тираж 65 000. Т. П. 65 г. № 178
Изд. № 10/6269. Зак. 636.

1-я типография
Военного издательства
Министерства обороны СССР
Москва, К-6, проезд
Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 1 руб. 20 коп.